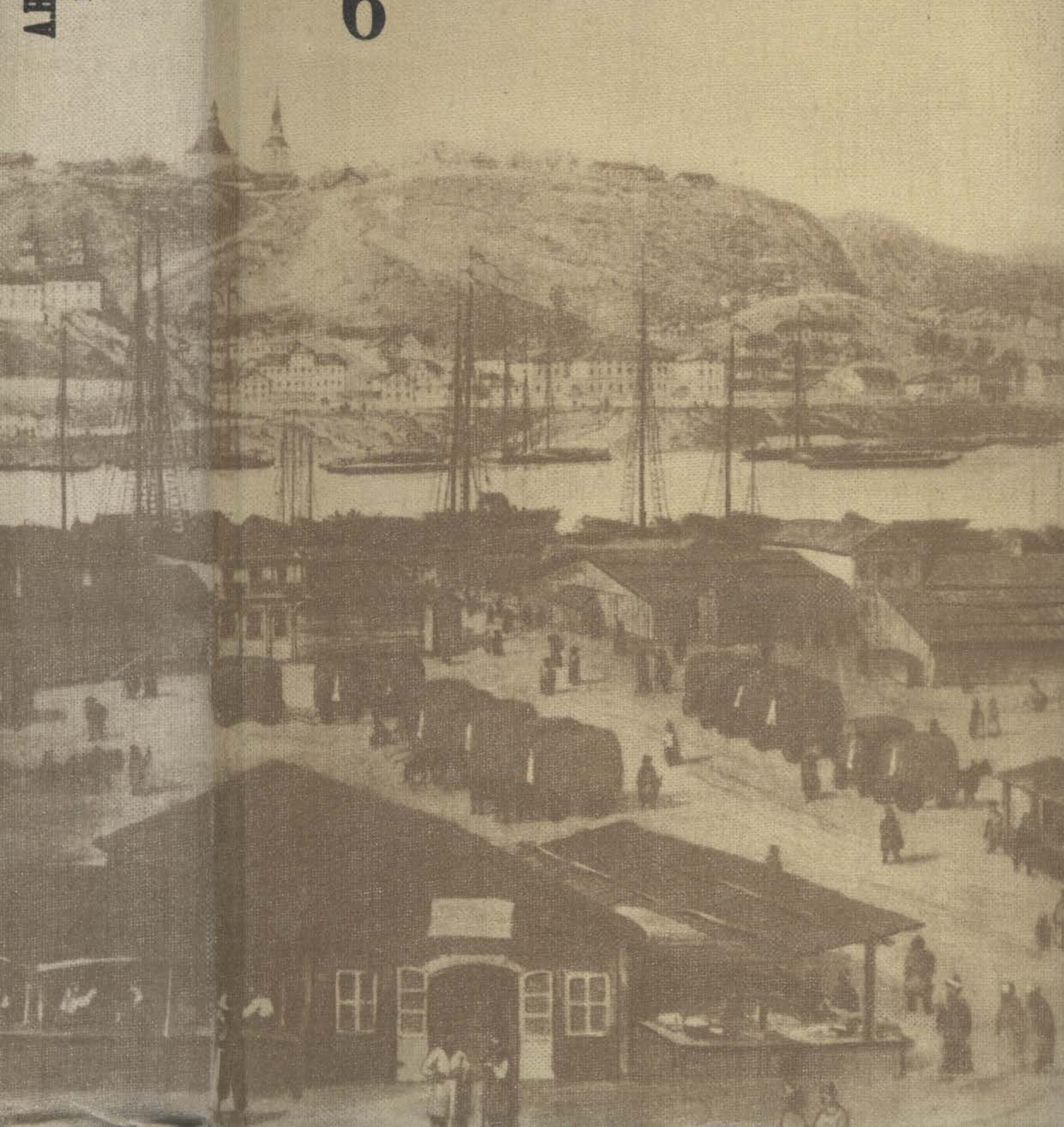
А.Н.ОСТРОВСКИЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ

6

А.Н.ОСТРОВСКИЙ
ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
6

А.Н.ОСТРОВСКИЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ДВЕНАДЦАТИ ТОМАХ

А.Н.ОСТРОВСКИЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ДВЕНАДЦАТИ ТОМАХ

Под общей редакцией
Г. И. Владыкина
И. В. Ильинского
В. Я. Лакшина
В. И. Маликова
П. А. Маркова
А. Д. Салынского
Е. Г. Холодова

МОСКВА
«ИСКУССТВО»
1976

А.Н.ОСТРОВСКИЙ

6

ПЬЕСЫ

(1861—1865)

МОСКВА
«ИСКУССТВО»
1976

Р1
О-77

Подготовка текста
Т. Орнатской

Комментарий
Л. Лотман
Т. Орнатской
Г. Степановой

Редактор тома
Л. Лотман

А.Н.ОСТРОВСКИЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ДВЕНАДЦАТИ ТОМАХ

ТОМ 6

Редактор И. С. Гракова
Художественный редактор Л. И. Орлова
Технический редактор Н. С. Еремина
Корректор Н. Я. Корнеева

Сдано в набор 17/II 1976 г. Подписано в печать 29/VII 1976 г. Формат издания 84×108$^{1}/_{32}$. Бумага типографская № 1. Усл. печ. л. 32,026. Уч.-изд. л. 30,116. Изд. № 12 974. Тираж 80 000 экз. Заказ 3905. Цена 1 р. 60 к. Издательство «Искусство», 103051 Москва, Цветной бульвар, 25. Ордена Трудового Красного Знамени Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова «Союзполиграфпрома» при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, 113054, Валовая, 28

Островский А. Н.
О-77 Полное собрание сочинений. В 12-ти т. Под общ. ред. Г. И. Владыкина и др. Т. 6. Пьесы (1861—1865). Подг. текста Т. Орнатской. Коммент. Л. Лотман и др. М., «Искусство», 1976.

608 с.; 1 л. с портр.

В настоящий том включены две исторические пьесы А. Н. Островского — «Козьма Захарьич Минин, Сухорук» и «Воевода (Сон на Волге)» — и незаконченная волшебная сказка «Иван-царевич», а также вторые редакции исторических пьес, печатающиеся в «Вариантах». В «Приложениях» печатаются сценарий сказки «Иван-царевич» и стихотворения разных лет.

70600-174 / 025 (01)-76 **подписное** **Р1**

А. Н. Островский
60-е годы

ПЬЕСЫ

Драматическая
хроника
в пяти
действиях,
с эпилогом,
в стихах

(1611—1612)

КОЗЬМА ЗАХАРЬИЧ МИНИН, СУХОРУК

⟨Первая редакция⟩

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

(25 августа 1611 года)

ЛИЦА:

КОЗЬМА ЗАХАРЬИЧ МИНИН, СУХОРУК
земский староста Нижнего посада.

ИВАН ИВАНОВИЧ БИРКИН
стряпчий, присланный в Нижний Ляпуновым для совету.

ВАСИЛИЙ СЕМЕНОВ
дьяк, старый человек.

АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ ПОСПЕЛОВ
боярский сын.

ПЕТР АКСЕНОВ
старик, богатый торговый человек.

БАИМ КОЛЗАКОВ
стрелецкий сотник.

РОМАН ПАХОМОВ
боярский сын

РОДИОН МОСЕЕВ
посадский
} гонцы из Москвы.

ВАСИЛИЙ ЛЫТКИН
(лет пятидесяти)

ПАВЕЛ ТЕМКИН
(лет тридцати пяти)

СЕМЕН ГУБАНИН
(около двадцати)
} торговые люди.

ГРИША
юродивый мальчик.

ПАВЛИК
(писчик), писарь Биркина.

МАРФА БОРИСОВНА
богатая вдова.

ВСЯКИЕ ЛЮДИ НИЖЕГОРОДСКИЕ ОБОЕГО ПОЛА.

Часть Нижнего посада, близ Кремля; направо и налево — деревянные лавки, на заднем плане — деревянный Гостиный двор, за ним видна гора и стены Кремля; налево, в заднем углу, на пригорке, башня и ворота в Кремль. Направо продолжение Нижнего посада. Вдоль лавок деревянные мостки с навесом для пешеходов, у растворов скамьи и раздвижные стулья.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

В Гостином дворе торговцы *в лавках и у лавок; проходит* народ, *некоторые останавливаются и покупают разные вещи. Слышны голоса: «Здесь рукавицы, шапки, кушаки! Гляди, зипун! Из Решмы, с оторочкой».* Петр Аксенов *сидит на скамье у своей лавки (крайней справа).* Василий Лыткин *входит, отпирает крайнюю лавку с противоположной стороны; заставляет ее скамьей и подходит к Аксенову.*

Аксенов.

Здорово ль, кум?

Лыткин.

Здорово, Петр Аксеныч.
Тебя как милует господь?

Аксенов.

Спасибо!
Живем-таки. Что господа гневить!
Откуда, Вася?

Лыткин.

С низу, из Казани;
Да позамешкался в дороге малость.
Домашние здоровы ль?

Аксенов.

Все здоровы.

Лыткин.

Не слышно ль из Москвы каких вестей?

Аксенов.

Хорошего немного!

Лыткин.

Да уж где нам!
Не до хорошего теперь, Аксеныч!
Поменьше бы худого, так и ладно.

Аксенов.

Толкуют много. Может, что и есть
Новее, только хуже уж навряд ли.

Лыткин.

А что?

Аксенов.

Да якобы, грех наших ради,
Святого патриарха Ермогена
Михайло Салтыков да вор Андронов
С его вселенского престола свергли
И в тесном заточении томят.
(Тихо.)

Толкуют, что Михайло Салтыков
Ножом на патриарха замахнулся,
И проклят им отныне и до века.
Собака!

Лыткин.
Ой! Ужли? Ах, грех какой!

Аксенов.
Как терпит праведный господь злодеям!

Лыткин.
Беда нам, Петр Аксеныч, всем беда!
Вот до чего дожить нам привелося!
Я вот боюсь, у нас-то все ли тихо?

Аксенов.
Здесь тишь да гладь, да божья благодать.
Как за стеной живем за воеводой
Алябьевым. Дай бог ему здоровья!
Да и в народе смуты не слыхать;
Мордва да черемиса задурила,
Да присмирела.

Лыткин.
Что Кузьма Захарьич?

Аксенов.
Душой болезнует, скорбит. Сам знаешь,
Не радует ничто. О земском деле
Печалится один за всех.

Лыткин.
Здоров ли?

Аксенов.
Бог милует. Кузьма Захарьич дорог
Нижегородцам. За его здоровье
Все молимся. Он твердо, неослабно
За веру православную стоит;
По площадям да по базарам ходит;
Разумными речами утверждает
В народе крепость!

Лыткин.
Что и говорить!
Радетель!

Аксенов.
Диво это, брат Василий,
Как умудрил его господь речами!
Нас, стариков, к себе сбирает на дом,
Да и беседуем до поздней ночи:
Ты, как дурак, сидишь, разиня рот,

Вот так тебя слеза и прошибает,
Все слушал бы, кажись, и не ушел бы.
Вот какова его беседа!

Лыткин.

Что же
Он говорит такое?

Аксенов.

Эх, брат Вася,
Зачем тебе чужое дело знать!
Чай, своего довольно!

Лыткин.

Не чужие
Ни ты, ни он; свои, чуть не родные.

Аксенов.

Свои-то мы свои, да вот что, друг:
Уж очень это дело-то велико,
А у тебя язык некстати долог.
А, веришь ли, так душу и мутит,
Когда святое дело осрамляют
Речами праздными. Зело противно!
Как если пес какой нечистым рылом
Нанюхает на трапезе хлеб-соль,
Так всё одно и это.

Лыткин.

Я, Аксеныч,
Вот видит бог, ни слова!

Аксенов.

Не божись!
Ну, слушай; да язык-то за зубами
Подерживай! Затеи-то велики,
А что даст бог, увидим. Сам ты знаешь,
Что вера гибнет, что ругатель-враг
Нас одолел, что православным тесно,
Что стон и плач сирот и горьких вдов,
Как дымный столб, на небеса восходит.
Вот, глупый человек, мы и толкуем,
Что легче смерть от острия меча,
Чем видеть, как ругаются святыней;
Вот и толкуем, как бы ополчиться
Да либо помереть уж, либо Русь
От иноземцев и воров очистить,
От всякой погани.

Лыткин.

Аксеныч, страшно!

В разор нас разорят и животишки
Пограбят все; куда с детьми деваться!
Не трогают, так и сидеть бы смирно.
Куда уж лезть!

А к с е н о в.
Да ты крещен аль нет?
Аль животы тебе дороже веры?
А братия? А слезные писанья
Из-под Москвы? И это ничего!
Пусть умирают, нам тепло да сыто?

Л ы т к и н.
Не обижай! Я о́т миру не прочь.
Уж коли все, и я.

А к с е н о в.
Смотри, Василий!
Рцы слово твердо и назад не пяться.

Подходят Т е м к и н и Г у б а н и н.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Т е ж е, Т е м к и н и Г у б а н и н.

Т е м к и н *(Лыткину)*. А, живая душа! Воротился? За барышами ездил, с татарами торговал?

Г у б а н и н. Как ему не торговать!

Т е м к и н. Хорошо ли съездил? Чай, мошну-то туго наколотил?

Л ы т к и н. Да, наколотил, как же! Ты спроси, свои-то целы ли. Нажил добра! На харчи не хватило.

Г у б а н и н. И как это тебе только не стыдно людей морочить! Вестимо, даром не поедешь! Что мы тебя ограбим, что ли?

Л ы т к и н. Не к тому, друг, что ограбишь. Где ограбить! А вот, право тебе, как перед истинным...

Т е м к и н. А я вот что скажу: доведись мне, я бы тебя ограбил.

Л ы т к и н. Что ты, что ты! В своем ли ты разуме?

Т е м к и н. Да уж ограбил бы: верно говорю. За то за самое, что денег у тебя больше всех, а ты всё сиротой притворяешься.

Л ы т к и н. Нечего в чужой мошне считать, ты считай в своей!

Г у б а н и н *(увидав Поспелова, который выходит из Кремля)*. Вон Алексей Михайлович идет.

Т е м к и н. Вот душа-человек. Нужды нет, что из боярских детей, а много проще нашего брата будет.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Т е ж е и П о с п е л о в.

А к с е н о в.

Куда гулять изволишь, Алексей
Михайлович?

П о с п е л о в.

Пришел тебя проведать.

А к с е н о в.

Спасибо! Ты отколь?

П о с п е л о в.

Я из собора.
Вестей несу; да только не взыщите,
Не много радости. Роман Пахомыч
Да Родион Мосеич прибежали
Из-под Москвы, отписки привезли.

А к с е н о в.

Ты видел их?

П о с п е л о в.

Нет, не видал; Кузьма
Захарьич сказывал. К нему и стали.
Сряжаются на воеводский двор
Несть грамоту от патриарха.

А к с е н о в.

Чудо
Великое творится. Божьи люди
Между врагов бестрепетно проходят
К святому патриарху и разносят
По всей земле его благословенья
И грамоты.
Ну, Алексей Михайлыч,
Уж худо ль, хорошо ли,— не томи,
Рассказывай, какие слышал вести.

П о с п е л о в.

Прокоп Петрович Ляпунов убит
Казаками.

А к с е н о в.

Да что же за напасти
Такие!

Г у б а н и н.

Вот беда-то, вот поруха
Для дела земского!

А к с е н о в.

Кабы не ты
Рассказывал, ни в жизнь бы не поверил.

Л ы т к и н.

Теперь такое время, Петр Аксеныч,—
Хорошему не верь, а что дурное
Услышишь, это, брат, уж верно, правда.

Т е м к и н.

Так подошло, хоть не живи на свете!

А к с е н о в.

Бедам конца не видно. Знать, господь
Нам прегрешений наших не отпустит
И до конца нас хочет погубить.

П о с п е л о в.

Да, Петр Аксеныч, времена плохие!
Москва разорена, в народе шатость
Да рознь, за что стоять не знают;
Цалуют крест неведомо кому!

А к с е н о в.

Еретикам, латинцам да ворам,—
Кому попало.

П о с п е л о в.

Новгород великий
Из Швеции царевича зовет;
А сын Жигмонтов, Владислав царевич,
В Москву идет; во Пскове новый вор,
Такой, что и сказать-то непригоже;
Маринкин сын, Ивашко, тоже царь.

А к с е н о в.

А что же рать, что под Москвою в сборе?
Что воеводы?

П о с п е л о в.

Розно разошлись —
Которые домой, другие грабить.
Что воры не успели, то они
У православных христиан растащат.

А к с е н о в.

Ужли ж совсем оставили Москву?

П о с п е л о в.

Остались под Москвой два воеводы:
Князь Трубецкой да атаман Заруцкий.

А к с е н о в.

А что ж они?

П о с п е л о в.

Они-то? Целовали

Псковскому ведомому вору крест.

Все пошатнулись.

А к с е н о в.

Наше место свято!

Вбегает ю р о д и в ы й.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Т е ж е и ю р о д и в ы й.

А к с е н о в.

Откуда, Гриша?

Ю р о д и в ы й.

Ась?

А к с е н о в.

Откуда, мол?

Ю р о д и в ы й.

В монастыре обеденку стоял,

И панихиду пели, поминали...

А к с е н о в.

Кого?

Ю р о д и в ы й.

Раба Прокофья.

А к с е н о в.

Упокой,

Господь, в святых твоих селеньях душу

Раба Прокофья!

В с е.

Упокой, господь!

Ю р о д и в ы й.

Он, говорят, был добрый. Я поплакал

И помянул. Подайте на дорогу!

П о с п е л о в.

Прими!

(Подает и уходит в лавку с Аксеновым.)

Л ы т к и н.

Аль ты куда собрался, Гриша?

Ю р о д и в ы й.

Далёко. Длинная дорога; встанет —

Так до неба достанет. Всё песками

Сыпучими, да темными лесами
Дремучими.

Л ы т к и н.

Куда ж дорога, Гриша?

Ю р о д и в ы й.

К честным обителям.

Л ы т к и н.

Один пойдешь?

Ю р о д и в ы й.

Нет, много, много.

Л ы т к и н.

Что он говорит?
Сулит дорогу, а куда? Известно,
Одна дорога; значит, все помрем;
И, надо полагать, что это вскоре.

Г у б а н и н.

Нет, надо быть, что о другой дороге
Он говорит.

Т е м к и н.

Его не разберешь;
Убогой он у нас и малоумной.

Ю р о д и в ы й *(со слезами)*.

Нет! Вот что: храмы там без богомольцев,
Без пения. Подайте на дорогу!
(Бежит по сцене.)

Все расходятся по лавкам. Входят Б и р к и н и С е м е н о в.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

С е м е н о в и Б и р к и н.

С е м е н о в.

Ну вот, Иван Иваныч, твоего
Отца и благодетеля не стало.
Всем горе, а тебе, чай, вдвое.

Б и р к и н.

Что ж!
Все под богом. Слезами не поможешь.
Всех мертвых не оплачешь.

С е м е н о в.

Это так;
А все-таки тебе он благодетель,
Понеже в люди вывел, дал дорогу.

Биркин.

Сам виноват, гордыня обуяла,
Да и к тому ж с казаками не ладил.

Семенов.

И по писанию, блажен тот муж,
Кто к нечестивым на совет не ходит.
С ворами как же ладить! Не бери
Греха на совесть! Лихом поминать
Не след тебе такого воеводу.
Его ж убили, он же виноват!
Не говори! Грешишь, Иван Иваныч!

Биркин.

Кого ж винить? Бояр?

Семенов *(со вздохом)*.

И не бояр.
Нам осуждать бояр не подобает,—
Мы молоды с тобой и худородны.
А виноват во всем злохитрый враг,
Злокозненный диавол, ненавистник
Спасенья нашего. Он искони
Враждует, искони злоумышляет
Расхитить божье стадо и украсть
И погубить вконец. Его-то действом
Междоусобие и рознь меж нами,
Вражда и ложь и дьявольская прелесть.
И в прелести смятеся вся земля.

Биркин *(оглядываясь)*.

А в Нижнем шатости не замечаешь?

Семенов.

Нет, бог хранит пока.

Биркин.

А знаешь что?
Ведь Нижний — ключ всей Волги; за него бы
Король Жигмонт иль Владислав царевич
Нам дорогую цену заплатили,
Кабы привесть к присяге. Воеводой
Быть можно. А тебя в Москву, в дьяки,
В любой приказ.

Семенов.

Ты шутишь аль смеешься?

Биркин.

Как хочешь понимай!

Семенов.

Как понимать!
Изменником я не был и не буду,
И с дьяволом быть в доле не хочу.
Зане отступникам страшна кончина!
Идут во ад, и во святых церквах
Поминовенья о таких не будет,
И приношенья неприятны богу,
И будет им мученье без конца.

Биркин.

Я пошутил с тобой.

Семенов.

Иван Иваныч,
Шути с кем помоложе. Этих шуток
Я не люблю, они подвалом пахнут.

Биркин.

Ну, не сердись! не любишь, так не стану
Шутить с тобой; нам ссориться не след:
Неладно в Нижнем.

Семенов.

Полно, что пугаешь,
Иван Иваныч; как тебе не грех!

Биркин.

И знаешь, кто у нас заводит смуту?

Семенов.

Кому же заводить?

Биркин.

Кузьма Захарьев.

Семенов.

Не верю, быть не может.

Биркин.

Погоди,
Дай срок, увидишь сам. Всегда толпою
За ним народ валит, всё шепчут что-то
И по ночам сбираются к нему.

Семенов.

Нет.

Биркин.

Ты не спорь со мной; разведай лучше!

Семенов.

Да нет же, говорю.

Биркин.

Не ошибись!

Семенов.

Не ошибусь я в этом человеке.
Кузьму я знаю вдоль и поперек:
Он боек на язык, упрям и дерзок,
В дела мешается, за всех заступник;
А все-таки души он не продаст;
Сгрубить — сгрубит, а смуты не затеет.

Биркин.

От грубости до мятежа далеко ль?
Я не люблю, кто бойко говорит.

Семенов.

Да у меня ведь горлом не возьмешь!
Я не ему чета, молчать заставлю.

Биркин.

На то мы власти, чтобы нас боялись;
Мы черный люд, как стадо, бережем,
Как стадо, должен он повиноваться.

Семенов.

Я при царе Иване начал службу,
В дьяках состарелся и поседел.
Уж мы с Кузьмой не первый год воюем;
Ты слово, а он десять, да зуб за зуб.

Биркин.

Наскочит на меня, так будет помнить.

Семенов.

Ну, и тебя-таки честит изрядно,
И за глаза все Тушиным корит,
А тушинцам у нас почету мало;
На Волге их не любят.

Биркин.

Не беда!
Насильно мил не будешь! Уж народец
У нас на Волге! Нечего сказать!
Новогородским духом так и пахнет.
Некстати говорливы! Вот ты здешний,
Не тушинский, а тоже говорят,
Что ты берешь посулы, что с живого
И с мертвого дерешь, не разбираешь.

Семенов.

Да кто же говорит?

Биркин.

А всё Кузьма.

Семенов.

Не верь, Иван Иваныч! Все напрасно;
Посулов не беру. Он злым поклепом
Меня обносит. Да ты сам ли слышал?

Биркин.

Сам слышал.

Семенов.

Не снесу такой обиды.
Пойду челом ударю воеводе.

Биркин.

Я говорю тебе, что он мятежник,—
С народом шепчет, а властей ругает;
Небось, без умыслу? Да кто ж поверит!

Семенов.

Его теперь и знать я не хочу,
Ругателя. Не вымолвлю ни слова,
Хоть вешайте.

Биркин.

А ты пока молчи,
Умей скрывать обиду; дожидайся
Поры да времени. Он не уйдет
От наших рук, запомни это слово.
Я сторожа к нему приставил, знаешь,
Павлушку; он хоть зайца сследит;
Волк травленый, от петли увернулся.
Он из дьячков из беглых, был в подьячих,
Проворовался в чем-то; присудили
Его повесить, он и задал тягу.
Теперь веревки как огня боится.

Семенов.

Да может быть, и не своей виной
В беду попался?

Биркин.

Мне какое дело!
Хоть висельник, да только бы служил.
Ну, и писать горазд, мне то и нужно.
Да мы еще с тобою потолкуем.
Куда пойдешь отсюда?

Семенов.

На Оку,
Стерлядок искупить недорогих бы.

Биркин.
Так вместе и пойдем! И я туда же.

Уходят. Из Кремля выходит Минин, за ним несколько посадских.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же и Минин.

Голоса. Кузьма Захарьич идет! Кузьма Захарьич идет!

Аксенов, Поспелов, Лыткин и несколько торговцев выходят из лавок.

Минин *(Лыткину)*.
А, милый человек! Как поживаешь?
Лыткин.
Нешто-таки, живем; а всё тоска,
Кузьма Захарьич. Веришь ли ты, руки
От дела отымаются, и хлеб
На ум нейдет!
Минин.
Да, годы испытанья
Наслал господь.
Лыткин.
Всё боязно, Кузьма
Захарьевич. Не знаю, что и делать,
Да как и быть!
Минин.
Надеяться на бога
Да денежку на черный день пасти!
Аксенов.
Скажи нам что-нибудь, Кузьма Захарьич!
Минин.
Дурные вести из Москвы.
Аксенов.
Мы знаем.
Минин.
Мне бог гостей послал. Роман Пахомыч
Да Родион Мосеич, по старинной
Любви и дружбе, стали у меня.
Рассказами всю душу истерзали.
В Москве неладно; надо так сказать,
Что хуже не бывает. Владиславу

Одни последствуют, другие вовсе
Передались Жигмонту. Хоть и мало
Таких отступников, да страхом сильны.
И те, которые за патриарха,
Стоят не явственно, беды боятся.
А на него-то наша вся надежда,
Он наше утверждение и столп,
Он твердый адамант в шатаньи общем,
Он Златоуст второй, громит бесстрашно
Предателей. От нашей стороны
Он ждет спасенья русскому народу,
И из темницы умоляет нас
Стоять за веру крепко, неподвижно.
Пахомову не раз он говорил:
«Спасенье русское придет от Волги.
Хороший, говорит, и чистый край!
Снеси ты им мое благословенье!»
Не обессудьте, что сказал вам мало!
У самого-то в голове неладно;
Прокоп Петрович из ума нейдет.
Пойдем-ко потолкуем, Петр Аксеныч!
(Кланяется на все стороны.)

Все расходятся по лавкам. Минин и Аксенов всходят на мостки и садятся на скамью подле лавки Аксенова. Поспелов стоит у лавки. С Нижнего посада выходят Колзаков и трое стрельцов.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Те же, Колзаков и стрельцы.

Колзаков и стрельцы *(поют)*.

Нам на Волге жить,
Всё ворами слыть;
На Яик идти,
Переход велик;
Под Казань идти,
Грозен царь стоит.

Колзаков *(увидя Минина)*.

А! Бог тебя люби, Кузьма Захарьич!

Минин.

Ступай своей дорогой!

Колзаков.

Аз есмь бражник!

Минин.

Я вижу.

Колзаков.

Видишь, а не осуждай!
Я старый человек.

Минин.

Тебе же хуже!

Колзаков.

Нельзя не пить; такое время! Вот что!
Ты думаешь, я с радости; я с горя.
Расстройство! Не возьмешь ничем! А помнишь,
Как помоложе был, так дело делал;
Царю Ивану царства покоряли.
А что теперь! Ходили с воеводой,
И бились тоже, крови не жалели;
А с чем пришли? В глаза-то людям стыдно
Глядеть. Какой я воин, братец! Срам!
И что мы за́ люди! Прощенья просим!
(Отходит со стрельцами на другую сторону.)

Стрельцы *(поют)*.

Нам идти ль, не идти ль
На Иртыш на реку,
На Иртыш на реку,
Под Тобол-городок.

Скрываются. Выходит Марфа Борисовна, за ней две женщины оделяют деньгами нищих. Минин идет к ней навстречу.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Те же и Марфа Борисовна.

Марфа Борисовна.

А я тебя ищу, Кузьма Захарьич!
Ты у обедни был?

Минин.

Привел господь.
Пока есть силы, каждый день бываю,
Не пропускаю.

Марфа Борисовна.

Панихиду слушал?

Минин.

Я панихиду сам и заказал.

Марфа Борисовна.

Уж ты прости меня! Сама не знаю,
Что говорю. Уж кто же, как не ты!

Вот горе-то на нас, Кузьма Захарьич!
(Плачет.)
Ведь я не знала.

Минин.

Ночью весть пришла.

Марфа Борисовна.

Как услыхала в церкви, обмерла;
Стою, себя не помню; позабыла,
Что помянуть-то надо. Прихожу
Домой к себе, сижу да разливаюсь;
Как будто только мне и дела; точно
Я не хозяйка в доме. Да уж после
Хватилась. Разогнала всех людей
По бедным, оделить хоть понемногу
Да звать обедать. Приказала стряпкам
Для нищей братии обед готовить.
Зайди, Кузьма Захарьич, да зови,
Кого увидишь; вместе помянули б
Чем бог послал.

Минин.

Благодарю за ласку.
А уж не знаю, как тебе сказать!
Есть дело земское; от патриарха
Гонцы сегодня прибежали ночью;
Так надо бы на воеводский двор
Идти. Чай, позовут.

Марфа Борисовна.

Так ты попозже!
Уж очень скучно; хоть поговорить бы,
А то изныло сердце.

Минин.

Всё от думы,
Дела не радуют. Я и пришел бы,
Да у меня у самого-то гости:
Из Решмы мужичок, из Балахны,
Да из Москвы. Гостей таки довольно.

Марфа Борисовна.

Покорно просим и с гостями!

Минин.

Ладно!

Марфа Борисовна.

Я очень рада буду, буду ждать.
Пока прощай!

Минин.

Прощенья просим, Марфа
Борисовна! Благодарю за память!

Марфа Борисовна уходит. Аксенов и Поспелов выходят к Минину. Павлик пробирается в лавку к Лыткину.

Поспелов.
Об чем это, Кузьма Захарьич, Марфа
Борисовна с тобою говорила?

Минин.
К себе звала.

Поспелов. Пойдешь?

Минин. Нельзя нейти.
Ее грешно обидеть! Приходите
И вы!

Аксенов.
Святая женщина. Не много
Таких на белом свете наберется.
Вся жизнь ее есть господу хвала.
Во младости цветущей овдовела,
И с той поры, что день, то новый подвиг.
Спроси сирот, спроси убогих, нищих,
Чьей милостью и сыты и одеты,
Чья ласка красит горькие их дни!
Да еще плачет, что не всем доходит
Ее копейка.

Поспелов. Кто ж ее не знает!

Аксенов.
На вольном свете много лет я маюсь;
А, что грешить, не приводилось видеть
Такого дива. Баба молодая,
Живет в миру, без мужа, без опоры,
Без старших; а чернице не уступит
Смирением, пощеньем и молитвой.
И весела всегда; печальным видом
Мирских людей обидеть не желает.
Другой ханжа, так всем нарочно кажет
Свой тощий облик, я-де вот пощусь.
Вот иногда сберутся наши бабы,—
Ну, праздничное дело, уж известно,
Не все-то трезвы — к ней-то и пристанут:
«Да выпей с нами!» — «Рада б, говорит,
Да я вчера, признаться, согрешила:

С подругой всё сидела, да тянула
Я мед, такой-то сладкий показался,
Не утерпела. Нынче не просите!»
Она, чтоб не обидеть их, а те
Смеются сдуру, весело им, видишь;
Их полку прибыло. А ей до меду ль!
Какой тут мед! И мяса-то не ест.
Гляди, всю ночь молилась со слезами,
Во власянице, в тереме своем,
С бессчетными поклонами земными.
А утром весела, на пир идет.
Они смеются, а она, голубка,
И рада, что ее не очень хвалят.
Сама не пьет, а любит угостить:
Я бражничал у ней таки довольно.
Ступайте, братцы! Что ж, коли зовет,
Уважить надо.

Минин. Мы пойдем. А ты?

Аксенов.
Недужится, уж стар. Был помоложе,
Так по гостям ходил; теперь и дома
Так только впору. Может, и приду,
Коль удосужусь да не разнедужусь.
(Уходит в лавку.)

Поспелов.
Кузьма Захарьич! я к тебе с поклоном,—
Заместо батюшки родного будь!
Мне жизнь не в жизнь: с утра до поздней ночи
И с вечера до утренней зари
Всё об одном я думаю-гадаю,
Одно мне сна-покою не дает.
Ты наведи меня на ум — на разум,
Прямую путь-дорогу покажи!

Минин.
О чем тоскуешь?

Поспелов. Как бы это молвить?
Такое дело,— и сказать-то стыдно,
И утаить-то грех перед тобой.
Иль бес мутит, иль уж судьба такая,
Такой предел на долю вышел. Марфа
Борисовна всё из ума нейдет.
Поверишь ли, всё я об ней жалею.
Мне жаль ее, что сиротой живет,
Одна, как перст, никто не приласкает,

Печаль-заботу не с кем поделить.
Ну, кто ее, сиротку, приголубит
И по-родному крепко обоймет?
Она о бедных плачет, слезы прячет,
А я об ней. Гляжу, да всё боюсь,
Чтоб на нее и ветер не повеял,
Осенний дождь не канул на лицо,
Чтоб не озябла, ног не замочила.

Минин.
Так любят да жалеют только жен;
А то грешно. Ты ей самой сказал ли?

Поспелов.
Не раз, не два мы с нею говорили,
Отказом не обидела меня.
Не обещает, да и прочь не гонит.

Минин.
Такое ль время, Алексей Михайлыч!

Поспелов.
Да что мне время! Жить и умирать
Уж лучше вместе. Годы подошли,
Кузьма Захарьич, мне нужна хозяйка.
Ей двадцать лет, а мне уж скоро тридцать;
Она богата, да и я не беден;
Мы ровни по годам и по всему.
Поговори ты ей! Заставь меня
Навечно богу за тебя молиться!
Честна вдова, а мужняя жена
Еще честней в дому благочестивом.

Минин.
Придется к слову, я поговорю.
(Уходит в лавку Аксенова.)

Павлик и Лыткин выходят из лавки; к ним постепенно подходят из других лавок и проходящие.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Павлик и Лыткин.

Павлик. Ох дела, дела! Как сажа бела!

Лыткин. Так ты верно знаешь, что королевич скоро будет в Москве?

Павлик. Кабы не верно, я бы, друг любезный, и не говорил. Нам ли с Иван Иванычем не знать! Мы люди чиновные, грамотные; а вы что! Чéрнеть!

Лыткин. Что ж потом с нами будет, как королевич придет в Москву?

Павлик. А то и будет, что спросит: «Кто мне слуги верные?» Ему скажут, а он будет их жаловать. «А кто, спросит, нам супротивники?» Скажут на нас, ну, и пошлет королевич рать-силу великую, без числа, и не оставят камня на камне.

Один из толпы. Вяземский подходил, да много ли взял!

Павлик. Что ты знаешь! С огненным боем придут, как тут устоять!

Лыткин. Разор, братцы.

Павлик. Всё может быть, всё может быть. Так не лучше ли нам заблаговременно... *(Увидав Минина, который с Поспеловым вышел из лавки, говорит что-то шепотом.)*

Минин.

Постой! Что за народ? О чем толкует?
Того и жди, что смута заведется.
Из воровских полков с подсылом много
Народу набегает; не усмотришь,
Проезжий город. А, да это наш,
Из биркинских людей, Павлушко-писчик.
Негодный человечишко, за ним
Глядеть да и глядеть! Что за охота
Держать такую дрянь, не знаю, право!
Послушаем-ко, что он там толкует.

Подходят к толпе.

Голоса из толпы. Ну, что ж ты замолчал? — Что язык-то прикусил?

Павлик. Я живу с краю, ничего не знаю, мое дело сторона. *(Убегает.)*

Минин.

Что он молол?

Голоса из толпы.

Да много говорил.—
Про королевича.— Да разореньем
Все нам грозит.

Лыткин.

Такие страсти
Наговорил, не знаешь, что и делать.

Минин.

Как только вам не грех воришек слушать,

Бездельных, шлющихся! Развесьте уши,
Им на руку, они тому и рады.
Их много изрыгнул на Русь святую
Огнедыхательный диавол, поядатель
Душ человеческих, злохитрый змей.

Голоса из толпы.

Да кто ж ему поверит! — Зря болтает! —
Учи нас, вразумляй, Кузьма Захарьич!

Минин.

Одно вы помните и зарубите,
Что мы клялись креста не целовать
Ни Владиславу, ни кому другому
Из иноземцев; ждать, кого на царство
Пошлет господь и выберет земля.
Нам государь — великий патриарх,
Другого нет у нас. Что скажет — свято.

Народ.

Что нам прикажет, то и будем делать.

Минин.

Сегодня от него пришли гонцы.
Мы грамоту прочтем и вам объявим
Его приказ и земское решенье.

Вбегают несколько человек.

Один из них.

Отписки из Москвы! Гонцы с вестями!

Голоса из лавок.

Куда идут?

Один из вновь пришедших.

На воеводский двор.

Другой.

Письмо от патриарха Ермогена.

Площадь наполняется. Входят Роман Пахомов и Родион Мосеев.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

⟨Те же⟩. Роман Пахомов и Родион Мосеев.

Родион Мосеев.

Честны́м нижегородцам из Москвы
От разоренных и плененных братий
Поклон мы правим низкий, до земли.
(Кланяется.)

Все кланяются.

Роман Пахомов.
Честному духовенству, воеводам
И всем, и старшим и молодшим людям
Благословение от патриарха.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

СЦЕНА I

ЛИЦА:

БИРКИН.

СЕМЕНОВ.

МИНИН.

АКСЕНОВ.

ТЕМКИН.

ГУБАНИН.

НАРОД.

Место в Кремле близ воеводского дома.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Темкин и Губанин и несколько народа стоят возле дома. Аксенов выходит из дома.

Темкин. Что, Петр Аксеныч, об чем читали?

Аксенов. Великий господин наш патриарх пишет, чтобы паньина Маринкина сына, Ивашку, на царство нам отнюдь не хотеть, и чтобы были мы в любви и в соединении и промышляли бы, как души свои положить за веру. Да и на словах про то же приказывал Роману Пахомычу да Родиону Мосеичу.

Темкин. Что ж вы так долго?

Аксенов. Много разговору было. Кузьма на одном стоял, что грех нам сложа руки сидеть; а надо, как ни есть, промышлять на супостата.

Темкин. Что ж воеводы?

Аксенов. Не давали ему путем слова вымолвить. А пуще Биркин да Семенов,— оборвали, обругали.

А за что? Диви бы он о своем деле радел! Вот какова злоба-то в человецех!

Т е м к и н. Доведись мне, я бы с ними поговорил. Я бы их отчитал; так бы и вцепился.

Г у б а н и н. Как им не грех! Как это они бога-то не боятся! Ах, страм какой! Как это у людей стыда нет в глазах!

Выходят из дому Б и р к и н, С е м е н о в и М и н и н.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Т е ж е, Б и р к и н, С е м е н о в и М и н и н.

С е м е н о в.
Наслушались мы вдоволь разговору
Сегодня. Сыт ли ты, Иван Иваныч?

Б и р к и н.
По горло сыт. От ваших разговоров
Завяли уши.

С е м е н о в.
Ну, Кузьма Захарьев,
Спасибо за науку! Угостил
Нас, дураков, разумными речами;
Так и сидели все, развеся уши,
Да слушали.

Б и р к и н.
Ну, как его не слушать:
Он всех умней! Ишь, краснобай какой!

М и н и н.
Не помню я, что говорил; быть может,
Кого обидел словом. Не вините;
Не сам я говорил, кровь говорила.

С е м е н о в.
Обидеть не обидел, грех сказать;
А насказал довольно, не уложишь
В большой мешок.

Б и р к и н.
Да кто же виноват?
Мы сами дали волю, так и слушай!
А он и рад.

М и н и н.
Да кто же запретит
Мне говорить?

С е м е н о в.
Да всякий, кто постарше.

Минин.

За веру провославную стою,
Не за дурное что. Молчать нельзя мне.

Семенов.

Ведь ты еще не воевода! Скажут,
Чтоб говорил — так говори что хочешь;
А скажут: замолчи! — так замолчишь.

Минин.

Не замолчу. На то мне дан язык,
Чтоб говорить. И говорить я буду
По улицам, на площади, в избе,
И пробуждать, как колокол воскресный,
Уснувшие сердца. Вы подождите,
Я зазвоню не так. Не хочешь слушать,
Я не неволю: не любо — не слушай,
А замолчать меня заставить трудно.
Я не свои вам речи говорил:
Великий господин наш, патриарх,
Того же просит. Пусть нас бог рассудит,
Кто прав, кто виноват. Вы не хотели
Поверить мне; смотрите, не пришлось бы
Вам каяться.

Семенов.

Тебе поверить? Ишь ты,
Чего ты захотел! Ты будь доволен,
Что слушали, молчать не заставляли.

Биркин.

Да из избы не выгнали тебя.

Уходят, и за ними все, исключая Минина и Аксенова.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Минин и Аксенов.

Минин.

Знать, им не жаль ни крови христианской,
Ни душ своих. Какая им корысть!
Самим тепло, а братию меньшую
Пусть враг сечет и рубит, да и души
Насильным крестным целованьем губит.
Просил я их со многими слезами,
Какую ни на есть придумать помощь,—
И слышать не хотят. Не их, вишь, дело.
Так чье же?

Аксенов.

Не надейтеся на князи!

(Уходит.)

Минин.

И вправду. Нам теперь одна надежда
На бога. Помощи откуда ждать!
Кто на Руси за правду ополчится?
Кто чист пред богом? Только чистый может
Святое дело честно совершить.
Народ страдает, кровь отмщенья просит,
На небо вопиет. А кто подымет,
Кто поведет народ? Он без вождя,
Как стадо робкое, рассеян розно.
Вождя, печальника о нас, убили
Изменой адской. Где искать другого?
Нет помощи земной, попросим чуда;
И сотворит господь по нашей вере.
Молиться надо! В старину бывало,
Что в годы тяжкие народных бедствий
Бог воздвигал вождей и из народа.
Не за свои грехи, а за чужие
Он переносит тягостную кару.
Избит, ограблен! Нынче сыт с семьей,
А завтра отняли сухую корку,
Последнюю, что берегли ребятам;
Сегодня дома, завтра в лес беги,
Бросай добро, лишь о душе заботься,
Да из кустов подглядывай, что зверь,
Как жгут и грабят пóтом нажитое.
Поймают — силой приведут к присяге,
Кривить душой, крест вору целовать.
Да и не счесть всех дьявольских насилий,
И мук непереносных не исчислить!
И все безропотно и терпеливо
Народ несет, как будто ждет чего.
Возможно ли, чтоб попустил погибнуть
Такому царству праведный господь!

* * *

Вон огоньки зажглись по берегам,
Бурлáки, труд тяжелый забывая,
Убогую себе готовят пищу.
Вон песню затянули. Нет, не радость
Сложила эту песню, а неволя,

Неволя тяжкая и труд безмерный,
Разгром войны, пожары деревень,
Житье без кровли, ночи без ночлега.
О, пойте! Громче пойте! Соберите
Все слезы с матушки широкой Руси,
Новогородские, псковские слезы,
С Оки и с Клязьмы, с Дона и с Москвы,
От Волхова и до широкой Камы.
Пусть все они в одну сольются песню
И рвут мне сердце, душу жгут огнем
И слабый дух на подвиг утверждают.
О, господи! Благослови меня!
Я чувствую неведомые силы,
Готов один поднять всю Русь на плечи,
Готов орлом лететь на супостата,
Забрать под крылья угнетенных братий
И грудью в бой кровавый и последний.
Час близок! Смерть злодеям! Трепещите!
Из дальнего Кремля грозит вам Минин.
А если бог отступит от меня
И за гордыню покарать захочет,
Успеха гордым замыслам не даст,
Чтоб я не мнил, что я его избранник,—
Тогда я к вам приду, бурлаки-братья,
И с вами запою по Волге песню,
Печальную и длинную затянем.
И зашумят ракитовы кусты,
По берегам песчаным нагибаясь;
И позабудет бросить сеть рыбак,
И в тихом плесе на челне заплачет;
И девка с ведрами на коромысле,
Идя домой извилистой тропинкой,
Оглянется с горы и станет слушать,
И, рукавами слезы утирая,
Широкие измочит рукава;
Бурла́ки запоют ее под лямкой
И балахонцы за своей работой
Над новою расшивой с топорами.
И понесется песня, и прольется
Из века в век, пока стоит земля.

О, господи! Грешу я; мал я духом,
Смел усомниться в благости твоей!
Нет, прочь сомненья! Перст твой вижу ясно.

Со всех сторон мне шепчут голоса:
«Восстань за Русь, на то есть воля божья!»
(Уходит.)

СЦЕНА II

ЛИЦА:

МАРФА БОРИСОВНА.

ДОМНА
старуха.

МИНИН.

АКСЕНОВ.

ПОСПЕЛОВ.

ИВАН КУВШИННИКОВ
сотник из Балахны
ГРИГОРИЙ ЛАПША
крестьянин из Решмы
} предводители восстания на Волге.

ЮРОДИВЫЙ.

ДЕВУШКИ.

Просторная бревенчатая светлица. В правой стене два маленьких окна; на левой стороне перегородка с решетчатым расписным верхом; в конце перегородки узенькая дверь; за дверью резной и расписной столб, в котором утвержден верхний брус перегородки; прямо за столбом и до самого угла изразцовая печь; в задней стене выходная дверь; по задней и по правой стене лавки; с правой стороны большой дубовый стол; у перегородки небольшая приставная скамья; у задней стены несколько пяльцев. Лавки, полки, косяки с резьбой.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Входят Домна, юродивый, девушки и потом Марфа Борисовна.

Домна.

Ну, девушки, примайтесь за работу!

Девушки садятся за пяльцы.

А ты, убогонький, у нас ночуешь —
Что по дворам проситься, на ночь глядя!
Пойдешь к заутрени, и нас разбудишь.

Юродивый садится к печке. Марфа Борисовна выходит в задумчивости из-за перегородки и садится на скамью с левой стороны.
Домна садится у ног ее на низенькой скамейке.

Д о м н а.

А ты бы нам сказала что-нибудь.
Ишь, память-то какая золотая!
А у меня так словно решето;
Что ни услышу, тут же и забуду.
Ты давеча не досказала утром
Нам про царевича, как открывали;
Вот, благо время, доскажи теперь!

М а р ф а Б о р и с о в н а.

Да, девушки, произволеньем божьим,
И в наше время чудо совершилось.
И говорят, всё цело: ожерелье
Жемчужное, шириночка в руке
Тафтяная, вся золотом расшита
И серебром, кафтанчик на хребтах
На беличьих и сапожки́; всё цело...
Да горсть орешков; как его убили,
В руках держал орехи; обагрились
Орешки кровью; так и положили
С ним вместе. Вот какое чудо было!
Перенесли из Углича в Москву,
Там и стоит, и многих исцеляет.

Молчание.

Д о м н а.

Замолкли. Тихий ангел пролетел.

М а р ф а Б о р и с о в н а.

Чем молча-то сидеть, так лучше спойте
Нам «О пустыне» стих душеполезный,
Любимый мой.

Д о м н а.

Благое дело — славить
На всякий день и час господне имя,
Да и работа, говорят, спорится
За пением благочестивым. Пойте!

Д е в у ш к и *(поют)*.

Пустыня прекрасная!
Меня многогрешную,
Как чадо свое, прими,

Любимая мать моя,
В пристанище тихое,
В безмолвные недра свои!

Чертоги высокие
И ризы богатые
Меня от грехов не спасут.

Богатства и почести
Все тленны и суетны,
Не станут со мною на суд.

Луга твои тихие,
Цветы испещренные,
И красен, и дивен твой сад!

Деревья кудрявые
И листьё зеленое
В пустыне без ветра шумят.

Останавливаются. Все прислушиваются.

Д о м н а.
Стучится некто.
М а р ф а   Б о р и с о в н а.
Отопри поди!

Девушки собирают работу. Д о м н а уходит и скоро возвращается.

Д о м н а.
Гостей веду. Идет Кузьма Захарьич.
М а р ф а   Б о р и с о в н а.
Один или ведет кого-нибудь?
Д о м н а.
Какие-то незнаемые люди.
М а р ф а   Б о р и с о в н а.
Подите, девушки!

Д е в у ш к и уходят. Входят М и н и н, К у в ш и н н и к о в и Л а п ш а.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

М а р ф а   Б о р и с о в н а, Д о м н а, М и н и н, К у в ш и н н и к о в, Л а п ш а и ю р о д и в ы й.

М а р ф а   Б о р и с о в н а.
Покорно просим.
(Домне.)
А ты поди да принеси медку!

Д о м н а уходит.

М и н и н.
С гостями; уж не осуди!
М а р ф а   Б о р и с о в н а.
И, что ты!
М и н и н.
Иван Кувшинников, из Балахны,
Начальный человек; а это Гриша

Лапша, из Решмы, тоже воевода.
Взял мужичков, кой-чем вооружились
Да с богом и пошли на супостата.
И бог помог, себя не осрамили.

Марфа Борисовна.
Ну, вот спасибо за таких гостей!
Прошу садиться!

Кувшинников.
Ты, Кузьма Захарьич,
Садись вперед.

Минин.
Вы гости, я здесь свой.

Кувшинников.
Лапша, садись.

Лапша.
Нет, мне не подобает.
Садись, я за тобой.

Садятся.

Минин.
Ну, вот и ладно.
(Садится.)
А, да и Гриша здесь!

Марфа Борисовна.
Ступай-ко в кухню,
Да и ложись на печку; там теплее.

Юродивый.
Прощайте.
(Уходит.)

Минин.
Божий человек. Лет с восемь
Тому, к нам в город он еще ребенком
Пришел и сел на паперти церковной.
Откуда, кто такой,— никто не знает,
Должно быть, сирота бездомный. Мало
И говорит, и только церковь любит.
Ест, что дадут, спит, где укажут. Разум
Не хитрый у него, а богомолен:
Пристанет к богомольцам да и бродит
По всем обителям. В Москву ходил,
И в Киев, и к ростовским чудотворцам.
Прослышал он про разоренье наше,
И слабый ум в нем больше помутился;
Еще он тише стал, еще святее,

И все сбирается куда-то, денег
Все на дорогу просит. И за мной
Он следом ходит и в глаза мне смотрит,
Как будто он прочесть в них хочет что-то
Иль ждет чего. А спросишь, так молчит.
Неразговорчив он; вот разве вспомнит
Про красоту обителей святых,
Тогда разговорится и представит,
Как вочию, и красоту лесов,
И гор, и рек широких. Все бы слушал!
И умный не расскажет так, как он.

Домна приносит мед в жбане и стопку на оловянной тарелке. Марфа Борисовна берет стопку. Домна наливает.

Марфа Борисовна *(подносся Кувшинникову)*.
Медку пожалуйте, честные гости!
Кувшинников.
У нас так всё с хозяйки начинают.
Марфа Борисовна.
Нет, батюшко, уволь! Пила довольно.
Кувшинников.
Неволить не могу, я не указчик
В чужом дому.
(Кланяется, пьет и хочет поставить стопку.)
Марфа Борисовна.
Уж просим обо всей!

Кувшинников допивает. Домна наливает, Марфа Борисовна подносит Лапше.

Григорий... Как по отчеству не знаю...
Лапша.
Петрович был.
Марфа Борисовна.
Покорнейше прошу!
Лапша.
Уж мне-то пить ли?
Минин.
Пей!
Лапша.
Оно как будто
Не складно мужику-то?
Минин.
Не осудим.

Лапша *(берет и кланяется).*
Желаю здравствовать на многи лета!
(Пьет.)

Домна наливает.

Марфа Борисовна *(поднося Минину).*
Кузьма Захарьич!
Минин *(отпив немного, ставит стопку).*
Больше не просите!
Марфа Борисовна.
Ну, как угодно.

Входят Аксенов и Поспелов.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же, Аксенов и Поспелов.

Минин.
Вот и наши и́дут.
Аксенов.
Здорова ли ты здесь?
Марфа Борисовна.
Кажись, здорова.
(Подносит им меду и молча приглашает садиться.)
Поспелов *(Аксенову).*
Тебе вперед.
Аксенов.
Не местом, человеком.

Садятся. Марфа Борисовна подвигает скамейку и садится. Молчание.

Марфа Борисовна.
Послушать бы теперь, Кузьма Захарьич,
Твоих речей. Сладка твоя беседа.
Минин.
Да речь-то у меня одна всё, Марфа
Борисовна.
Марфа Борисовна.
Ее-то нам и нужно.
Минин.
Ну, так начнем! Москва разорена?
Аксенов.
Разорена.
Минин.
Так ей и оставаться?

Кувшинников.

Как можно!

Лапша.

Что ты!

Марфа Борисовна.

Сохрани господь!

Минин.

Москва нам корень, прочим городам?

Аксенов.

Известно, корень. Что и говорить!

Минин.

А если корнем основанье крепко,
Тогда стоит и древо неподвижно;
А корени не будет,— прилепиться
К чему?

Лапша.

Ну, что уж!

Марфа Борисовна.

Господи помилуй!

Минин.

Москва кормилица, Москва нам мать!

Кувшинников.

Кормилица и мать.

Лапша.

Родная мать.

Минин.

А разве дети могут мать покинуть
В беде и горе?

Поспелов.

Мы не покидали.
Ты сам ходил с Алябьевым по Волге
И по Оке, и воры вас боялись.
Мы с Репниным ходили и к Москве,
Да воротились оттого, что ладу
Бог не дал воеводам. Грех на них!
Им отвечать, а мы не виноваты.
Мы головы свои несли и души
За веру православную сложить,—
Господь не принял.

Аксенов.

Не было стратигов.

Минин.

Тогда Пожарский с Ляпуновым были
Вожди искусные. Спроси, о ком

Народ молебны пел? О Ляпунове
Да о Пожарском князе. Знать, молитвам
Не внял господь за прегрешенья наши.

Аксенов.
Пожарский ранен, Ляпунов убит.

Минин.
Осиротела Русь! Ни воеводы,
Печальника о нас, сиротах бедных,
Ни патриарха, ни царя. Как стадо
Без пастыря, мы бродим, злому волку-
Губителю добыча.

Поспелов.
Бить волков!

Кувшинников.
Известно, бить! Уж будет, потерпели!

Лапша.
Мы топоры и косы отточили,
Которые об них же притупили.

Поспелов.
Душа кипит, давно простору просит,
И руки чешутся.

Марфа Борисовна.
Зачем же дело
Откладывать? Благословясь, да с богом,
Не мешкая!

Аксенов.
Отложишь поневоле.
Что скоро, то не споро, говорят.

Минин.
Друзья, поверьте мне, такие речи
И слушать весело, и слезы льются
От радости; а все-таки Аксеныч
Нам правду молвил. Не такое дело,
Чтоб торопиться.

Аксенов.
Надо рассудить,
Да поразмыслить.

Поспелов.
Думать ваше дело.

Минин.
Что есть у нас? Ни войска, ни казны,
Ни воеводы. Прежде нужны деньги;
Сберем казну, и люди соберутся,
Стрельцы, казаки. Всякого народу

По свету белому довольно бродит
Без дела и без хлеба; рады будут
Трудом себе копейку заработать.
Не всё же грабить! Хоть не все, а помнят,
Что есть бог на́ небе, что он судья
Всех дел и тайных помышлений наших.
А воеводу миром изберем.

А к с е н о в.

Кого излюбим, тот у нас и будет.

М и н и н.

Казна всего нужнее!

А к с е н о в.

Верно слово.

М и н и н.

Где взять казны?

П о с п е л о в.

Собрать, Кузьма Захарьич.

М и н и н.

Да много ли сберешь! На разговоры
Все тороваты, а коснись до дела,
Так и попрячутся. Не то что денег,
И тех, что посулили, не найдешь.

П о с п е л о в.

А ты не обижай, Кузьма Захарьич!

А к с е н о в.

Не обижает, дело говорит.

М а р ф а Б о р и с о в н а.

Вот всё, что есть, возьмите, коли нужно.

М и н и н.

Душа святая! О тебе нет речи!
Твои достатки и тебя мы знаем.
Ты все отдашь, и я отдам, и он,—
Все будет мало. С чем тут приниматься!
И только что обидим мы без пользы
Самих себя, а делу не поможем.

М а р ф а Б о р и с о в н а.

Хоть и немного соберем, всё помощь.

М и н и н.

Какая ж помощь?

М а р ф а Б о р и с о в н а.

Мы к Москве пошлем.

М и н и н.

Кому? Заруцкому да Трубецкому?
Возьмут, да и спасиба нам не скажут.

Нет, надо погодить сбирать казну.
Я говорил сегодня воеводам,
Просил их порадеть о земском деле,
Да не хотели слушать. Дьяк Семенов
Да Биркин чуть не выгнали меня.
Как на врага какого ополчились,
Обидели меня и обругали,
Не ведаю, за что напасть такая!
Когда уж власти не хотели слушать,
Кто нас послушает! В бедах и в горе
Сердца окаменели. О себе
Печется каждый, ближних забывая.

Марфа Борисовна.

Так что же делать нам, Кузьма Захарьич?

Минин.

Самих себя сначала приготовить
Должны мы; помыслы постом очистить,
Говеньем волю утвердить на подвиг
И скорому помощнику молиться;
Он даст нам разум, даст нам силу слова,
Сухим очам пошлет источник слез;
Тогда пойдем будить уснувших братий.
И божьим словом зажигать сердца.

Встает и все за ним.

Аксенов.

На проповедь выходят, как на битву,
Во всеоружии. Не всем под силу
Высокая апостольская доля!

Минин.

Молись да жди, пока господь сподобит
Тебя такую веру ощутить
В душе твоей, что ты не усумнишься
С горами речь вести и приказать
Горам сползти с широких оснований
И двинуться к тебе, и будешь верить,
Что двинутся; тогда покинь свой дом,
Себя забудь и дел своих не делай!
На улицу, на площадь, на базары,
Где есть народ, туда и ты иди!
Тогда пошлем по дальним городам;
А по окольным разойдемся сами,
И наших уст смиренные глаголы
Польются в души, и сердца в народе

Затеплятся, как свечи пред иконой.
Давайте руки! Кто за божье дело?

Все.
Мы все идем!

Марфа Борисовна.
Благослови вас бог!

Минин.
Мы будем знаменья просить у бога,
Когда начать. Он сам покажет время.
Тогда сбирать казну на помощь ратным!
Сбирать людей на выручку Москвы!
И пусть тогда, кто носит крест на теле,
Приносит в сбор все животы свои,
Душа твоя нужна,— отдай и душу!

Аксенов.
Помолимся! Благословенно буди
Господне имя ныне и до века!
Прощай, хозяюшка.

Марфа Борисовна.
Прощенья просим.

Кувшинников.
За угощенье!

Марфа Борисовна.
Ну, уж не взыщите!
Чем бог послал.

Лапша.
За ласковое слово.

Марфа Борисовна.
Напредки не забудьте!

Минин.
Ваши гости!

Уходят, кроме Поспелова.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Марфа Борисовна, Поспелов, Домна и потом девушки.

Марфа Борисовна.
Покличь-ка девок, Домнушка, сюда,
Да и сама приди!

Домна.
Как раз, я духом.
(*Уходит.*)

Молчание.

Марфа Борисовна.
Ты, Алексей Михайлыч, на дорожку
Медку не хочешь ли?

Поспелов.
Пожалуй, выпью.
Да не об меде речь! Мне слаще меда
Твой разговор.

Марфа Борисовна.
Какой проказник! Право!
(Подносит мед.)

Поспелов пьет.

Поспелов.
Поверь, не до проказ. Меня ты знаешь;
С покойником твоим мы дружно жили,
Росли мы вместе, вместе воевали,
Одна душа у нас, один обычай.

Молчание.

Родных, что было, примерли давно;
Я круглым сиротой остался, Марфа
Борисовна. Сладка ли жизнь такая!
Ты мне роднее всех. Чем я не люб,
Скажи?

Марфа Борисовна.
И, что ты! что ты! Бог с тобою!
С чего ты взял? Нет, ты не обижай!
Кто говорит тебе, что ты не люб мне!

Входят Домна и девушки, молча садятся за работу.

Поспелов.
Ну, люб, так ладно. Вот спасибо, Марфа
Борисовна! Сказал бы я словечко
Еще тебе; боюсь — не прогневить бы.

Марфа Борисовна.
Как не грешно тебе! Да чем же можешь
Ты прогневить меня!

Поспелов.
Своей любовью.

Марфа Борисовна.
Ах!.. Нет... я, право... Что тебе смотреть
На гнев мой! Что же, разве что дурное
Ты говоришь мне! Ты не виноват,
Что с добрым сердцем ты на свет родился.

Какая же в любви обида! Мне
Тебя благодарить за это надо.

П о с п е л о в.

Давно уж я сбираюсь с духом, Марфа
Борисовна, хочу тебе сказать:
Будь мне женою; с честными венцами
На головах и с радостью на лицах,
По соболям войдем в мой дом просторный
Жить-поживать и в холенье и в неге,
И за любовь до гробовой доски
Делить и радость пополам и горе.
Другой бы я сказал, не побоялся,—
А пред тобой, как точно перед грозным
Царем стою, жду милости иль казни;
Боюсь, что словом, ровно как злодею,
Ты снимешь голову с могучих плеч.

М а р ф а Б о р и с о в н а.

Нет, ты меня не бойся... Пожалей
Ты слабость женскую! Медовой речью
Вдове мирского счастья не сули!
Ты не мути мой тихий сон мечтою,
И вдовьих слез моих не отнимай!
Послушай, мой желанный! Я по правде
Скажу тебе: ты люб мне, я другого
Хозяина себе и не желаю.
Ты, Алексей Михайлыч, муж такой,
Какого не найдешь... Да только вот что:
То нездоровится, то дела много
По дому, знаешь. Как-то все не время...
Поверишь ли, с ног сбилась от заботы.
Мы лучше уж немного подождем.
Ты не печалься, Алексей Михайлыч!
Еще ведь наше время не ушло.

Молчание.

Я, может, и не так что рассудила,
Ты не взыщи! Таков наш бабий разум.
Тебя мне жаль, вот видит бог, что жаль.
Да что же делать, неудобно время.

П о с п е л о в.

Голубушка! Зачем себя ты губишь?
В твоей поре тебе бы только ласку!
От ласки женский пол еще цветней!
Что сохнуть-то тебе одной, как в келье,

И день и ночь с ворчливою старухой
Всё об одном и том же толковать!
Тебя бы целовать, да миловать,
Да крепко к сердцу прижимать!

Марфа Борисовна.

Ну, будет!
Мы после как-нибудь поговорим.
Не до того мне, Алексей Михайлыч!
Так голова с чего-то разболелась,
Уж и не знаю. Лучше не тревожь
Меня теперь! Найдем такое время
Свободное.

Поспелов.

Изволь, моя родная!
Ждал долго, можно подождать еще.
Прощенья просим!

Марфа Борисовна.

И меня прости.
Господь с тобой!

Поспелов.

Бог даст, коль живы будем,
Увидимся.

Марфа Борисовна.

Ну как не увидаться!

Поспелов уходит.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же, без Поспелова.

Марфа Борисовна.

Какие речи! Господи помилуй!
Не слушать бы! А как же их не слушать!
В миру живешь, с людями; по-мирски
И надо жить,— все видеть и все слышать.
Куда бежать от суеты мирской!
Как от соблазна чистой уберечься!
Зияет бездна, каждый час шумит
Житейское волнуемое море.
Ушла бы я, на крыльях улетела
В святую келью, в тихий уголок;
И в трепетном сиянии лампады,
В благоуханной тишине святыни

Земное небо, рай свой, увидала:
Боюсь внести в святую тишину
Горячую, бунтующую юность.
О юность, юность, скоро ль ты пройдешь!
Мне с миром легче, чем с тобой, бороться.
Куда нейду, соблазн за мною следом;
Напрасно я фатой широкой кро́ю
И блеск очей, и белое лицо:
Подует ветер, так ли распахнется,
И мигом грех в чужой душе посеешь.
И видишь юношу, стоит он нем,
Другого взгляду ловит, сам готовит
В своем уме лукавые приветы.
Вот по следам идет и шепчет в уши,
Завешенные жемчугом, и жемчуг
Не охраняет; весь соблазн, весь яд
Мне прямо в сердце, в кровь мою проходит,
И слабый ум все более слабеет,
И сладок грех является тебе;
И слушаешь, боишься оглянуться,
Как точно двое за тобой идут:
Один лицо приветливое кажет
И ненаглядную красу, и юность
И молча улыбается. Другой же
Темнее ночи, и глаза, как угли,
Горят во лбу, и длинный хвост тащится.
Идет и шепчет льстивым языком
Соблазн и грех. О, господи, помилуй!
О юность, юность, молодое время!
Куда бежать мне! Господи, помилуй!
(Закрывает лицо руками.)

Домна.

Вы видите, сгрустнулась, поминает
Об юности. Вы спойте ей про юность!

Девушки *(поют)*.

Юность, моя юность — молодое время!
Юность, возбудися, в себе ощутися!
Юность возбудилась, в себе ощутилась,
В разум приходила, слезно говорила:
Кто добра не ищет, кто худа желает!
Я была бы рада,— сила моя мала!
Сижу на коне я, и тот не обуздан,
Смирить коня нечем — крепких вожжей нету.
Вижу я погибель, страхом вся объята;
Не знаю, как быти, чем коня смирити!

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

(Октябрь 1611 года)

СЦЕНА I

ЛИЦА:

БИРКИН.

СЕМЕНОВ.

МИНИН.

ПОСПЕЛОВ.

АКСЕНОВ.

ТЕМКИН.

ГУБАНИН.

ЛЫТКИН.

НЕФЕД
сын Минина.

ПАВЛИК.

МАРФА БОРИСОВНА.

ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА
жена Минина.

ВСЯКИЕ ЛЮДИ НИЖНЕГО НОВГОРОДА.

Небольшая площадь в Кремле, недалеко от собора. К концу, в седьмом явлении, начинает смеркаться.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Входят Лыткин и Павлик.

Лыткин. Да что ты уж очень печалишься?

Павлик. Будешь печалиться! Разве ты нашего Ивана Иваныча не знаешь? Взглянет только, и то мороз по коже подирает. А ведь я в какую беду-то влез. О, горе мне грешнику! Язык мой — враг мой!

Лыткин. В чем же ты провинился?

Павлик. В чем? Велико мое окаянство! Страшно и вымолвить! Посылал он меня к одному благоприятелю своему с письмом; куда посылал, уж это не твоего ума дело; проездил я безо дня две недели и вернулся вчера утром. Только хмелен был очень, домой-то идти побоялся. Встрелся я с приятелем,

со стрельцом; тут еще подошли человек с пяток, тоже стрельцы; зашли мы в царев кабак, купили винца, пошел у нас шум, разговоры. Вот я, с пьяных-то глаз, и проболтнись. Придет, говорю, королевич на царство, Ивана Иваныча сделает воеводой в Нижнем, а меня дьяком; потому, говорю, что мы ему слуги верные. Откуда ни возьмись, Минин, хвать меня за ворот, я в ноги; валялся, валялся я в ногах-то, отпустил, только не велел навстречу попадаться. Вот какое дело-то! Ну, как он скажет Ивану Иванычу, либо уж сказал! что тогда! Повесить не повесит, а кнута отведаешь. Уж это лучше и к бабушке не ходи! Никак он идет! Ой, схоронимся.

Уходят. Выходит Б и р к и н.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Б и р к и н *(один).*

Здесь в Нижнем что-то зреет. По всему
Заметно, что народ затеял нечто.
Все замолчало, как постом великим;
На всем какое-то говенье видно;
Бледнеют лица, а глаза сияют.
Но что же может сделать этот люд?
Пойти к Москве нестройною оравой
И умирать, иль разбегаться розно
От польских латников. Пускай идут,
Попробуют; а нам просторней будет.
Не знаю, что мне делать! Не найдешь
Товарищей; никто не хочет слушать.
С Семеновым приятели большие,—
А как до дела — затыкает уши.
Он стар да глуп, упрям да бестолков,
С ним пива не сваришь. Нет, здесь не тяга!
Махнуть в Казань: там есть благоприятель,
Тому не в первый,— он вертел хвостом
Еще при Шуйском. Человек он сильный,
Живет себе не тужит, только брюхо
Растит да гладит бороду свою.
Да что ж он держит моего холопа,
Павлушку!

П а в л и к входит.

Биркин.

Вот он! Как же ты посмел,
Не показавшись, по городу шляться?
Все пьянствуешь, анафема! Смотри!
Кнута попробуешь! Когда приехал?

Павлик.

Сегодня утром.

Биркин.

Что ж ты не явился?
Об двух ты, что ли, головах, бездельник!
Ну, мы сочтемся дома. Говори,
Что видел и что слышал.

Павлик. Есть письмо.

(Достает письмо.)

Биркин.

Давай сюда! Проворней!
(Берет и читает.)
А словами
Приказывал аль нет? В письме не пишет
Всего,— и дельно: писано пером,
Не вырубишь и топором. Он пишет:
«А про мое здоровье Павел скажет».
Ну, сказывай!

Павлик.

Бог милует, здоров,
И кланяться велел тебе, и молвил,
Что он своим умом живет, что в мутной
Воде он ловит рыбу втихомолку,
И что своя рубашка к телу ближе,
Что смелым бог владеет. Вот и всё.
Какой приказ твой, государь, мне будет?

Биркин.

Ступай теперь в народе потолкайся!
И, что услышишь, приходи сказать!

Павлик уходит. Входит Семенов. Народ проходит.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Биркин и Семенов.

Биркин.

Что тяжко воздыхаешь?

Семенов. О грехах.
К земле гнетут и тянут, словно ноша.
Что ж у вечерни-то, Иван Иваныч,
Ты не был? Аль проспал?

Биркин.
И то проспал.
Лег после хлеба-соли малым делом
Соснуть, да и проспал. Хожу, гуляю,
Пусть ветром пообдует после сна.

Семенов.
Гуляй, гуляй! Вы люди молодые,—
Еще замолите; а нам так жутко
Приходит, старикам. Не нынче-завтра
Бог по душу пошлет; тогда уж поздно
Грехи замаливать; ступай к ответу!
Судья предстанет, свиток развернут,
Что злые мурины[1] всю жизнь строчили
На всяком месте и во всякий час.
Что сделал худо, черный мурин пишет;
Помыслил,— не пропустит и того.
Чего-чего в том свитке не найдется!
А добрых дел вот списочек, такой
Коротенький, представит со слезами
Хранитель-ангел и отыдет прочь.

Биркин.
Ты что-то рано умирать задумал!
А выдет, что и нас переживешь.

Семенов.
«Не весте, сказано, ни дня, ни часа».

Биркин.
Да что ты приуныл, как посмотрю я?
И все вы, точно мухи в сентябре,
Чуть бродите.

Семенов.
Да что ж тебе за диво!
Не радует ничто — и приуныли.
Тебе что весело?

Биркин.
Унынье — грех!

Семенов.
Да и плясать, когда другие плачут,
Не спáсенье!

---

[1] То же, что «нечистый». *(Прим. автора.)*

Биркин.

Ведь это человеком:
Один слезлив, другому обухом
Слезы не вышибешь. Пойдем! Есть дело
Мне до тебя. Попьем да потолкуем.

Семенов.

Что ж, праздничное дело, я не прочь.

Биркин.

У нас так праздник каждый день, Василий
Семенович. Где бражник, там и праздник.

Уходят. Выходят Марфа Борисовна и Поспелов.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Марфа Борисовна и Поспелов.

Марфа Борисовна.

Давненько не видались.

Поспелов.

Шесть недель.

Марфа Борисовна.

Как время-то идет!

Поспелов.

А что?

Марфа Борисовна.

Да скоро.

Поспелов.

Не больно-то! Мне эти шесть недель
Не за год, не солгу, а за полгода,—
Никак не меньше, показались.

Марфа Борисовна.

Что так?

Поспелов.

Да разве ты не знаешь?

Марфа Борисовна.

Ах, голубчик!
Я думала, что ты уж и забыл!

Поспелов.

А ты б и рада?

Марфа Борисовна.

Да не то, что рада,
А все не время, некогда подумать.

Поспелов.

Об чем тут думать, голову ломать!

Марфа Борисовна.

Кто ж за меня подумает?

Поспелов. Все я же,

И за себя, и за тебя.

Марфа Борисовна.

Какой ты

Догадливый! Спасибо, что избавил
Меня от тяжкой думы, от заботы!
Позволь спросить, по-твоему-то как же
Выходит?

Поспелов.

Помолясь, да по рукам.
Сиротским делом сходим на могилку
Родителям почившим поклониться,
А там, как водится, честным пирком
Да и за свадебку.

Марфа Борисовна.

Недолго думал,
А хорошо сказал.

Поспелов.

А нешто худо?

Марфа Борисовна.

Ты лучше знаешь.

Поспелов. Значит, так и быть,
По-моему?

Марфа Борисовна.

Да ну, уж ладно, ладно.

Поспелов.

Утешила меня ты. Точно камень
Лежал на сердце, отлегло теперь.
А то, бывало, сердце, ровно голубь,
Так и колотится без перемолку.

Марфа Борисовна.

Ты помолчи пока, мой друг сердечный!

Поспелов.

Зачем молчать? Кого же мы боимся!

Марфа Борисовна.

Что прежде времени молву пускать!
Не к спеху дело, погодим немного.

Поспелов.

Чего еще? Ты развяжи меня!

Марфа Борисовна.
Ну, что на улице за разговоры!
Немало дней у бога; потолкуем
И после, без помехи, на досуге.
Ступай себе! Вон, видишь, из собора
Татьяна Юрьевна выходит. Плачет
Об муже, бедная. Прощай, голубчик!
Пойду я к ней, разговорю немного.

Поспелов уходит. Выходят Татьяна Юрьевна и две женщины.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Марфа Борисовна, Татьяна Юрьевна и две женщины.

1-я женщина.
Поверь, что с глазу, больше ни с чего.
2-я женщина.
А то испортил кто-нибудь. По ветру
Болезнь пущают злые люди часто.

Обе проходят.

Марфа Борисовна.
Татьяна Юрьевна, оставь кручину!
Напрасным страхом сердца не томи!
Пройдет невзгодье, мирно бог устроит,
И миром оградит святую Русь,
Тогда Кузьма Захарьич перестанет
Печалиться, здоров и весел будет.
Не плачь, греха на душу не бери!
Татьяна Юрьевна.
Как мне не плакать! Ты бы поглядела,
Что сталось с ним. Как ярый воск он тает,
От сна, от пищи, от всего отстал
И буйную головушку повесил.
И все молчит. Вот иногда и спросишь:
«О чем ты, мил-сердечный друг, тоскуешь?»
Не скажет, нет, не скажет, промолчит,
Махнет рукой; а иногда заплачет,
Так и уйдет. Посмотришь вслед ему,
Да и зальешься горючьми́ слезами.

Марфа Борисовна.

Молись, Татьяна Юрьевна, молись!
Да меньше плачь! Господь ему поможет.

Татьяна Юрьевна.

Да что же он молчит-то! Я жена,
А не чужая.

Марфа Борисовна.

Что же будет проку
Тебе сказать-то! Посуди сама:
Короток женский ум, от нас совету
Не ждать им; ну, а праздно толковать
О деле важном — тоже не годится!

Татьяна Юрьевна.

Головушка кручинная моя!
(Качает головой и задумывается.)
Ты видела, стоял он у вечерни.
На что похож! Ведь краше в гроб кладут.
Глаза горят, лицо как саван белый,
Засохшие не шевелятся губы;
Как вкопанный, он не сводил с иконы
Очей; крестом сложенные персты
До ясного чела не подымались;
И только слезы, как ручьи весною,
Бежали по щекам, по бороде
И капали. Убогонькой Гришутко
Стал рядом с ним, как лист дрожит и плачет,
То на него, то на икону взглянет.
К добру ли это? Говорят, за кем
Убогий ходит, тот на белом свете
Уж не жилец. А Гриша, как нарочно,
Не отстает ни шагу от него.

Марфа Борисовна.

И, полно ты! Кого убогий любит,
Тот человек угоден, значит, богу.

Татьяна Юрьевна.

Кто господу угоден, тех господь
К себе берет.

Марфа Борисовна.

Отчаянье — грех смертный!

Татьяна Юрьевна.

О! загляни ты в грудь, что там творится!
Тогда и осуждай!

Молчание.

Т а т ь я н а Ю р ь е в н а

Сегодня ночью
На малый час он не уснул, и только
В соборный ранний благовест забылся;
Как звоны отошли, он вдруг проснулся,
Вскочил с постели, разбудил весь дом,
Велел зажечь все свечи, все лампады
И до свету молился со слезами.
И мы молились. «Чудо! чудо божье!»
Он все твердил, а не сказал,— какое.

М а р ф а Б о р и с о в н а.
На вас нисходит благодать господня,
Ваш дом он и́збрал для чудес своих.
Ты радуйся, не плачь! Молебны пойте!
Из всех церквей иконы поднимите!
И крестным ходом город весь пойдет
С хвалебным пением и со свечами
На место свято.

Т а т ь я н а Ю р ь е в н а.
Проводи меня!

М а р ф а Б о р и с о в н а.
А где же муж?

Т а т ь я н а Ю р ь е в н а.
В соборе с протопопом
Остановился, говорят о чем-то.

М а р ф а Б о р и с о в н а.
Пойдем, Татьяна Юрьевна, пойдем!

Уходят. Входят А к с е н о в, Т е м к и н, Г у б а н и н, Л ы т к и н и разные т о р г о в ы е и п о с а д с к и е л ю д и.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

А к с е н о в, Т е м к и н, Г у б а н и н, Л ы т к и н, н а р о д.

А к с е н о в. Ну, так как же, ребятушки, а? Ну вот теперь нас много сошлось, давайте поговорим толком!

Л ы т к и н. И то надо толком. А то что это! Господи, боже мой! Тот говорит: «давай денег!», другой говорит: «давай денег!» А для чего — никто толком не скажет.

Т е м к и н. Тебе только все разговаривать, лясы то-

чить; а дела-то делать, видно, ты не любишь! Мало еще, что ли, разговору-то было! Сорок дней со днем сходимся да толкуем.

Губанин. Уж и не говори! Срам! То есть, кажется, не глядел бы людям в глаза от стыда, особливо Кузьме Захарьичу. Он о земском деле печалится, а мы... Ах, стыдобушка!

Аксенов. Значит, ребята, как в последний раз говорили, так и быть: третью деньгу.

Голоса. Третью деньгу.— Что ж, мы не прочь! — Так тому и быть! — Что сказано, то свято!

Губанин. Все, дедушко, согласны, все. *(К народу.)* Не стыдите, братцы! *(Аксенову.)* Дедушко! Спорщиков нет.

Аксенов. Постой ты, погоди! От трех денег — деньгу; от рубля — десять алтын, от трех рублей — рубль.

Голоса. Ладно! Ладно! *(Разговор в толпе.)* С десяти рублев выходит — три рубля да десять алтын.— А от сорока? Долго ль счесть! — С пятидесяти рублев,— пятнадцать рублев.— Не пятнадцать, а шестнадцать рублев двадцать два алтына.— Ишь ты, счетчик! — Да уж ладно, ладно!

Лыткин. Стойте! Как же это! Значит, всё одно, что семейный, что одинокий?

Губанин. Как тебе не грех рот-то разевать? Ужли один против всех пойдешь?

Аксенов. Тебе что за дело до одиноких! Одинокий-то, может, всё отдаст, да и сам своей головой пойдет.

Темкин. Ах ты, жила! Прости, господи!

Лыткин. Да что жила! Кому ж своего не жаль!

Губанин. На земское-то дело? Экой срам! Ну уж...

Аксенов. Стало быть, и делу конец. Отслужить молебен, да и собирать.

Губанин. У нас в рукавичном ряду уж и деньги готовы.

Голоса. В железном хотят собирать.— Толкуют и в хлебном.— И в горшечном.— И в мясном.— И рыбаки.

Лыткин. А как же теперь товар?

Темкин. Прикинем.

Голоса. Известно, прикинем, что чего стоит.— Долго ль прикинуть.— В цену поставим.

Лыткин. А кто прицениватъ будет?

Темкин. Всё мы же.

Голоса. Промеж себя выберем.— Всякий в своем ряду.— Свой суд короче.

Лыткин. Да как же я поверю чужому человеку свое добро ценить!

Аксенов. Мы не без креста ходим.

Темкин. Самому тебе не счесть, как мы сочтем.

Голос из толпы. Мы, торговые люди, друг у дружки каждую деньгу насквозь видим.

Лыткин. Что ж такое! Лучше ложись да умирай!

Темкин. Ну, и умирай! Ну, умирай!

Аксенов. Ты для себя для одного, что ли, жить хочешь? Так ступай в лес да и живи себе. С людьми живешь, так и слушай, что мир говорит. Больше миру не будешь! Мир никто не судит, один бог. Велит мир, так и всё отнимут.

Темкин. Да и отнимем, силой отнимем.

Лыткин. Да ведь это разор!

Темкин. Ну, да что на него смотреть, Петр Аксеныч! Как сказано, так и будет. На том все и станем.

Голоса. Все! — Все!

Темкин. Есть тут кто-нибудь из немцев?

Немец. Я.

Темкин. Ты согласен?

Немец. Да!

Темкин. Вот видишь ты, Василий! Ну скажи ты мне теперь, есть в тебе душа али нет?

Губанин. Брось ты его!

Темкин. Зреть не могу таких людей; вся душа во мне поворачивается.

Голоса. Кузьма Захарьич идет! — Кузьма Захарьич!

Входит Минин. Все кланяются.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Те же и Минин.

Аксенов.

Что ты не весел, голову повесил?
Аль что неладно? Али прихворнул?
Какие вести есть?

Минин.

Вестей довольно.

Аксенов.

Что пишут?

Минин. Все одно и то же, точно
Как сговорились. Все хотят быть с нами
В любви, в совете и в соединеньи,
На разорителей хрестьянской веры
Единомышленно идти готовы.
Теперь лететь бы к матушке Москве!
Подняться нечем, спутала нужда,
Узлом орлиные связала крылья.
Видна добыча, а тяжелых крыльев
Не отдерешь, и бейся оземь грудью
И алую точи по капле кровь!
(Задумывается.)
Аксенов.
Мы положили третью деньгу брать
От денег, от товару тоже.
Минин. Мало.
Аксенов.
И те с трудом, а больше не сберешь.
Минин.
Я знаю.
Аксенов.
Тяжело одним. Помогут
Другие города.
Минин. Плохая помощь!
Все обнищали. Рады бы помочь,
Да нечем.
Аксенов. Так и быть. На нет — суда нет.
Что есть, с тем и пойдем. Наймем подмогу,
Стрельцов бродячих да казаков конных.
Минин.
Ждать нечего, пойдемте умирать
За Русь святую! Сходим к воеводе,
Челом ударим, чтобы вел к Москве;
А не пойдет, так выберем другого.
Мне ждать нельзя. Мне бог велел идти.
Смотрите на меня! Теперь не свой я,
А божий. Не пойдет никто — один
Пойду. На перепутьях буду кликать
Товарищей. В себе не волен я.
Послушайте!

Все оступают его.

Сегодня поздней ночью,
Уж к утру близко, сном я позабылся,

Да и не помню хорошенько, спал я
Или не спал. Вдруг вижу: образница
Вся облилася светом; в изголовьи
Перед иконами явился муж
В одежде схимника, весь в херувимах,
Благословляющую поднял руку
И рек: «Кузьма! Иди спасать Москву!
Буди уснувших!» Я вскочил от ложа,
Виденья дивного как не бывало;
Соборный благовест волной несется,
Ночная темь колышется от звона,
Оконницы чуть слышно дребезжат,
Лампадки, догорая, чуть трепещут
Неясным блеском, и святые лики
То озарялися, то померкали,
И только разливалось по покоям
Благоуханье.

Аксенов.

Слава в вышних богу!
Но кто же старец? Рассмотрел ли ты?
Угодников ты подлинники знаешь.

Входит Нефед.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Те же и Нефед.

Нефед.

Где батюшко?

Минин. Что надо? Что случилось?

Нефед.

Гонцы от Троицы Живоначальной,
От Сергия угодника пришли.

Минин.

От Сергия угодника? И старец,
Явившийся мне, грешному, был Сергий.

Голоса.

Перст божий! — Божья воля! — Чудеса!
Еще от нас господь не отступился.

Нефед.

У них письмо отца архимандрита
И келаря.

Минин. На воеводский двор
Ступай, Аксеныч, прямо к воеводе!

Оповести его! А вы сбирайте
Дворян, детей боярских, и голов,
И сотников стрелецких и казацких,
И земских старост, и гостей, и всяких
Людей служилых к воеводе в дом.
Не соберутся, так в набат ударим.
А ты, Нефед, домой! Веди гонцов!
Как есть с дороги, так пускай и йдут.
Теперь в последний раз, друзья, пойду я
Боярам, воеводам поклониться.
Молитесь богу, чтоб смягчил он сердце
Властителей, смирил гордыню их,
Чтобы помог мне двинуть кротким словом
На дело божье сильных на земле.

Голоса.
Господь поможет.— Он тебе поможет.—
Молиться будем! Господа умолим.

Все уходят.

СЦЕНА II

ЛИЦА:

ВОЕВОДА, АНДРЕЙ СЕМЕНОВИЧ АЛЯБЬЕВ.

БИРКИН.

СЕМЕНОВ.

МИНИН.

АКСЕНОВ.

ПОСПЕЛОВ.

КОЛЗАКОВ.

РОМАН ПАХОМОВ.

ДВОРЯНЕ, ДЕТИ БОЯРСКИЕ, ГОЛОВЫ, СТАРОСТЫ, БОГАТЫЕ ПОСАДСКИЕ ЛЮДИ.

Большая богатая изба в воеводском доме.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

В избу входят постепенно разные лица, всё более пожилые и зажиточные, потом Аксенов. Вновь пришедшие кланяются молча с теми, которые пришли прежде. Говорят вполголоса.

Голоса. Зачем нас собирают? Аль беда какая? —
Нет, грамоту из Сергиева монастыря привезли.—

Верно нелегко, коли грамоты пишут? — Какая легость! Видимая смерть! Наша рать разошлась, а к врагу на подмогу сила подходит.— Что же в грамоте пишут? — Подожди малость, всё узнаем.

Входит Аксенов.

Кто привез грамоту?

Аксенов. Роман Пахомыч. Кому же больше!

Один голос. Эка голова!

Аксенов. Сам великий господин патриарх называет их, его да Родиона Мосеича, бесстрашными людьми. Так и пишет: «А пришлите мне тех бесстрашных людей!»

Один из толпы. Говорят, Пахомов от всякой напасти заговорен.

Аксенов. Толкуй тут! Известно, божьим произволеньем. К патриарху ходит, благословение принимает; а ты: «заговорен»! Нешто такие заговоренные-то бывают?

Другой из толпы. Заговоренный-то который — и креста не носит; а не то что к благословению идти.

Аксенов. Да еще к кому? К самому патриарху!

Входят Минин, Поспелов и Роман Пахомов.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же, Минин, Поспелов и Роман Пахомов.

Голоса. Роман Пахомыч, здравствуй!— Здравствуй!— Как тебя бог милует? — Здорово ли доехал? — Чай, устал?

Роман Пахомов. Немножко есть. Последние две ночи не ночевал, всё ехал.

Аксенов. Где ехал?

Роман Пахомов. От Троицы на Суздаль, оттуда на Балахну.

Аксенов. Чиста дорога?

Роман Пахомов. Ничего, бог миловал.

Голоса. Что в Москве? — Что в Москве, Роман Пахомыч?

Роман Пахомов. Плохо.

Голоса. А что? — Что такое?

Р о м а н П а х о м о в. Пожжёно, разорёно, хлеба мало.
Г о л о с. Ужли и хлеба мало?
Р о м а н П а х о м о в. Мало. Я стоял у одного посадского, у Яузских ворот,— бедствует.
Г о л о с а. Ах, сердечные! — Эка беда! — Эка причина!
А к с е н о в. Скажи ты мне на милость, пуще мне всего: к патриарху ходу нет?
Р о м а н П а х о м о в. Теперь нет, крепко держут.
А к с е н о в. И все вор Андронов?
Р о м а н П а х о м о в. Все хороши.
Г о л о с а. А что Трубецкой? — Что Заруцкий с войском?
Р о м а н П а х о м о в. Какое это войско! Вор на воре! Содом!

Входят в о е в о д а, Б и р к и н, С е м е н о в, К о л з а к о в и н е с к о л ь к о н а р о д у.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Т е ж е, А л я б ь е в, Б и р к и н, С е м е н о в, К о л з а к о в и д р у г и е. Воевода садится за стол; некоторые садятся; некоторые стоят. Роман Пахомов подает грамоту воеводе.

В о е в о д а.
Здорово ли доехал?
Р о м а н П а х о м о в.
Ничего.
В о е в о д а.
Ну, молодец же ты, Роман Пахомов!
Хвала и честь тебе! Чай, отдохнуть
С дороги-то захочешь?
Р о м а н П а х о м о в.
Да когда уж!
Велели к вам заехать, да в Казань.
Уж отдохну, вернувшись из Казани.
(Отходит.)
В о е в о д а.
Все собралися?
Г о л о с а.
Все.
В о е в о д а *(отдает грамоту Семенову)*.
Читай, Василий!
С е м е н о в.
Сначала тут, как водится, все власти
Казанские и весь народ помянут:

Татары, черемиса, вотяки
И прочие.
(Читает.)
«Не раз мы вам писали
О нашей гибели и разореньи;
И снова молим вас: не позабудьте,
Что вы родились в православной вере,
Святым крещением знаменовались.
Сего-то ради положите подвиг
Страданья вашего за ваших братий!
Молите всем народом христианским
Людей служилых быть в соединеньи,
И заодно стоять против врагов
И всех предателей хрестьянской веры.
Вы сами видите, что всем близка
От тех врагов конечная погибель.
В которых городех они владели,
Какое разоренье учинили!
Где божьи образы и где святыня?
Не всё ли разорили до конца
И обругали наглым поруганьем!
Где множество бесчисленное в градех?
Не все ли люто горькими смертями
Скончалися! Где в селах наши чада,
Работные? Не все ли пострадали
И в плен разведены! Не пощадили
И престаревших возрастом. Седин
Не усрамились старцев многолетних
И душ незлобивых младенцев. Все
Испили чашу праведного гнева.
Попомните и смилуйтесь над нами,
Над общей гибелью, чтоб вас самих
Та лютая погибель не постигла!
Не мешкая, идите в сход к Москве!
Вы сами знаете, всему есть время,
Без времени бездельно начинанье
И суетно. А если есть меж вас
Какое недовольство, отложите!
Соединитесь все, забыв обиды,
И положите подвиг пострадать
Для избавленья православной веры!
Незакосненно сотворите дело,
Казною и людями помогите!
Чтоб скудостью и гладным утесненьем

Боярам, воеводам и всем людям
Порухи никакой не учинилось.
О том вас молим много со слезами.
И от всего народа бьем челом!»

Воевода.
Вели списать ты список слово в слово,
А грамоту отдай свезти в Казань.

Минин.
А что ответим?

Семенов. Знают воеводы
Про то, а наше дело будет — слушать.

Минин.
Послушаем.

Воевода. Мы рады бы идти,
Да нас походы разорили вовсе.
Давно ль ходил князь Александр Андреич,
И я ходил; без дела не сидели!
Казны да войска просят. Где ж нам взять?

Аксенов.
Поищем, так найдем.

Семенов. А где найдешь ты?

Аксенов.
Промеж себя найдем; сберем, что можем.

Семенов.
Да много ль денег?

Минин.
Сколько ни на есть!
Уж это наше дело.

Воевода.
Доброй воли
Я не снимаю с вас. Сбирайте с богом!

Семенов.
Ну, может быть, кой-что и соберете;
Что ж делать будете?

Аксенов.
Тебя не спросим.

Минин.
Наймем людей служилых да стрельцов,
Да и пошлем к Москве.

Семенов.
Без воеводы?

Минин.
Как преж того водил Андрей Семеныч,
Так и теперь ему челом ударим.

Воевода.

Я не пойду, устал.

Минин.

Андрей Семеныч!
Ты вздумай, если нашим нераденьем
Московскому крещеному народу
Конечная погибель учинится,
Иссякнет корень христианской веры,
И благолепие церквей господних
В Московском государстве упразднится,
Какой ответ дадим мы в оный день,
В день страшного суда?

Воевода. А кто порукой,
Что наше войско враг не одолеет,
Что врозь оно не разбежится, прежде
Чем мы Москву перед собой увидим.
Не хуже нас ходили воеводы!
Со всех концов бесчисленное войско
Шло под Москву громовой черной тучей.
Рязанцы шли с Прокопом Ляпуновым,
Из Мурома с окольничьим Масальским,
Из Суздаля с Андреем Просовецким,
Из городов поморских шел Нащокин,
С Романова, с татарами-мурзами
И с русскими шли Пронский да Козловский,
С Коломны и с Зарайска князь Пожарский,
Петр Мансуров вел галицких людей,
Из Костромы пошли с Волконским князем,
Из Нижнего князь Александр Андреич.
Да не дал бог; все розно разошлись.
Так как же хочешь ты, чтоб с горстью войска
Я шел к Москве? Мне с господом не спорить!

Минин.

Мы всё на бога. Сами виноваты,
А говорим: «Бог не дал». Да за что
Ему и дать-то нам! Такое дело
Великое как делалось, сам знаешь.
Когда-то соберутся да пойдут,
Как точно через пень-колоду валят.
А соберутся,— споры да раздоры:
Да не о том, кто первый помереть
За Русь святую хочет,— разбирают,
Кто старший, нáбольший, кто чином больше,
Кто стольник, видишь ты, а кто боярин.

Другой боярин-то, гляди, в Калуге
Боярство-то от вора получил.
Поспорят, покричат, дойдет до драки;
До смертного убивства доходило!
Потом и разойдутся нас же грабить,
Врагу на радость, царству на погибель.
Да ты не осердись, Андрей Семеныч!

Воевода.

За что сердиться! Правду говоришь.

Минин.

А там и говорят, что не дал бог.
Что за корысть великим воеводам
За нас, за маленьких людей, сражаться,
За дело земское стоять до смерти!
Им хочется пожить да погулять!
Им хорошо везде. С царем повздорил,
Так в Тушино,— там чин дадут боярский;
Повздорил там, опять к царю с повинной:
Царь милостив, простит; а то так в Польшу.
Да и целуют крест кому попало,
Не разбирая; на году раз пять
Господне имя всуе призывают.
И все они, прости меня господь,
Для временные сладости забыли
О муке вечной. Им ли нас спасать!
Такими ли руками Русь очистить
И в ней господне царство обновить!

Голос.

Что правда,— правда; что греха таить!

Воевода.

Кому ж стоять теперь за Русь святую,
Кузьма Захарьев?

Минин.

Тем, кто больше терпит,
Кто перед богом не кривил душой.
Когда народ за Русь святую встанет,
И даст господь победу над врагом.
Нам дороги родные пепелища,
Мы их не променяем ни на что.
Нам вера православная да церковь
Дороже всех сокровищ на земле.
Мы волею креста не целовали
Губителям. А где и огрешились,
С веревкою на шее присягали,

Да и не знают, как и замолить.
Вон Кинешма, и Лух, и Балахна,
И Юрьевец омылися в крови,
Свою вину сторицей искупили.
Сам рассуди: по деревням, по селам
Что терпят! Враг внезапу набегает,
Дома разграбит, да сожжет и церковь,
Что обыдёнкой сложена всем миром
За избавленье божие от мора
Иль от другой напасти. Что тогда?
Куда податься? Лучше умереть
В честнóм бою, всем разом, с глазу на глаз
С врагом, чем гибнуть всем поодиночке,
В плетнях да в рощах зверем укрываясь.

В о е в о д а.

За умножение грехов господь
Нас наказал. Мы знаем всё и терпим,
Так не грешно ли против божьей воли
Нам восставать? Не лучше ли смириться?
Подумай! Тяжело бороться с богом!

М и н и н.

Господь не век враждует против нас
И грешнику погибели не хочет.
Придет пора, молитвой и слезами
Святителей и праведных людей
Разящий гнев господень утолится
И нам, смиренным, снидет благодать.
Господь смиряет и господь возносит,
Введет в беду и изведет из бед.
Враг одолел, творя его веленье,
Смирились мы, и нам господь пошлет
Победу на врага и одоленье!

В о е в о д а.

Мне следу нет идти, пускай другие.

М и н и н.

Ты не пойдешь, мы без тебя пойдем.
Позволь мне завтра кликнуть клич к народу;
Что соберем, с тем и пойдем к Москве.
По деньгам глядя, принаймем казаков.

Б и р к и н.

Не знаю, что Андрей Семеныч скажет,
А я б тебе и думать не позволил
Сбивать казаков своевольных в город.
В Казани их пущают понемногу,

Так человек десятка два, не больше,
Боясь смуты. Да и хорошо.
В тебя не влезешь. Говорят, чужая
Душа потемки. Может, ты затеял
Какую смуту аль измену всчать!
Твой замысел лукав, Кузьма! Ты хочешь
Опутать красным словом черный люд
И властвовать.

Минин.

Постой, Иван Иваныч!
Чего не знаешь, ты б не говорил.
Я вот и знаю, да молчу. Ты лучше
Смотрел бы на себя, а не корил
Поклепом злым людей, себя честнее.
Тебя с собой я не зову к Москве;
Тебе и в Тушине тепло бывало.
Живи себе да бражничай здесь, в Нижнем!
Я не мешаю, не мешай и ты!
Я про тебя скажу такое слово,
Что ты язык прикусишь.

Семенов.

При тебе,
Андрей Семенович, такие речи
Он говорит. Возможно ли терпеть!

Минин *(показывая на Биркина)*.

Ты видишь, терпит.

Воевода.

Замолчи, Кузьма!

Минин.

Я замолчу, да уж и он не скажет
Ни слова больше, головой отвечу.

Семенов.

Так я скажу. Я замысел твой вижу.
Не смуту, нет, ты смуты не затеешь,
Ты от казны попользоваться хочешь,
Чужой копейкой поживиться, вот что!
Вы все барышники!

Минин.

Очнись, Василий
Семенович! Ты старый человек!
По дурости ты это говоришь
Или по злобе на меня,— не знаю.
Нет, я души своей не продавал
И не продам. Душа дороже денег,

Мы знаем твердо, ты не позабыл ли?
Мы тем живем, что бог в торгу пошлет;
К поборам да к посулам не привыкли;
Добро чужое честно бережем,
А истеряем, так своим заплатим.
Ты будь покоен, я и не возьмуся
Ни собирать, ни соблюдать казну.
Мы старикам дадим на сбереженье,
Уж только не тебе, ты не взыщи!
Вот Петр Аксеныч, человек бывалый!
Найдутся и другие послужить
Для дела земского.

Аксенов.

Бог даст, послужим.
Не в тягость служба, коли дело божье
Да земское.

Воевода.

А много ли собрать
Мекаете? Вам это дело ближе,
Виднее.

Минин.

Прикажи нам кликнуть клич,
Тогда увидим.

Семенов.

Много не сберете.

Аксенов.

Что бог пошлет, и тем довольны будем.
Ты прикажи, Андрей Семеныч, кликнуть!

Воевода.

Все просите?

Голоса.

Все, все, Андрей Семеныч!

Воевода,

Ну, кличьте, с богом!

Семенов *(Минину)*.

Соберешь алтын
За гордость за свою.

Минин.

Не ошибись!

Аксенов.

Благодарим тебя, Андрей Семеныч,
Что ты позволил нам к народу кликнуть
И собирать казну на божье дело!
За что бы, кажется, благодарить!

Свои мы деньги соберем, положим
Свои труды; да ведь другой, пожалуй,
И помешал бы нам, а ты велишь.
Так уж тебе спасибо и за это!

Минин.

Князья и воеводы, и бояре,
И все честные люди, посудите
Своим умом и разумом великим
Мою простую речь! Не обессудьте,
Что я, помимо старших, затеваю
Такое дело! Не своя гордыня
Ведет меня. Гордыня — вражье дело;
А я слуга, я раб велений божьих.
Сегодня ночью преподобный Сергий
Мне грешному явился и велел он
Будить народ и поспешать к Москве.
Когда я близким стал про это чудо
Рассказывать, в тот самый час гонцы
Явились с грамотой архимандрита.
И мнится мне, что сам угодник Сергий
Ее прислал. Бояре, воеводы!
Я чудо божье утаить не смел
И вам поведал всё как перед богом.
И слушать и не слушать ваша воля;
А мне одно: служить я буду богу.
Я раб, пославшего творю веленья,
Пока исполнится завет господень,
Пока кремлевские увижу стены.

Голоса.

Иди, иди к Москве, Кузьма Захарыч!
Тебя господь поддержит, укрепит...

Воевода.

И мы по силе, пó мочи поможем.

Голоса.

Поможем все тебе! — Поможем все!

Воевода.

А грамоту снесите к протопопу,
Чтоб завтра за обедней прочитал.
Велите в колокол большой ударить,
Чтобы народу собралось побольше.

Семенов.

А где свинцу да пороху возьмете?
Без огненного бою как соваться!

М и н и н.
Займем в Казани, там в остаче много.
С е м е н о в.
А не сберешь ты войска, что тогда?
М и н и н.
Один пойду.
С е м е н о в.
Один — не ратник в поле.
П о с п е л о в.
Ты не один пойдешь, и мы пойдем.
Посадские, торговые помогут
Вам деньгами, а мы все головами.
Д е т и б о я р с к и е.
Мы все идем с тобой, Кузьма Захарьич!
П о с п е л о в.
Никто меня здесь в Нижнем не удержит!
Служилые, воинские мы люди,
Мы по приказу шли и умирали,
Велят — иди и голову клади;
Теперь без зова я иду, охотой!
Уж умирать, так за святое дело!
К о л з а к о в.
Тебя господь своим сподобил чудом;
Иди же смело в бой, избранник божий!
И нас возьми! Авось вернется время,
Когда царям мы царства покоряли,
В незнаемые страны заходили,
Край видели земли, перед глазами
Земля морским отоком завершалась
И выл сердито море-окиян.
Довольно бражничать! Теперь есть дело —
Точить оружие, в поход сбираться!
В о е в о д а.
И с богом! Только жаль, что вас не много.
М и н и н.
Да разве враг нас одолел числом?—
Он одолел нас божьим попущеньем.
Не силой силен враг, а божьим гневом,
Да нашей слабостью, да нашими грехами.
А к с е н о в.
Не войска нужно нам, а благодати.
М и н и н.
Велик господь, владыко херувимский!
Прибежище и сила наша в нем!

Его рука дала врагам победу,
Его рука притупит их мечи.

А к с е н о в.
Давид и мал, да сильного свергает.

П о с п е л о в.
Не много храбрых вывел Гедеон.

М и н и н.
Самсон все войско костью побивает.

А к с е н о в.
От гласа труб валится Ерихон.

К о л з а к о в.
С большой ордой побить врага не диво.

М и н и н.
Во многе бог! И в мале бог!

А к с е н о в.
Аминь!

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЛИЦА:

ВОЕВОДА АЛЯБЬЕВ.

БИРКИН.

СЕМЕНОВ.

ПОСПЕЛОВ.

КОЛЗАКОВ.

МИНИН.

АКСЕНОВ.

ТЕМКИН.

ГУБАНИН.

ЛЫТКИН.

НЕФЕД МИНИН.

ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА.

МАРФА БОРИСОВНА.

ВСЯКИЕ ЛЮДИ НИЖНЕГО НОВГОРОДА ОБОЕГО ПОЛА.

СЛЕПЫЕ.

Площадь в Кремле недалеко от собора. Начинает рассветать.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Часть народа толпится на паперти у собора, между ними Губанин. Вбегает Лыткин.

Лыткин. Ах, отцы мои, вот страсти-то! *(Увидав Губанина.)* Сёма! Сёма! Родимый ты мой, что за напасть такая?

Губанин. Какая напасть?

Лыткин. Да как же, Сёма! Зачем в большой колокол-то били? Слышу я, зачали в колокол бить, народ бросился в город, так я и обмер. Ну, думаю, всполох от воровских людей.

Губанин. Какой всполох? Что ты!

Лыткин. Так зачем же в большой-то? Ноне праздника нету.

Губанин. Затем и в большой, чтоб больше народу набралось. Грамоту из Сергиева монастыря читать будут.

Лыткин. Ишь ты! А ведь мне сдуру-то втемяшилось, что всполох. Велел домашним всю рухлядь, что есть, волочь в город наспех. Тут у ворот под горой и складывают.

Губанин. Кто о душе, а ты все о рухляди. Как тебе не стыдно!

Лыткин. Молод еще ты учить-то! Я уж страсти-то видывал. Как тогда князь Вяземский подходил, натерпелись тоже немало. Оно точно, бог сохранил, а добра-то что распропало.

Губанин. На Москве больше нашего распропало.

Лыткин. Такое определение. Значит, терпи! Ну, а нам, пока бог милует, свое добро беречь надо. Отошла обедня-то?

В народе. Грамоту читают! — Грамоту читают! *(Подвигаются к собору.)*

Губанин. Уж как хочется послушать! Кажись, ничего бы не пожалел.

Лыткин. Уж и я бы послушал. Протеснимся как-нибудь. Посторонитесь, почтенные!

Проходят. Народ мало-помалу протесняется в собор. У паперти открывается кучка слепых, которые были скрыты народом.

Слепые *(запевают)*.

Живал себе славен на вольном свету,
Пивал, едал сладко, носил хорошо,

Золотые одежи богат надевал,
Про милость про божью богат не давал,
Про нищую братью богат забывал.
А был у богатого убогий братец:
Восползет убогий к богату на двор.
Закричит убогий громким голосом.

Заря занимается. Народ выходит из собора. Все утирают слезы. Слышны голоса: «Подайте слепому, убогому! Сотворите святую милостыню!» Мальчики уводят слепых на паперть.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Проходят двое.

1-й. Экой плач! Эко рыдание во всем соборе!

2-й. Да и было отчего. Всё тебе, как на ладонке, видно, как Москва гибнет, как веру православную попирают. Как же тут не заплакать! Что мы, каменные, что ли!

Проходят.

Старик и женщина.

Старик. Гибнет, говорит, все наше государство! гибнет вера православная! Легко сказать — гибнет вера православная! Каково это слово! Скажи ты мне, каково слышать?

Женщина. Тяжко-то оно слышать, тяжко, а хорошо, кабы почаще нам эти слова напоминать! А то живем тут, беды большой над собой не видим, никакой муки не терпим; этак не то что своих ближних, и бога-то забудешь.

Проходят.

Проходят четверо.

1-й. Мы за веру православную должны до смерти стоять! Слышите, до смерти!

2-й. А кто же прочь? Да хоть сейчас умирать!

3-й. Потому, коли ты за веру пострадал, небесное царствие наследуешь.

4-й. Беспременно.

Проходят.

Две женщины.

1-я. Ни в жизнь столько слез не видала! Ни на одних похоронах того не бывает.

2-я. Уж и не говори! Так рекой и разливались. Ангелы-то с небеси, чай, смотрят да радуются.

Проходят.

Выходит народ и становится стенами, образуя улицы для выходящих из собора. Выходят воевода, Биркин и Семенов.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

<Те же>, Воевода, Биркин, Семенов.

Воевода *(утирая слезы)*.

Вы видели, как плакал весь народ,
Вы слышали тяжелые рыданья!
Какие слезы! Боже! Прав Кузьма:
С таким народом можно дело делать
Великое. Он кроток, как дитя,
Он плачет. Но, взгляните, эти слезы—
Не хныканье старух и стариков;
В них сила страшная; омывшись ими,
Он чист и тверд, как камень самоцветный;
Он сбросил тяжесть помыслов житейских,
И суеты, и будничных забот,
И вышел непорочен: хоть на битву
Веди его, хоть в монастырь честной,
Хоть на́ небо.

Семенов *(со слезами)*.

Великую ты правду,
Андрей Семеныч, говоришь. Я стар,
Заматерел в грехах; а божье слово,
В час утренней молитвы, возвышает
Мне душу грешную, и рвутся цепи,
К земле гнетущие; хочу подняться,
Как утопающий, ищу спасенья;
Цветущий берег райский вижу ясно;
И плыть готов, и силу обретаю.

Воевода.

Страдал народ; теперь конец страданью,
Заметно по всему. И страшно будет
Отмщение за пролитую кровь.

Биркин.

Потерпит и еще.

Воевода.

Вот ты увидишь,
Что этот день начало избавленья

От всех напастей, обстоящих нас.
Народ проснулся. Даром так не плачут.
Поверь ты мне: заря освобожденья
Здесь в Нижнем занялась на всю Россию,
Взойдет и солнце.

Семенов.

Кабы нам твоими
Устами мед пить.

Воевода.

Даст ли бог дожить?
А доживем, увидим. Эко чудо!
Все из ума нейдет. Какие слезы!
Все плакали, от мала до велика.
(Уходит.)

Входят Аксенов, Поспелов, Темкин, Губанин, Лыткин и несколько народу.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Биркин, Семенов, Аксенов, Поспелов, Темкин, Губанин, Лыткин и народ.

Поспелов.

Выходишь от обедни, помолясь
С усердием и досыта поплакав,
И так тебе легко на сердце станет;
И под ногами ты земли не чуешь,
И ног не слышишь; и заря-то ярче
Горит на небе, точно сладкий мед,
Пьешь воздух утренний. Такое диво!
Какая лёгость для души молитва!
Взялся бы с места, да и полетел!
А день придет — забота за заботой
Навалятся, опять отяжелеешь.

Аксенов.

Вестимо, утром человек помягче,
Пока не заболтался в суете;
И разум крепче, да и воля тверже,
И особливо — помолясь усердно.
Сейчас наказывал Кузьма Захарьич
Сказать народу, чтоб не расходился.
Пожалуй, после всех и не сберешь,
Да и сердца-то огрубеть успеют.
Теперь в соборе заказал молебен

Он ангелу-хранителю Косьме —
Бессребренику. Вы поговорите
С народом-то, пока молебен кончат.

Темкин и Губанин отходят к народу,— один в одну сторону, другой в другую.

Т е м к и н.
Почтенные! Маленько подождите:
Кузьма Захарьич хочет говорить.

Г у б а н и н.
Коли не в труд, повремените малость:
Кузьма Захарьич приказал просить.

М и н и н выходит из собора.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Т е же и М и н и н.

М и н и н *(с лобного места)*.
Друзья и братья! Русь святая гибнет!
Друзья и братья! Православной вере,
В которой мы родились и крестились,
Конечная погибель предстоит.
Святители, молитвенники наши,
О помощи взывают, молят слезно.
Вы слышали их слезное прошенье!
Поможем, братья, родине святой!
Что ж! Разве в нас сердца окаменели?
Не все ль мы дети матери одной?
Не все ль мы братья от одной купели?

Г о л о с а.
Мы все, Кузьма Захарьич, все хотим
Помочь Москве и вере православной.

М и н и н.
И аще, братья, похотим помочь,
Не пожалеем наших достояний!
Не пощадим казны и животов!
Мы продадим дворы свои и домы!
А будет мало: жен, детей заложим!

Г о л о с а.
Заложим жен! Детей своих заложим!

М и н и н.
Что мешкать даром, время нас не ждет!
Нет дела ратного без воеводы:
Изыщем, братия, честного мужа,

Которому то дело за обычай,
Вести к Москве и земским делом править.
Кто воеводой будет?

Г о л о с а.

Князь Димитрий
Михайлович Пожарский! — Князь Пожарский!
Другого нам не надо!

М и н и н.

Воля божья!
Пожарского избрали мы всем миром,
Ему и править нами. Глас народа —
Глас божий. Выборных людей пошлем
Просить и кланяться, чтоб шел к нам на́спех.
Теперь, друзья, несите, кто что может,
На дело земское, на помощь ратным
Я — господи благослови начало! —
Свои, копленые и трудовые,
Все, до последнего рубля, кладу.

Н е с к о л ь к о г о л о с о в.

И мы, и мы все за тобой готовы
Отдать свою копейку трудовую!

Д р у г и е г о л о с а.

Что деньги! Деньги дело наживное;
Как живы будем, наживем опять.

М и н и н.

Да из собора я послал Нефеда,
Чтоб из дому несли, что подороже:
Жены Татьяны поднизи и серьги,
Весь жемчуг, перстни, ферязи цветные,
Камку и бархат, соболь и лисицу;
Да взяли б у святых икон взаймы,
На время только, ризы золотые.
Пошлет господь, оправим их опять.

Г о л о с а.

Всё отдадим! — Теперь не до нарядов!
В нарядах суета мирская ходит!

Начинаются приношения.

М и н и н.

Ты, Петр Аксеныч, стань, блюди казну!
Ты, дедушко, не знаю, как назвать-то,
Постой у денег! Принимайте вместе!

Аксенов и старик входят на лобное место и принимают приношения. Минин сходит.

Б и р к и н.

Нет, в Нижнем принялись за дело крепко.
Здесь делать нечего; а подобру
Да поздорову лучше убираться.

С е м е н о в *(подходит к Минину).*

Обидел я тебя, Кузьма Захарьич,
Прости меня!

М и н и н.

Господь тебя простит.

С е м е н о в.

Я мнил, смущаем дьявольским прельщеньем,
Что грубый ты и гордый человек,
Что ради славы суетной ты ищешь
Владычества над равными тебе
И временной корысти. Просвещает
Господь мне очи ныне. Зрю в тебе
Поборника по вере православной,
Ясносиятельной и непорочной,
И кланяюсь тебе, прости меня!
Я стар, душе моей приспело время
Сводить расчет дел правых и неправых.
И так грехов довольно на душе;
Ты отпусти мне этот грех последний,
Все легче будет хоть одним грехом.

М и н и н.

Не у меня, у господа прощенья
Проси! А я обид твоих не помню.

С е м е н о в.

Ну, и спаси тебя господь за это!
Не откажите малый вклад принять
От многогрешного раба Василья.

Отходят с Мининым.
Народ более и более теснится у лобного места. Начинают приносить даже вещи, что и продолжается до конца действия.

Г у б а н и н *(Темкину).*

Пойти домой, принесть свое хоботье!
Оставлю чашку щей да хлеба на день,
С меня и будет.

Т е м к и н.

Погоди, успеешь!
Мы первые пошли на это дело.
Не спятимся. Что, Лыткин замолчал?

Губанин.
Ты знаешь, Лыткина именье близко:
Он в город перенес, боясь всполоху;
Как давеча к обедне зазвонили
В большое било, он и испугался.
Темкин.
Ну, ладно ж! Погоди, Василий Лыткин!
(Лыткину.)
Ай, Вася! Вот хвалю! Так, брат, и надо!
Лыткин.
А что?
Темкин.
Да как же! Ты свои пожитки
Все приволок. Чего-нибудь да стоит.
Лыткин.
Да нешто я про вас?
Темкин.
А про кого же?
Лыткин.
Я для сохранности принес.
Темкин.
Ну полно
Шутить-то с нами!
Лыткин.
Да какие шутки!
А вот возьму, да и пошлю домой.
Темкин.
Покойников с погосту в дом не носят.
Лыткин.
Так что же вы хотите?
Темкин.
Вот покличем
Мы молодцов, перетаскают мигом.
А из мирской казны не отдадут.
Губанин.
Да и просить-то стыдно.
Лыткин.
Что ж вы, грабить
Меня хотите?
Темкин.
Как же быть с тобой?
Неволя заставляет, сам доводишь!

Губанин.

Ты скупостью своей и нас позоришь!
Паршивая овца все стадо портит.

Лыткин.

Уж вы меня пустите!

Темкин.

Нет, уйдешь!

Лыткин.

Не погубите!

Темкин.

Вот что, брат Василий!
Дай деньгами! Пожитков мы не тронем.

Губанин.

Ведь деньги все с тобой. Боясь всполоху,
Все до копейки из дому унес.

Лыткин.

А много ль?

Темкин.

Все отдай!

Губанин.

Ну, половину!

Лыткин.

Ой, много!

Темкин.

А заспоришь, хуже будет.

Губанин.

Ну, третью деньгу дай!

Темкин.

С лихой собаки
Хоть шерсти клок.

Губанин.

Как на миру решили!

Темкин.

Развязывай кошель-то, сосчитаем!

Все трое садятся на землю и считают деньги.

Три доли ровно, видишь. Две тебе,
Сбирай в мошну, завязывай потуже!
А третью часть сыпь в шапку, да и с богом!
Пойдем все вместе, отдадим с поклоном.

Подходят к Аксенову.

Примай-ко, Петр Аксеныч!

Лыткин подает шапку.

А к с е н о в *(высыпает деньги и возвращает шапку).*
Вот спасибо!
Не ожидал я от тебя, Василий.

Л ы т к и н.
Я на мирскую нужду не жалею.
(Отходит.)
Уж только знает грудь да подоплёка,
Как мне легко. Убраться поскорее!
(Уходит.)

Входит К о л з а к о в.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Т е ж е и К о л з а к о в.

К о л з а к о в *(Минину).*
А я что дам? До нитки домотался!
А надо бы беречь на черный день.
И у меня добра довольно было,
Да сплыло все. Теперь людям завидно.
Не то завидно, милый человек,
Что хорошо живут да чисто ходят;
А то завидно, что добро несут,
А мне вот нечего. И одежонка
Вся тут. Да! Погоди! Тельник на шее,
Серебряный, большой. Ну, слава богу!
Нашлось-таки, что господу отдать.
(Снимает.)
Возьми! Возьми! Пускай хоть раз-то в жизни
Пойдет на дело и моя копейка.

Входят Т а т ь я н а Ю р ь е в н а и Н е ф е д. За ними несут сундуки и ларцы.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Т е ж е, Т а т ь я н а Ю р ь е в н а и Н е ф е д.

Н е ф е д.
Как, батюшко, изволил приказать,
Так точно мы, по твоему приказу,
И сделали — всё принесли сюда.

М и н и н.
Вон, видишь, Петр Аксеныч собирает!
Кладите в кучу, после разберут.

Татьяна Юрьевна.
Вот, государь ты мой, Кузьма Захарьич,
Ты приказал жене твоей, Татьяне,
Прислать тебе жемчуг и ожерелья,
И с камешками перстеньки, и всю
Забаву нашу, бабью. Я не знаю,
На что тебе! Я всё в ларец поклала,
Не думавши, взяла и принесла.
Ты дума крепкая, Кузьма Захарьич,
Ты слово твердое, так что нам думать.

Минин.
Сама Петру Аксенычу отдай!

Татьяна Юрьевна.
Все, государь, исполню, что прикажешь.
(Отдает.)

Входит Марфа Борисовна; за ней несут сундуки и ларцы.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Те же и Марфа Борисовна.

Марфа Борисовна.
Богатое наследство мне осталось
От мужа моего и господина.
Отцы и деды прежде накопили,
А он, своим умом и счастьем, много
К отцовскому наследию прибавил,
И умер в ранних летах; не судил
Ему господь плоды трудов увидеть,
Покрасоваться нажитым добром.
Благословенья не было от бога
Мне на детей,— одним-одна осталась
Хозяйкою несчетного добра,
Добра чужого,— я с собою мало
В дом принесла. Искала я родных;
Родни его ни близкой не осталось,
Ни дальней. Вздумала я — догадалась
Раздать казну за упокой души,
И весело мне стало, что заботу
Такую дорогую бог послал.
И вот, благословясь, я раздавала
По храмам божьим на помин души,
И нищей братье по рукам, в раздачу,
Убогим и слепым, и прокаженным,

Сиротам и в убогие дома,
Колодникам и в тюрьмах заключенным,
В обители: и в Киев и в Ростов,
В Москву и Углич, в Суздаль и Владимир,
На Бело-озеро, и в Галич, и в Поморье,
И в Грецию, и на Святую Гору,
И не могла раздать. Все прибавлялось,—
То долг несут, то ко́ртому с угодий,
И, не внуши вам бог такого дела,
Ни в жизнь бы мне не рассчитаться с долгом.
Тут много тысяч! Сыпьте, не считайте!
На добрые дела, на обиход
Еще немного у меня осталось.
Коли нужда вам будет, так возьмете.
А мне на что! С меня и так довольно —
Одних угодий хватит на прожиток.
(Отходит к стороне.)

Поспелов.
Ты мне теперь еще дороже стала,
Жена моя любезная!

Марфа Борисовна.
Ах, что ты!
Я не жена еще!

Поспелов.
Не все ль равно!
Не рано — поздно будешь же женою.
Да долго ль ждать-то? Скоро пост начнется;
Сама ты знаешь, свадьбы не венчают.

Марфа Борисовна.
Какой ты скорый! Разве мало дела?
Все не управлюся.

Поспелов.
Вот вы какие!
Вам только мучить человека! Знаю
Я ваш обычай. Что же за порядок!
Тут пост, а там к Москве пора идти;
Нам и пожить-то вместе не удастся.

Марфа Борисовна.
Ах, милый мой, так ты к Москве пойдешь?

Поспелов.
Еще бы не пойти! Само собою.

Марфа Борисовна.
Ах, мой сердечный! Экой ты хороший!
Бог даст, вернешься!

П о с п е л о в.

Как же, дожидайся!
Скорее голову свою положишь.

М а р ф а Б о р и с о в н а.

А голову положишь, нешто худо!
Что мученик, что на войне убитый,
Ведь все равно. Куда ты угодишь,
Пойми! Нам не бывать там, где ты будешь.

П о с п е л о в.

Да я не прочь и голову сложить,
А все-таки, пока живешь здесь, в Нижнем,
Жениться бы.

М а р ф а Б о р и с о в н а.

Об деле меньше будешь
Женатый думать. Вот что, друг любезный!
Ты знаешь ли: женатый о жене,
А холостой о боге.

П о с п е л о в.

Наше дело,
А не твое. Про то мы сами знаем.
Ты обещала, так назад не пяться!

М а р ф а Б о р и с о в н а.

Зачем мне пятиться! Какая стать!
Ну, чем ты не жених? Собой красавец,
И развеселый, и такой удалый!
Других таких не сыщешь. Из-под ручки
На женихов таких невесты смотрят.

П о с п е л о в.

Да, только смотрят.

М а р ф а Б о р и с о в н а.

А тебе все мало.

П о с п е л о в.

Все шутки у тебя. Мне не до шуток!
Тебе забава,— мне кручина злая.
Я, точно подкошённая трава,
Без ветра-вихоря, без солнца вяну.
Ложись да умирай!

М а р ф а Б о р и с о в н а.

Дай бог пожить!
Повеселиться, да детей понянчить!
Ты не кручинься! Бог даст, будем живы,
Еще успеем и намиловаться
И надоесть друг другу.

П о с п е л о в.

Бог с тобой!
Хотел браниться, что не держишь слова,
Язык не слушает. Махнуть рукой
Приходится да ждать себе решенья.
Хоть милуй, хоть казни меня — я твой!
И приказать и отказать вольна ты;
Прикажешь — ладно; нет — так бог накажет.
(Отходит.)

Т а т ь я н а Ю р ь е в н а.

Ты не зайдешь ли к нам отсюда, Марфа
Борисовна, на пирожок?

М а р ф а Б о р и с о в н а.

Не знаю,
Как и сказать тебе! Не обмануть бы!
Вот видишь ты: мое желанье было —
Снести казну, избавиться заботы,
Да в монастырь, на тихое житье,
Пройти отсюда прямо, уж домой
Не заходить; да после рассудила,
Что надо будет богу послужить
Еще в миру пока. Сберется войско,
Постои да кормы им нужны будут;
Дом у меня большой, народу много
Поставить можно. Надо приглядеть
Да присмотреть самой. Свой глаз все лучше;
Заглазно — беспокойно.

Т а т ь я н а Ю р ь е в н а.

Ну, еще бы!

М а р ф а Б о р и с о в н а.

Вот, рассудивши так-то, я отсюда
И думала пробраться в Воскресенский,
Себе хотелось келью присмотреть.

Т а т ь я н а Ю р ь е в н а.

Вот уж не думала. Да что ты, Марфа
Борисовна! Ушам своим не верю.
Такая ты веселая, все шутишь,
Смеешься с нами, парней молодых
Не обегаешь...

М а р ф а Б о р и с о в н а.

Что же их бояться?
Подумают, горда. Греха-то больше!
А пусть болтают да смеются вдоволь,

От ихних слов меня ведь не убудет:
Побалагурим, да и разойдемся.

Т а т ь я н а Ю р ь е в н а.
Да как же это? Алексей Михайлыч
Мне сказывал, что он тебя засватал,
И ты не прочь, и будто по рукам
Ударили. Он ждет и не дождется.

М а р ф а Б о р и с о в н а.
Не говори ему, пускай он ждет.

Т а т ь я н а Ю р ь е в н а.
Обманывать грешно!

М а р ф а Б о р и с о в н а.
Да что же делать!
Ты рассуди сама: идти мне замуж
Уж не приходится: я обещала
Вдовой остаться, божьей сиротой.
А Алексей Михайлыч ласков очень,
Меня он любит; откажи ему —
Рассердишь. Кроток он теперь и смирен;
Пожалуй, в гнев его введешь и в злобу,
И будет только грех один. Уж лучше
Хоть обману, да в мире поживем.
Пусть думает, что я его невеста.
Теперь к Москве сбираться скоро будет,
Дорога дальняя — меня забудет.
Не до любви,— там горе ждет его,
А я молиться буду за него.

Уходят. Н а р о д у все больше прибывает на площадь.

О д и н и з т о л п ы.
Вот шесть алтын, две деньги!

Д р у г о й. Зипунишко!

Подают. К лобному месту подходят толпами.

Г о л о с а.
Вот наши деньги из квасного ряду! —
Из рукавичного! — От ярославцев! —
Костромичи собрали — принимайте! —
Стрельцы Колзакова Баима сотни.

П о с п е л о в.
Вот праздник, так уж праздник! Ну, веселье!

М и н и н.
И я смотрю; душа во мне растет.
Не явно ли благословенье божье!

Теперь у нас и войско, и казна,
И полководец. Недалёко время,
Когда, вооружась и окрылатев,
Как непоборные орлы, помчимся
И грянем на врагов. Пусть лютый враг,
Как лев, зияет, бесом вооружаем;
Не страшен нам злохитрый ков его!
За нас молитвы целого народа,
Детей и жен и старцев многолетних,
И пенье иноков и клир церковный,
Елей лампад, курение кадил!
За нас угодники и чудотворцы,
И легионы грозных сил небесных,
Полк ангелов и божья благодать!

Вбегает юродивый.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Те же и юродивый.

Голоса.
Бежит убогий! — Гриша! — Пропустите!
Юродивый *(на лобном месте)*.
Вот денежки! Копеечки! Возьмите!
Их много, много!
(Высыпает деньги.)
Голоса.
Вот он собирал
Всё на дорогу-то! — Выходит, правда.—
Уж эти деньги, братцы, всех дороже.
Юродивый.
Темно! темно! Не вижу ничего!
Где люди? Где земля? Все вниз уходит.
Повыше бы подняться! Выше! Выше!

Его поднимают.

Я вижу, вижу!..
Голоса.
Что ты видишь, Гриша?
Всем сказывай! — Всем говори, что видишь!
Юродивый.
Обители, соборы, много храмов,
Стена высокая, дворцы, палаты,
Кругом стены посады протянулись,

Далёко в поле слободы легли,
Всё по горам сады, на церквах главы
Всё золотые. Вот одна всех выше
На солнышке играет голова,
Река, как лента, вьется... Кремль!.. Москва!..

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЛИЦА:

МИНИН.

ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА.

НЕФЕД.

АКСЕНОВ.

ПОСПЕЛОВ.

СЕМЕНОВ.

ПЛОЩАДНОЙ ПОДЬЯЧИЙ.

ВЫБОРНЫЕ.

НАРОД.

Горница в доме Минина. Налево дверь в другой покой, прямо — в сени.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Татьяна Юрьевна сидит у стола пригорюнясь; Нефед стоит у притолоки. Входит Аксенов.

Аксенов.

Мир дому и живущим в нем! Здорово ль
Вы здесь живете?

Татьяна Юрьевна.

Чьи-нибудь молитвы
Доходят к богу: живы и здоровы!

Аксенов *(садясь)*.

Так что ж вы приуныли, осовели?

Нефед.

Да батюшко...

Аксенов.

Ну, что ж?

Нефед.

Тоскует очень.

Татьяна Юрьевна.

И не глядит на свет, сидит горюет.

Аксенов.

Что за беда такая! Отчего бы?

Нефед.

Кто ж знает!

Татьяна Юрьевна.

Нешто скажет!

Аксенов.

Вы б спросили!

Нефед.

Не смеем.

Аксенов.

Ну, так я поговорю.

Татьяна Юрьевна.

Поговори-ко, Петр Аксеныч, толком!
Авось уймется.

Нефед.

Батюшко идет.

Татьяна Юрьевна и Нефед уходят в среднюю дверь; Минин выходит из боковой.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Аксенов и Минин.

Аксенов.

Здорово, друг Кузьма Захарьич!

Минин.

Здравствуй!

(Садится на лавку и молча смотрит в окно.)

Аксенов.

Опомнись! Что ты! Как тебе не грех!

Минин.

Тоска меня загрызла; иссосала
Мне сердце, как змея.

Аксенов.

О чем скорбишь?
Ты мне скажи, на сердце легче будет.

Минин.

Ты не поможешь. Горько мне до смерти!
Скорбь лютая! Душа захолонула,

Упало сердце ретивое, кровь
По жилам холодеет!

Аксенов.

Ты в уме ли?
Не ты бы говорил, не я бы слушал!
Какое время, вспомни, греховодник!
Какое дело на плечах твоих!
Будь тверд как камень! Суетному горю
И малодушеству не предавайся!
Грехом уныния грешишь пред богом!
Противна богу суетная скорбь.

Минин.

Нет суеты во мне. Коришь напрасно.
Земные страсти надо мной не властны.
Рассыпься дом и погреби семью,
Возьмись пожар и разнеси по ветру
Всё нажитое, до последней нитки,—
Я буду тверд; хвалить и славить бога
Не перестану; проронить слезу
Сочту грехом. Я наг на свет родился
И наг в могилу лягу. Страшно молвить!
Аксеныч, страшно молвить! Наше дело,
Великое святое начинанье,
Как сельный цвет в сухое лето, вянет.
Выводим стены, крышу крыть хотим,
А храмина не крытая валится.
Вот отчего лицо мое мертвеет,
И зимним холодом ведет по телу,
И дыбом подбирает волоса.
Народ волна — прихлынет и отхлынет.
Давно ль тот день, когда бежал толпами
Народ на площадь, отдавал копейки
Последние и медные кресты? —
А что теперь! Хоть плачь, хоть распинайся —
И денежки не вымолишь; забыли,
Что жен, детей хотели заложить.
Все приуныли. Только бедняки
И веселы; а те, что побогаче,
Как туча черная, все почернели.
Расстаться жаль с добром. Они не видят,
Что дьявол их тенетами опутал
И в бездну тащит золотым арканом.
А много ль мы собрали, Петр Аксеныч?
С чем начинать? Подумай, посуди!

А разве ты не видишь тайной злобы
Ко мне? Не все, я не хочу грешить,
А есть такие,— разорвать бы рады
Меня на части. Точно о себе
Радею я, а не о земском деле.
Да ты послушай, что еще скажу!
Послали выборных, просить велели
На воеводство князя. Князь Дмитрий
Михайлович их спросит: «кто блюсти
И ратным раздавать казну приставлен?» —
Меня не назовут, гляди, другого
Кого-нибудь. Все прахом и пойдет!

Аксенов.

Не гордость ли, Кузьма?

Минин.

Нет, Петр Аксеныч!
Да разве гордость — не жалея силы
И день, и ночь, не покладая рук,
Без устали, без отдыха работать!
Один для всех слуга я поминутный;
Да и вперед вам послужить хочу.
Ведь я не почести прошу, а службы.
Горячее-то время подойдет,
Тут только поспевай, ведь с ног собьешься;
И не доевши вскочишь из обеда,
И ночи не доспишь, да не придется
И лба себе перекрестить порядком.
Вот я чего хочу. Пускай другие
За дело примутся, тогда увидишь,
Что заварится! Брань, да перекоры,
Бездельные, пустые разговоры;
Казны собрать алтына не сумеют;
А что собрали, растрясут, развеют.
А делу-то поруха! Нам бесчестье!
И перед богом грех незамолимый!

Аксенов.

Не дай бог слышать, а не то что видеть
Греха такого!

Минин.

Чай, тебе случалось
Видать не раз, как тонет человек;
А может, сам тонул?

Аксенов.

Всего бывало.

М и н и н.

Перекрестясь, да с берега крутого
Ты бросишься, на силу-то надеясь;
Плывешь так весело; на полдороге
Вдруг страшно станет; ищешь ты глазами,
Где ближе берег. Смотришь ты вперед,
Там столько же, как с берега казалась
И вся река; назад,— там вдвое шире.
Кричать нет пользы, берега пустые,
Ответа не дадут; а кто услышит,
Так скоро ль добежит да сыщет лодку!
Вдруг смертная тоска одолевает;
Глазами водишь: мать сыра земля
Цветет по-прежнему, проходит стадо
Вдали, чуть видно; пролетели чайки
С зловещим криком; облачко нашло
На солнышко, и плёсо зарябилось,
И потемнел тальник по берегам;
И, сотворив молитву, тонешь, бедный,
Без помощи. Вот так и я тону.
Да не один я, все мы, все мы тонем.
(Задумывается.)

А к с е н о в.

Ты был у князя?

М и н и н.

Одному тебе
Покаюсь, был.

А к с е н о в.

На чем же порешили?

М и н и н.

Князь — добрый человек. Меня он слушал
Приветливо и долго; обласкал
И сам расспрашивал про все по ряду:
«Да что? Да как? Да правду ль говоришь?»
Сам понимаешь, княжеское дело.
«Скажи-ко, говорю, ты мне, князь Дмитрий
Михайлович, кто больше сработáет —
Голодный али сытый? Подневольный
Аль за деньги нанятой? Скажи-ко,
Не оттого ли нашим воеводам
И дело ратное не удавалось,
Что только силу ратную считали,
А про кормы да про казну забыли?
Без корму да без денег что за ратник!

Ни силы нет, ни духу! Ты возьми
От человека до скота,— всё то же!
Ведь сытый конь побольше и свезет,
И в гору вытянет; на чахлом много ль
Наездишь? Самого тянуть придется».
Да так вот все ему, как на ладони,
И выложил. Подумал князь, подумал
И говорит: «Ты прав, Кузьма Захарьев!
С такой оравой в дальнюю дорогу
Мне без тебя сряжаться — что без рук.
Давай уж вместе господу послужим!»
Поцаловались. С тем и отпустил.

Аксенов.

Так ты чего ж боишься, маловерный?

Минин.

Да разве князь не может передумать!
Наскажут на меня, а он поверит:
Ты знаешь сам, как я богатым солон!
А их-то и послали с челобитьем.
Душа из тела рвется, полетел бы
Одним глазком взглянуть, что там творится.

Аксенов.

А вот приедет Алексей Михайлыч —
Расскажет все. Сегодня надо ждать.

Поспелов входит.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Поспелов.

Аксенов.

А он и тут. Легок же на помине.
Здорово ль съездили?

Поспелов.

Благополучно.
Дорога гладкая, морозец легкий!
По первопутью, ровно как по маслу,
Шутя доехали. Да и назад
Вернулись подобру да поздорову.

Минин.

Садись! В ногах нет правды! Говори!
Душа не терпит, сердце не на месте.

Аксенов.

Все сказывай, как было, по порядку!

П о с п е л о в.

Вот, перво-наперво, мы духовенство
Пустили в горницу, а там, честь честью,
Вошли и мы; кто старше, впереди.
Все помолились, низко поклонились.
Князь подошел к благословенью, отдал
Нам всем поклон и начал говорить,
Что рад гостям и что желает слышать,
Какую нужду до него имеют.
Тут все заговорили. Дьяк Василий
Большую речь держал хитро и складно
И приводил слова святых писаний.
Князь слезно плакал. Видно, что по сердцу
Ему пришел наш земский приговор.
«Ступайте в Нижний, говорит, скажите,
Что я за веру пострадать готов
До самой смерти. Только подобает
Между собою из людей посадских
Вам выбрать мужа, чтобы вместе быть
Нам у великого такого дела,
Казну сбирать и ратных оделять
И все дела нам делать заедино».
И стали наши князю говорить:
«Не знаем мы такого человека!»

М и н и н.

Они не знают! Слышишь, Петр Аксеныч?
Меня от службы земской оттирают,
Иду в холопы к ним — не принимают.

А к с е н о в.

Постой! Возьми терпенье! Дай дослушать!

П о с п е л о в.

А князь им говорит: «У вас Кузьма
Захарьев, Сухорук, то дело знает;
Он человек бывалый и служилый,
Ему такое дело за обычай!
Его просите! Буде согласится,
И я, не мешкая, сбираться буду».
Нас накормили, брагой напоили
И с миром отпустили. Вот и все.

А к с е н о в.

Где ж выборные?

П о с п е л о в.

Всех оповещают
На площади. И копится народ,

И сходится со всех сторон толпами;
Хотят всем миром двинуться к тебе
Просить и кланяться, Кузьма Захарьич.

Минин.

Они придут. О господи, дай силы!
Дай твердости! Окамени мне сердце!
О! загради мой слух! Да не смущаюсь
Коварными и льстивыми словами!
Печатью огражденья запечатай
Уста мои! Да не отдамся весь
В чужую волю скорыми речами!
Они придут!
(Решительно.)
Ну что ж! Пускай! Мы примем.

Аксенов.

Крепись, Кузьма!

Минин.

Да будет воля божья!

Входит Нефед.

Нефед.

К нам гости, батюшко!

Минин.

Встречай с поклоном!
Широко распахните воро́та!
Все двери отворите и зовите!

Поспелов.

Теперь я лишнее бревно в избе.
(Уходит в боковую дверь.)

Входят Семенов, выборные и народ.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Минин, Аксенов, Семенов, выборные и народ.

Семенов.

Кузьма Захарьич! Ведомо тебе,
Что мы всем миром посылали к князю
Димитрию Михайловичу в Пурех
Нижегородцев, выборных людей
Из всех чинов, с великим челобитьем.
Да будет ведомо тебе, что стольник
Князь Дмитрий наше челобитье принял
И приказал сказать всему народу

Нижегородскому свое решенье:
Что ради веры пострадать готов
И собирается к нам, в Нижний, наспех.
У сбора же казны и у раздачи
На жалованье ратным людям денег
Князь приказал приставить человека
Бывалого, из лучших из посадских.
Да будет ведомо, Кузьма Захарьич,
Что мы, поговорив между собою,
С посадскими и всякими людьми,
Приговорили кланяться тебе
И звать к мирскому делу неотступно.

Один из выборных.
Уж не впервой тебе, Кузьма Захарьич,
За дело земское руками браться.
Мы много милостью твоей довольны.
И в этом разе ты нас не покинь.

Все кланяются.

Другой выборный.
Кузьма Захарьич! Мы к тебе с поклоном,
С великим челобитьем прибегаем.
Ты нашей просьбы не оставь! Всем миром
Тебя мы просим: послужи ты нам!

Все кланяются.

Голоса.
Кузьма Захарьич, послужи! — Кому же,
Опричь тебя и некому у нас! —
Все просим: послужи, Кузьма Захарьич!

Кланяются.
Татьяна Юрьевна, Нефед и Поспелов смотрят из боковой двери.

Минин.
Благодарю, что вспомнили меня,
И низко кланяюсь. За честь спасибо!
(Кланяется.)
Есть поумней меня и побогаче,
Да и постарше, прежде тех просите!

Голоса.
Нам никого не надо. — Не хотим
Другого! — Ты нам люб. — Тебя мы просим!

М и н и н.

Не бегал я от службы никогда,
Для дела земского бросал заботы
Свои домашние, семью, торговлю,
Радел, чтоб застоять да не обидеть
Молодших братий...

Г о л о с а.

Мы тобой довольны,
Кузьма Захарьич, ты об нас радел.

М и н и н.

Вот и недавно подняли мы дело,
И малое начало положили
Великому. Жалел ли я себя?
И деньги и добро принес я первый.
По-моему-то, всем так подобает;
А может, кто жалеет. Как тут быть!
Как тут орудовать! Один и душу
Рад заложить; другому жаль копейку.
Стань принуждать, его обидишь кровно.
И только грех, да брань, да уреканье!
Послужишь богу, так людей обидишь!
Людя́м служить, так богу согрешить!
Кому служить-то: лю́дям или правде?

Г о л о с а.

Ты правде послужи, Кузьма Захарьич!

М и н и н.

Служил бы правде, силы не хватает,
Последнюю на службе истерял.
Работал много, наработал мало!
Хлопот по горло, дела на алтын!
Любовью начали, свели на ссору!
Хотели волей собирать подмогу,
Теперь хоть силой отымай, так впору.
Что ж, мне стоять с ножом у горла, что ли?
Что было силы, послужил народу.
Уж не взыщите, утрудился больно.
(Кланяется.)

З а д н и е *(передним)*.

Просите! Кланяйтесь! Что так стоите!

П е р е д н и е *(кланяются)*.

Кузьма Захарьич! пожалей ты нас,
Мы без тебя — без рук. Все дело прахом
Рассыплется.— Не совладать другому,
Напортит только. Где другому сделать!

М и н и н.
И не просите лучше, не могу.
В ы б о р н ы й.
Кузьма Захарьич, может, ты серчаешь
На нас за что? Так гнева не держи!
Вину и виноватого поведай!
В чем проступились, в том и повинимся.
М и н и н.
Другому кланяйтесь, я не слуга вам!
Последнее вам слово говорю.
(Садится к столу и закрывает лицо руками.)
Г о л о с а.
Татьяна Юрьевна, ты, Петр Аксеныч,
Покланяйтесь да попросите с нами!
Т а т ь я н а   Ю р ь е в н а *(с поклоном)*.
Не наше дело, батюшки; не смеем.
А к с е н о в.
Не все ж ему плясать по вашей дудке!
Раз кланялись, поклонитесь в другой!
Не в час пришли, так лучше воротиться,
Да сызнова прийти, да поклониться.

Все кланяются.

Т а т ь я н а   Ю р ь е в н а.
Прощенья просим!
Г о л о с а.
С богом оставаться!

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

М и н и н, А к с е н о в, П о с п е л о в и Н е ф е д (смотрят в окно), Т а т ь я н а   Ю р ь е в н а (у боковой двери).

М и н и н.
Ушли! Ну, слава богу! легче стало!
Душа моя открыта перед богом,
Я рад служить, рад душу положить!
Я к делу земскому рожден. Я вырос
На площади, между народных сходок.
Я рано плакал о народном горе,
И, не по летам, тяжесть земской службы
Я на плечах носил своей охотой.
Соблазну власти я не поддавался;

И, как наседка бережет цыплят,
Так я берег от властных и богатых
Молодшую, обидимую братью.
Теперь зовут меня, а я нейду;
Я не пойду служить, пока весь Нижний
В моих руках не будет поголовно
Со всем народом и со всем добром.

Нефед.
Вернулись, батюшко.

Минин.
Заприте двери!
Замкните окна!

Аксенов.
Что ты! Бог с тобой!
Пусти меня, я расскажу им толком,
Чтоб написали земский приговор.

Идет к двери, дверь растворяется. Видна толпа.

Голоса.
Кузьма Захарьич, мы опять к тебе.

Минин.
Сказал, что не пойду,— чего ж хотите?
Я и в другой раз то же говорю,
Придете в третий, в третий то же будет.

Аксенов уходит и затворяет дверь.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же без Аксенова.

Поспелов *(у окна)*.
Идут, нейдут, едва переступают,
Как словно что забыли. Меж собою
Всё шепчут что-то, плачут. Погляди!
Вот как ты дорог им, Кузьма Захарьич!

Минин.
Что ж, плачут! Я и сам заплачу с ними;
Да делу-то какая польза будет!
Довольно слез, теперь нужна нам твердость!
Чем плакать, написали б приговор.
А и напишут, я сейчас же к князю
Пошлю его. Нефед, седлай коней!
И сам сбирайся наскоро в дорогу!
Ты, Алексей Михайлыч, с ним поедешь.

Везите, пуще глазу берегите,
И прямо к князю в руки передайте!
А дома-то держать боюсь, отымут,
Назад возьмут, коль в чем не угодишь.

Н е ф е д.
Я мигом, батюшко!
(Уходит.)

П о с п е л о в.
Да не напрасно ль
Ты опасаешься, Кузьма Захарьич?

М и н и н.
Да разве ты не видишь, как мне горько
Хитрить с народом, кабалить его?
Кабы не божье дело, приговора
Я не просил бы. Я в огонь и в воду
По воле земской брошусь без оглядки.
И головой начальным, и слугою
Готов служить по первому их слову.
Мириться, ссориться не привыкать-стать,
И поругаемся, и помиримся,
Друг на́ друге обиды не считаем.
Брань не страшна, на вороту не виснет.
То наше дело, дело поправное.
А это дело божье, за оплошку
За каждую ответишь перед богом.
Привел господь начать благое дело,
И надо честно совершить его.
Я не свое хотенье исполняю,
А волю, заповеданную свыше.
Мне больше дал господь и больше спросит.

П о с п е л о в.
Идут опять, и Петр Аксеныч с ними,
Подьячего ведут со всем припасом.

Входят А к с е н о в, п о д ъ я ч и й, в ы б о р н ы е и н а р о д.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Т е ж е, А к с е н о в, п о д ь я ч и й, в ы б о р н ы е и н а р о д.

О д и н и з в ы б о р н ы х.
Вели писать, а мы вперед согласны
На всякий твой приказ, Кузьма Захарьич.

М и н и н *(подьячему)*.

Садись, пиши!

Подьячий садится.

Всех помяни вначале!
Дворян, детей боярских и голов,
Всех по порядку напиши, как знаешь.
(Помолчав.)
Пиши, что выбрали меня всем миром
У сбора денег ратным людям быти.
(Помолчав.)
Пиши! И быти нам Кузьме послушным
И не противиться ему ни в чем!
На жалованье ратным людям деньги
Имать у нас у всех беспрекословно!
А недостанет денег, животы;
А животов не станет, жен с детями
Имать у нас и отдавать в заклад.
(Помолчав.)
Готово?

П о д ь я ч и й.

Написал.

М и н и н *(народу)*.

Ну, ладно ль будет?

Г о л о с а.

Пусть будет так! Прикладывайте руки!

Прикладывают руки.

М и н и н.

Не премину радеть о земском деле,
А за любовь за вашу бью челом.
(Кланяется.)
Теперь у господа молить я буду,
Чтоб даровал мне силу мышц и мудрость
Змеиную и кротость голубину.

Н е ф е д входит.

О д и н и з в ы б о р н ы х.

Готово. Принимай, Кузьма Захарьич!
(Подает приговор.)

Минин передает Нефеду и Поспелову; они уходят.

М и н и н.

О господи! Благодарю тебя!
(Падает на колени.)

Аксенов.
Давно стоит земля, а не бывало
Такого дела на святой Руси.
И небывалую ты служишь службу.
Прими ж такое звание от нас,
Какого деды наши не слыхали
И внуки не услышат, и зовись
Ты выборным всей Русскою Землею!

Голоса.
Ты выборный от всей земли великой!

ЭПИЛОГ

(Выход ополчения из Нижнего Новгорода)
(1612 г. Март)

ЛИЦА:

КНЯЗЬ ДМИТРИЙ МИХАЙЛОВИЧ ПОЖАРСКИЙ
воевода.

МИНИН
выборный от всей земли русской.

АКСЕНОВ.

ПОСПЕЛОВ.

МАРФА БОРИСОВНА.

ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА.

ЛАПША.

ЮРОДИВЫЙ.

ВЕСЬ НАРОД НИЖЕГОРОДСКИЙ И МНОГИХ ДРУГИХ ГОРОДОВ. ВОЙСКО.

Часть Нижнего посада та же, что в первом действии.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Посадские; впереди Аксенов, за ним двое держат хлеб-соль. Подле них Лапша. Толпы народа. Некоторые проходят в Кремль и из Кремля.

Голоса. Напутственный молебен поют.— Отпели, ратных людей благословляют да кропят.—Ишь ты, наши нижнепосадские хотят с хлебом-солью проводить.— Уж

это как и водится. На Нижнем посаде все и дело-то
началось, с Гостиного двора пошло. Здесь кашу-то
заварили, а гляди, что вышло.

А к с е н о в *(Лапше)*.

Честь честью, мы проводим с хлебом с солью
И доброго пути им пожелаем.

Л а п ш а.

Я слышал, что по нашей стороне,
Нагорным берегом пойдут по Волге,
На Балахну, на Юрьевец, на Решму.

А к с е н о в.

Ну да, на Ярославль прямой дорогой.
И любо, братец, будет посмотреть!
Как есть,—река польется. Ваши села
И города, что мелкие ручьи,
Воды прикопят,—взбухнет, пополнеет,
И вдруг широким половодьем хлынет
На супостатов веры православной,
Снесет и смоет их с лица земли.

Л а п ш а.

Я с решемскими тоже потянуся.
Хоть кучка малая, а все помога.
Хлопот-то вам куда, чай, много было
Собрать такую силу?

А к с е н о в.

Ну, нельзя же!
Вот перво-наперво пришли смоляне,
Потом из Доргобужа да из Вязьмы.
Бродили бедные; везде их гнали:
Как домы-то у них поразорили,
И в Ярополч и в Арзамас садились;
Вот к нам пришли и с нами заедино
Хотят идти отмстить за кровь свою.
Потом коломенцы пришли, рязанцы,
За ними ополченье из Украйны,
Казаки и стрельцы, что при Василье
В Москве сидели. И своих довольно.
Охотой шли, никак не остановишь!
И чудо, брат, откуда что бралось!
Так и плывет, так и плывет богатство;
Со всех сторон казна, лишь принимай!
Кузьма кормы и жалованье ратным
Сам раздавал. И, божьей благодатью,

Так и спорилось все в его руках.
Другие нищие пришли, босые,
Без одежонки; посмотри теперь!
Разбогатели, раскормились живо,
Все молодцами смотрят,—загляденье!
Поверишь ли, коня сегодня купит,
Дня через три его и не узнаешь;
Хозяин не узнает, хоть божись,—
Так раздобреет. Смотрим да дивимся.
Уж истинно, что бог избрал Кузьму!
Умен и счастлив, да при всем при этом
Благословенье божье помогает.

Голос из толпы. Никак коней ведут воеводам.
Другой голос. Здесь не сядут, пеши пойдут.

Из ворот выходит Марфа Борисовна, за ней бежит Поспелов. Останавливаются поодаль от народа, у лавки Лыткина.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же, Марфа Борисовна, Поспелов.

Марфа Борисовна.
Москву увидишь, Алексей Михайлыч,
И от меня ей земно поклонись!
Дай бог счастливо! Отправляйся с богом!
Об нас не забывай!
Поспелов.
О чем же помнить!
Мне больше не о ком, как о тебе!
Припомню все, как я тебя увидел,
Как полюбил, спознал тоску-злодейку!
Как за тобой по улицам широким,
По мелким переулочкам ходил,
Чтоб только в очи заглянуть украдкой!
Припомню, как сидели, говорили!
Как в липовом покойчике твоем
Светло и чисто, как в раю небесном.
Припомню, как сулила, обещала
Любить меня и быть моей женой,
Как только время даром протянула,
Как провела меня — и обманула!
Припомню все! Суди тебя господь!

Марфа Борисовна.
Вернешься ты, и вся твоя невзгода
Пройдет, как сон! И не о чем жалеть!
Настанет время тишины и мира,
И мы с тобой любовно заживем.
Поспелов.
Как знать, что будет! Лучше и не думать!
Прощай! Увидимся ль на этом свете?
А не придется, свидимся на том!

Целуются.

Марфа Борисовна.
Прощай, мой милый! Зла на мне не помни!
Я не женою, матерью родной
Хотела б проводить тебя в дорогу
Святым напутствием, благословеньем.
Поди ко мне, тебя я поцалую
В последний раз. Храни тебя господь!

Целуются.
Поспелов убегает. Подходит Татьяна Юрьевна.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Татьяна Юрьевна.

Татьяна Юрьевна.
Кузьма Захарьич только до Оки,
До переправы, воевод проводит,
Потом домой зайдет, проститься с нами.
У нас и стол накрыт. Зайди и ты!
Марфа Борисовна.
Уж я простилась. Только бы взглянуть
Теперь на божьих воинов. Из дома
Сегодня вышла я в последний раз.
Вот постою с народом и глазами
Своими посмотрю, как избавленье
Пойдет на Русь святую; прошепчу
Молитву, да и в келью, прочь от мира.
Татьяна Юрьевна.
Я стану заходить к тебе. Без мужа
Ведь скучно будет, стану навещать.
(Уходит.)

Голоса. Идут! — Воеводы идут!

Выходят князь Пожарский, Минин и за ними войско.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же, Пожарский, Минин и войско.

Аксенов.
Нижегородцы Нижнего посада
Тебя, наш воевода, князь Димитрий
Михайлович, и с выборным с Кузьмою
Захарьичем, в дорогу с хлебом с солью
Желаем проводить.
(Подает хлеб-соль.)

Пожарский.
Спасибо вам!

Аксенов.
Челом вам бьем, не брезгайте, примите!

Пожарский принимает хлеб-соль и передает Минину, Минин передает войску.

Пожарский.
Нижегородцы! Мы за вас идем
С врагами биться, жизни не жалея;
А вы всещедрого молите бога,
Чтобы Московское нам государство
В соединеньи видеть, как и прежде,
Как при великих государях было;
Кровопролитье б в людях перестало;
А видеть бы покой и тишину,
Как и доселе было в государстве.

Минин.
Друзья нижегородцы! Ваше войско
Пошло к Москве! Его вы снарядили
И проводили. Буде бог пошлет,
И нашим подвигом мы Русь избавим,—
Великую от бога примем милость
За избавленье христианских душ;
И во вся роды, в будущие веки,
К навечной похвале нам учинится,
На славу нам и на помин душ наших.

Пожарский. Пойдемте с богом!

Войско трогается.

Н а р о д. Прощайте, божьи воины! — Помоги вам господь! — Вы за нас страдальцы; а мы за вас богомольцы!

Выбегает ю р о д и в ы й вооруженный.

Ю р о д и в ы й *(кланяясь на все стороны)*. Прощайте! Прощайте!

Трубы, колокольный звон; войско, отряд за отрядом, из Кремля проходит через сцену.

Комедия
в пяти
действиях,
с прологом,
в стихах

ВОЕВОДА

(СОН НА ВОЛГЕ)

⟨Первая редакция⟩

ПРОЛОГ

ЛИЦА:

НЕЧАЙ ГРИГОРЬЕВИЧ ШАЛЫГИН
воевода.

ОБЛЕЗЛОВ
подьячий, товарищ воеводы.

СЕМЕН БАСТРЮКОВ
богатый дворянин, бывший губной староста.

СТЕПАН БАСТРЮКОВ
его сын.

НЕУСТРОЙКО
ключник воеводы.

БЕССУДНЫЙ
шут воеводы.

НЕЖДАН
земский староста.

РОМАН ДУБРОВИН
беглый посадский.

ВЛАС ДЮЖОЙ
богатый посадский.

НАСТАСЬЯ
жена его.

СМИРНОЙ, ДРУЖИНА — посадские из лучших людей.

НЕСМЕЯНОВ
старик.

БРУСЕНИН, ЦАПЛИН, ТЫРА — посадские из средних людей.

БАИМ
стрелецкий сотник.

ГРИШКА ЖИЛКА
отставной подьячий.

РЕЗВЫЙ
слуга Бастрюкова.

БИРЮЧ.

ДВОРЯНЕ, ДЕТИ БОЯРСКИЕ, ПОСАДСКИЕ, СТРЕЛЬЦЫ, СЛУЖИЛЫЕ ЛЮДИ, ВОЕВОДСКИЕ СЛУГИ И ВСЯКИЙ НАРОД, СЛУГИ БАСТРЮКОВА.

Площадь в городе. Налево ворота воеводского двора, несколько узких домов, в углу проезд в городские ворота, на

заднем плане Гостиный двор с лавками, за ним городская стена, которая постепенно понижается к правому углу. Через стену видна Волга и ее берег; направо, на первом плане, Приказная изба, под ней лавки, далее, на небольшом возвышении, низкая каменная ограда и ворота с тремя каменными ступенями; далее спуск и видны крыши домов.

Действие происходит в большом городе на Волге, в половине XVII столетия.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Несмеянов, Брусенин, Цаплин и Тыра стоят против воеводских ворот. Посадские и народ в глубине. Выходят из ворот с посада земский староста, Смирной и Дружина и становятся у приказной избы, ближе к авансцене, все им кланяются. Из приказной избы выходит бирюч, надевает шапку на длинную палку и поднимает ее вверх, ребятишки окружают его и смотрят ему в глаза разиня рот.

Голоса. Бирюч идет, бирюч. Снимайте шапки!

Бирюч. Слушайте, послуша́йте, государевы люди, старшие и меньшие, и всякого чина люд, от мала и до велика! По великого государя наказу, ведомо вам буди, чтобы вы, посадские и уездных всяких чинов люди и сотские, и пятидесятские, и десятские, разбойников, и татей, и смертных убойцев, и ведунов, и всяких воровских людей у себя не таили и не держали и, имая их, приводили к воеводе. А буде ж вы, посадские и уездных всяких чинов люди, и сотские, и пятидесятские, и десятские, забыв страх божий и не помня душ своих, учнете разбойников, и татей, и убойцев, и ведунов, и всяких воровских людей у себя держать и таить, и понаровки им чинить; а после того те воры и ведуны в сыску будут мимо вас, и учнут на вас говорить, что вы их знали и воровство за ними ведали, и, ведая то их воровство, таили и их укрывали, и про них не объявливали, и тем людям, кто таких воров учнет укрывать и у себя держать, и воровство их таить, от великого государя быть в смертной казни, безо всякого милосердия, а дворы и животы взяты будут на великого государя бесповоротно и розданы в исцовы иски. *(Идет к посаду, дети за ним.)*

Тыра.
Проваливай подале, мы слыхали!

Брусенин.
Не первый раз, не новая новинка!

Цаплин.
Мы думали, что свежи, ан всё те же.
Земский староста.
Разбойников, и татей, и убойцев
В посаде нет, разбойничья приезду
Не держим мы; так не́почто и кликать.
Смирной.
Да кличь не кличь, немного проку будет,
Коль не ловить. По селам, по деревням
Разбойники и днем и ночью грабят,
По пустошам становятся стана́ми,
Имать бы их!
Дружина.
Твоими бы устами
Да меду пить! А кто имать-то будет?
Стрельцов у нас, людей служилых, мало,
Шалыгину и на посаде дела
Довольно есть.
Староста.
Ему бы и искать-то.
Смирной.
Не до воров ему, поминки любит...
И сысканных-то в люди распускает,
Берет на них и сто рублев, и больше.
Дружина.
А я скажу, что воевода — сыщик
Лихой у нас. Он девок на посаде
Да по клетям добро как раз разыщет,
Не утаишь.
Смирной.
Потянет, так без сыску
И сам отдашь, пустил бы только душу
Покаяться. Терпенья нам не стало!
Чему не быть, а надоть челобитье
Царю писать.
Дружина.
Храни господь, помилуй!
От рук его никто не упасется:
Воров берет из тюрем, научает
Поклепом нас, посадских, обносить.
Ты ничего не ведаешь, не знаешь,
А он по воровской язычной молке
Берет тебя без сыску и пытает

Без царского указу, — мукой мучит,
Огнем палит.

Смирной.

Да с пыток-то поминки
Берет на нас, на выкуп выпускает,
Испродает напрасно.

Дружина.

Обижает
Два года нас. Довольно потерпели,
Пора писать и челобитье.

Староста.

Слышу
Давно уж я, что надо челобитье
Царю послать, да только разговоры,
А дела нет.

Смирной.

Москва нам дорога,
Доймет тебя московской волокитой.

Староста.

Ну, брат, ау! Коль завязалась драка,
Так не жалей волос. Во что б ни стало,
Уж только бы избыть его от нас:
Московские убытки разверстаем.

Дружина.

Пойдем в избу: всем миром потолкуем.
Сберем голов, таможенных, кабацких.

Староста.

Он солон им своим примётом, лезет
Во все дела.

Смирной.

Да выборных обрать,
Кого в Москву отправить с челобитьем.

Дружина.

А кто ж писать?

Староста.

Дьячок напишет земский.
Опять бы нам губных.

Смирной.

Не Бастрюкова ль?

Староста.

Он нам родной, мы сами выбирали,
А воевод невесть откуда шлют.

Дружина.

Да мало ль что: мы жили за губными,
Чего бы нам, и умирать не надо;
Так ссорились да воевод просили.

Староста.

Теперь и близко локоть,—не укусишь.
Ты подожди, еще губных мы вспомним
И всплачемся об них, да поздно будет.

Уходят на посад. Отворяются воеводские ворота, выходят ключник Неустройко с палкой и слуги с метлами.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Несмеянов, Брусенин, Цаплин, Тыра, Неустройко, слуги и народ.

Неустройко.

Живей, живей! Сейчас пойдет боярин
В собор с гостьми. Чтоб у меня кипело!
Зевать не дам; расправа недалеко!
(Грозит палкой.)
Примусь учить, так небу жарко будет.
Ворочайся, да живо! Мнется, словно
Медведь ученый.

Один из слуг.

Как еще работать!
Гуляем, что ль? А ты возьми-ко мётлу,
Да помети, чем лаять занапрасно.

Неустройко.

Разинул пасть-то! Цыц! Не в дармоедах,
Не то что вы, живу у государя:
Я день-деньской, как отымалка, мычусь,
На части рвусь, куска не доедаю.
А вам одна забота: завалиться
Подальше где, что днем с огнем не сыщешь,
И спать весь день, пока опухнут бельма;
Мол, все равно, работай, не работай,
Накормят даром.

Тот же слуга.

Даром и побьют.

Тыра.

Ну, видно, их не больно жирно кормят:
У нас в посаде только и воруют,
Что воеводские.

Несмеянов.

Коль брюхо сыто,
В чужую клеть за ёжей не полезешь!

Брусенин.

Какие воры, страсть! Концов не сыщешь,
И ни суда, ни правды нет на них.

Тыра.

Какой те суд! Вестимо, воевода
Своих людей оправит. Сам не кормит,
Харчей-то жаль, так воровским и сыты:
Чужой-то хлеб дешевле своего.

Неустройко.

Ты, смерд, молчи!

Цаплин.

А ты что за помещик?

Шут выбегает из ворот, держась за голову.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Неустройко, слуги, Тыра, Цаплин, Брусенин, Несмеянов, шут и народ.

Шут.

Ой, ой, убил, убил, прошиб до мозгу,
Проклятый пес, паршивая собака!
Издохнуть бы тебе, как басурману!
И чтоб ни дна тебе и ни покрышки,
Поганому. У! Волк тебя заешь!

Неустройко.

Что взлаялся, аль подзатыльник дали?

Шут.

Тебе-то что, холопья образина!
И он туда ж
(передразнивает):
«Аль подзатыльник дали?»
Ай, батюшки! убил, убил по темю.
Костыль сломал, собака!

Неустройко.

Пожалеет.

Шут.

Меня-то, что ль?

Неустройко.

Нет, костыля-то.

Шут.

Дьявол!

(Воет.)

Тыра.

По лысине вот этак ошарашит,
И до смерти уходит.

Цаплин.

Длинны руки
Поотрастил! Держал бы покороче;
Уж больно смел.

Брусенин.

Кого ему бояться:
Немало он народу изувечил,
Да терпят всё, дают ему повадку,
Не жалются в Москву.

Несмеянов.

Не испужаешь:
На трех дубах сидит, четвертым подперт.

Неустройко *(шуту)*.

Что воешь-то? Какой детеныш малой!
Не все ль равно тебе, как псу издохнуть
Под палкой ли, иль пьяному под тыном!

Шут.

Не приставай! Всего изъем зубами.

Слуги смеются.

А вам-то что смешно, холопье стадо?
Самих дерут как сидорову козу,
У вас самих увечья не проходят.

Тыра.

Влетело, брат!

Цаплин.

Влилось!

Брусенин.

Попало ловко!

Тыра.

Не привыкать!

Цаплин.

Не в первый раз!

Брусенин.

Еще бы!

Тыра.

Ты к носу три.

Ц а п л и н.

До свадьбы заживет!

Ш у т.

Ну, подвернись который, изувечу!
Коль в волосы иль в бороду вцеплюсь,
Не выпущу; так вся в руках и будет,
Ни волоска живого не оставлю.

Т ы р а.

Ну полно, ты! Мы шутим. Ты подумал,
Взаправду, что ль?

Ц а п л и н.

Нам что!

Б р у с е н и н.

Господь с тобой!

Т ы р а.

Обиды нет тебе.

Ц а п л и н.

Вестимо, в шутку
Язык чесать.

Б р у с е н и н.

Не трожь его, робята!

Т ы р а.

А ты скажи нам, милый человек,
За что, про что обиду терпишь?

Ш у т.

Даром.
Жениться, черт, задумал...

Т ы р а. Так. Ну что же?

Ш у т.

Дюжóго дочь облюбовал.

Ц а п л и н.

Ну, знаем.

Ш у т.

Я сдуру-то сболтни ему: неладно.
Мол, старому жениться не надолго,
Да часто, мол, и не себе, а людям.
И я-то глуп, шутить связался.

Т ы р а.

Верно!
Ты с тем шути, кто любит. Ну и что же?

Ш у т.

Как вскочит он, затрёсся, ровно Каин,
Как волк стучит зубами, словно угли
Глаза зажглись, седая грива дыбом...

Видал ли ты, как окаянных пишут
На папертях? — Точь-в-точь.

Цаплин. Какой бедовой!

Неустройко.
А вот пойти да скаредные речи
Боярину явить, так не пришлось бы
Свести тебя попарить, чтоб до свежих
Не забывал. У нас недолго!

Тыра. Полно!
Доказчиком не будь. Доказчик первый
Под кнут идет.

Неустройко. Бросай работу! Будет!
Боярин вышел.

Шут. Братцы, схороните!

Тыра.
Беги скорей, покуда не схватили,
Валяй во все лопатки, не догонят.

Шут убегает.

Цаплин.
Стрелой летит. Держи его, робята!

Хохот.

Брусенин.
На лошади, да разве на хорошой,
А на плохой ни зá что не догонишь.

Тыра.
Как шкуру-то, робята, соблюдает,
Диви бы бобр сибирской али соболь!

Цаплин.
Ему своя-то, надо быть, дороже.

Входят воевода, Облезлов, несколько дворян и боярских детей, сотник стрелецкий, несколько стрельцов и слуг.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Воевода, Облезлов, Баим, дворяне, дети боярские, стрельцы, слуги и те же; и потом Гришка Жилка.

Воевода *(Облезлову)*.
Ты говоришь, что местом вышло. Верно.
Воистину.
(Кланяется народу.)

Здорово! Ты послушай!
Поехали мы зверя погонять,
Гляжу, лиса катит из мелколесья
По вырубке в сосняк, вот так и стелет,
Как желтый лист по ветру. Вижу, дело
Выходит дрянь; уйдет, сплутует. Надо
Заворотить, наперерез ударить.
Хлестнул коня по бедрам.
(Баиму.)
Что за парень
Особняком стоит? Коль наш — не трогай,
А кто чужой, так опроси построже.

Баим отходит.

(Обратясь к Облезлову, продолжает.)
Проехал я шагов не больше с сотню,
И вдруг мой конь, как вкопанный, ни с места,
Как в землю врос. Уж я его и плетью,
И лаской, нет,—дрожит, трясется, уши
Насторожил. Я вижу, дело плохо.

Сотник возвращается.

Какой-такой?

Сотник.
Из наших, из рыбацкой!

Воевода.
Ну ладно.
(Облезлову.)
Вот я слез, перекрестился,
Обшел вокруг три раза, зачурался,
И ничего,—мой конь пошел как надо.
Так вот и знай, что значит место.

Облезлов.
Диво ль!
В большом лесу, где всяка нечисть бродит.
В своем саду я летось заблудился
Средь бела дня! Немало мы дивились:
Брожу кругом, а выходу не вижу.
Такая страсть, что, господи помилуй —
Не доведи вперед, умрешь со страху.
Уж я кричал, кричал, сошлись людишки
Да вывели.

Входит Жилка и кланяется воеводе в ноги.

В о е в о д а.

Всего бывает! Что ты?

Ж и л к а.

И бьет челом, боярин, и являет
Твой сирота, былой подьячий Жилка.

В о е в о д а.

О чем еще, анафема?

Ж и л к а.

О бое
И грабеже денном и об увечье!

В о е в о д а.

Который раз тебя увечат! Скоро ль
Совсем убьют? Пора бы! Кто же грабил
И бил тебя?

Ж и л к а.

Семена Бастрюкова
Дворовые и скоморохи: Резвый
С товарищи; они ж, боярин, воры,
И картами, и зернью промышляют,
И табаком, и воровское держат
И продают, и беглых укрывают,
И на посад насильством в харях ходят
С потехами, и с песнями, и с зурны,
И с домрами, и скаредные песни,
И срамные поют, и действа деют,
Тебя ж обносят скаредною лаей
И неудобь-сказаемою бранью...
В том жалоба моя тебе и явка.

В о е в о д а.

А грабежу?

Ж и л к а.

Колпак да зипунишко.

В о е в о д а.

За что́ про что́?

Ж и л к а.

Да якобы с тобою
Я стакався составным челобитьем,
Испродаю посадских и убытчу,
Поклепный иск взвожу, корысти ради,
По твоему приказу.

В о е в о д а.

Бастрюкова
Унять давно пора. Зазнался больно,
На шею сел ко мне. Плутам заступник,

Оберегатель земской. Двум медведям
Не жить в одной берлоге. Челобитье
В избе подай мне завтра. Мы посмотрим,
Велим сыскать и, буде виноваты
Доподлинно, людишек Бастрюкова
Не пощадим.

Ж и л к а *(кланяется)*.

Ты смилуйся, пожалуй!
И сироту твою не дай обидеть!

Воевода идет на ступени к собору.

Г о л о с а *(из задних рядов)*.

Алтынник, пес! Посульщик, кровопивец!
А крест на нем, робята, есть аль нету?
Навряд ли уж. Другой татарин лучше.

В о е в о д а *(на ступенях)*.

Кричат, а что, никак не разберу я.
Да вам чего? Вы говорите прямо,
Поди сюда вперед и говори!
Из-за людей не слышно. Что ж вы стали?
Ай молодцы! Вы смелые робята!
Из-за людей облает и присядет,
Разинет пасть и тягу. Кукиш кажет
Из рукава, чтоб люди не видали.
Чего же вам? Строптив, сердит я, что ли?
Немилостив? Все это правда ваша,
Я не святой.—А знаете ли, дети,
Писание нас учит покоряться
Властителю и доброму и злому.
Строптивого послушать перед богом
Угоднее. Иль мнится вам, что власти
Людским хотеньем созданы? Что можно
Без власти жить? Что мы ровны? Так знайте,
Звезда с звездою разнствует во славе,
Так на небе, и на земле всё так же:
И старшие, и младшие, и слуги,
И господа, и князи, и бояре,
И господом венчанные на царство
Великие цари и государи.
За чином чин по лествице восходит
От нас к царю и от царя до бога.
И всяка власть от бога. Власть не судят
Подвластные, а только царь, ему же
(снимает шапку)

Господь вручил нас всех на попеченье.
Из-за чего нам ссориться! Вы дети,
Я вам отец. Не лучше ль нам любовью
И миром жить! Ходите по закону —
И вам целей, и мне милей! За что же
Браниться-то! Нехорошо. Неладно.
(Кивает головой Баиму.)
Пошарь-ко там с своими молодцами,
Не сыщешь ли кого из крикунов.
Да не зевай! Того, Баим, не бойся,
Что в виноватых правый попадется:
Не виноват,—укажет виноватых.
Переловить, связать и запереть
Всех накрепко в сторожню, там рассудим.

Уходят воевода, товарищ и вся свита, кроме стрельцов. Баим и стрельцы ходят в народе.

Голоса.
Чего тебе? Ты тише, не толкайся!
Что за напасть! Да что ж вы, драться, что ли?
Робята, наших бьют. Кричите шибче.
Несколько голосов вместе.
Сюда, сюда, робята, наших бьют!

С посаду бежит народ. Бастрюков Семен, Бастрюков Степан выезжают верхом на лошадях, за ними пешие слуги: Резвый и другие.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Бастрюков Семен, Бастрюков Степан, слуги и прежние.

Бастрюков Семен.
О чем шумят? Что делят?
Бастрюков Степан.
На посадских
Баим напал. Не уступай, робята!
Голоса.
Застой за нас! Безвинно бьют и мучат.
Бастрюков Семен.
Оставь, Баим!
Баим.
А ты что за указчик?
Велел сыскать ослушных воевода,

И сыщем их. Пока найдем да свяжем,
Не отступлю.

Бастрюков Семен.
А как всполох ударим
На весь посад, и ног не унесете!
Как примутся за колья, так держитесь.
Не мятежи чинить, а для наряду
На городу посажен воевода.
Сбирай стрельцов!
(Посадским.)
Робята, расходитесь!

Расходятся.

Не тронет вас никто.

Баим.
Не ты в ответе,
А я, с меня и спросят.

Бастрюков Семен.
Ты не бойся,
Я сам скажу в соборе воеводе.
Пусть на меня и сердится, как хочет.
Иди со мной в собор.

Баим *(стрельцам)*.
За мной, робята!

Уходят Бастрюковы, Баим, стрельцы; прислуга уводит лошадей, посадские идут к городским воротам; навстречу им Влас Дюжой и Настасья.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Влас и Настасья и прежние посадские.

Настасья.
Вы, смерды, прочь! Не видишь, я иду?

Тыра.
Как не видать.

Влас.
Иди, как люди ходят.

Настасья.
Я кто теперь? Фу! Прочь поди!

Влас.
Настасья,
Уймешься ты аль нет?

Настасья.
Фу! Смерды!

Ц а п л и н.

Шире,

Народ, навоз плывет.

Н а с т а с ь я.

Да как ты смеешь?

Ты страдник, смерд!

(Мужу.)

Доправь на нем бесчестье!

Ты знаешь, смерд, я теща воеводе.

Б р у с е н и н.

Ну как не знать!

В л а с.

Иди добром, Настасья,

Не постыжусь, при всем честном народе

Учить примусь.

Н а с т а с ь я.

Толкуй! Ты сам не знаешь,

Какая честь на нас.

Т ы р а.

От воеводы

Пристала к вам?

В л а с.

Иди! Народ смеется.

Ишь, срам какой! Вот с дурой-то свяжися,

Так, господи, и жизни-то не рад.

Н а с т а с ь я.

Фу! Смерды! Прочь!

Н е с м е я н о в.

Иди своей дорогой,

А мы своей; просторно, разойдемся.

В л а с и Н а с т а с ь я уходят.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Н е с м е я н о в. Т ы р а, Ц а п л и н, Б р у с е н и н и потом Д у б р о в и н.

Т ы р а.

Ишь, дура-то, за воеводу дочку

Просватала и думает, что тоже

Боярыня; идет и ног не слышит.

Несмеянов.

На радость ли? Заплакать не пришлось бы!
Старик живет, а жены молодые
Всё мрут да мрут. Диковина и только!
Тех жен обех защекотал до смерти —
От ревности,—вот что холопы бают.
Не миновать и третьей.

Цаплин.

Защекочет,
Так не дадут четвертой, заговейся!
Закону нет, и поп венчать не станет.

Тыра.

Да ну его!

Несмеянов.

Робята, не слыхали ль,
Что Худояр на Волге появился
И станом стал невдалеке?

Цаплин.

Так что же?
Тебе-то что ж?

Несмеянов.

Разбойник лютый, бают.

Тыра.

За что ж его разбойником-то лаешь,
Не знаючи? Какой же он разбойник?
Кого разбил? Тебя?

Несмеянов.

Меня не трогал,
Мне грех сказать; не грабил, так не грабил.

Цаплин.

Так покажи других!

Несмеянов.

Чего не знаю —
Не говорю. Казну ограбил, бают.

Тыра.

Ты бай, не бай — не наше это дело.
Казну разбил, казна про то и сыщет;
А ты не лай разбойником напрасно,
А называй удалым молодцом.

Несмеянов.

А говорят, что в Нижнем был поиман,
Сидел в тюрьме, достал из печи уголь
И написал он лодку середь полу

Углем и сел, забрал с собой сидельцев,
Плеснул воды да в Волгу и уехал.

Д у б р о в и н входит и осматривается.

Ц а п л и н *(увидя Дубровина).*
Никак чужой? Чего он ищет?
Т ы р а *(подходя к Дубровину).*
Парень,
Ты из какой Литвы, с какой орды?
От дела ты лытаешь или дела
Пытаешь?
Ц а п л и н.
Сват! Ты ближний али дальний?
Т ы р а.
Каких родов, из коих городов?
Н е с м е я н о в.
Не беглой ли? А может, он, робята,
Коня украл аль мужика убил.
Связать его!
Д у б р о в и н.
Эх, дедушко, за что же?
Ты пожалей меня! Связать недолго;
Вязать вяжи, да после не тужи.
Я сам даюсь; один — не ратник в поле,
И дерево одно — не темный лес.
Меня в тюрьму; а сколько нас на воле
Останется, ты всех не перевяжешь;
А у тебя домишко на посаде,—
Чай, бережешь от красных петухов,—
Со всех углов подпустят — плохо дело.
Н е с м е я н о в.
Ну, полно ты! К чему ты привязался!
Я пошутил, а ты и вправду.
Д у б р о в и н.
Полно,
Шутил ли ты? Да ну, я зла не помню:
Я знаю, ты меня не свяжешь.
Б р у с е н и н.
Братцы,
Я признаю его.
Ц а п л и н.
И мне знакомо
Обличье-то, а как назвать — не знаю.

Д у б р о в и н.
Я не боюсь и не таюсь, я беглый,
Посадский ваш, Роман Дубровин.
Т ы р а.
Братцы,
И то ведь он. Два года не видались!
Ты где гулял?
Д у б р о в и н.
На белом свете много
Привольных мест — и Дон, и Волга-мать.
Где я гулял — там нет меня; теперя
Домой пришел.
Т ы р а.
Ты хочешь объявиться?
Д у б р о в и н.
Ну, нет, зачем! С женой бы повидаться.
Не знаешь, где жена?
Т ы р а.
У воеводы.
Д у б р о в и н *(хватается за голову)*.
Ужель к нему попала?
Т ы р а.
Взял насильем,
В тюрьму сажал, а из тюрьмы да на дом
Красавицу твою Олену.
Д у б р о в и н.
Дьявол!
Ну, помни ж ты! А что, жива, здорова?
Т ы р а.
Да говорят, всё воет.
Д у б р о в и н.
Эко, братцы,
Житье мое! А выходу ей нету?
Ц а п л и н.
Назапертй.
Д у б р о в и н.
Ну, только мне и надо.
Спасибо вам на добром слове, братцы.
Увидите жену, так поклонитесь,
Мол, жив еще и помнит. Воеводе
Скажи хоть ты
(Несмеянову),
что собираюсь в гости,
Чтоб припасал, чем потчевать. Прощайте!

Несмеянов.
Никак ушел? Поотлегло от сердца,—
Перепугал, проклятый. Что ж, робята,
Явить аль нет?

Тыра.
А нам какое дело?
Как хочешь ты, а мы и знать не знаем.
Поди являй, а в послухи не ставь —
Во всем запрусь.

Цаплин.
И я.

Брусенин.
Мы не видали.

Тыра.
Вот так-то, брат! ты сóвок, да неловок!
Помалчивай, так сам целее будешь.

Выходят из собора воевода, Облезлов, Бастрюковы, дворяне, дети боярские, Баим, стрельцы, слуги. Посадские и народ уходят в глубину площади.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Воевода, Облезлов, Бастрюковы, дворяне, дети боярские, Баим, стрельцы, слуги и прежние посадские.

Воевода *(остановясь, не доходя ворот)*.
Два раза глуп бывает человек:
С младенчества сперва, потом под старость;
Состареешь и поглупеешь. Разум
Отымется. Недаром люди стали
Учить меня. Ты думаешь, что дельно
Прикажешь что, а говорят — неладно.
Плохая жизнь. И вижу сам, что плохо;
Да как же быть? Одно и остается:
Коль стар и глуп, так умных больше слушай.
Вот я велел переловить Баиму
Ругателей, а Бастрюков наехал,
Прогнал его,—что мы не дело, видишь,
Затеяли, мятеж заводим, буйство.
Челом ему за то, что надоумил
Нас, дураков. Вперед умнее будем.

Б а с т р ю к о в С е м е н.

Да что ж, и впрямь, затеяли не дело.

В о е в о д а *(смеется.)*

Ты погоди, дай кончить! Я спасибо
Сказал тебе, чего ж еще! Не в ноги ж...
Другую речь я поведу. Вот, видя,
Что глуп-то я и стар, большое дело
Без вашего, друзья мои, совету
Начать не смел. Что вы приговорите,
Тому и быть.

О б л е з л о в.

Нечай Григорьич, полно
Пытать-то нас. Какие мы советы
Дадим тебе! Ты сам умнее всех.

Б а с т р ю к о в С т е п а н.

Не дураки и мы.

Б а с т р ю к о в С е м е н.

Что смыслим, скажем.
В чем дело-то?

В о е в о д а.

Не знаю, как сказать!
Попутал грех. И молодых и старых
(снимает шапку и кланяется)
Простить меня прошу. Отцы и братья,
Не осудите! Старому, седому
И стыдно бы, да человек я слабой,
Летами стар, зато душою молод.

О б л е з л о в.

Какой старик, ты лучше молодых,—
И стар, да дюж.

В о е в о д а.

Без бабы не живется;
Греха боюсь,—так вздумал ожениться.

О б л е з л о в.

И в добрый час.

В о е в о д а.

И не о том бы думать,
Молиться бы, да слабость наша.

Б а с т р ю к о в С е м е н.

Что же
Жениться-то об эту пору! Сколько
Тебе и жить-то! Было две жены,
Чего ж тебе! И третьей век загубишь,

Коль женишься. Не дело, так не дело —
Тебе-то блажь, а молодежь-то сохнет
За стариками.

Воевода.

Вот что значит ум-то!
Не вам чета. И слушать-то отрада.
От умной головы совету много
Хорошего. А вас про что ни спросишь,
Ответу нет, а только друг за друга
Хоронитесь; а у него как раз
Умен ответ и скор. Развесьте уши
И слушайте Семена Бастрюкова!
Уж если он, такой разумной, скажет,
Что не женись, Нечай Григорьич, значит,
Что надобно жениться беспременно.

Бастрюков Семен.

Ты насмех, что ль?

Воевода.

Как хочешь, так и думай;
За что почтешь, не буду спорить.

Бастрюков Семен.

Ладно ж!
Припомни ты! Я сорок лет на службе,
Я сорок лет доспеха боевого
Не скидывал, изранен весь, я земским,
Губным служил по выбору, не ползал,
Не кланялся подьячим по приказам,
Не плакался: «Пустите покормиться!»
Своим кормлюсь всю жизнь. Моя обида
Откликнется тебе; держись, да крепче!
В Москве бывал, туда дорогу знаю.
Не усидишь.

Воевода.

Не страшно. Не грози!
Москва Москвой; готовься сам к ответу.
В поместье ты, как в омуте, уселся
И думаешь, ты царь, тебе суда нет.
Мы выведем на свежую водицу.

Бастрюков Семен.

Меня?

Воевода.

Тебя.

Бастрюков Семен.

Нет, руки коротки.

Воевода.
Длинней твоих. Ты беглых укрываешь,
И зернщиков, и воровское держишь,
И полон двор нагнали скоморохов.

Бастрюков Степан.
Что ж, батюшка, ты смотришь! Что ж он лает!
Царю челом ударим о бесчестье.

Воевода.
Молчи, щенок!

Бастрюков Степан *(бросается на воеводу)*.
Ах, старая собака!

Его удерживают.

Бастрюков Семен.
Царю челом ударим, а покуда
Ты бородой ответишь. Без остатку
Всю выдеру.
(Бросается на воеводу.)

Воевода.
Держите их, держите!

Его загораживают.

Облезлов.
Семен, уймись! Безлепичное дело
Затеял ты. Ругаться непригоже
На площади.

Бастрюков Семен.
Не я, а он затеял!
Не уступлю, я сам его не хуже.

Воевода *(в воротах)*.
Ко мне, друзья! Запьемте рукобитье!
(Бастрюковым.)
И вас бы звал к себе, да не взыщите,
Попотчевать вас нечем, не запаслив.
(Уходит.)

Облезлов и вся свита за ним. Ворота затворяются; посадские подходят, с ними староста.

Бастрюков Семен.
И черт с тобой! Ты думаешь, мне надо?
Подавишься твоим куском.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Бастрюков Семен, Бастрюков Степан, земский староста и посадские.

Бастрюков Семен *(посадским)*.
Робята,
С чего он взял, что я ворам потатчик
И зернщикам?
Тыра. Про то являл сегодня
На площади и подал челобитье
Былой дьячок, прозваньем Гришка Жилка,
И сказывал на вас грабеж и бой.
Бастрюков Семен.
Сыскать его! Эй! Люди! По посаду,
По кружечным дворам и постоялым,
По всем рядам, и шалашам, и лавкам,
По кабакам, по всем щелям и норам
Искать дьячка и привести сюда!
Староста *(тихо)*.
Боярин, мы желаем челобитье
В Москву свезти на воеводу.
Бастрюков Семен.
Ладно,
Хвалю за то.
Староста.
Да написать не знаем;
А земской нам дьячок писать не хочет,
Боясь того, что, вишь, у воеводы
Сильна рука в Москве.
Бастрюков Семен.
Напишет Жилка.
Староста.
Заставишь ли?
Бастрюков Семен.
А батоги на что?
На самого себя напишет. Руки
Прикладывать путем. Отцов духовных
Просите всех. Мирское челобитье
И выборных я сам свезу к Москве.
Да поскорей!
Староста.
Да хоть сейчас пойдем
Ко мне во двор; как только Жилку сыщут,
Чтоб к нам вели.

Бастрюков Семен *(громко)*.
Я к старосте поеду.
Бастрюков Степан.
А я домой! Айда!

Подают коня.

Бастрюков Семен.
За мной, айда!

Подают коня.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

СЦЕНА I

ЛИЦА:

ВЛАС ДЮЖОЙ.

НАСТАСЬЯ.

ПРАСКОВЬЯ, МАРЬЯ — дочери их.

НЕДВИГА мамка.

ВОЕВОДА.

ШУТ.

СТЕПАН БАСТРЮКОВ.

РЕЗВЫЙ, КУБАС, ШИШИГА — слуги Бастрюкова.

СЛУГИ ДЮЖОГО И ВОЕВОДЫ; СЕННЫЕ ДЕВУШКИ.

Густой сад. Налево терем с выходом и крыльцом. Направо баня; в глубине стоячий тын, из которого несколько надолб вынуто; за тыном, когда он разобран, виден берег Волги.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Резвый, Степан Бастрюков в кустах, Кубас и Шишига у разобранного тына.

Резвый.
Пожалуй, осударь Степан Семеныч!
Иди смелей! В саду души не видно.

Бастрюков.
Ишь, заросло как часто, не пролезешь.
Резвый.
Дубье, вязье рощёное.
Бастрюков.
Да где ты?
Резвый.
Ты нá голос иди! Здесь чисто!
Бастрюков.
Вышел!
Резвый.
Кубас, Шишига, забирайте тын,
Да разом в лодку, и лежи как мертвый!
На спрос: что зá люди? — мол, ждем с базара
Крестьянишек, замешкались в кружалах.
Откуда? — Мол, из Красного села,
Рыбачим, мол! А больше не болтайте!
Да не дремать! По свисту подымайся;
А по второму ты, Кубас, за весла;
А ты, Шишига, здесь у лазу будь!
Бастрюков.
Да поживей!
Кубас.
Ты свистни, а мы смыслим
Перед тобой, как лист перед травой!

Загораживают тын.

Бастрюков.
Спасибо вам, робята! Услужили!
Резвый.
Кому ж служить, как не тебе, боярин!
Аль ты нас платьем цветным изобидел,
Аль холодно и голодно живем?
И жалуешь, да и живем прохладно —
Что день, то пир да новые затеи
У нас идут. Гульба, а не работа
Нам за тобой!
Бастрюков.
В гульбе короче время.
Резвый.
Одно и дело веселить да тешить
Тебя, Степан Семеныч.

Б а с т р ю к о в.

Да еще бы!
Потоль и тешиться, пока живется.
Ведь однова живем на свете белом.
Не в чернецы ж идти!

Р е з в ы й.

В твои-то лета!
Что говорить! Лишь дал бы бог здоровья,
Пей да гуляй! А дело не медведь,
В лес не уйдет.

Б а с т р ю к о в.

Безделье, так безделье,
А дело делом. Позовут на службу,
За нами дело никогда не станет.

Р е з в ы й.

И на войну пойдем, как на потеху,
Не спрячемся за печку.

Б а с т р ю к о в.

Там что будет,
Тому и быть. А у меня покуда
Одно в уме; одно и сплю и вижу,
Как Марью Власьевну достать.

Р е з в ы й.

А мы-то!
Да нас и хлебом не за что кормить,
Коль мы тебе забаву не доставим.
В твоем дому боярском полны сени
Нас, скоморохов, слуг да челядинцев.
Да будь она за тридевять замками,
За тридесять морями — мы достанем.
Вчера всю ночь работали, пилили
Сосновый тын, шесть игол вынимали
С великим бережением и страхом,
Да и опять поставили, как было.
И разберем, и заберем в минуту,
Широкий лаз, хоть тройкой поезжай.

Б а с т р ю к о в.

А крепко Влас живет.

Р е з в ы й.

На всем посаде
Ни у кого нет выше городьбы:
Казну блюдет.

Б а с т р ю к о в.

Ну, мы казны не тронем.

Р е з в ы й.
А дочерей — уж не взыщи. Боярин,
Никак идут. Схоронимся до время.
Б а с т р ю к о в.
Куда ж?
Р е з в ы й. Вот баня старая!
Б а с т р ю к о в. Ну, ладно!

Уходят в баню. За сценой песня девушек.

На море утушка купалася,
На синем серая полоскалася.

Входят П р а с к о в ь я В л а с ь е в н а, М а р ь я В л а с ь е в н а, Н е д в и г а; с е н н ы е д е в к и вносят ковры, подушки и разное шитье.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Н е д в и г а, П р а с к о в ь я и М а р ь я В л а с ь е в н ы, с е н н ы е д е в у ш к и.

М а р ь я В л а с ь е в н а.
Нам в терему и тесно, да и душно,
Жара, как в бане, а тебе и любо,
Коль у тебя в Петровки стынет кровь.
Ты старая; тебя не манит лето
На волюшку, на шелковы луга,
В тенистый бор, где белым днем потемки,
В зеленый сад, где алый цвет цветет,
Где вишенье, орешенье назрело
И налилось, и ждет девичьих рук.
Мы не старухи, нам без печки жарко,
Не больно мил нам нов высок терём.
Н е д в и г а.
Ну в сад, так в сад; мне все равно, старухе.
С е н н ы е д е в у ш к и *(допевают)*.

Купавшися, утушка встрепенулася,
Встрепенувшись, серая воскрякнула:
«Как-то мне с синя моря подыматься будет,
Как-то мне с желтым песком расставаться будет?»

М а р ь я В л а с ь е в н а.
Что терем, что тюрьма — одно и то же.
Н е д в и г а.
Ну будь по-вашему. Вот здесь и сядем.

Садятся.

Недвига.
Ты, Марья Власьевна, прости старуху,
Велика выросла, хоть замуж впору,
А все еще, как посмотрю, глупа.
Ты знай одно: что в тереме, что в церкви,
Ты завсегда спасеной человек;
Там образа, закрещены все двери.
А что в саду? Тут вольная земля,
Ну, значит, он, оборони создатель,
Свободно ходит; долго ль до греха!
На всякой час блюдись!

Одна из девушек.
А зачураться,
Не подойдет.

Все.
Чур! наше место свято!

Другая из девушек.
И поминать-то бы его не к месту.
Не в час сболтнешь, он к слову-то привязчив
И на помине-то лего́к бывает.

Недвига.
Что правда, правда. Пусто будь ему!

Молчат.

Ох, не люблю, когда молчат! В молчанки
Мы, что ль, играть сошлися? Нуте, девки,
Повеличайте молоду княжну.

Прасковья Власьевна.
Всё величать! Довольно! Надоели.

Недвига.
Сказать аль нет? Вестимо, что не дело
Холопское о господах судачить,—
И промолчать нельзя.

Марья Власьевна.
Ну, что такое?

Недвига.
Да всё про то же, всё про жениха-то.
Что у кого, а у меня забота
Одна.

Марья Власьевна.
Тебе-то что, коль ей по сердцу?

Прасковья Власьевна.
По сердцу — не по сердцу, а пойду,
И ох не молвлю!

Недвига.

Думали, гадали
Родимые, да вот и догадались.
Ну ровня ли! Седой как лунь, согнутый,
Глядит медведем, так и хочет съесть.
Одно и лестно, что большой боярин.
Так не с боярством жить, а с человеком,
Как месяц ни свети, а все не солнце!

Марья Власьевна.

Ей что ни поп, то батька, все равно;
Ей лишь бы замуж, разбирать не станет.

Прасковья Власьевна.

Само собой. Да разве наша воля
Себе мужьев по сердцу выбирать!
Прикажут, и конец; а мил ли, нет ли —
Тебя не спросят.

Марья Власьевна.

Лучше утопиться.

Прасковья Власьевна.

Не мы одни, всем девкам та же доля,
А всем топиться — Волгу запрудишь.

Марья Власьевна.

Другая б плакала, а ты так рада.

Прасковья Власьевна.

О чем, о ком я буду горевать-то?
Боярыней живи да величайся,
Ешь сладкое, медов сыченых вволю,
Гора горой пуховики лебяжьи
В опочивальне; хочешь спать, так спи,
А нет, лежи, пусть тонет бело тело
И нежится. Да вот сама увидишь,
Так раздобрею в год, что не узнают.
Работы нет, заботы не бывало!
Сиди, как пава, а кругом рабыни
Кроят, и шьют, и строчат во сто рук.
Такая жизнь, что умирать не надо!
Чего жалеть-то? Девичью красу
Да косу русую? Об ней поплачу,
Как расплетут, да по уши повяжут
Волосником, да бабью кику вздену.

Недвига.

Тебе с ним жить, ну и живи как знаешь.
Не наше дело, кончен разговор!
Что ж мы начнем? Все песни перепели,

Переиграли игры, разве сказку
Договорить, что даве начинали.
Да с уговором: не́ любо, не слушай,
Лгать не мешай!

Прасковья Власьевна.
Досказывай хоть сказку.

Марья Власьевна.
Ты думаешь, нам очень любы сказки?
От скуки слушаем, одна забота,
Как время скоротать. А вот ты мелешь,
Мы слушаем, так время и проходит.

Прасковья Власьевна.
Досказывай Никиту Кожемяку!

Недвига.
Ну, долго ль, коротко ли, в сказке скоро;
На деле-то не вдруг. Ну вот в ту пору
Сидит себе Никита, кожи мнет.
И держит он, красавицы мои,
В руках двенадцать кож; вдруг царь в кожевню,
Взглянул Никита,— так вот и затрёсся;
Со страху ходнем руки заходили,
И разорвал он те двенадцать кож.

Марья Власьевна.
Ну, ври еще!

Недвига.
Известно, сказка складка,
А песня быль; не мимо говорится.

Марья Власьевна.
Не всякая. Сама же ты певала,
Что воля красным девушкам гулять,
Молодкам миновалася гульба.
Мы девки вот, а всё живем в неволе.

Недвига.
Досказывать аль нет?

Прасковья Власьевна.
Ну брось, не надо.
Уж надоело про змеёв-то слушать!

Недвига.
Чего же вам?

Марья Власьевна.
Любовную скажи!

Прасковья Власьевна.
Ты расскажи, как в тереме высоком
Сидит красавица; замком булатным

Дверь заперта дубовая, и стража
И день и ночь круг терема стоит.
И солнцем не печет, и буйный ветер
Пахнуть не смеет на нее.

Недвига.

А дальше?

Прасковья Власьевна.

А дальше я не знаю; я не стала б
Просить тебя, сама бы рассказала.
Ты знаешь всю, тебе и книги в руки.

Марья Власьевна.

Как добрый молодец прокрался в терем...
Да ты нам все рассказывай, как было.

Недвига.

А мать услышит, кто в ответе будет?

Марья Власьевна.

Пойдем в малину! Не найдут до завтра.

Недвига.

Ну, быть по-вашему! Срамницы, право!
Вас хлебом не корми, а дай послушать
Соромских сказок. Да и то сказать —
Всё взаперти — чужих людей не видим,
Гулять нет воли, миловаться не с кем,
А у живого на уме живое.

Все уходят. Резвый и Степан Бастрюков показываются из бани.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Бастрюков и Резвый.

Резвый.

Рассыпались в кустах. Не поманить ли?
Пойдет на манку?

Бастрюков.

Помани легонько!

Резвый *(запевает)*.

Боялися девки да серого волка,
Да не того волка, что по полю рыщет,
А того ли волка, что по лесу свищет,
Что по лесу свищет, красных девок ищет.

Марья Власьевна подходит к тыну, осматривается; Резвый скрывается, Бастрюков выступает.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Бастрюков и Марья Власьевна.

Марья Власьевна.
Вот диво-то! Не с неба ли свалился?
Как занесло?

Бастрюков.
По моему прошенью,
По щучьему веленью. Надоело
Через забор вести переговоры.
И видит глаз, да зуб неймет. Поближе
Хотелось быть; лицом к лицу, бок о бок
Речь тайную, любовную держать
И миловаться, как душе угодно.
Мы разобрали тын.

Марья Власьевна.
Ты, парень, ловок.

Бастрюков.
Ведь рано ль, поздно ль, надо ж будет, Маша,
Тебе покинуть свой терём высокой,
Чужую сторону узнать, так лучше
С милым дружком тишком лужком уехать!
Кто знает думу батюшки-отца
Иль матушки твоей башку пустую?
Загубят век, спихнут за старика
Постылого, на горе да на слезы.
Чего же ждать? Что думать! Свистнуть, что ли?
У нас готово, люди в лодке, только
Сесть да поехать.

Марья Власьевна.
Как же, дожидайся,
Так и поеду! Нет, ошибся, парень.
Ты поглупей ищи!

Бастрюков.
Так вот как, Маша!
Что ж, не люб стал?

Марья Власьевна.
За что тебя любить-то?
Обманщик ты! Охаживать горазд
Кругом да около. Тебе поверить —
Трех дней не проживешь. О святках, помнишь,
У нас в дому плясали скоморохи,
Ты мехоношей был, ты что мне баял?
Что ты купецкой сын, Иван Ковригин.

Зима прошла, весна красна настала,
На дереве у моего окна
Ты по ночам сидел, и коротали
Тайком с тобой весенние мы ночи.
Ты нянек, мамок деньгами осыпал;
Не раз, не два я спрашивать пытала
Об имени и отчестве твоем:
Иван Ковригин — только и ответу.
Ну как тебе не грех? Я все узнала:
Ты не купецкой, а боярской сын
Степан Семеныч, Бастрюковых роду,
И скоморохи-то твои все слуги,
И сам ты скоморох.

Б а с т р ю к о в.

Тебе же лучше.
Боярской сын,— тебе почету больше,
Со скоморохом веселее жить.

М а р ь я В л а с ь е в н а.

Ну нет, старуха надвое сказала.
Купецкой сын-то женится честь-честью,
А у тебя, я знаю, во дворе-то
Всё краденые девки да молодки;
И я в таких же буду. Нет, зачем же?
А надоем, к отцу прогонишь! Лучше
Я дома посижу, изъяну меньше!
Один изъян, что новый тын попорчен,
Так батюшке скажу, поправят завтра.
А ты женись, как следует, порядком,
Тогда вези, куда душе угодно.

Б а с т р ю к о в.

Да я бы рад, да, вишь, Нечай Шалыгин
Берет сестру твою Прасковью замуж,
Он враг заклятый и отцу и мне;
Не то что сватать, мне нельзя и носу
К вам показать.

М а р ь я В л а с ь е в н а.

Ну, станем дожидаться;
Мне лет немного; я не перестарок.

Б а с т р ю к о в.

Толкуй с тобой! а замуж отдадут?

М а р ь я В л а с ь е в н а.

Своей охотой не пойду; а силой
Неволить станут — ну, тогда, не знаю,
Быть может, парень, выйдет на твое;

Тогда ломайте тын, готовьте лодку,
Бери в охапку и тащи домой.

Бастрюков.
Голубушка!
(Обнимает.)

Марья Власьевна.
Ты волю-то не очень
Давай рукам, повремени до срока!
Придет пора, ни слова не скажу,
Твоя же буду.

Бастрюков.
Жизнь моя, лебедка!
Пройди весь свет от края и до края,
По всем землям, по всем ордам немирным,
Ищи другого парня, не найдешь,
Чтоб так любил, как я. Да вот что, Маша,
По-нашему любить, так вот как: видишь
Булатный нож?
(Вынимает нож из-за пояса.)

Марья Власьевна.
Да что ты! Бог с тобой!

Бастрюков.
Нет, погоди! Промолви только слово —
И глазом не моргну, по рукоятку
В грудь опущу. Вели!

Марья Власьевна.
Да верю, верю.

Бастрюков.
Убей меня господь на этом месте!

Марья Власьевна.
Да лжешь ли, нет ли, сам ответишь богу,
А слушать сладко.

Бастрюков.
Значит, по рукам?
(Подает руку.)

Марья Власьевна.
Да что уж говорить! Тебя полюбишь,
Так не разлюбишь скоро. Поведешься
С тобой, так на других потом не взглянешь.
Ишь ты, какой пригожий уродился.

Бастрюков.
И поцалуемся?

Марья Власьевна.

Изволь, голубчик.
Греха тут нет. Целуемся со всеми;
Чужих целую, а тебя подавно.

Целуются.

Девки *(поют в кустах)*.

В тереме девушка умывалася,
В высоком красная белилася...

Марья Власьевна.
Домой пошли. Пора. Прощай!
(Идет.)

Навстречу ей входит шут.

Ай, ай!
(Прячется в кустах.)

Бастрюков.

Чего она?

Резвый.

Шутило воеводин.

Прячутся в баню.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Шут, потом воевода, Влас с Настасьей и девки.

Шут.
Авось-то он смирнее у невесты.
А все боюсь, душа уходит в пятки.
Бродил кой-где; с неделю укрывался,
А надобно ж когда-нибудь явиться.
Велит сыскать, так не проси пощады.
Ух! Идол! Змей Горыныч! Чудо-юдо!

Входит воевода, за ним Влас и Настасья, девки несут жбаны, чары и ковриги.

(Из-за кустов.)
Есть виноватому прощенье?

Воевода.

Есть.

Шут *(падая на колени)*.
Помилуй, дяденька! Вперед не буду.

Воевода.

Вставай, собака! С одного вола
Две шкуры не дерут. Да только помни,
Шутить с оглядкой, как бы не заплакать!

Шут.

Всем закажу, и недругу, и другу,
Шутить с тобой! А то накладно, дядя,—
Я языком шучу, а ты дубинкой!

Влас.

Покрой ковром беседку-то, Настасья!
Пожалуй, осударь Нечай Григорьич,
Изволь присесть, не нудь боярских ног.

Воевода *(садится)*.

Мы здесь свои, и вы садитесь рядом.
Вы нареченные мне тесть и теща.

Влас.

Не подобает нам, с женишкой Настькой,
Перед тобой, высоким воеводой,
Перед твоими светлыми очами
Сидеть да барствовать. Нам, темным людям,
Холопями твоими быть за счастье;
Родня родней, честь честью, осударь!
Ты погости у нас, а мы послужим.

Настасья.

Да ну-ко ты! Служи один, я сяду.
Я экой чести сроду не видала,
Во сне не грезилось; что я за дура —
Привел господь сесть рядом с воеводой,
А я не сяду! На-ко, дожидайся!
Сажает сам! Хоть малость посижу-то,
А сколько чести у меня прибудет!

Влас.

Не осуди! Прискорбна головой,
Сызмальства скудоумна, бог обидел.
Робячий смысл; нелепое творит.

Воевода.

Не тронь, сидит.

Шут.

Я, дядя, тоже сяду.
Понаберись-ко разума, ума
От нас с Настасьей. Хитрое ли дело
Судить. рядить да речи разводить
С боярами да с думными дьяками!
Поговори-ко с нами, дураками.

Влас *(потчует медом)*.
Откушай, не побрезгай! Чем богаты,
Тем мы и рады.
Воевода.
Покажи дорогу!
Допреж хозяина и поп не пьет;
Клади начин и подноси по ряду!
Влас.
Желаю здравствовать на многи лета!
Храни тебя господь, да царь люби!
Не осуди, что речи не умильны,
Что мы, по простоте своей, не знаем,
Как чествовать и величать тебя.
(Пьет и наливает.)
Воевода.
Спасибо, Влас! Проси теперь хозяйку.
Влас *(кланяясь)*.
Хозяюшка!
Настасья.
Уж пить ли мне-то, право?
Влас.
Да не дури! Я кланяться не стану —
Примай да бей челом.
Настасья *(берет чару)*.
Короток разум
У бабы-то; сказала б, да не знаю,
Грехом обмолвишься, не ладно выдет.
Ну, будь здоров.

Целуются.

Воевода.
Спасибо и на этом.
Влас.
Теперь сама проси.
Настасья.
Покорно просим.
Воевода.
В гостях — в неволе. Отказать не смею.
Я выпью!
(Пьет.)
Знатный мед, стоялый, крепкий,
Хороший мед! Ты, Влас, живешь исправно.

Влас.

Да есть-таки запас про всякой случай:
Для праздников, вот дочери невесты —
Так для родни да для попов пасем
Попотчевать послаще. Все ж не ровня
Твоим медам боярским; нам далёко
С тобой тягаться, мы живем черно,
Да и сварить-то путно не умеем.
Ты наше малое поставь в большое.

Воевода.

Не диво пиво, дорога любовь.
(Отдает чару Настасье.)

Настасья.

Что смотрите! примайте, девки, дуры!

Воевода.

Недаром говорят: не будь запаслив,
Будь гостю рад.

Шут.

Я не обсевок в поле,
Такой же гость, а ты меня обносишь!
Пирог с крупой, и мы с рукой, да, видно,
Кого блинками, а меня пинками.

Воевода.

Не по губам тебе, язык проглотишь.

Шут.

Ну, зелена винца!

Влас.

Вот есть в сулейке.

Настасья.

Сулеечку подайте, девки, дуры.

Шут.

Покланяйся, а я ломаться стану.

Влас.

Ты сам себя попотчуй, сколько влезет,
Бери совсем. Своя рука владыка.

Воевода.

Ты, волчья сыть, медвежья дрань, дорвался!
Смотри, не задури!

Шут.

Я помаленьку.

Влас.

Пей помаленьку, только выпей все.

Шут отходит.

В о е в о д а.

Закону нет глядеть невест до свадьбы,
А мне охота; хоть глазком взглянуть бы.

В л а с.

Да ты глядел.

В о е в о д а.

Не сыто наше око:
Посмотришь раз, манит тебя в другой.

Н а с т а с ь я.

Вот женишься, так наглядишься вдоволь:
Неказаному золоту цены нет;
Показано, так всякой цену знает.

В о е в о д а.

Здорова? Не скучает?

В л а с.

Да с чего ей!
Об чем скучать! Растет, толстеет, всходит,
Как на дрожжах опара.

Н а с т а с ь я.

Ты, боярин,
Не обижай! В любви держи да в холе,
Чтоб нам не плакаться.

В л а с.

Молчи ты, дура!

Н а с т а с ь я.

Да что ты! Что молчать! Я не чужая,
Я мать родная. Ты меня послушай,
Родимый зятюшко, Нечай Григорьич!
Уж чтоб и мне, старухе, был почет,
Чтоб все-таки, от мала до велика,
Мне кланялись, а я чтоб величалась.
Вот я иду, примером, хоть к обедни,
Народ без шапок, с кем заговорила,
Чтоб на колени падал.

В л а с.

Ты очнись!
Коль захмелела, так поди проспись,
Ты голову с меня снимаешь!

Н а с т а с ь я.

На-ко!
Я теща воеводская! Кому же
И величаться, как не мне? Вестимо,
Я в городе большая, больше всех.

Воевода.

С тобой начни, до завтра протолкуешь,
А мне пора. Бессудный, собирайся!
Чужа изба засидчива. Прощайте!

Шут *(в кустах)*.

На след попал, по красному по зверю.
Ты обожди, я погоню на вас.

Влас.

Переложил хмельного, брешет спьяну.

Шут.

Вот зверь, так зверь: не соболь, не куница,
А красная девица. Эй! Ловите!
Перенимайте на дороге!

Выбегает Марья Власьевна.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Воевода, Влас, Настасья, шут и Марья Власьевна.

Влас.

Марья!
Ты как зашла?

Марья Власьевна.

С сестрой гуляли, с няней
Мы даве здесь, они домой пошли,
А я замешкалась; бегу за ними,
Вдруг он навстречу, я в кусты с испугу
И схоронилась, там и просидела.

Настасья.

Вот я тебя! Беги домой, срамница!
Бесстыдница!

Воевода *(берет за руку Марью Власьевну)*.

Постой! Какие очи!
Нельзя налюбоваться, наглядеться!
Я много видел на своем веку,
Таких очей не приводилось видеть.
Красавица, ты из какой земли?
Кто породил тебя, кто возлелеял?

Влас.

Меньшая дочка, Марья.

Воевода.

Вы обманом,
Холопы смерды, обошли меня:

Похуже сбыть товар — так воеводе,
Получше — дома приберечь. Я знаю
Купецкую замашку. Ты мне ворог,
Ты плутовством живешь, обманным делом!

Влас.

Помилуй, осударь, мы без обману,
По старшинству, Прасковью выдавали,—
Таков у нас обычай.

Воевода.

Я Прасковью
И видеть не желаю, врозь всё дело!
И Марью я не выпущу из рук!
Отдайте мне ее! Ее отдайте!
Ее хочу, ее беру, отдайте!
Я вас озолочу.

Влас.

Твоя есть воля.
Бери хоть эту, коль пришлась по нраву.

Настасья.

Да что ты! Что ты! Где ж такой порядок?
Да нешто водится?

Воевода.

Уйми жену!

Влас.

Да как унять, что делать с ней, боярин?
Бью походя, околотил все руки.
Настасья, слушай! Мил тебе аль нет
Свет белый, вольный? Молви только слово
Противное, убью тебя до смерти!
Молчи да в ноги кланяйся за милость!
Благодарим за честь.

Кланяются.

Воевода.

Так рукобитье?

Влас.

Приказывай; велишь — сейчас ударим.

Воевода.

Пойдем в хоромы, там и порешим.
(Настасье.)
Веди невесту, при огне посмотрим,
Здесь тёмно стало. Девица-краса,
Ты не слези свои сокольи очи,

Ты не труди свою лебяжью грудь!
Не на́ горе ко мне пойдешь, на радость.

Все уходят, кроме шута, который остается на крыльце. Выходят Бастрюков и Резвый.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Бастрюков, Резвый и шут.

Бастрюков.
Ах, старый пес! Ты слышал, Резвый?
Резвый.
Слышал.
Бастрюков.
Ведь дело дрянь.
Резвый.
Беда ума прикупит.
Ты не кручинься, как-нибудь поправим.
Бастрюков.
Поправить нечем, надобно украсть.
Резвый.
И я про то же. Лишь бы показалась —
Уж только здесь и видели ее.
Бастрюков.
Да выдет ли?
Резвый.
Да сердце не утерпит.
Урвется как-нибудь на малый час
Хоть на прощанье вскользь словечко бросить.
Шут.
Ай, молодцы! Веселые робята!
Ну как теперь: явить ли воеводе,
Да и накрыть удалых молодцов?
Иль зло сорвать — продать его, собаку,
Да послужить робятам удалым?
Нет, лучше к дяде. Он за эту службу
Не пожалеет горсти серебра.
(Уходит.)
Бастрюков.
Зевать не надо! Ты гляди, да в оба!
Всю ночь прождать, да только б не с пустыми
Руками нам домой вернуться. Лучше
Не жить на свете, вовсе не родиться!
А уступить нельзя, не мой обычай.

Резвый.

Никак идет.

Бастрюков.

Свисти.

Резвый свищет. Марья Власьевна на крыльце.

Ты ль это, Маша?

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Бастрюков, Резвый и Марья Власьевна.

Марья Власьевна.

Я, мой родной! Иду и ног не чую!
Спаси меня, спаси! Мне все постыло,
Мне лучше в омут, чем назад в хоромы:
Отец родной и матушка родима
И продали, и пропили меня.

Бастрюков.

Да где ты?

Марья Власьевна.

Здесь! Боюсь идти в потемках.

Бастрюков.

Свисти в другой.

Резвый свищет.

Чего со мной бояться?
Душа моя, голубка, полегоньку
Мы на руках тебя снесем до лодки,

Тын разбирается.

Да и прощай, и поминай, как звали.

Входят воевода, Влас, Настасья, шут и слуги с фонарями.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Бастрюков Степан, Марья Власьевна, Резвый, воевода, шут, Влас, Настасья, слуги.

Шут.

Держите!.. Воры!

Резвый.

Осударь, спасайся!

Бастрюков.
Авось пробьемся. Мне свою голубку
Неужто бросить!
Воевода. Бросишь поневоле.
И рад бы взять, да руки не достанут.
Вяжите их!
Резвый *(вынимает саблю).*
Поди-ко, сунься кто!

Все отступают. Бастрюков и Резвый отходят к тыну

Бастрюков.
Прощай, касатка, не моя — чужая!
Марья Власьевна.
Ну да, чужая. Пусть владеет силой,
Ни ласки он, ни слова не дождется.
Мне что сказать, мне чем тебя утешить?
Ему не я, а красота нужна,
Так пусть же силой нас и обвенчают,
Пусть что хотят, то делают; я буду
Как мертвая.
Воевода. Так вот, Степан Семеныч,
Ты по каким делам пошел?
Бастрюков.
Ошибся,
Ты не узнал, я не Степан Семеныч.

Бастрюков и слуги входят в лодку.

Воевода.
Эй! люди! В лодки, да в погоню живо!
Один из слуг.
Что было лодок, все поотвязали
И по воде пустили. Не в чем ехать.
Резвый.
Поедем тихо, и пешком догонишь.
Воевода.
Смотри, куда поедут — вверх по Волге
Иль вниз?
Слуга. Ни вверх, ни вниз, даются в реку;
Не видно стало, обняли потемки.
Настасья.
Вот видели, как девок-то воруют!
Вот погляди! А как за ней усмотришь!
Воевода.
Украсть хитро, как сторожей поставлю!

Настасья.
Да просто так, возьмут да и украдут.
Не надивлюсь, когда они спознались.
Влас.
А вот пойдем, притянем всех к допросу,
Всех нянек, мамок, спросим и ее.
Эй, заберите тын, да подоприте
Его путем! Всю ночь ходить дозором!
Воевода.
Ну, мы ее побережем покрепче.
Ко мне, в мой дом ее перевезите,
Что на посаде, он пустой стоит;
Там не украдут; пусть живет до свадьбы.
Настасья.
Как хочешь сам, а мне не уберечь.
Оно и лучше — от беды подальше.
Иди домой! Ах, батюшки, нейдет.
(Толкает, та понемногу подвигается.)
Воевода.
Упрямится. Дай время — обойдется.

Уходят.

СЦЕНА II

ЛИЦА:

СТЕПАН БАСТРЮКОВ.

РОМАН ДУБРОВИН.

РЕЗВЫЙ.

КУБАС.

ШИШИГА.

БУРЫЙ.

ЗОРЯ.

Сени в доме Бастрюкова.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Бурый и Зоря (настраивает гусли).

Зоря. Давно у нас старый боярин в Москву уехал?
Бурый. За неделю русальной, да поста неделя, вот и считай.

З о р я. А надолго?

Б у р ы й. А кто его знает. Челобитную повез в Москву на воеводу, так, вестимо, скоро не выпустят; да он масла на всякий случай с собой повез.

З о р я. Зачем?

Б у р ы й. Экой ты какой! В Москве даром дела не делают. Подьячих маслить. С порожними руками с судьей не сговоришь; судиться — не богу молиться, поклоном не отделаешься. Подьячим, брат, житье лучше нашего скоморошьего. С правым делом боярин-то поехал, а подьячим-то приданого на трех возах повезли; а воевода от себя на четырех поминки шлет, чтоб не забыли. Сам, дескать, кормлюсь, да и вас покармливаю.

З о р я. И много же на воеводу челобитчиков!

Б у р ы й. Да, почитай, весь город.

З о р я. Круто ему будет.

Б у р ы й. Баба ворожила, да надвое положила. Чья мошна туже, та и перетянет.

З о р я. Что Степан Семеныч долго не едет; а я уж гусли наладил. Садись да играй.

Б у р ы й. Да с кем он поехал?

З о р я. Резвый с ним, да еще Кубас с Шишигой.

Б у р ы й. Ну, так приедут, да не скоро. Они теперь рыщут, черна бобра ищут. Привезут ли, нет ли, соболя в сафьянных чоботах, кунку в шубке.

З о р я. А мы и повеселим, чтоб на новом месте не скучно было. *(Поет.)*

Уж и что же вы, робята, приуныли?
Аль у вас, робята, денег нету?

Входят Б а с т р ю к о в, Р е з в ы й, К у б а с и Ш и ш и г а.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Т е ж е, Б а с т р ю к о в, Р е з в ы й, К у б а с и Ш и ш и г а.

Б а с т р ю к о в *(садится)*.

Душа горит, на части сердце рвется
Ретивое. Куда ты подевалась,
Моя удача, мой талан да счастье?
Аль приугасла, али закатилась
Звезда моя несчастная?

Р е з в ы й.

Боярин,
Степан Семеныч! Выпей хоть маленько,
Облей ты, окати свое сердечко,
Повеселее будет.

Б а с т р ю к о в.

На роду ли
Мне так написано, аль доля вышла
Спознаться с горем. Ветру не развеять
Тоски-кручины. Ройте мне могилу,
Дубовую колоду приготовьте,
Желты́м песком засыпьте!

Р е з в ы й.

Нас живыми
Зарыть в могилу надо, что доводим
Тебя до этакой кручины.

Б а с т р ю к о в *(встает)*.

Слуги
И челядинцы верные мои!
Я вас кормил, и жаловал, и тешил,
С плеча дарил свое цветное платье —
Хоть в жизни раз и вы меня потешьте!
Я в ноги вам ударю, доставайте
Мне Марью Власьевну!

Р е з в ы й.

Робята, надоть
Хоть умирать, а доставать. Потешим
Боярина. Вели, Степан Семеныч,
Мне слово молвить.

Б а с т р ю к о в.

Молви.

Р е з в ы й *(кланяется в ноги)*.

Головы
Повинной не секут, не рубят. Прежде
Ты выслушай, потом казни как знаешь.
Хоронится у нас от воеводы
Роман Дубровин.

Б а с т р ю к о в.

Ведомого вора
Во двор пустили. Воровской притон
Здесь завели. А ну, как вдруг нагрянут
Да вора вымут на моем дворе!
В ответе я. По грамоте царевой,
И головой, и животом отвечу,

Поместья отберут на государя
За ваше воровство!

Р е з в ы й.

Степан Семеныч,
Не вор Дубровин. Тем и провинился,
Что жил богато да жена красива;
Да так красива, что другой на свете
И не найдется. В те поры напрасно
Его томил в остроге воевода —
Всё денег вымогал. Сбежал Дубровин,
Так он в тюрьму его хозяйку вкинул;
И ночи там она не ночевала,
К себе в опочивальню перевел.
В бегах был с год Дубровин, вот вернулся,
Сгрустнулось, повидаться захотелось
С женою.

Б а с т р ю к о в.

Где ж она?

Р е з в ы й.

У воеводы.

Б а с т р ю к о в.

Так вы его пустили?

Р е з в ы й.

Да боится
К чужим пристать. Да что ж, Степан Семеныч,
Пускай живет; у нас его не сыщут;
А взыщутся, так мы тогда спровадим,
И след простыл; а нас хоть жги огнями,
И знать не знаем, слыхом не слыхали.
А уж куда на выдумки гораздой!
Вели позвать. Ум хорошо, два лучше.
Потолковать бы с ним о нашем деле,
Худого не придумает.

Б а с т р ю к о в.

Зови!

Р е з в ы й.

Кубас, беги! Да ты найдешь?

К у б а с.

Пошарю,
Авось найду. Еще бы не найти!
Я свой, не сыщик.
(Уходит.)

Резвый.

Горе-то убило
Теперь его, а уж куда затейник —
Что слово скажет, то рублем дарит.

Бастрюков.

Послушаем. Крестами поменяюсь,
Коли беду мою бобами разведет,
Печаль-тоску на радость поворотит.

Резвый.

Кромя его и некому.

Бастрюков.

Посмотрим.

Входит Дубровин.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Дубровин.

Дубровин.

Здорово, осударь Степан Семеныч!

Бастрюков.

Живешь давно, а глаз своих не кажешь
Хозяину. У нас таких порядков
Не водится меж добрыми людьми.

Дубровин.

Да пóшто я тебе? Живу я смирно,
Тебя не трогаю. И ты не трогай!
Пришел не в гости, ни с добром, ни с худом,
Пришел по ти́ху и уйду по ти́ху,
А за постой скажу тебе спасибо!
Зачем покликал?

Бастрюков.

Дело есть, Дубровин.
Тебе не боязно?

Дубровин.

Чего бояться?

Бастрюков.

Велю связать, да к воеводе.

Дубровин.

Шутишь!
Я пуганый, меня не испугаешь,

Бастрюков.
И то шучу. И волосом не тронут,
Пока ты здесь. Вот бог тебе порука.
Дубровин.
Да я тебе и без божбы поверю.
Бастрюков.
Нужна послуга.
Дубровин.
Будет ли под силу?
Бастрюков.
А есть охота?
Дубровин.
Твой слуга, боярин.
Бастрюков.
Не ждал беды, сама беда сыскалась,
Тужить не думал, довелось тужить.
Дубровин.
За что про что сыр-бор горит?
Бастрюков.
За девку!
В руках была, да отняли из рук.
Дубровин.
Здесь девушки по денежке.
Бастрюков.
Не купишь
И тысячей. Слыхал ли ты про Власа
Дюжóва?
Дубровин.
Кто ж его не знает, плута,
Лисицу старую!
Бастрюков.
А дочек видел?
Дубровин.
Чтоб не солгать, раз с десять доводилось.
Молва идет: не знаю, правда ль, нет ли?
Прасковью Власьевну за воеводу
Просватали. Ужель, Степан Семеныч,
Я молвлю не в укор, ее жалеешь?
Похаять нечего, с лица красива,
Собой статна, а все же кус не твой;
Пухла, ленива, слова не дождешься.
Я не тебе чета, а не польщуся.
Вот Марья Власьевна совсем другая,
Как неродные точно.

Бастрюков.

Про нее-то
И говорю, ее-то и жалею;
Мы по любви сошлись и столковались.

Дубровин.

Чего ж жалеть-то? Сватайся порядком,
Не отдадут, возьми без позволенья.

Бастрюков.

Так и задумал.

Дубровин.

Ну!

Бастрюков.

Да помешали.
Я за руку, а за другую...

Дубровин.

Кто же?

Бастрюков.

Все он же, воевода.

Дубровин.

Не татарин,
Не женится на двух.

Бастрюков.

Да он раздумал
Прасковью взять. Как увидал меньшую,
Так подавай ее, а ту не надо.
Во двор берет беречь, чтоб не украли.

Дубровин.

А надо бы украсть. Ужли уступишь?

Бастрюков.

Что уступить, что заживо в могилу!
Мне жизнь не в жизнь! Бесчестье-то бесчестьем,
Да каково, слюбившись, расставаться;
Любовь-то не пожар, а загорится,
Так не потушишь.

Дубровин.

Не сложить же руки,
Не плакать стать; слезами не поможешь.
Подумать, да за дело.

Резвый.

В добрый час!

Дубровин *(оглядываясь)*.

Повыстудить бы избу. Лишних за дверь.
Останься, Резвый, ты не помешаешь.

Б а с т р ю к о в *(слугам)*.
В сенях постойте, подождите зову.
Д у б р о в и н.
Боярин, я пришел недаром. Тоже
Должишко есть; повыправить хочу.
Взаймы жену, без спросу, люди взяли:
Просить по чести — самого засадят,
Что век не вылезешь. Одно осталось —
Свое добро у вора воровать.
Давай уж вместе! Первым делом надо,
Чтоб воевода выехал дня на два,
Хоть за охотой, хоть на богомолье.
Б а с т р ю к о в.
Как выживешь его?
Д у б р о в и н.
Уж наше дело.
Мизгирь для нас уладит.
Р е з в ы й.
Воевода
Без Мизгиря ни шагу. Уж давно бы
Его казнить пора за чародейство,
А он в тюрьме томит; да днем ли, ночью ль,
Во всякой час к себе в покои водит,
По книгам смотрят, в Шестокрыл и в Рафли.
Мизгирь что скажет, то и свято.
Д у б р о в и н.
Завтра
Пошли в тюрьму колодникам на хлеб,
А Мизгирю особо. От Романа,
Мол, прислано.
Б а с т р ю к о в.
Чем свет пошлю Кубаса.
Р е з в ы й.
Я сам схожу.
Д у б р о в и н.
Нам только большака-то
Долой бы с глаз, а челядь наша будет.
Б а с т р ю к о в.
Ну ладно. Делай! Денег ли, людей ли —
Бери, что нужно.
Р е з в ы й.
Ты, Степан Семеныч,
Опочивай, ложись! Не думай; утро
Помудренее вечера бывает.

Бастрюков.
Не к смерти грех. Вели-ко дать медку!
Мне не впервóй гулять до бела света.

Резвый уходит.

Ты где бродил?

Дубровин.
Не клином свет сошелся.

Бастрюков.
Гулял по Волге?

Дубровин.
Волей и неволей,
В бурлáках...

Бастрюков.
И в удáлых молодцах?

Дубровин.
Всего бывало.

Бастрюков.
И большой дорогой
В ночь темную?

Дубровин.
Придет пора, покаюсь.
Ни ты чернец, ни мне конец, боярин.

Бастрюков.
Здесь слух прошел про Худояра. Слышал?

Дубровин.
Слыхать слыхал.

Бастрюков.
А может, и видал?
Так правда ли, что он народ не грабит
И рук не кровянит; а на богатых
Кладет оброк, служилых да подьячих
Не жалует и нас, дворян поместных,
Пугает крепко?

Дубровин.
Ты его боишься?

Бастрюков.
Мне что бояться, я живу по правде.

Дубровин.
Так что ж тебе?

Бастрюков.
Да поглядеть охота.

Дубровин.
Зачем, боярин?

Бастрюков. Удаль заставляет.
Дубровин.
Не спятишься?
Бастрюков.
Не пятился ни разу.
Я сам удал и молодцов люблю.
Дубровин.
Поедем завтра.
Бастрюков. Ладно. Резвый, живо!

Входят Резвый, Кубас, Шишига, Зоря, Бурый и слуги.

Вина давайте! Меду. Песни пойте!
Дым коромыслом! С горя загуляли,
А с радости опохмеляться будем.
Зоря и слуги *(поют)*.

Уж и полно нам, робята, чужо пиво пити,
Не пора ли нам, робята, свое затирати.
Солод молод на овине, а хмель на тычине.
Уж и что же вы, робята, приуныли!
Аль у вас, робята, денег нету?

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

СЦЕНА I

ЛИЦА:

ВОЕВОДА.

НЕУСТРОЙКО.

НАСТАСЬЯ.

МАРЬЯ ВЛАСЬЕВНА.

ВДОВА УЛЬЯНА.

МИЗГИРЬ
колдун.

ОЛЕНА
жена Дубровина.

ГРИШКА ЖИЛКА.

ШУТ.

ПРИСЛУГА И СТРАЖА.

ЖЕНЩИНЫ И ДЕВКИ.

Светлица в воеводском доме.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Воевода и Неустройко (входят), за ними один слуга.

Воевода *(садится)*.
Согнать ко мне всю дворню!

Слуга уходит.

Все покои
Прибрать! Постлать ковры! Завесы к окнам
Тафтяные повесить с кружевами!
Чтоб был полавочник на каждой лавке!
Столы сукном завесить! Жениховы
Мои подарки в тереме поставить:
Ларцы, и зеркала, белила, перстни,
И мыла всякие, и все покупки,
И рухлядь всю расставить и развесить
Лицом на погляденье!

Неустройко.
Все готово
Для дорогих гостей, всего запасно.
Посадим с честью и накормим сыто.

Воевода.
Не на день гости к нам.

Неустройко.
Да хоть бы на год!

Входят прислужники обоего пола и кланяются; меж ними Олена.

Воевода.
Я жалую вас милостью боярской:
Не красен дом, не весел господину,
И слугам сиротливо без хозяйки
Боярыни. Благословеньем божьим
И нашим счастьем мы нашли девицу
Себе по мысли и понять желаем
Себе в жену, вам в мать и госпожу.

Неустройко.
Час добрый! Кланяйтесь, благодарите
Боярина.

Кланяются в ноги.

Воевода.
Теперь пока до свадьбы
Я этот дом со всем добром и с вами
Невесте отдаю,

Н е у с т р о й к о.

Опять ударьте
Челом ему на милости боярской
И слушайте наказ.

В о е в о д а.

Наказ короткой —
Служить боярыне, как мне, со страхом
И вежеством, в грозе и береженье,
Не красть, не лгать! От всякого бесчинства
И пьяного питья блюстись всемерно!
Все это присказка, а вот и сказка!
(Встает.)
Чтоб день и ночь ворота на запоре!
Чтоб день и ночь круг дому сторожа!
Чтоб ни к кому приходу, ни подсылу!
Чтоб сенным девкам из ворот ни шагу!
На портомой водить за караулом
Не часто! Слово каждое и дело
Чтоб было мне доподлинно известно!
Не только вести в дом или из дому
Не проносить; а птица прилетела
С чужих хором, чтоб мне про это ведать!
Я батогов для вас не пожалею
За малую оплошку; за большую
Казненным быть нещадно скорой казнью.

Н е у с т р о й к о.

Челом боярину и вон ступайте.

Кланяются и уходят, кроме Олены.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

В о е в о д а, Н е у с т р о й к о и О л е н а.

В о е в о д а.

Олена!

Олена останавливается.

Ты всё волком к лесу смотришь,
Змеей шипишь. Пора бы уходиться,
Забыть про вора-мужа.

О л е н а.

Не забуду,
Пока жива.

В о е в о д а.

Кто на тебя посмотрит
Со стороны, так скажет, что зарезать
Меня ты хочешь. Грозными очами
Глядишь на нас, а на душе, кто знает,
Что у тебя.

О л е н а.

Да что кому за дело,
Как я гляжу? Я лучше не умею.
Живу покорно, голову поклонно
Держу перед тобой; что ни заставишь,
Я делаю, не выхожу из воли.
Чего ж тебе?

В о е в о д а *(Неустройке)*.

Стеречь ее покрепче,
Чтоб не сбежала как с двора.

О л е н а.

Кто? Я-то?
Куда сбежать? Подумай! Много ль места
Ты мне оставил? Дом стоит покинут
И разорен по милости твоей,
И двор зарос. А где Роман гуляет,
Где буйною головушкой качает,
Печет ли солнце, дождик ли сечет
Ясно́го сокола, в живых ли, нет ли,
И я не знаю, да и ты не знаешь.
Куда ж бежать? Уж разве на погосте —
Над матушкой повыла б, что на горе,
На муку зародила, да взглянула,
Хоть издали, на дом пустой — да в Волгу;
Да грех велик. Уж я у вас останусь
Рабой твоей до гробовой доски
Да буду ждать, чем нас господь рассудит
С тобой.
(Уходит.)

Н е у с т р о й к о.

Нет зверя злой жены лютее.
Боярин, Мизгиря пригнали.

В о е в о д а.

Кликни.

Н е у с т р о й к о *(в двери)*.

Ведите!

С т р а ж а вводит М и з г и р я.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Воевода, Мизгирь, Неустройко и стража.

Воевода.

Расковать!

Расковывают.

За дверью станьте!

Стража и Неустройко уходят.

Поди сюда.

Мизгирь.

Что хочешь, господине?
Почто извлек из смрадныя темницы?
Почто труждаешь?

Воевода.

Адово исчадье!
Слуга ты дьявольский! Не в труд, а в милость
Себе поставь боярскую послугу:
Потоль ты жив, пока в тебе нужда есть.
Мигну, и духу твоего не будет
Поганого, и вороны не сыщут
Костей. Пошлю к Москве, там суд короток —
Не волоча, сожгут тебя живого
За волховство.

Мизгирь.

Несть власти надо мною
В твоих руках. Написана мне в книгах
Другая смерть. Суда не испугаюсь!
На гадине я еду, погоняю
Ужом, сам дюж, судей своих объеду.
Суд пó суду, век пó веку ведется.
Посею мак, разыдутся все судьи.
Лишь те сидят, что на меня глядят,
Меня едят, да не съедят — не смогут;
Медвежий рот имею, волчьи губы,
Свиные зубы.
(Молчание.)
От меня не скроешь
Своей души. Зачем позвал, я знаю,
Не сказывай. Бес падок на седины,
А старый глаз завистлив. Что увидел,
То и подай. Ох, трудно дело, трудно!
Ты к ней лицом, она к тебе затылком!
Ха, ха, ха, ха! Не знаю, как осилю,

Попробую. Вели вина и меду
Подать сюда!

Воевода свистит.
Входит Н е у с т р о й к о.

В о е в о д а.
Подай вина и меду.

М и з г и р ь *(развертывает книгу)*.
В отъезд тебе из городу, дня на два.
А не уедешь, ничего не будет.
Вся сила в том. Пускай она тоскует
И сохнет по тебе. Как меду выпьет,
Сейчас тоска ее обымет. Станет
Всех спрашивать: да скоро ль он приедет,
Мой мил сердечный друг?

В о е в о д а.
Куда ж бы ехать?

М и з г и р ь.
Сходи пешком в Лесную пустынь, на́ бор.

В о е в о д а.
Ин ладно. Там и зверя погоняем
Денек, другой.

Н е у с т р о й к о вносит вино и мед.

М и з г и р ь.
Давай вино, я выпью.
(Пьет.)
А мед поставь на стол.

В о е в о д а.
А сам ступай
За двери.

Н е у с т р о й к о уходит.

М и з г и р ь *(приговаривает над медом)*.
На море, на океяне,
На каменном на острове Буяне
Лежит доска, на той доске тоска
И корчится, и ежится, и бьется,
С доски да в воду, из воды в огонь,
А из огня выходит черт и вопит:
Беги скорея, пава Романея,
Ты дуй тоску рабе Марии в кости,
И в тело белое, и в черну печень,
И в сердце ретивое! Шалда, калда!..

В о е в о д а.

Ступай и жди награды по заслуге.
Не жаль мне денег, только бы сбылось.
(Свищет.)

Входят Н е у с т р о й к о и с т р а ж а.

Сковать и свесть в тюрьму!

М и з г и р я уводят.

Н е у с т р о й к о.

К тебе, боярин,
По твоему посылу и приказу,
Вдова Ульяница.

В о е в о д а.

Зови скорее!

Н е у с т р о й к о.

Поди, не бойся.

Входит У л ь я н а.

Стань вот так!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

В о е в о д а, У л ь я н а и Н е у с т р о й к о.

В о е в о д а.

Ульяна!
Ты слушай в оба! Не по чести место
Тебе даю. Боярские хоромы
Велика честь для вас, людишек малых —
Ты это чувствуй. Ты сиротским делом
День за день бьешься. У меня в почете
И в холе будешь. Вся твоя забота
Беречь боярышню, от ней ни шагу
Не отходить. Какие будут речи
Меж вами, сказывай! А баб и девок
Не допускай к боярышне с речами,
Блюди за ними крепко. Всё, что нужно,
Через тебя чтоб шло, никак не мимо.
Послужишь честно, честно и отпустим
С большим наделом деньгами, и платьем,
И замуж выдам.

У л ь я н а.

Не трудна работа
И много милости. Продли бог веку

Тебе на белом свете. Сиротинку
Не забываешь.

Воевода.

Дело-то, я знаю,
Тебе по сердцу. Нравом ты свирепа,
Глядишь медведем, ни грозой, ни лаской —
Ничем не взять. Пили́ тебя на части —
Ты все свое. Ежовою щетиной
Ты обросла кругом. Не надо беса,
Когда ты здеся. Мне того и нужно.
Ступай!
(Неустройке.)
Отдай ей мед.

Неустройко подает.

Когда попросит
Испить боярышня, ты дай ей меду,
Что в этой чарке, да проси о всей.

Ульяна и Неустройко уходят. Входит Жилка.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Воевода и Жилка.

Воевода.
Откуда ты?

Жилка.
Из погреба.

Воевода.
Треклятый,
Как черт занес на погреб?

Жилка.
Посадили.
В гостях гостил у Бастрюковых.

Воевода.
То-то
И не видать тебя.

Жилка.
Голодной смертью
Околевал-сидел, и кнутьем били.
А на тебя, боярин, челобитье
Написано и услано к Москве.

Воевода.
А кто писал?
Жилка.
Да я.
Воевода.
С ума ты спятил!
Или об двух ты головах?
Жилка.
Напишешь
И на себя, как по бокам с плетями
С ордынскими стоят.
Воевода.
А кто поехал?
Жилка.
По выбору послали. С Бастрюковым
Поехали. И он в Москву.
Воевода.
Ну с богом!
Широкий путь.
Жилка.
Роман Дубровин близко.
Воевода.
И знаешь где?
Жилка.
У Бастрюковых.
Воевода.
Точно?
Жилка.
Хоть умереть, на месте провалиться!
Воевода.
А вот, дай срок, схожу на богомолье,
Нагрянем к ним.
Жилка.
Про Худояра вести.
Воевода.
Хорошие?
Жилка.
Остановился станом
За пустынью. Осиновик-починок
Слыхал когда?
Воевода.
Ну, вот и кстати будет,
А я иду туда на богомолье.
Беги скорей, вели собрать Баиму

Стрельцов своих и всех служилых. Мигом
Лети к нему: чтоб нынче и в поход.

Жилка кланяется в ноги и уходит. Входит Неустройко.

Неустройко.
Боярин, гости к нам.

Воевода.
Беги навстречу!
Чего ж стоишь как пень!

Неустройко *(у двери)*.
Прощенья просим,
Что у ворот не встрел, позагляделся.
(Кланяется.)

Входят Настасья, Марья Власьевна, Неустройко, потом шут, Ульяна и женщины.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Воевода, Настасья, Марья Власьевна, Неустройко, потом шут, Ульяна и женщины.

Воевода.
Про ласковую тещу только вспомни,
Она и здесь. Как спали-ночевали?

Целуются.

Настасья.
Зятек поклонистый, живем, покуда
Господь хранит.

Воевода.
Садись в передний угол!
Хозяйкой будь.

Настасья.
Хозяйка не садится,
Садись ты, гость.

Воевода.
Не гость и не хозяин.
Хозяйка вот. Весь дом со всем запасом
Ее теперь, а я сюда до свадьбы
Не загляну. Живите, как хотите.
Для береженья, для услуги много
Дворовых баб и девок. Был женатый,

Входит Ульяна и несколько женщин.

Так нужны были, а вдовцом остался —
Куда их деть? Хотел уж по осинам
Развешать их, ан вот и пригодились.
Вот и Ульяна, ей на место мамки.

Настасья.

На всем спасибо! Только ты послушай,
Какое дело! Словно кто испортил
Ее у нас. Бывало, день настанет —
Одну ее и слышишь: без умолку
Трещит, болтает, прыгает да скачет;
Теперь ни слова, точно как немая,
И уст не открывает, и ни шагу
Не сделает сама, толкнешь — идет.
Аль сглазил кто?

Воевода.

От глазу и от порчи
Мы слово знаем. Молодо — стыдливо.
Глазам-то стыдно, а душой-то рада.
Девичий стыд до мужнина порога,
Лиха беда порог переступить.

Настасья.

Не то что стыд, а норовом такая.
Упрямится.

Ульяна.

Устанет — перестанет.

Настасья.

Тоскует, что ли? Спрашивать пытали,
Не молвит ничего.

Воевода.

Тоску прогоним

Шут входит.

Забавами, да играми, да пляской,
Да песнями. Бессудного покличем.

Шут.

Здесь, дяденька.

Воевода.

Тебя-то нам и надо.
Шути, хвостом верти, хоть бесом корчись,
Да только тешь! А я домой поеду.
Хочу пешком сходить на богомолье,
Благословиться. Крепче дело будет.

Да говорят, круг города уда́лых
Поразвелось, так надо попугать их.
Дня два проходим да честным пирком
За свадебку. Прощай, моя зазноба!
Нена́долго прощаемся с тобою,
Немного дней пройдет до нашей свадьбы,
Но каждый день протянется мне годом:
Я ночью буду утра дожидаться,
Я утром буду вечер торопить.

Настасья.
Убить бы день, а ночи не увидишь.

Воевода.
Не крой лица, не прячь своих очей
И ненаглядной красоты девичьей,
Дай наглядеться, дай на расставанье
Налюбоваться вдоволь про запас.
(Открывает покрывало и смотрит на нее; она закрывается.)
Прощай-ко, тещенька.

Настасья.
Прощай, зятек.

Все кланяются.

Женщины.
В святой бы час, в архангельской.

Воевода.
Спасибо!
(Уходит с Неустройкой.)

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Настасья, Марья Власьевна, Ульяна, шут и женщины.

Шут *(прыгает)*.
Ишь, скачет как! Пыль-курево стоит.
Прощай, боярин! С богом, по морозцу!
Уехал дядя! Запили лохмотья,
И загуляли лоскутки. Не страшно!
Хоть пой, хоть плачь! Никто не сымет воли.
(Поет.)

Ах ты, бедный еж,
Горемычный еж,
Ты куда ползешь,
Куда ежишься?
Я ползу, ползу,
Ко боярскому двору,
Ко высоку терему,
К Марье Власьевне.

(Ежится и жмется к Марье Власьевне, она его толкает ногой.)
Спесива ты, дерешься! А не знаешь,
Как бедного ежа встречают? Слушай:

Как взяли ежа
Во высокий терем,
Как стали ежа
Целовать, миловать,
Оглаживать,
Охорашивать.

Ульяна.
Пойдем-ко в терем, погляди подарки
Боярские.

Настасья.
Пойти. Чай, то-то диво!

Уходят все, кроме шута и Марьи Власьевны.

Марья Власьевна *(открывает покрывало и сердито смотрит на шута)*.
Кабы не ты, гуляла б я на воле.
Постылый пес, тебе бы беса тешить!
Ножа-то нет, зарезала б тебя.

Входит Ульяна; она опять закрывается, ее уводят.

Шут.
Гляди-ко-сь. Вот так пыль! Чуть жив со страху!
С ковшом на брагу налетели, дядя!
Убил бобра! Нашла коса на камень!
(Уходит.)

СЦЕНА II

ЛИЦА:

ДУБРОВИН.

БАСТРЮКОВ СТЕПАН.

РЕЗВЫЙ.

ПУСТЫННИК.

ЩЕРБАК
есаул.

КАУРЫЙ
ЗАЯЦ
ВОТРЯ
КАЛГА
ЕРГОЛЬ
} разбойники.

ВОЕВОДА.

НЕУСТРОЙКО.

СВИТА ВОЕВОДЫ.

ПРОХОЖИЕ. НИЩИЕ И УБОГИЕ. КРЕСТЬЯНИН.

Лесистое ущелье; налево гора, в ней пещера; за горой овраг и речка, которая поворачивает в глубину сцены; за речкой гора, на ней сквозь лес видны стены монастыря; через реку мост; с правой стороны лесистая гора, по ней идет дорога к мосту и потом подымается к монастырю; под горой кусты и шалаш.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Нищие на мосту. Пустынник идет с ведром с речки. Прохожие богомольцы идут по мосту к монастырю.

Нищие *(поют на мосту)*.

Отчего начался у нас белый свет?
Отчего началось солнце красное?
Отчего начался млад-светёл месяц?
Отчего начались звезды частые?
Отчего начались зори светлые,
Зори утренние и вечерние?

Пустынник *(ставит ведро подле пещеры)*.

Года бегут; что день, слабеют силы;
А немочи час от часу сильней.

Настанет день, зайдет к моей пещере
Убогий брат,— на оклик нет ответа.
Отворит дверь, и тлеющие кости
Отшельника увидит пред собой.
Сойдут с горы, потупившись смиренно,
В немом молчаньи, брат за братом, старцы
И с пеньем понесут меня в обитель,
И честно похоронят, и напишут
В синодик имя божьего раба
На память вечную. И у престола,
Что день, помин по мне твориться будет;
Но все, что видел я, что сам содеял,
Что я любил, что я покинул в мире —
Со мной в могиле быльем порастет.
(Молчание. Уходит в пещеру.)

Дубровин, Бастрюков и Резвый подъезжают на лодке под мост и пристают к берегу.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Дубровин, Бастрюков, Резвый и Пустынник.

Дубровин.
Тавань! Я вылезу, а вы плывите,
Да в тальнике и схоронитесь с лодкой.
На клик иди.
Бастрюков.
Ну, ладно. Поплывем.

Уплывают. Дубровин идет. Пустынник выходит.

Пустынник.
Ты здесь опять? Гуляешь на свободе?
И не страшит тебя святое место,
И не уймут тебя земные власти?
Не закуют и на цепь не посадят?
Дубровин.
Не столько ловят, сколько нас гуляет.
Пустынник.
Ты жив еще? Земля сырая терпит
Твои грехи?
Дубровин.
Ты видишь, жив покуда.
Приветь меня, отец, хорошим словом,

Благослови, а не кляни! Не сделал
Тебе дурного я.

П у с т ы н н и к.

Не мной ты создан,
Не мной и суд свершится над тобой;
Я не кляну, а лишь молюсь и плачу
Да божьему дивлюсь долготерпенью.
Мне жаль тебя! Мы оба беглецы.
Ты злом за зло, обидой за обиду
Греховному и суетному миру
Воздать желаешь; я молюсь о нем.
Не обнажай меча! Мечом погибнет
Извлекший меч. Живи со мной в пещере;
Ко мне и зверь бестрепетно приходит,
А от тебя и человек со страхом
Отходит прочь.

Д у б р о в и н.

Отец, ты в мире не жил,
Мирской заботы-тяготы не знаешь.
Я богу грешен, виноват царю,
Велик мой грех, велико окаянство,
И рад бы каяться, да не готова
Душа: в миру есть счеты да приманки,
Да зло на человека мыслю, душит
Меня вражда, клещами горло давит.
У сердца моего кусок оторван.
Ты дай мне срок, возьму мое родное,
Не погонюсь и за обидой, брошу,
Отдам ему обиду. Пусть, собака,
Живет да беды на голову копит
До божьего и царского суда.
Тогда покину вольную потеху
И самохотную расправу. Слушай!
Вот видит бог, тебе обет кладу:
Построю монастырь; в своем приходе,
Коль приведет господь свой дом увидеть
И сызнова по-старому зажить,
Украшу храм стенным писаньем новым.
Ни денежкой, неправо нажитою,
Не покорыстуюсь. Пришло неправдой —
Пойдет на дело.

П у с т ы н н и к.

Смерть не за горами,
А за плечами. Легче не родиться,

Чем умереть, не помирившись с богом.
А вдруг помрешь?

Д у б р о в и н.

Туда мне и дорога!
Своя вина, так поделом и мука.
В чем бог застанет, в том меня и судит.
Не все же зло, и доброго немало
Случалось делать; сколько ни потянет,
Во что ни постановят, все же легче.
Уж мне давно шатанье надоело,
Давно хочу покинуть нож булатный;
И грех большой, и впереди-то пытка
Да кнут, что по заказу гнут. Не сладко.
Душа просила, и в уме бродило
Не смертное убойство, не разбои;
Мой норов крут, душа моя не терпит,
Когда большой молодшего обидит,
Подвластного гнетет да давит властный.

П у с т ы н н и к.

У властных власть идет от бога. Кто же
Тебе дозволил стать над властью?

Д у б р о в и н.

Сердце
Ретивое, что бьется — не уймется.
Неправый суд царит на белом свете,
В овечьем стаде волки пастухами;
Кто ж застоит за бедных, беззащитных?
Не мы, так кто ж? Нет власти — есть охота.
Затем-то я тюремное сиденье
Сменял на бор сырой. Про это горе
Я в темну ночь над Волгой думу думал
И с соловьями речи говорил.
Да не нашел я по сердцу удалых,
Всё голь кабацкая, убойцы, воры,
Вином и кровью пьяные. По локоть
В крови их руки, головы похмельны,
Я им не ровня; я затем и с низу
Привольного поближе к дому приплыл,
Чтоб бросить их и сесть опять в посаде,
Лишь, дал бы бог, сменился воевода.
Ты не дивись, на белом свете много
К своим дворам, на царское тягло,
Приходит нашей братьи. Поживают
И в ус себе не дуют: кто торгует

На воровские деньги, кто припрятал.
Другой, гляди, не два, не три убойства
На плечах носит, да живут покойно,
Никто не трогает. Меня подавно
Посадские не выдадут, подьячих
Купить не дорого. А там годочек,
Другой пройдет, доводчиков не бойся.
Живешь по тиху, так в разбое старом
Судить заказано, опричь убойства.
А я не лгу, я рук не кровянил.

Пустынник.
Ну, бог тебя благослови! Смотри же,
Я буду ждать!

Дубровин.
Приду, отец, и скоро.

Пустынник уходит. Дубровин подходит к шалашу. Выходит Щербак.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Дубровин и Щербак.

Дубровин.
Где наши?

Щербак.
Все в лесу разбродом бродят.
Велишь скричать?

Дубровин.
Не надо.

Щербак.
Бережемся.
Поразошлись: кто с кузовом на плечах
Грибов да ягод ищет по опушке,
Другой к слепым уселся на мост с чашкой,
Кто в чаще, кто на острову на Волге
При лодках, при запасе. Воевода
Идет большой дорогой, целой ратью,
Близ ста голов, со всяким ратным боем;
Как на войну собрался, сбил народу,
Затинщиков, стрельцов и пушкарей;
Пищали, бердыши несут, ослопы,
Рогатины, луки и самопалы
Звериные и весь запас воинской.
Уж не за нами ли?

Д у б р о в и н.

Похоже дело.

Щ е р б а к.

Отвесть бы в сторону. Мы мужичонка
Заворотили в лес с дрянным возишком,
С мешком муки; так наказал я на мост
Идти ему да плакать, воеводе
Челом ударить: вот, мол, животишки
Пограбили сегодня утром воры
И поскакали дальше по дороге.
Коль скажешь так, и воз назад воротим,
А нет,— и самому не быть живому.
Да я вперед по деревням верст на семь
Послал молву пустить, что утром были,
А спросят, мол: куда ушли? Кажите,
От города всё дальше.

Д у б р о в и н.

Ты с опаской
Живешь, Щербак. Да тут не то что с сотней —
В таком лесу хоть тысячу народу
Сгони — и то не сыщут.

Щ е р б а к.

С береженьем
Здоровее. Теперь в версте, не дальше,
Идет походом воевода, смотрят
С деревьев наши; чуть вдали завидят,
Придут сказать. Да что ж ты нас покинул?
Работы нет, давно без дела бродим,
Тоска взяла. Тебя не видим.

Д у б р о в и н.

Вовсе
Бежал бы я от вас.

Щ е р б а к.

Да ты что больно
Спесивишься?

Д у б р о в и н.

Мне в городе есть дело
Дня на два, на три. Если я не буду
К вам на четвертый, и не ждите больше —
Считайте так, что нет меня на свете.
И жив я, нет ли,— будь ты атаманом.
Казну дувань; бери мой лук бухарской,
Камки и бархаты, цветное платье,

Сбирай людей, плывите без оглядки
На низ.

Щ е р б а к.

К казакам, там целее будем;
Туда и след, там что-то заварилось,
Да и тебе бы с нами.

Д у б р о в и н.

Не узнаешь
Своей судьбы. Вернусь ни с чем, так с вами ж,
Ни с кем другим, опять за ту ж работу.
Некраденый кусок приестся скоро,
Не стать к другой работе привыкать.

Щ е р б а к.

А где казна твоя?

Д у б р о в и н.

В яру зарыта.
Примета есть: иди ручьем с дороги
Всё на́ полдень, увидишь две березы,
Сверни направо, на пенек сосновый,
Да тут и рой.

Щ е р б а к.

А на свою-то долю
Ты взял ли что? Бывает, откупиться
Нужда придет, так было б чем.

Д у б р о в и н.

Припрятал
По малости. А там себе иль людям
Достанется — вперед не угадать.
Была бы голова́, а деньги будут.

Щ е р б а к.

Да что за дело у тебя? не баба ль?
Так лучше брось. Кто с ними поведется,
Сам бабой будет. Бабий волос долог,
Язык длинней.

Д у б р о в и н.

Зачем иду, я знаю,
А будет то, что будет. Кто поближе
Из наших тут?

Щ е р б а к.

Каурой, Заяц, Вотря,
Калга, Ерголь.

Д у б р о в и н.

Сбери их поскорее,
Приказ отдать. Как кликать будешь?

Щ е р б а к.

Птицей.

И отклик тоже, лихо наловчились.
(Кличет.)

Выходят К а у р ы й, З а я ц, В о т р я, К а л г а, Е р г о л ь; с другой стороны — Б а с т р ю к о в.

(Хватается за нож.)
Чужой!

Д у б р о в и н.

Не тронь. Я прибрал из посадских,
Пригоден будет на мою работу.
(Бастрюкову.)
Вот Худояр перед тобою — весь тут!
Гляди глазами и ушами слушай,
Язык держи на привязи.
(Разбойникам.)
Ну, братцы,
Товарищи, не первый год гуляем
По Волге-матушке. Добра чужого
Награблено, накрадено довольно.
Погуляно, поедено, попито
По горлышко. И век гулял бы с вами —
Не расставался, да такое дело,
Что не ордой, а надоть одному
Пролезть и вылезть, где ползком, где боком,
Кругом болотца, в задние воротца.
Уж рад не рад, а вас покинуть надо
Ненадолго. Щербак за атамана
Послужит вам, так и другим скажите.
Вернусь, так ваш — уж вплоть до самой петли,
А не вернусь — не поминайте лихом.

К а у р ы й.

Ты не бросай совсем-то!

З а я ц.

Что ж такое
Ты затеваешь? Это не порядок.

В о т р я.

Так нешто водится?

К а л г а.

Да он виниться
Не хочет ли, дьякам в ногах валяться?
Так не помилуют.

Е р г о л ь. Ты не в монахи ль?

Д у б р о в и н.

Галдеть! Душа не терпит! Рассердиться
Недолго мне, да как-то вы уймете!
Со мной не спорь. Что сказано, то свято,
Тому и быть.

К а у р ы й.

Да без тебя-то горе:
Ты голова, мы руки.

З а я ц.

Ну, как часом
Попутает нелегкая, случится,
В тюрьму влетишь?

Д у б р о в и н.

Довóду, что ль, боитесь?
На вора вор доказчиком не будет.
Пытай, хоть жги, хоть режь, а вас не выдам.

Прибегают р а з б о й н и к и.

Р а з б о й н и к и.

Идут близёхонько!

Д у б р о в и н.

По норам, живо!

Все прячутся в чащу, Дубровин и Бастрюков за дерево. Щербак достает из-за пазухи лапоть, садится на пень и начинает ковырять.

Щ е р б а к *(поет)*.

Я на камушке сижу,
Я топор в руках держу.
Ай ли, ай люли,
Огород горожу!

Огород горожу,
Все капусту сажу,
Ай ли, ай люли,
Все кочаненькую!

У кого нету капусты,
Просим к нам в огород.
Ай ли, ай люли,
Во девичий хоровод!

Н и щ и е *(на мосту поют)*.

Сходилася правда со кривдою,
Кривда правду переспорила.
Пошла правда по поднебесью,

Пошла кривда по сырой земле,
По народу православному:
Оттого суды неправые.

Входят на мост воевода, за ним стрельцы; Неустройко, с мешком, оделяет нищих. Крестьянин кланяется воеводе.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Воевода, Неустройко, стрельцы, крестьянин, Дубровин, Бастрюков и Щербак.

Крестьянин.
Челом тебе, боярин, воевода!
Воевода *(поднимая его)*.
Не кланяйся! Земное поклоненье
Клади святым; мы грешные.
Крестьянин.
Боярин,—
Ограбили, убили, животишки
Все отняли, стрелами постреляли.
Воевода.
Кто бил тебя?
Крестьянин.
Неведомые люди.
Воевода.
На ко́нях или пеши?
Крестьянин.
Все на ко́нях.
Воевода.
Куда поехали?
Крестьянин.
Всё по дороге,
Всё на́ полдень.
Воевода.
Теперь отыди с миром
В свой дом. А я иду молиться богу
И не хочу смущать мирской заботой
Своей души. Дела мирские завтра.
Приди и жди конца церковной службы,
Свою беду скажи, а мы рассудим.
Я сам пойду в погоню за ворами.
А вот тебе на убылое место.
(Дает из мешка.)
Прими!

Крестьянин.

Пошли тебе господь здоровье
За наше умоленье, осударь.

В монастыре звон. Все снимают шапки и переходят мост.

Дубровин.

Теперь на лодку, в город и за дело!

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЛИЦА:

МАРЬЯ ВЛАСЬЕВНА.
ВДОВА УЛЬЯНА.
НЕДВИГА.
ОЛЕНА.
ДОМОВОЙ.
ДЕВУШКИ.

Терем в доме воеводы.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Входят Недвига и девушки.

Недвига.

Что за напасть! Не хочет слова молвить!
А вы-то, дуры! Нет у вас уменья
Повеселить.

Одна из девушек.

Коль ты умна, попробуй!
А мы-то уж и пели, и плясали,
На головах вот разве не ходили —
Да не суметь, а то бы попытались.

Недвига.

Толкуй с тобой! Тебе чужая, видно,
А мне своя. Ну как не распотешить!
Охоты нет! Была царёва дочка
На выданье, царевна Несмеяна;
Сидит — не улыбнется, говорит ли —

Не усмехнется. Не-в-котором царстве
Нашелся парень, рассмешил-таки.

Другая девушка.
Так парень, а не мы! Чудна́я право!

Первая девушка.
И ваша бы, пожалуй, рассмеялась,
Как привести ей парня по душе.
Да где же взять?

Недвига.
Ты по себе не меряй!
Что у самой глаза-то завидущи —
Так не у всех такие.

Первая девушка.
Говорить-то
Не хочется. До брани не далеко,
Как свяжешься.

Недвига.
Знать, нечего?

Первая девушка.
Навряд ли!

Недвига.
Ну, говори!

Первая девушка.
С чего она тоскует?
Я слышала. Она сбежать сбиралась,
Да не дали.

Недвига.
Так что ж?

Первая девушка.
Слюбилась с парнем.

Недвига.
А вот и врешь. Когда ей с ним слюбиться?
Она его в глаза-то не видала.

Первая девушка.
Ты говоришь, а кто тебе поверит?
Ну как сбежать, не знавши с кем?

Недвига.
Да так же:
Пришел да взял, не станешь упираться,
А взял — повел! У бабы волос долог,
А ум короток. Их куда ведут —
Они идут.

Первая девушка.
А может, и взаправду.

Недвига.
Вот то-то же! Ты не мели пустого!
Молоть пустое — жернова сотрешь.

Входят Ульяна и Марья Власьевна. Девушки уходят.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Недвига, Ульяна и Марья Власьевна.

Недвига.
Ждала ль меня? А я шугай надела,
Да в гости к вам. Ну, всё ли поздорову?
Господь с тобой! С чего ты загрустила,
Красавица, забавница моя?

Ульяна.
И сладу нет. Совсем от рук отбилась;
Хоть молода, а норов стар.

Недвига.
Да ты бы
Не все грозой, а иногда и лаской,
И дуги гнут не вдруг, а прежде парят.

Ульяна.
Да парь не парь, а надо будет гнуться,
Не гнуться — сломишься. Она упряма,
А я упрямее.

Недвига.
Мне что за дело,
Какая ты! Твое перед тобою.
Вот память-то! Совсем было забыла
(кланяется)
Поклон отдать родительской. Велели
Здоровой быть тебе, да заказали
Кручиниться, да вот меня, старуху,
Прислали. Пóшто, и сама не знаю.
Куда гожусь, туда и деньте. Видишь,
Поваднее тебе со мной, старухой!
Люба — оставь, а нет — домой пусти.
Велишь остаться?

Марья Власьевна кивает головой.

И на том спасибо!

Ульяна.
Пойду-ко я да челядь попытаю
Проклятую, не спят ли, дармоеды,

Да заперты ль ворота. Ну, людишки!
Беда, и только! Хуже окаянных:
За ними глаз да глаз, да кнут ременный
В руках держи, а то не поворотишь!
(Уходит.)

Н е д в и г а.
Ах, волк те съешь и с по́трохом! Откуда
Такое зелье взяли? Нá лес взглянет —
Так лес завянет. Невеличка птичка,
А ноготок востер. Пустили волка
Овец стеречь, небось, не отказался,
А говорит: «Что делать! Так и быть,
Уж как не как, а надо послужить».

О л е н а входит, робко оглядываясь.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

М а р ь я В л а с ь е в н а, О л е н а и Н е д в и г а.

О л е н а *(падая к ногам Марьи Власьевны)*.

Государыня боярышня,
Есть за мной вина немалая:
На реке платно мыла,
Громко колотила...

(Оглядывается.)

Н е д в и г а уходит.

Боярышня, есть весточка.

М а р ь я В л а с ь е в н а. Откуда?

О л е н а.
Степан Семеныч шлет.

М а р ь я В л а с ь е в н а.
Не лжешь, так правда.

О л е н а.
На что мне лгать! На Волге платье мыла
Я на плоту; неведомая женка
Рядком пристала, вглядываться стала,
Взглянула раз и два, заговорила:
«Лицо твое мне, милая, знакомо,
А как назвать, не знаю». Так и так, мол.
«Ну, говорит, тебя-то мы и ищем.
Придешь домой, боярышне тихонько
Шепни, когда улучишь час...».

М а р ь я В л а с ь е в н а.

Скорее!

Ну говори ж! Придут да помешают.

О л е н а.

Чтоб завтра в сад, как только солнце сядет,
Ты выходила. Сторожей не бойся! —
Всех напоят. На даровое падки,
Весь дом напьется к ночи. Я нароком
Фату твою из рук пустила в воду,
Чтоб допустили, будто повиниться
Пришла к тебе.

М а р ь я В л а с ь е в н а *(целуя ее)*.

Спасибо!

О л е н а.

Ты Ульяну
Уговори, чтоб погулять пустила.
Пусть и сама идет; из рук не вырвет,
Как молодцы подхватят.

М а р ь я В л а с ь е в н а.

Да не пустит
Из терема.

О л е н а.

Ты подари, попробуй.
Чай, есть что!

М а р ь я В л а с ь е в н а.

Мало ль дряни. Тише! Идут!

Входят У л ь я н а и Н е д в и г а; останавливаются и смотрят.

О л е н а *(на коленях)*.

Государыня боярышня,
Есть за мной вина немалая:
На реке платно мыла,
Громко колотила,
Фату твою белую
В воду уронила.

(Кланяется в ноги.)

М а р ь я В л а с ь е в н а *(с сердцем)*.

Ну нет! Простить нельзя беду такую.
Какая ты работница! Работать,
Так не зевать по сторонам! Не надо
Твоей работы! Не нуждаюсь. Много
И без тебя народу. За провинность
Не заставлять ее работать. В терем

К себе беру. Пусть на меня и служит,
Чтоб от меня не отходила шагу.

Олена.

Во белых руках было,
Да ушло, уплыло.
Хоть казнишь, хоть милуешь —
Я не утаила.

Марья Власьевна.

И вместе спать со мной! Да накормите
С боярского стола ее. Ступай.

Недвига.

Вот поглядишь, господское-то дело —
Не разберешь у них, что гнев, что милость.

Недвига и Олена уходят.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Ульяна и Марья Власьевна.

Ульяна.

Заговорила? Аль опять надулась?
Житье мое! Уж нечего сказать!
Вот дитятко на шею навязалось!
Ходи за ней! И не было печали,
Да черти накачали. Ты хоть лопни,
Она молчит и знать тебя не хочет,
Стоит как пень, ничем не поворотишь.

Марья Власьевна уходит.

Сама пошла. Диковина! Посмотрим,
Что будет от нее.

Марья Власьевна входит и подает с поклоном тафтяную рубашку.

Ну вот спасибо!
Как поглядеть, так ты из умных, девка
Не вдруг тебя и распознаешь! Право!
Не осердись, что я тебя бранила.
По глупости. Словечка не услышишь
Противного. Ни в чем не поперечу:
Ты добрая. А чай, грешки ведутся
И за тобой.— Ох, девки молодые,
Проказницы! Вы при людя́х тихони:
По лавочкам, как соловьи по гнездам,

Смирнехонько сидите, глазки в землю
Опущены. А дай-ко вам потачку,
Не догляди,— откуда прыть возьмется —
Бойчее баб. Погудки, смех да грохот,
А разговор послушать, уши вянут,
Стыдом сгоришь. Да что кому за дело,
Чем тешатся, не плакали бы только.
Не то беда, что игры да потехи
На разуме у девок! Ну пускай бы
Промеж себя и тешились, так мало —
Утехи нет одним, без парней скучно.
Неправда, что ль? Ну и отыщут парня,
А тот и рад. Глядишь, и свел украдкой
Из-под носу. Не скажет и спасиба,
Что берегли. Ну оттого и веры
Вам нет нигде. Сама чудила в девках,
Так знаю вас, меня не проведете.
И ты, как все, не лучше и не хуже,
Да хитрости в тебе уж больно много.

М а р ь я   В л а с ь е в н а   уходит.

Опять ушла. Еще не принесет ли?
А ладно бы! У ней добра-то много,
А мне-то где взять?

Входит М а р ь я   В л а с ь е в н а с летником и подает с поклоном.

Что ты! бог с тобою!
Не надо, нет! Куда мне! Совесть зазрит.

Марья Власьевна кланяется.

Уж разве взять? Подарок-то хорош.
Непрошенный подарок-то дороже.
И то, возьму. Благодарю покорно!
Да вот беда! Отдаривать придется.
Я брать беру, а отдарить-то нечем.
Понаровлю за это; что захочешь,
Отказу нет, опричь того, что в терем
Чужих водить — и затевать не думай!
Да не пущу и самое из дому.
А в тереме что хочешь, то и делай,
Ты госпожа, мы слуги, что прикажешь —
Тому и быть. Чем хочешь, забавляйся.

М а р ь я   В л а с ь е в н а   уходит.

У л ь я н а.
Куда ты? Стой! Довольно! Эй, довольно!
Послушай-ко! Не надо, не возьму я!
Ахти грехи! Кто падок на подарки,
Добра не быть. Кому придет охота
Бросать добро на ветер? Видно, хочет
Купить меня. Не след бы мне и брать-то,
Да как не взять, когда в глаза мне тычет.
Ох, смерть моя! Такой уж скверный норов —
И соблазнюсь, как соблазнюсь! Подарком
Меня и взять, глаза-то завидущи.
Продам тебя, боярин, сердце чует.
Не утерплю, продам. Глядеть не стану,
Зажмурюсь, чтобы не было соблазну.
(Зажмуривается.)

Входят М а р ь я В л а с ь е в н а с телогреей в руках и О л е н а.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

М а р ь я В л а с ь е в н а, О л е н а и У л ь я н а.

О л е н а.
Гляди-ко ты, какая телогрея,
И с выпушкой!
У л ь я н а *(открыв глаза)*.
Вот чудо, так уж чудо!
Неужто мне?

Марья Власьевна кланяется.

О л е н а.
Кому же?
У л ь я н а.
Дорогая!
Не нам носить.
О л е н а.
Наденешь, так износишь.
У л ь я н а.
Ох, каравай-то не по рылу. Где нам!
Уж как тебя благодарить, не знаю
И не умею. Вся твоя. Хоть воду
Вози на мне. Сулил мне воевода,
Да жди-пожди, а он, гляди, обманет,
А ты добрей, ты прежде догадалась.

О л е н а.

Да у тебя и летник — вóшвы бархат
На золоте. Тафтяная рубашка
С запястьями.

У л ь я н а.

Уж разве нарядиться?

О л е н а.

Ты нарядись, а мы посмотрим.

У л ь я н а.

Что ты!
И впрямь пойти.

О л е н а.

Чай, то-то загляденье!

У л ь я н а.

Пойдем со мной, ты мне пособишь.

О л е н а.

Можно.

У л ь я н а и О л е н а уходят.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

М а р ь я В л а с ь е в н а *(одна)*.

Молчать-то я молчу, да больно скучно
Становится. Немного натолкуешь
Сама с собой. Сложу от скуки песню.
Сама спою, сама и слушать буду.
Тихонечко спою, чтоб не слыхали.
(Поет.)

Я по терему хожу,
Я по миленьком тужу,
Тужу, хожу
Да потуживаю.

Уж я сяду, посижу,
В окошечко погляжу,
В окошечко
Во косящетое.

Милый весточку дает,
Молодого гонца шлет,
Гонца, гонца
Да молоденького.

Что не быть да не бывать,
С милым розно не живать,
Мне жить, не жить
Со милым со дружком.

Поскачу да попляшу
Во высоком терему,
Вот так, вот так,
Вот и так, вот и так!

(Слышит шорох, садится и молчит.)

Входят Ульяна и Олена.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Марья Власьевна, Ульяна и Олена.

Олена.
Куда красно! И посмотреть, так любо.
Красавица, как есть.

Ульяна. Чему дивишься!
И пень хорош в уборе!

Олена.
Не похаять
Тебя и без убора. Всем пригожа,
Собой статна, лицом бела, румяна,
Глаза как вишни, брови колесом.
По красоте твоей за дворянина
Тебе идти. Ты баба молодая,
Чего ж сидеть!

Ульяна. Дворяне по дворянам,
А не по нас. А наши-то дворяне
Не родились.

Олена. Как знать, чего не знаешь.

Ульяна.
Да нечего и знать-то! По одежке
Протягивай и ножки. А дворяне
Хороший кус, да не для наших уст.
Достатков нет, какая я невеста!
С голодным брюхом, да по добрым людям
Похаживай. Чужой-то хлеб не сладок,
Подавишься. Кормить не станут даром;
И угождай на всякого, как знаешь.
Хоть бы вот здесь: смотри за целым домом —
Беда-бедой! Будь смирен — так проглотят,
Сердит — проклясть готовы. Вот и казнись!
Уж только, девушка, у вас людишки!
Здесь не люди, а черти! Как шальные,
Проклятые! Кто спит, кто пьяный бродит,

Шатается. Сама за всем и смотришь,
За всякой малостью. А понадейся,
Так пропадешь, не рада жизни будешь.
Дай только срок боярину приехать,
Все выведу наружу: а покуда
Помучиться. И ночь-то не придется
Часок уснуть. Чужим глазам не верю,
Свой глаз милее, а чужой обманет.
Сама запру все выходы, все двери,
Да поперек порога здесь и лягу.
Один глазок усни, другой пусть смотрит.

Марья Власьевна дает ей перстень.

Раздобрилась, и не уймешь. А правду
Сказать тебе, так мне тебя и жалко.

О л е н а *(вздохнув)*.

А у нас в саду
Соловей поет,
Выговорочки
Выговаривает.

У л ь я н а.

Послушаем; послушать, что ли, хочешь?

О л е н а.

Сходить бы завтра.

У л ь я н а. Что ж такое! Сходим
В сумеречки. Большой беды не вижу;
В своем саду, а не в чужом. Боярин
И не велел, да мало ль что! Наказы
Легко давать! Не всяко лыко в строку.
Наказ-то знай, а делай, как придется.

Марья Власьевна целует ее.

Ну в сад, так в сад! Давно бы ты сказала.
Гуляй себе, когда придет охота;
Хоть днем гуляй, хоть ночью.

О л е н а.

Вот и ладно.

У л ь я н а.

Гуляй, гуляй! Авось, повеселеешь,
Хоть улыбнись на нас с Оленой!

Марья Власьевна улыбается.

Ишь ты!

Пошло на лад.

О л е н а. Дай срок, не то увидишь.

Входит Н е д в и г а.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Т е ж е и Н е д в и г а.

Н е д в и г а.
Пора и спать. Чего сидеть в потемках!
Поужинай, чем бог послал, да на́ бок
И завались. Без ужина ложиться
Нехорошо бывает, плохо спится,
Да много грезится. А то — как знаешь,
Сиди себе. А уж огня не стану
Вздувать теперь.

У л ь я н а. Кто летом зажигает!
Чай, дворня спит?

Н е д в и г а. И куры, и собаки —
Все спят.

О л е н а. И я, боярышня, прилягу.
(Уходит.)

Н е д в и г а.
Ну что ж нейдешь? Аль спать-то неохота?
Не то что я. Все ноги отходила,
Все кости, все суставы заболели,
Измаялась. Не рассказать ли сказку
Да присказку? Авось тогда задремлешь.
(Садится на скамейку.)
Сумерничать давайте. Мы любили
В сумеречках сидеть с тобой тихонько
И побасёнки баять тихомолком,
А круг тебя, как точно кто мурлычет...
Ах, батюшки! Вот так меня и клонит,
Так и валюсь, и тычусь носом. Часом
Совсем усну, так ты меня толкни.

Начинается сказка, починается сказка.
За тридевять земель,
В тридевятом царстве,

(Дремлет.)

Жили два брата,
Да мать брюхата,
Да отец на днях...

Постой! Не так. Я что загородила!
Не сплю, а бредится. Начну сначала:

Жили да были два брата родные,
У одного брата всего богато,
А другой убогий, а детей у него много.
Говорит богатый бедному брату:
«Сам ты убогий, а детей у тебя много,
Дай ты мне сына, вот тебе жита осьмина,
Вот тебе осьмина, а жене твоей холстина,
А дочери коза, лубяные глаза...»

Да что я, что я вру-то! Сбилась! Тьфу ты!
Пропасть тебе! Не то всё! Задремала.
Вот дальше-то забыла, что там было.
Не вспомню ли? Замстилось! Помню только,
Что попросил у брата лошадь бедный,
А волк и съел, оставил хвост да гриву.
И повели дружка к судье Шемяке.
Сидит судья Шемяка, судом судит,

Бороду закусит, да ус разлощит,
Ус разлощит, глаза вытаращит...

Тьфу, пропасть! Не налажу, да и только.
То про Фому начну, то про Ерёму.

Из двери выходит Домовой с фонарем. Недвига в полусне машет руками.

Аминь, аминь, рассыпься! Чур меня!
(Засыпает.)

Домовой.

Что вечерняя красная зорюшка
Догорает, чуть краюшком теплится,
Загораются частые звездочки,
Рассаждаются по небу чистому.
Докачались головки, домаялись
До пуховых цветных изголовьицев,
Ходит сон по сеням, по новым дрема.
Ты поди, сон-дрема, в головах постой.

По хоромам старым
Я давно брожу;
В тереме чужая,
Дай-ко погляжу.

(Смотрит.)

Новая новинка
К худу иль к добру?
Нет, такая гостья
Нам не ко двору.

Ты на счастье, на радость рожоная,
Не про старого мужа ращёная,
Старику-то чернеть да горбы растить,
А тебе-то алеть спелой ягодкой.
Я поглажу тебя лапой бархатной
(*проводит рукой над ней*)

На богатство, на радость с милым дружком.
Тихий сон — угомон ясным глазынькам,
В изголовье тебе грезы девичьи.

За сердечным другом
То ли не житье,
А у нас по дому
Горе да вытье.
Скрасишь скучный терем
На короткий час,
Да и пуст покинешь
И бежишь от нас.

Запустеет терем, принаклонится,
Заметет по углам пылью, плесенью,
Понесет по сеням бранью, руганью,
Сип да воп по клетям с перекорами.
Не слыхать-то мне смеху веселого,
Молодого, девичьего, звонкого.
Не слыхать по ночам бреду жаркого,
(*вздыхает*)
Только старым старухам шлыки сшибать.
(Сшибает шлык с Недвиги и уходит.)

Недвига *(впросонках)*.
Аминь, аминь, рассыпься!

Марья Власьевна.
Ах, как сладко
Уснула я!

Недвига.
Аминь, аминь, рассыпься!
(Встает.)
Не разберу, во сне ли, наяву ли,
А сбили шлык. Не ты ли пошутила?
Пойдем-ко ужинать, да спать ложиться.
Вот день прошел, до нас дошел.
(Зевает.)
Ахти мне! Грехи мои!
(Зевает.)
И-ах... великие!

Уходят.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЛИЦА:

ВОЕВОДА.

НЕУСТРОЙКО.

СТАРУХА
крестьянка, хозяйка постоялого двора.

ИВАН
ее сын.

ГАВРИЛО, КЛИМ — бортники из Нижнего.

СИДОР
лесной промышленник из Унжи.

КУРЧАЙ, КУЛИК — целовальники с казенной рыбой и солью.

СЛУГИ ВОЕВОДЫ.

СОН ВОЕВОДЫ

ЛИЦА:

БОЛЬШОЙ БОЯРИН
старик.

СЕМЕН БАСТРЮКОВ.

ДУМНЫЙ ДВОРЯНИН, ДЬЯК — из приказа Костромской четверти.

НЕСЫТОВ, ПОДЖАРЫЙ — дворяне.

ДВОРЯНЕ И РАЗНЫЕ ДВОРЦОВЫЕ ЧИНЫ.

СТЕПАН БАСТРЮКОВ.

РОМАН ДУБРОВИН.

РЕЗВЫЙ И СЛУГИ.

МАРЬЯ ВЛАСЬЕВНА.

Деревенская изба; направо печь, перед печью люлька с ребенком, налево стол.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Старуха (за люлькой), Гаврило, Клим (за столом ужинают), потом Иван, Курчай, Кулик и Сидор.

Гаврило.
Вы, тетка, чьи?
Старуха.
Поместные крестьяне.
Гаврило.
За кем живете?
Старуха.
За мурзой крещеным.
Клим.
Хорош до вас?
Старуха.
Татарин как татарин.
Где бабе знать! Толкуйте с мужиками.
Вот сын придет.
Гаврило.
Ты внучка, что ли, няньчишь?
А где ж сноха?
Старуха.
С ребятами в чулане.
Там четверо у ней, вот пятый в люльке.

Входит Иван.

Иван.
Струга пришли, к ночлегу подвалили.
Слышь, матушка? А с лесу воевода
Валит со всем народом; хочет станом
На берегу остановиться на ночь.
Старуха.
Чай, лют?
Иван.
Вестимо, лют, на то боярин.
Ты ждешь купцов, а тут, гляди, нагрянут
Боярские голодные холопья.
Один разор! От них, что от пожару,
Что есть в земле зарыто, то и цело,
А под руку попало, то пропало.
Ахти, беда!
Старуха.
Да что у нас и взять-то?

Иван.

У нищего суму, и ту отнимут.

Входят Курчай, Кулик и Сидор.

С стругов?

Сидор.

С стругов.

Иван.

Отколь?

Сидор.

Из Унжи будем.

Иван.

С лубьем?

Сидор.

Нештó!

Иван.

А вы, робя?

Курчай.

Мы с низу.
Мы в целовальниках идем в насадах,
С казной.

Иван.

С какой?

Курчай.

С оброчной рыбой.

Иван.

В бочках?

Курчай.

И с бочешной, и с солью.

Иван.

А стерлядок?

Курчай.

Не водим мы. А как по верхним плёсам,
Каков улов?

Иван.

Нештó-таки.

Курчай.

А мерны?

Иван.

Да всякие — и в стрелу есть, и больше.

Кулик.

Вы держите аль нет?

Иван.

Чего?

Кулик.

Вестимо...

Иван.

Вина-то, что ль? Нет, парень, не бывало.
У нас корчмы никто не держит.

Кулик.

Будто?

Иван.

Да боязно, велик ответ.

Кулик.

Не бойся,
Не выведем, не сыщики.

Иван.

Ну, право.

Курчай.

Поди пошарь. Авось найдешь.

Иван.

Пошарю.
Кажись, что есть; себе берег на праздник.
(Уходит.)

Курчай *(Гавриле и Климу)*.

Хлеб-соль!

Гаврило.

Спасибо.

Курчай.

Здравствуйте. Откуда?

Гаврило.

Из Нижнего гужом идем в обозе.

Курчай.

Далёко ли?

Гаврило.

До Ярославля, с медом,
Мы бортники.

Сидор *(подсаживаясь)*.

Плесни, хозяйка, щец-то!
Да не пустых.

Старуха.

Варила со снетками.

Курчай.

А снет какой — речной или озерной?

Старуха.

К нам галицкой идет, не белозерской.

К у р ч а й *(садится к столу).*
Ты на троих давай.
С т а р у х а.
Про всех достанет.

Гаврило и Клим встают.

Г а в р и л о *(старухе).*
Благодарствуйте. Мы лошадей посмотрим,
Да на печь к вам. Гляди, и полночь скоро.
Часок-другой соснем, да и в дорогу.

Уходят.

С т а р у х а.
Большая печь, просторно, полезайте.

Входит И в а н с вином в кувшине.

И в а н.
Полкружки есть. По чарке будет. Пейте.
К у л и к.
Простое?
И в а н.
С маком. Люди пьют да хвалят.
К у л и к *(пьет).*
Не похулим и мы. Нельзя не выпить,
Всё на воде.
И в а н.
На доброе здоровье!

Едят. Г а в р и л о и К л и м входят и лезут на печь.

С т а р у х а.
Прибрал в клети?
И в а н.
В подполицу припрятал.

Стук.

С т а р у х а.
Поди, стучат.
И в а н.
Пущай идут к соседям,
Кого несет!..
С т а р у х а.
Не вдруг пускай. Окликни.

И в а н уходит.

К у р ч а й.
Ишь, крик какой! Не лучше ль убираться
С добра ума. Сбирай-ко щи, хозяйка;
А кашу даром. Завтра разочтемся.

Встают. Старуха сбирает со стола.

Подальше от греха, здоровей будешь.
Пойдемте спать в струги. За угощенье!

Уходят К у р ч а й, К у л и к и С и д о р. И в а н входит.

И в а н.
Хоть в гроб ложись! Боярин к нам постоем,
Опричь хором, со всем двором валится.
Ишь, холодно в палатке, так холопы
По избам рыщут, где теплей да чище.
Уж я молил немало.
С т а р у х а. Воля божья!
Придет беда, так отворяй ворота.

Входят Н е у с т р о й к о и с л у г и.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

И в а н, с т а р у х а, Н е у с т р о й к о и с л у г и.

Н е у с т р о й к о.
Давай огня!

Старуха подает лучину, зажигает восковую свечку.

Сдвигайте стол в тот угол!
Ковры, меха стелите, в изголовье
Седло клади!
И в а н *(кланяясь в ноги)*.
Яви такую милость,
Ослободи! Поди к соседям!
Н е у с т р о й к о.
Смерды,
Ступайте в хлев! Старуху вон и с зыбкой.

Слуги подходят к люльке.

С т а р у х а.
Разбойники! Младенца-то не троньте!
Кому помеха ангельская душка!

Входят в о е в о д а и с л у г и.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Воевода, Неустройко. Иван, старуха и слуги.

Старуха.

Уйми холопей, закажи им трогать
Младенца!

Воевода.

Вон ступайте! Ты, старуха,
Останься здесь с ребенком. Ближе к детям,
И ангел ближе, место благодатней.
Он не блажит у вас?

Уходят Иван и слуги.

Старуха.

В кого родится
Благой у нас,— давно мы присмирели,
С царя Бориса.

Воевода.

Вспомнила Егорья?

Старуха.

Ужли ж забыть! И правнуки и внуки
Праправнуков Егорья помнить будут.

Воевода.

Раздень меня!

Неустройко снимает с него дорожную сулейку, воевода пьет чарку, потом снимает складень, целует и ставит в изголовье, потом снимает оружие.

Неустройко.

Опочивай покойно!
Я в сени спать; понадоблюсь, так близко.
(Уходит.)

Воевода ложится и скоро засыпает.

Старуха *(качает зыбку и поет)*.

Баю-баю, мил внучоночек!
Ты спи-усни, крестьянской сын!
Допрёж деды не видали беды,
Беда пришла да беду привела
С напастями да с пропáстями,
С правежами беда, все с побоями.

Баю-баю, мил внучоночек!
Ты спи-усни, крестьянской сын!
Нас бог забыл, царь не милует,

Люди бросили, людям отдали,
Нам во людях жить, на людей служить,
На людей людям приноравливать.

Баю-баю, мил внучоночек!
Ты спи-усни, крестьянской сын!
Беду нажили, как изжить будет?
Изживем беду за работушкой,
За немилой чужой, непокладною,
Вековечною, злою-страдною.

Баю-баю, мил внучоночек!
Ты спи-усни, крестьянской сын!
Ты спи, поколь изживем беду,
Изживем беду, пронесет грозу,
Пронесет грозу, горе минется,
Поколь бог простит, царь сжалится.

(Засыпает над люлькой.)

Воевода *(во сне).*

Сдавил всю грудь, проклятый! Душит, душит,
Вздохнуть не даст ни разу, зачураться!
Ох, смерть моя приходит! Чур меня!
(Вздыхает.)
Полегчило немного. Ох, тоскует
Душа моя! Отстаньте, отступите,
Мучители! Закройте ваши лица,
Измученные пыткой, испитые,
Как саван белые. И слезы, слезы
Сиротские, напрасные, как реки
Бегут кругом, и стон стоит до неба.
Кровавые потоки, муки, пытки!
Довольно мук, и палачей гоните!
Вы видите, мы по колено бродим
В чужой крови! Мы вымучили много
Добра себе чужого. Посмотрите,
Еще несут и сыплют: всё копейки
И денежки серебряные. Жгутся,
Проклятые; они не деньги, угли
Из кузницы, из горну. Вот с мехами
Подходят дьяволы и раздувают,
И пышет жаром, так и пышет жаром;
Вся кровь горит, огонь бежит по жилам
И сердце жжет.
(Просыпается.)
О, господи, помилуй!
(Садится.)

И сон тяжел, и сонный бред замучил.
С молитвой лег. Не знаю, что за притча!
И рад не спать, да сон одолевает,
Сомкну глаза, так одолеют грезы...

Старуха *(впросонках)*.

Баю-баю, мил внучоночек!
Ты спи-усни, крестьянской сын!
Белым тельцем лежишь в люлечке,
Твоя душенька в небесах летит,
Твой тихой сон сам господь хранит,
По бокам стоят светлы ангелы.

Воевода.

О господи, и нас помилуй, грешных!
(Ложится.)

Старуха.

Баю-баю, мил внучоночек!
Ты спи-усни, крестьянской сын!
С тобой сидит бабка старая,
До зари с зари прибаюкивает,
Тихой сон очам наговаривает
Да качку-качалку покачивает.

(Засыпает.)

Воевода *(во сне)*.

К суду зовут. От судьев откупиться
Я знаю как. Не первый раз. Не страшен
Боярской суд, московской. Где я?

В углу открывается часть Кремлевского дворца, боярская площадка, Постельное крыльцо. На площадке думный дворянин, дьяк, Несытов, Поджарый; разные дворцовые чины стоят на лестнице и на площадке. Из дворца выходит большой боярин.

Как я
Попал в Москву? Вот царские палаты,
Постельное крыльцо; дворяне ходят
По лестнице, бояре на площадке.
И я ходил проситься на кормленье,
Покланялся немало, с год толкался,
Ступени тер, без шапки. Что за люди?
Всё новые. А вот и Бастрюкова
Я вижу там. Пойти и мне с поклоном.
Никак не встать, как скованный, и ноги
Как вкопаны. А вот большой боярин.

На крыльце.

Большой боярин.

Несут молву, что якобы Шалыгин
Задуровал на воеводстве. Правда ль?
Аль, может, врут?

Думный дворянин.

Посадским утесненье
Великое, убытки и налоги
Напрасные чинит.

Воевода *(на постели)*.

Не верь, боярин!

Думный дворянин.

Продажей и убойством изобидел.

Большой боярин.

А челобитья есть?

Дьяк.

Без челобитьев
На городах живут ли воеводы!
Другой путем усесться не успеет,
Глядишь — уж шлют. Давно сидит Шалыгин,
Так как не быть! Нельзя без челобитьев.
Святой и тот на всех не угодит.

Большой боярин.

За воевод дьяки всегда заступа,
Горой стоят. Как надо, христиане:
Не платят злом за добрые поминки;
И правды не узнать от них. Собака
Собаку знает, не укусит.

Думный дворянин. Много
Обижено Шалыгиным напрасно.
На днях в приказ прислали челобитье,
Коль правда все, не ждать ему пощады.

Большой боярин.

А челобитчик кто?

Думный дворянин.

Да всем посадом
От старосты, во всех посадских место.

Большой боярин.

И старостам нельзя во всем поверить.
Поссорятся, сейчас и челобитье;
А помирятся, так его же просят
На воеводство. Их не разберешь.
А недоборы?

Думный дворянин.

Есть и недоборы.
Здесь Бастрюков Семен, в Москву приехал
Из города. Спроси его, он знает
Про все дела.

Большой боярин.

Ну, кликни Бастрюкова.

Думный дворянин подводит Бастрюкова; тот кланяется.

Не скажешь ли чего про воеводу,
Шалыгина?

Бастрюков.

Да что сказать, боярин!
Коль правду говорить, житья не стало
Ни меньшим, ни большим. Посадских мучит,
А жен себе берет.

Воевода *(на постели)*.

Не верь, боярин!
Поклепом злым обносит, мстя, по злобе.
Он сам воров таит и укрывает.

Бастрюков.

С подьячими стакнувшись, научает
Воров в тюрьме поклепом и молвою
Язычною посадских обносить,
Своей корысти ради ненасытной.
В тюрьме блюдет себе для волховства
Волхва. Дела позапустил. Посадских
Поразогнал, дворишки запустели,
От тесноты и не стерпя мученья —
Все врозь бегут.

Воевода *(на постели)*.

Он ворог мой! Пустите,
Я задушу его! Пустите руки!
Кто держит их? Зачем меня связали?
Его связать!

Большой боярин.

Кого б послать для сыску?

Думный дворянин.

Охотники найдутся. Да уж разом
Сыскать велеть и сесть на воеводство.
Вот двое тут: Несытов да Поджарый.

Несытов и Поджарый подходят и кланяются.

Большой боярин.
Вот и нашлись.
Несытов и Поджарый *(вместе)*.
Пустите покормиться!
Большой боярин.
У нас еще и кошка не умылась,
А гости к нам на двор.
Думный дворянин.
Давно уж просят.
Большой боярин.
Где мед, там мух нальнет. Болото было б,
А черти будут.
Думный дворянин.
Отпустить Левонтья
Поджарова. Он прохарчился больно
И отощал, как жердь. А Бастрюкова
Пускай опять в губные выбирают.
Большой боярин.
Пиши наказ, да пусть и едут с богом,
Я доложу назавтра государю.

Видение исчезает.

Воевода *(просыпается.)*
И страшен сон, да милостив господь.
Недаром шлю из года в год поминки
Приятелю-дьяку и доброхотам.
Ужли ж они меня не пожалеют,
Греха не побоятся? Грех великий
Поминки брать задаром. Что поминки!
Всё прах и тлен. Душа своя дороже.
Оброк плачу, так можно спать спокойно,
Не выдадут. Не всякий сон да в руку.
Сосну еще — и в город. Да приняться
За Бастрюковых. Насолили оба.
Отец мутит, а сын ворует девок.
Не догляди немного, и увез бы
Жемчужину такую, что и в царских
Не сыщется палатах. Да ему ли,
Беспутному, сокровище такое!
Ему бы пить, а красоты девичьей
Не разберет он, бражник; та ль, другая ль —
Ему одно. Уж он, гляди, за пьянством
И позабыл о ней. А если помнит?

А если врет Мизгирь, и ворожбою
Он обманул меня, чтоб только выжить
Из города, чтоб не был я помехой
Их плутовству! Людишки все продажны.
За денежку любого купишь. Каждый
И пьяница и вор. Зачем заехал
Я в эту глушь? На самых добрых ко́нях
Весь день скакать, до ночи не доскачешь.
А там, гляди, гульба, потеха, пьянство
Во всем дворе. А в терему у Марьи
Чужой сидит хозяином, целует,
Глядит ей в очи, к сердцу жмет ее,
Как у себя, как дома. Либо вовсе
Сманил ее и был таков. Немало
Светлиц и повалуш у Бастрюкова,
Зачем ему в чужие красться вором,
Исподтишка, с оглядкой миловаться,
Чтоб люди не видали. То ли дело,
Привез домой, она не поперечит,
Гуляй душа, никто не помешает.
О, дьяволы! Грызи зубами руки
Да плачь теперь, свою башку седую
Разбей об печку. Дураком родился
И дураком умрешь. Вот близко локоть,
Да не укусишь. Ты кому поверил?
Кого оставил дом стеречь? Бабенку!
Она, родясь, алтына не видала:
Достать мошну да позвенеть ей к рылу,
Себя продаст, не только что чужую.
А слуги! те назло, не из корысти,
Готовы дом поджечь со всех углов.
(Молчание.)
Скачи, Нечай, скачи, приедешь в пору.
Там пир идет, весь мир гуляет, пляшут,
Здоровье пьют, Нечая поминают:
«Берег Нечай, да людям. У Нечая
И по губам текло, да не попало».
Да скоро ль утро! Ехать бы, да тёмно
И бездорожье, ноги изломаешь!
Дрожи как лист осиновый, Иудой
Трясись теперь; сиди да утра жди!
Хоть бы колдун какой! Поворожить бы.
(Подходит к старухе.)
Ты ворожишь, старуха?

Старуха.

Нам, боярин,
И ворожить-то не о чем. Мы бога
И так прогневали. А вам, боярин,
Без ворожбы споло́горя живется.
Ты отойди, здесь ангельское место.

Баю-баю, мил внучоночек!
Ты спи-усни, крестьянской сын!

Воевода *(садится на постель)*.
Вы черти полуночные, сбирайтесь —
Иль рвите врозь меня, иль помогите!
А сон опять морит. Прилягу малость.
Забрезжит свет — на ко́ней и в дорогу.
(Засыпает.)

Старуха.

С тобой сидит бабка старая,
До зари с зари прибаюкивает,
Тихой сон очам наговаривает,
Да качку-качалку покачивает.

(Засыпает.)

Часть сеней в доме Бастрюковых. Бастрюков Степан, с чарой меду, Дубровин, Резвый, Зоря, Кубас, Шишига и слуги одеты гребцами.

Воевода.
Да вот они. Роман Дубровин, Степка,
Вы оба тут. Ну, вас-то мне и надо.
Попался, брат Степан. Иди к ответу!
Не я сужу, закон, не обижайся,
Что не по шерсти гладят. Ты умеешь
Воров скрывать, умей ответ держать.

Степан Бастрюков.
Повеселей бы что-нибудь, робята!

Резвый.
Да вот игра: садись, робята, на пол
Да запоем: «По матушке, по Волге»!

Степан Бастрюков.
Любимая моя игра. Хмельному
Простору нет в избе, гулять охота,
Вот сядем все, да и поедем. Любо!
Я — атаман, Дубровин — ясаулом.
Я — на корму, он — на нос.
(Резвому.)

Ты с братиной
В середку сядь и потчуй всех: направо,
Налево, мне, Дубровину, себе...

Садятся.

Поехали!

Воевода.

Далёко не уедешь!

Гребцы *(поют)*.

Раз первой! Раз другой! Ухнем да ухнем!

Воевода.

Ты на пол сел и думаешь, что в лодку!
Дурак, дурак! Вяжите их покрепче!
Накрыли вас, дружков. Да где же люди?
В железа всех! И не проси пощады!
Я зол, как зверь, как волк запольный! Живо
В застенок их, пытать поочередно.

Гребцы.

Раз первой! Раз другой! Еще маленькой разок!

Сени исчезают. Середина Волги, вдали берега. Является лодка, все приободряются, надевают шапки, берут весла. Бастрюков и Дубровин встают на ноги.

Воевода.

Уехали! Держите их, держите!

Бастрюков.

Кормилица ты наша, мать родная!
Ты нас поишь, и кормишь, и лелеешь!
Челом тебе! Катись до синя-моря
Крутым ярам да красным бережочкам
На утешенье, нам на погулянье!
Недаром слава про тебя ведется,
Немало песен на Руси поется,
А всех милей: по матушке, по Волге!

Гребцы *(поют)*.

Вниз по матушке, по Волге,
По широкой, славной, долгой,
Взбушевалася погодка
Немала́я, волнова́я.

Бастрюков.

Ты, ясаул, гляди, что впереди!
Что видишь?

Д у б р о в и н.

Чéрни.

Б а с т р ю к о в.

Чéрни не помеха,
В воде-то черти, в берегу-то черви,
В лесах коренья, пенья да сучки,
По городам подьячие-крючки.
Хотят словить, да врут, мы погуляем,
По Волге силу-удаль попытаем.

Г р е б ц ы *(поют)*.

Ничего в волнах не видно,
Только видно одну лодку,
Лёгку лодочку косную,
Макарьевску, разъездную.

Б а с т р ю к о в.

Верней гляди, что впереди?

Д у б р о в и н.

Колода.

Б а с т р ю к о в.

Что мне колода! Сам я воевода.
А ты гляди по Волге, нет ли встречных
И поперечных?

Д у б р о в и н.

Есть. Струги гребные.

Б а с т р ю к о в.

Какие, с чем?

Д у б р о в и н.

Купецкие с товаром,
А царские с казной.

Б а с т р ю к о в.

На них казаки-воры,
А на купецких-то бурлаки хворы.
Сарынь на кичку! Стой! Не надо, мимо!
Мы не за тем.

В о е в о д а.

Зачем ты едешь, знаю.
Воруй себе, да только не у нас.

Б а с т р ю к о в.

Гляди верней! Что видишь?

Д у б р о в и н.

Вижу терём
Расписанный.

Б а с т р ю к о в.

Пригряньте-ко, робята!

Гребцы

Вы приваливай, робята,
Ко крутому бережочку,
Да ко желтому песочку,
Ко боярскому подворью.

Показывается терем.

Воевода.

Не мой терём, не мой. К чужому едут,
Мой в городе, на лодке не подъедешь;
Я дома сам, чего же мне бояться.
Ловите их, держите! Воры, воры
Наехали. Да что ж вы, спите, что ли?

Гребцы.

Ко Нечаеву подворью,
Да ко Марьину здоровью.

Марья Власьевна сходит с берега.

А Марьюшка выходила,
Гребцам меду выносила.
Не прогневайся, хозяин,
Что наехали не званы.

Воевода.

Зачем ты здесь? Домой, вернись домой!
Не дам уйти. Шалишь! Не доставайся
Ты никому. Где нож? А вот он, вот он!
Возьмет ли, нет ли, только не живую.

Гребцы.

Вы берите красну девку
Во макарьевскую лодку,
Вы сажайте-ко, робята,
К атаману на колени.

Марья Власьевна садится на колени к Бастрюкову. Видение исчезает.

Воевода *(во сне)*.

В глазах увез. Меня столкнули в Волгу.
Тону, тону! Спасите! Заливает
Меня всего, под шею подступает.
Ко дну иду. Без покаянья страшно
Мне умирать. Спасите, дайте время
Покаяться, раздать именье нищим,
Посхимиться. Никто не шевельнется,
На берегу стоят да смотрят. Любо,
Что я тону, как ключ. Вот дно, вот камни

Зеленые, зеленая трава,
Песок зеленый! Братцы, помогите!

Входят Н е у с т р о й к о и д в о е с л у г. В окне утренний свет.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

С т а р у х а, в о е в о д а, Н е у с т р о й к о и д в о е с л у г.

Н е у с т р о й к о.
Будить аль нет?
С л у г а.
Не трожь, пусть сам проснется.
В о е в о д а *(во сне)*.
Тону! Спасите! Господи, помилуй
Раба Нечая! Умираю!
(Просыпается.)
Где я?
(Встает.)
Н е у с т р о й к о.
Господь с тобой! Мы здесь, в избе.
(Берет сулейку, складень и оружие воеводы.)

Слуги собирают постель.

В о е в о д а.
Проворней!
Коне́й, коне́й!
Н е у с т р о й к о.
Оседланы, боярин.
В о е в о д а.
Домой живей, чтоб к ночи быть.
(Одевается.)
Н е у с т р о й к о. Поспеем.

Уходят. Г а в р и л о слезает с печи, умывается и выходит за дверь помолиться. К л и м слезает, умывается. Г а в р и л о возвращается. К л и м уходит.

Г а в р и л о. Слава тебе, господи, до бела света проспали.
К л и м *(возвращается)*. Рассвело бело, хоть хлеб ешь.
С т а р у х а. Рушай да кушай на здоровье.
Г а в р и л о *(берет хлеб на столе и режет)*. Господи, благослови!

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЛИЦА:

ВОЕВОДА.

БАСТРЮКОВ СЕМЕН.

БАСТРЮКОВ СТЕПАН.

ОБЛЕЗЛОВ.

ПОДЖАРЫЙ,
новый воевода.

ДУБРОВИН.

ШУТ.

МАРЬЯ ВЛАСЬЕВНА.

УЛЬЯНА.

ОЛЕНА.

СТОРОЖ.

НЕУСТРОЙКО.

ЗЕМСКИЙ СТАРОСТА.

СМИРНОЙ.

ДРУЖИНА.

ВЛАС.

НЕСМЕЯНОВ.

ПОСАДСКИЙ.

РЕЗВЫЙ.

СЛУГИ БАСТРЮКОВА.

СЛУГИ ВОЕВОДЫ.

СТРЕЛЬЦЫ.

НАРОД.

Сад; направо на подклети горница, прямо против зрителей терем, тоже на подклети, с открытым переходом вокруг; с переходу дверь в сени, соединяющие терем с горницей; под сенями проезд. Из сеней лестница в несколько колен с площадками на столбах, во всю длину лестницы крыша на точеных столбиках. За теремом, в глубине, надворные строения, налево забор и задние ворота.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Сторож с дубиной и Дубровин входят.

Сторож.

Спасибо, брат! Употчевал на славу,
Таких и надо нам. Вся дворня лоском
Теперь лежит.

Дубровин.

А мы с тобой не пьяны,—
И молодцы-робята.

Садятся на скамьях.

Сторож.

Ты, выходит,
На службу к нам задаться хочешь, парень,
За нашего боярина?

Дубровин.

Нештó!
Своим домком не жить, достатков нету.
Неволя, брат, куда не занесет,
Я сирота.

Сторож.

За много ль?

Дубровин.

Полчетвёрта
Рубля прошу, а не дадут, так за три.
Возьму, пропью, а там навек кабальный.
Давай попьем.
(Достает сулейку и жестяную чарку.)

Сторож.

И то гораздо пьяны.

Дубровин.

Ну вот беда! Проспишься, а назавтра
Опохмелю.

Пьют.

Сторож.

Да спать-то не придется.
Терёнька спит как мертвый, не разбудишь
Ничем его. Один я настороже.

Д у б р о в и н.
Да что стеречь в пустом саду? Диви бы
Поспело что! Вот яблоки поспеют,
Тогда беда.
С т о р о ж.
Да нешто мы как люди!
Велят тебе беречь пустое место —
И береги. А что украсть-то, парень!
Каб было что, свои б давно украли.
Ну право, так!
Д у б р о в и н.
Давай свою дубину!
Ты ляг, усни, а я стучать примусь,
Послушают и скажут, что исправны.
Да что не пьешь! Допей, остатки сладки.
С т о р о ж.
Осилить ли? Тут много.
Д у б р о в и н.
Поневолься.
Не каждый день вино у вас.
С т о р о ж.
Вестимо.
Вон люди в праздник пьют, а мы не так:
У нас когда вино, тогда и праздник.
(Допивает.)
Д у б р о в и н.
А задние ворота запирают
Замком у вас?
С т о р о ж.
Замком, а прикалиток
Гвоздем забит. Ну, парень, забирает
Меня дюжó. Пьяней вина я, парень.
Д у б р о в и н.
Размок язык, так спи.
(Толкает, тот падает и хочет подняться.)
Небось, не встанешь!
Другой медведь того не выпьет, сколько
Сегодня ты. Ай, сторожа!
(Замахивается дубиной.)
Ну! смерти
Аль живота?
С т о р о ж *(в полусне)*.
Робятушки, он вор!
Робятушки!

Д у б р о в и н.

Немного набормочешь.

Сторож засыпает. Дубровин идет к воротам и отмыкает калитку.

Ты, Резвой, здесь?

Р е з в ы й входит в калитку.

Р е з в ы й.

Мы тут с Кубасом бродим,
У лошадей Шишига.

Д у б р о в и н.

А боярин?

Р е з в ы й.

Недалеко гуляет.

Д у б р о в и н.

Ну, смотри же,
Не выдавай! Мы их вдвоем осилим:
А те пусть ждут у ко́ней. Да потише,
Не полошить народ! За вас заступа,
Вам нечего бояться; Бастрюковы
Не выдадут своих покорных слуг;
А мне попасть, так с головой проститься.

Р е з в ы й.

Да тут все глушь, все за́дворки выходят.
Собаки нет живой; с лица так людно.
В лопушнике присядем, кто увидит!
Так я пойду?

Д у б р о в и н.

Иди!

Р е з в ы й уходит.

Заныло сердце
Ретивое, душа захолонула.
Олёнушка! два года не видались,
Вот бог привел, да каково-то встретит
Она меня? Я чай, совсем забыла
И бросила Романа своего.
А как мы с ней любовно поживали,
Весь день с утра и до ночи всё смехи
Да радости у нас, налюбоваться
Не можем друг на друга в сласть да в сытость,

И так нам весело; и люди
Дивуются и говорят, бывало:
«Такой-то смех веселый у Олёны,
Что слушаешь и сам смеешься с ней».
Уйдешь с двора поутру, в лавку сядешь
А все с ума нейдет Олёнин голос,
А все в ушах веселый смех звенит.
А тут сама бежит, ко мне подсядет,
Прижмется вся, полой ее закрою
По самую по шею, только щеки
Алеются, да черные сокольи
Глаза глядят из-под бровей собольих,
Огнем горят, как звезды, искры сыплют.
Идут купцы, идут бояре, смотрят,
Дивуются на нас, глядеть им любо,
Как ладно с ней сидим мы и торгуем.
Куда теперь? Куда с тобой я денусь?
Неужто мне угла на белом свете
Не сыщется? Ужли опять по-волчьи
В лесу бродить! Повыточу вострее
Булатный нож да первую ее
Из рук своих зарежу, чтоб не знала,
Не ведала ни нашей вольной воли,
Ни нашей злой и неминучей доли.
Ужли же мне ее, мою голубку,
К нечистым псам вести? За что ж ей, веку
Не доживя, кипеть в аду кромешном,
Грабеж, дележ, питье-литье хмельное,
Да хриплый крик, да пьяный воп, да драку,
Зуб за зуб, брань, ножёвые тычки,
Божбу, клятьё, святыни обруганье,—
С чего у нас-то, окаянных, волос
Вздымает дыбом, леденеет кровь,—
Ей заживо увидеть и услышать!
Гульба гульбой, а впереди-то пытка.
Всему пора да время. Сколько вору
Ни воровать, кнута не миновать.
Обрушит черт, наткнешься на разъезды:
Убьют тебя — так счастье, а как свяжут,
Перекуют попарно да к расспросу
Потянут всех, и ей идти с ворами,
Терпеть безвинно воровскую кару...

Олена идет из терема, за ней шут.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Д у б р о в и н, О л е н а и ш у т (в кустах).

Д у б р о в и н.
Идут.
О л е н а.
Роман!
(Отвернувшись, плачет.)
Д у б р о в и н.
С чего же ты, Олёна,
Заплакала? От радости иль с горя?
О л е н а.
Да господи! Да как же! Не во сне ли?
Взгляни сюда! Роман и есть! Голубчик!
(Припадает к нему на грудь.)
Ну где ж ты был?
Д у б р о в и н.
В лесах бродил.
О л е н а.
Да как же
Без крова-то? Весна да осень — дождь,
Зима-то — снег; в лесу-то зверь рыскучий.
На чем прилечь в ночи, а в непогоду
Обсохнуть где?
Д у б р о в и н.
Да видишь, цел вернулся,
Так что ж тебе? Что было, то прошло.
О л е н а.
Кто мыл, кто шил тебе? Чужие руки
Такие ли, как женины? Кажи-ко
Сорочку-то!
(Плачет.)
Суровая какая.
Такие ли я шила! Ишь-ты, ворот
Не вышитый. А я, бывало, шелком
И рукава, и ворот изошью.
Какой кафтан-то смурый! На бурлаках
Такие-то.
(Плачет.)
Д у б р о в и н.
А ты молись-ко богу,
Что сам-то цел!
О л е н а.
Романушко, по-божьи,

Скажи ты мне всю правду. Не видались
Два года мы. Ужли ты женской ласки
Не видывал, так сиротой и жил?
Ни девушки, ни бабы не любили,
Молодчика, тебя? Скажи, мой милый,
Не осержусь.

Д у б р о в и н.

Всю правду говорить?

О л е н а.

Ну, говори!

Д у б р о в и н.

В сиротской нашей доле
До ласки ли, Олёна? А взгрустнется,
Бывало, мне,— присядешь, горько всплакнешь,
Придет ко мне, бывало, пожалеет,
Приластится, лицо и руки лижет
Мой верный пес, лохматая собака,
Кобель борзой. В глаза ко мне глядит
И плачет сам, как будто он прочуял,
Что на уме моем.

О л е н а *(бросается к нему на шею)*.

Роман, сердечный!
(Плачет.)
Так прогони ж свою собаку, злую
Разлучницу. Возьми меня. Собакой
Служить тебе я буду, злое горе
С тобой делить; в глаза глядеть, и плакать,
И ластиться.

Д у б р о в и н *(утирая слезу)*.

Уж без тебя не выду
Отсюда я. Не для того нас доля
Свела опять, чтоб снова расставаться.

О л е н а.

Не надоем тебе, не надокучу.
Прикажешь мне — я подойду, погонишь —
Я прочь пойду, и слова не услышишь.

Д у б р о в и н.

А у тебя и не спрошу, Олёна,
Как ты жила, чтоб сердца ретивого
Не натрудить. И так уж все изныло.
Я знаю, ты меня не променяешь
Ни на кого охотой, про насильство
Не сказывай! Себя не пожалею,
Да и тебя. Таков уж мой обычай;

Как словно что внутри-то захохочет,
В глазах туман кровавый да ножи
Мерещатся. Молчи, Олёна, лучше!

Олена.

Романушко, не думай! Воевода
И плакал-то, и пыткой-то стращал,
Я напрямик ему сказала: руки,
Мол, наложу, отстань. Три дня не ела,
Голодной смертью помереть хотела,
И унялся. На черную работу
Послал меня; а я тому и рада.
Боярышню привел, так взяли в терем,
По нраву ей пришлась.

Дубровин.

Веди скорее
Боярышню. Мы задние ворота
Отворим вам.

Олена.

Ступай же, дожидайся,
За ворота. Мы крикнем, ты отворишь.
А здесь не стой! С боярышней Ульяна,
Сердитая такая: как увидит
Тебя в саду, весь дом поднимет криком.
Прощай пока.

Дубровин.

Ну, с богом.

Олена.

Дожидайтесь.

Уходят: Дубровин за ворота, а Олена в терем.

Шут.

Ну, дядюшка, простись с своей невестой!
Женили нас с тобой! Ты где гуляешь,
Своей беды не знаешь? Что ж мне делать?
Будить народ начать? А ну, услышит
Олёнин муж, да выдадут людишки
Меня ему? Начнет меня он резать,
Пороть ножом на части по суставам.
Ой, батюшки, не буду! Вот что лучше:
Направлю я стопы свои подальше,
Покуда цел.

Воевода входит и осматривает терем.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Шут и воевода.

Шут.

Эй, дядя, дядя, тише!

Воевода.

Бессудный, ты?

Шут.

Я, дяденька. Потише,
Не разбуди! Ты видишь, все заснули.
(Показывая на сторожа.)
Ты как прошел?

Воевода.

В ворота.

Шут.

Кто же отпер?

Воевода.

Два сторожа сидят.

Шут.

Исправно. Двери
Одни запрем, другие настежь. Слушай:
Все сторожа пьянехоньки, Дубровин
И Бастрюков на за́дворках гуляют,
Сейчас придет боярышня, ворота,
Вот видишь,— те не заперты. Промедли
Ты час еще, и поминай как звали.
Ты здесь один?

Воевода.

На улице оставил
Людей, стрельцов и с ними Неустройко,
А сам один двором прошел тихонько
И сказывать не приказал.

Шут.

Пошли-ко
В обход стрельцов на задворки. Без шуму
Пускай идут, и посмотри, что будет.

Воевода.

Ступай, веди стрельцов, я здесь останусь.

Шут.

А по тебя два раза присылали:
Наехали с Москвы, в избе приказной
Сидят да ждут, какие-то бояре.

В о е в о д а.
Убить тебя с боярами-то вместе!
Пошлют — иди! А разговоры после.

Ш у т уходит.

Недаром сон, и хорошо, что в пору
Приехал я! Теперь мои злодеи
В моих руках, поймаю их с поличным.

Выходят из терема У л ь я н а, М а р ь я В л а с ь е в н а, О л е н а; в о е в о д а прячется.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

В о е в о д а в кустах, У л ь я н а, М а р ь я В л а с ь е в н а, О л е н а, потом Д у б р о в и н и л ю д и.

У л ь я н а.
Пришла ж тебе охота! Не слыхала,
Как соловей поет. Велико диво!
У вас в саду, чай, много.
О л е н а.
Все же любо
Послушать их весенней-то порой.
У л ь я н а.
А лучше б спать!
О л е н а.
Мы выспаться успеем.
Мы круглый год всё спим. Ночей-то много,
А соловьи поют до Петрова́ дня,
Перестают потом.
У л ь я н а.
И вам не страшно
Ночной порой в саду?
О л е н а.
Чего ж бояться?
Вот говорят, что будто бука ходит,
Да врут, поди.
У л ь я н а.
Ты умори́шь со страху!
Не говори уж лучше!
М а р ь я В л а с ь е в н а.
Бука! бука!

Ульяна бежит к терему, М а р ь я В л а с ь е в н а и О л е н а в ворота.

Воевода.

Держите их!

Ульяна. Боярин!

Воевода. Стой, ни с места!

Вбегает Марья Власьевна.

(*Берет ее за руку.*)
Красавица, куда бежишь! Постой,
Не торопись! Держи ее, Ульяна!

Ульяна берет ее за другую руку.

За что же ты хлеб-соль мою и ласку
Совсем забыть хотела? И спасибо
Мне за любовь-заботу не сказала,
Задумала покинуть, людям на смех
И голове седой на поруганье,
Мой нов терём. Аль ты не знаешь, Марья,
Что у меня жене прощенья нет
За грех ее. И мал ли он, велик ли,
А ей не жить. Прощайся с белым светом!
Ты не жена, так все равно невеста.
Я не хочу, чтоб мне в глаза смеялись.
Мне жаль тебя: такая молодая,
А умирать придется. Ты хотела
Повеселей пожить. Смеяться любишь!
(*Ласкаясь.*)
И у меня ты вдоволь насмеешься,
И умирать тебе веселой смертью,
Красавица моя!

Неустройко (*за сценой*).

Он здесь. Держите!
Связать его!

Дубровин (*за сценой*).

Живой не дамся в руки.
(*Вбегает.*)
Так вот где ты, мой ворог, разоритель!
Не ты ль меня пустил по-волчьи рыскать?
Гнездо мое расхитил? Уж не ты ли
И выучил меня ножи точить,
В оврагах жить, по Волге грабить, резать
Живых людей? Ты вспомни-ко, не ты ли?

Люди, Неустройко и шут входят; на шум выбегают из терема Недвига, сенные девушки и женщины и останавливаются на крыльце.

Дубровин.

Кажись, что ты! Так сам теперь отведай,
(вынимает нож)
Востер ли нож, чиста ль моя работа.

Люди схватывают его сзади.

Воевода *(с хохотом)*.

Я выучил тебя, да, видно, плохо,
Не доучил, начать придется снова!
Сковать его! А люди Бастрюкова?

Неустройко.

Побрали всех.

Шут.

И всех перевязали
Одним концом. Как жемчуг, нанизали
На ниточку.

Вводят связанных: Олену, Резвого, Кубаса и Шишигу.

Воевода.

А Бастрюков Степан?

Неустройко.

Он на конь сел да в город.

Воевода.

Ну и с богом!
Держите их. Пойдем-ко в терем, Марья,
Поговорим с тобой. Веди, Ульяна.

Олена *(Дубровину)*.

Убей меня!

Дубровин.

И рад бы я, да связан.

Ульяна, воевода, Марья Власьевна уходят в терем.

Недвига.

Ах, батюшки! Ой, смерть моя приходит!
Убьет ее, до смерти защекочет.
Защекотал двух жен, разбойник! Хочет
Дитя мое родное загубить,
Красавицу, забавницу. На то ли
Лелеяли, растили, воскормили
Мы яблочко наливчато свое!
Беда моей головушке! Пустите!

Её держат.

Марья Власьевна *(с хохотом выбегает из терема, воевода за ней).*

Ох, смерть моя!

Воевода.

Не убежишь, поймаю.

Марья Власьевна.

Не стало сил моих, не служат ноги.
(Бегает по переходам.)

Воевода.

Побегаешь, устанешь.

Марья Власьевна.

Ох, спасите!
(Ломая руки.)
Куда б уйти!

Воевода.

Уж сколько ты ни бегай,
А рук моих тебе не миновать.

Марья Власьевна убегает в сени, воевода за ней. Входят Поджарый, Бастрюков Семен, Бастрюков Степан, Облезлов, посадские и народ.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Воевода, Марья Власьевна, Недвига, Олена, Дубровин, Неустройко, Поджарый, Бастрюков Семен и Бастрюков Степан, Облезлов, посадские, стрельцы, слуги и народ.

Марья Власьевна *(на лестнице).*

Куда бежать — не знаю! Няньки, мамки
И девушки сенные, схороните!

Недвига.

Беги ко мне!

Воевода.

Старуху подержите!

Марья Власьевна сходит с лестницы и бросается к Степану Бастрюкову.

Что за люди?

Семен Бастрюков.

По царскому указу,
Тебе Нечай Шалыгин, воеводство
Отказано. А про твои неправды,

Для сыску, к нам Левон Поджарый прислан,
И быть ему у нас на воеводстве.

Воевода.

А есть приказ мою невесту силой
Из дому взять?

Степан Бастрюков.

Ты сам ее насильно
Увез к себе. Она моя невеста.

Поджарый.

В наказе нет об девке. Опечатать
Добро твое приказано до сыску,
За тем к тебе с посадскими людьми
Пришли теперь. А чья она невеста —
Мне как узнать? Отца и мать мы спросим.

Степан Бастрюков.

Спроси у ней.

Поджарый.

Да нéшто девка знает,
Кто ей жених? Ее ли это дело?
К кому пойдешь?

Марья Власьевна.

К Степану Бастрюкову.

Поджарый.

А всё отца и мать спросить.

Степан Бастрюков.

Мы спросим
Опосле их; а я возьму покуда
К себе ее. Пойдешь?

Марья Власьевна.

Пойду.

Степан Бастрюков.

Вот видишь,
Сама идет, так разговор короток.
Вели пустить людей моих на волю.
Меня суди, они не виноваты.
Они рабы, по моему приказу
За ней пришли, а их перевязали.
В ответе я, коль в чем и провинились.

Поджарый.

Пустите их!

Воевода.

А ведомого вора,
Дубровина Ромашку, тоже пустишь?

Ножом меня хотел зарезать. Ночью
Ворвался в дом.

П о д ж а р ы й *(Дубровину)*.
Ты пошто к воеводе
С ножом пришел?

Д у б р о в и н.
Жену мою Олёну
Два года он в своих хоромах держит,
Насильством взял, тюрьмой стращал и пыткой.

В о е в о д а.
А ты где был? В бегах!

Д у б р о в и н.
Всё от тебя же.
Пытал меня и жег, корысти ради.
Вымучивал последние копейки,
Меня в тюрьме томил, чтоб без помехи
Жену отнять.

П о д ж а р ы й.
Нечай Шалыгин, правду
Он говорит аль нет?

В о е в о д а.
Ты воевода,
Так и суди.

П о д ж а р ы й.
Изволь, судить я буду,
Да на меня ты после не пеняй!
Посадские! Кого Дубровин грабил?

С т а р о с т а.
Не грабил нас.

С м и р н о й.
Не знаем.

П о д ж а р ы й.
А убойства?

С т а р о с т а.
Не ведаем и слыхом не слыхали.

П о д ж а р ы й.
А воровства с поличным?

Д р у ж и н а.
Не видали.

С м и р н о й.
На воровстве не пойман.

П о д ж а р ы й.
Воевода
В тюрьме держал его?

Староста.

Держал напрасно.

Смирной.

Пытал его безвинно.

Поджарый.

Воевода
Жену его насильством брал в хоромы?

Дружина.

Да как не брать! Известно, брал Олену.
Спроси у ней, она живая — скажет.

Поджарый *(Дубровину)*.

Ты был в бегах?

Дубровин.

Я бегать — бегал точно,
Не буду лгать.

Поджарый.

Так слушай же, Дубровин!
Указано царем нам, воеводам,
Вас сыскивать и на посад сажать,
Устраивать строеньем, буде надо,
И отдавать за крепкие поруки,
Чтоб вам, живя в посаде, не сбежать,
И подати платить царевы вместе
С посадскими, и быть во всякой службе
С посадскими ж, в ином чину не стать,
И ни за кем бы вам не заложиться.
А нет порук, и тех сажать в посады
И льготы им давать. Кто на поруки
Дубровина берет?

Посадские.

Мы, всем посадом,
Берем его.

Поджарый.

Ну вот, Шалыгин, видишь,
Я рассудил. По нраву ли пришелся
Мой суд тебе?

Воевода.

Есть суд и над тобою,
В Москве найдем. А ты суди как хочешь,
Пускай воров на волю.

Поджарый *(слугам)*.

Развяжите
Дубровина.
(Старосте.)

Подайте завтра запись
Поручную по нем. А за убытки,
Коль сыщутся, своим добром заплатит
Дубровину Шалыгин воевода.

Воевода.

Да что же ты в чужом дому воюешь?
Вы с чем пришли? Что за́ люди? Да, может,
Обманщик ты, не царский воевода,
И надо гнать тебя с двора по шее!
Есть грамота у вас?

Поджарый.

Читай, Облезлов!

Облезлов *(вынимает грамоту; все снимают шапки. Читает.)* «Воеводе Нечаю Шалыгину! В прошлом таком-то году, по нашему государеву указу, велено быть на нашей государеве службе в таком-то городу воеводою тебе, Нечаю Шалыгину; а в нашем государеве наказе написано: «Будучи тебе воеводою, нам, великому государю, во всем искати прибыли, а посадским и всяких чинов людям налогов никаких не чинити и напрасно ни к кому не приметываться». И ныне нам, великому государю, бил челом земской староста Нежданко и во всех посадских людей место, а сказали, что ты, Нечай Шалыгин, торговых и промышленных людей напрасно, по оговору и язычной молке, без сыску и без расспросу сажаешь в тюрьму и пытаешь и от того емлешь тюремною теснотою и всяким мучением, деньгами рублей по тридцати и по сороку и больше. И которых служилых и посадских людей остаются в домех жены, а они в то время дома не бывают, и ты, Нечай, сведав их пожитки, жен их емлешь в застенок ночью и пытаешь, и спрашиваешь денег, и теми приметы и мучением их до конца разоряешь. А иных жен и от мужей берешь себе в хоромы. Да ты же, Нечай, призываешь к себе на двор шлющих людей и тюремных сидельцев и с ними на посадских людей умышляешь всякие затейные беды и теми самыми затейными налогами их разоряешь. И, не стерпя тесноты и мученья, многие посадские люди, оставя свои дворы, бегут розно и нашего государева тягла не платят. А нам, великому государю, и мимо того Нежданка челобитья, многие твои неправды и насильства ведомы учинились. И то ты делаешь негораздо, своею дуростию и плутовством. И ныне указали мы, вели-

кий государь, те твои плутости сыскивати и быть на место твое на нашей государевой службе воеводою дворянину Левонтию Поджарому. И буде про твое воровство до-пряма сыщется, и которые были на тебя в чем челобитчики и то велели взять на тебе вдвое, да тебе же от нас быти в великой опале. И как к тебе ся грамота придет, а Левонтий Поджарый приедет, и ты бы отдал ему, Левонтью, в съезжей избе нашу, великого государя, городовую печать, и городовые ключи, и наряд, и в нашей государевой казне деньги, и свинец, и пушечные и хлебные запасы, и мягкую и всякую рухлядь, и приходные и расходные деньгам, и хлебу, и всякому запасу книги и наши, великого государя, всякие дела, и во всем тебя, Нечая, счесть, и что нашей казны на тебя взочтено будет, и то велено ему, Левонтию, на тебе взять сполна. И как с ним, Левонтием, распишешься, ехать тебе к нам, великому государю, к Москве и, приехав, явиться в костромском приказе нашему боярину с товарищи».

Семен Бастрюков.

Мне бог с тобой, свою бы я обиду
Тебе простил; а ты весь мир обидел.
Ты, знать, забыл, что с миром не поспоришь,
Что мир вздохнет, так до царя дойдет.

Посадские.

Отозвались тебе мирские слезы!

Шут.

Эх, дяденька! Меня-то на кого же
Покинешь ты? Пропали мы с тобой!
Я малые, а ты большие шутки
Пошучивал, да вот и дошутились!

Поджарый.

Теперь узнал ты нас, и кто, и пóшто,
Обманом ли, иль вправду мы пришли?
Веди нас в дом описывать добро.

Поджарый, Облезлов, Бастрюков Семен и воевода уходят, входит Влас.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Степан Бастрюков, Дубровин, Марья Власьевна, Олена, земский староста, посадские, слуги воеводы и Влас.

Влас.

Где дочь моя?

Марья Власьевна прячется за Бастрюкова Степана.

Бастрюков Степан.

Не бойся, не отнимут.
Отдай-повыдай замуж за меня.

Влас.

Да бог с тобой! Коли пришлась по нраву,
Бери себе, да только чтобы честно
Венчаться с ней; а то, тебя я знаю,
Ты увезешь и так, а чин по чину
Пойдем ко мне да по рукам ударим.

Бастрюков Степан.

На все готов, пойдем! За мной, робята!
Ты приходи на свадьбу к нам, Дубровин.

Дубровин.

Не промину.

Марья Власьевна.

Приди и ты, Олена.

Дубровин.

С женой придем.

Бастрюков, Марья Власьевна и слуги уходят.

Несмеянов.

Ну, как теперь, Дубровин?
Не убежишь от нас?

Дубровин.

А там как бог даст:
Коли хорош да смирен воевода,
Не потеснит,— так с вами жить останусь
И торговать начну, а коль обидит —
Опять сбегу, вы так про то и знайте!
Пойдем домой, Олёна!

Олена.

В разоренный
Охота ли идти!

Дубровин.

Небось. Поправим.
Найду чем жить. Не поклонюся людям.

Уходят.

Староста.

Посадские, готовьте-ко поминки
Да на поклон несите воеводе.
Почествовать его с приездом надо.

Старые посадские.

Ну, старый плох, каков-то новый будет.

Молодые посадские.

Да, надо быть, такой же, коль не хуже.

ИВАН-ЦАРЕВИЧ

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Водяная мельница.

ЛИЦА:

МЕЛЬНИК.

КАРГА
мамка.

ЦАРИЦЫН СЫН
ДЕВКИН СЫН } работники на мельнице.
КОШКИН СЫН

ОДИН ИЗ РАБОТНИКОВ.

НИЩАЯ.

РАБОТНИКИ НА МЕЛЬНИЦЕ.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Царицын сын, Девкин сын, Кошкин сын (в платье работников на мельнице) и несколько работников (все — с мешками муки на плечах). Мельница в полном ходу: гром, стук, от жерновов летит белая пыль.

Царицын сын *(заглянув в чулан)*. Шабаш! Бросай работу! Хозяин спит. Запирай жернова!

Жернова запирают, стук прекращается. Все работники бросают мешки и садятся на них.

Девкин сын. Вы отдыхайте, а я... вот что... Прощайте, братцы! *(Хочет уйти.)*

Все. Ты, Иван, куда?

Девкин сын. Я на плотину.

Кошкин сын. Зачем? Рыбу ловить?

Девкин сын. Нет, не рыбу ловить, а я... вот что... Я — туда, в омут...

Царицын сын. Купаться, что ли, идешь?

Девкин сын. Нет, не купаться, а я совсем туда... с камнем. Вот что. Прощайте! *(Идет.)*

Все. Постой! Постой!

Девкин сын останавливается.

Царицын сын. Ведь это, брат Иван, по-русски значит, что ты топиться идешь?

Девкин сын. Да, топиться,—а уж там по-русски ли, по-татарски ли это выйдет,—мне-то что за дело?

Кошкин сын *(вставая)*. А что, брат Иван,—ведь, право, ты не дурно придумал. Я одному только удивляюсь: как это мне до сих пор самому в голову не пришло? Вот правда пословица-то: ум — хорошо, а два лучше. Спасибо! Коли мельник нас хватится — скажите ему...

Девкин сын. Что мы его не боимся: взяли да поставили на своем,—пошли, да и утопились.

Царицын сын. Что ж, топиться, так топиться,—и я не прочь... Только вот что, ребята: я сегодня что-то не в расположении... утопимся завтра все вместе!

Кошкин сын. Ну, один день — куда ни шло!

Девкин сын. Я что ж? Я, пожалуй, один день подожду. *(Садится.)*

Один из работников. Придумали такую глупость непростительную — топиться, да толкуют, точно дело какое сбираются делать!

Кошкин сын. А что ж не толковать-то? Вам хорошо: вы люди свободные; нынче ты здесь, а завтра пошел, куда захотел; а мы люди подневольные, сироты без роду без племени, родителей своих не помним; отдали нас, трех Иванов, Мельнику в кабалу еще с малолетства; а что мы за люди, мы сами не знаем. Нам уйти от Мельника некуда,— так ты сам посуди, сладко ли нам жить на свете, терпеть всякую муку и конца не видать?

Царицын сын. Он точно по заказу взялся нас мучить всячески.

Девкин сын. Да вот что: заставляет работать двадцать пять часов в сутки, да еще не кормит. Что за жизнь!

Работники. Что правда, то правда: заморил он нас работой; а вам, трем Иванам, больше всех достается.

Хор.

И день и ночь шумят колеса,
Волчком вертятся жернова,
Дрожит плотина, стонет плёсо,
И ходит кру́гом голова. } *2 раза*

Д е в к и н с ы н. Да еще понукает, поталкивает в шею да подстегивает плетью. Вот оно что!

Одна у мельника забота:
Спорится ль в зáкроме мукá?
Ох, тяжела его работа,
И тяжела его рука!

Х о р.

И тяжела его работа,
И тяжела его рука.

Ц а р и ц ы н с ы н. Да еще и не кормит: таскай мешки с мукой натощак!

Таскаешь ноши пудовые,
А брюхо вечно налегке...
Не по нутру мне щи пустые,
И ноша мне не по руке!

Х о р.

Не по нутру нам щи пустые,
И ноша нам не по руке.

К о ш к и н с ы н. Что ни говорите, а наш хозяин непременно с чертом в дружбе. Засыплет пшеницы немного, а муки не оберешься.

Д е в к и н с ы н. Оттого и мешки-то таскать тяжело, что в них чертова мукá.

К о ш к и н с ы н. Видимое дело, что ему нечистый помогает: у других плотины сносит, а у него — никогда. Он в омуте как дома распоряжается.

Он в близкой дружбе с сатаною,
Живет без горя и беды;
Он лазит в омут головою
И сух выходит из воды.

Х о р.

Он лазит в омут головою
И сух выходит из воды.

Ц а р и ц ы н с ы н. Нет, что за жизнь! Надоело быть мельником!

К о ш к и н с ы н. И мне.

Д е в к и н с ы н. И мне.

Р а б о т н и к. В мельниках тебе надоело; а чем же тебе быть-то?

Ц а р и ц ы н с ы н. Кому? Мне-то? — Царевичем.

Все хохочут.

Чему вы смеетесь?

Р а б о т н и к. Из мельников-то, брат, долго ли? Пожалуй, и будешь. Ты со щуками когда-нибудь разговаривал?

Ц а р и ц ы н с ы н. Нет.

Р а б о т н и к. Ну, так ты спроси прежде у щуки, хочет ли она, чтоб ты был царевичем? Если захочет, так по щучьему веленью быть тебе царевичем, а если не захочет, так оставайся, брат, мельником!

Все смеются.

Д е в к и н с ы н. Нет, что царевичем! Этому никогда не бывать. А я вот что... я бы...

В с е. Ты что же?

Д е в к и н с ы н. Да вот что я... коли бог даст... холопом бы...

В с е. Вот это дело! Ты, Иван, высоко не лезешь; холоп — чин не важный: пожалуй, когда-нибудь ты до него и дослужишься.

Ц а р и ц ы н с ы н. Да кто ж тебе мешает? Холопом можно быть на всяком месте, во всяком звании и во всяком чине.

Иной — из-под палки на барской работе,
Другой — так в холопы идет по охоте.
Породой холопы различны на свете:
Одни — за каретой, другие — в карете.
Души благородство сквозит и в отрепье;
Хоть бархат на плечах, да рожа холопья.
Кто гнуться способен и шаркать в прихожей,
Тот будет холопом, родись хоть вельможей.

Р а б о т н и к *(Кошкину сыну)*. А ты, Иван, чем бы хотел быть?

К о ш к и н с ы н. Чем придется. Мне все равно: я на все горазд, только бы не работать.

Р а б о т н и к. Не работают только скоморохи.

К о ш к и н с ы н. А скоморохом, так скоморохом.

Входит С т а р а я Н и щ а я.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Т е ж е и Н и щ а я.

В с е. Здравствуй, бабушка!

Н и щ а я. Здравствуйте, молодцы!

Д е в к и н с ы н. Дали бы тебе хлебушка, да у самих нет. Вот что!

Н и щ а я. Мне от вас и не надо. Что вы призадумались?
Ц а р и ц ы н с ы н. Скучно, бабушка, на свете жить.
Н и щ а я. А если скучно,—я вас сказочкой потешу. Слушайте:

Рассмешу вас былью
Или небылицей:
В некотором царстве
Жили царь с царицей.

Жили-поживали
Счастливо, богато...
Да случилась притча...
Слушайте, робята!

В с е. Слушаем, слушаем, бабушка!
Н и щ а я. Все бы хорошо, да вот беда: не было у них детей. И стало им все не мило. Раз, вечерком, сидит красавица-царица у окошечка и плачет о своем горе. Вдруг, откуда ни возьмись — старая нищенка, вот как я: «Не тужи, говорит, царица-красавица: я твоему горю помогу. Вели закинуть невод в пруд: поймают золотую рыбку; вели ее сварить и скушай одна».

Вот сварили рыбку,
Кушала царица,
После ней поела

Сенная девица.
Да старуха-мамка
Скушала немножко;
Голову да хвостик
Оглодала кошка.

Месяцы проходят,
Наступил десятый —
И случилось чудо:
Слушайте, робята!

В с е. Слушаем, слушаем, бабушка!
Д е в к и н с ы н. И сенная девушка попробовала рыбки?
В с е. Молчи ты! Не перебивай!
Н и щ а я. Вот и родилось у них у всех по сыну, и назвали их Иванами: Иван-Царицын, Иван-Девкин, Иван-Кошкин и Иван-Старухин.

Возрадовался царь,—велит позвать ту старую нищую, которая дала царице рыбку, и приказывает ей, чтоб она сказала, какое детям будет счастье.

Принесли четыре колыбели: вот нищенка поглядела

на детей и говорит Царицыну сыну: «Будешь ты умен и счастлив!»

Ц а р и ц ы н с ы н. Кабы это мне!

Н и щ а я. Девкину сыну говорит: «Будешь ты слуга проворный!»

Д е в к и н с ы н. Вот кабы это мне!

Н и щ а я. А Кошкину сыну говорит: «Будешь ты тем, чем захочешь!»

К о ш к и н с ы н. Ну, уж это мне как раз впору!

Н и щ а я. Старухину сыну говорит: «Будешь ты глуп всю свою жизнь!»

Д е в к и н с ы н. Ну, а это-то уж никому не надо.

Н и щ а я. Старуха-мамка, Карга так вся и позеленела со злости! Пришла ночь, все няньки уснули; она и позвала своего брата, колдуна, чтоб он поворожил над робятами, а ворожбу нищей снял. Колдун говорит: «Я чужой ворожбы снять не могу: столько силы не имею; а испортить могу».—Ну, говорит, порти.—Вот он и говорит Царицыну сыну: «Будешь ты счастлив,—да не совсем: будешь ты умен,—да задним умом!»

Ц а р и ц ы н с ы н. Задним умом! Да мы все задним умом умны; тут еще обиды немного.

Н и щ а я. Девкину сыну говорит: «Будешь ты старательный слуга, да все невпопад и некстати».

Д е в к и н с ы н. Испортил!.. Все дело испортил... Вот что!

Н и щ а я. Кошкину сыну ничего не сумел сказать,—так он и остался; а Старухину сыну сказал: «Будешь ты глуп, да зато богат и знатен». Стали робята расти не по дням, а по часам,—и взяла Каргу зависть, что Царицыну сыну больше почета, чем ее; идет к царю и говорит: «Все робята похожи,—злых людей много,—пожалуй, подменят царевича; надобно его одного оставить, а других трех погубить. Я, говорит, и своего не пожалею». Царь согласился, только не велел их убивать, а отдать кому-нибудь на воспитание, чтобы они не знали, чьи они дети. Карга подменила своего сына царице, а Царицына сына, Девкина и Кошкина велела отнести к своему брату, колдуну-мельнику. Долго ли, коротко ли, померла царица, царь состарелся, Карга стала заправлять всем, а сын ее во дворце вырос дурак дураком.

М е л ь н и к выходит из чулана и прислушивается.

Н и щ а я.
И смеются люди,
Что велик он вырос,
Хоть женить, так впору,
А ума не вынес.
А другие дети
Подросли уж тоже,
И умом не глупы,
И собой пригожи.
Отданы бессрочно
К Мельнику в науку,
В каторжной работе
Терпят злую муку.
Но придет их время,
Заживут богато,
Коль за ум возьмутся...
Слушайте, робята!

В с е. Слушаем, слушаем, бабушка!

М е л ь н и к. И я слушаю. Что ж ты, старая ведьма, моих работников от дела отрываешь? Знаю я тебя давно. Мы еще с тобой сочтемся!

Н и щ а я. Я считаться не прочь; только останешься ли ты в барышах?

Д е в к и н с ы н. О, чтоб тебе провалиться!

Н и щ а я проваливается.

Постой, постой! Не тебе, бабушка, а Мельнику...

М е л ь н и к *(работникам)*. А вы что уши-то развесили? Аль спины чешутся? Так у меня плеть-то недалёко. Носите мешки в сарай, я принимать буду. *(Уходит.)*

Р а б о т н и к и *(взяв мешки на плечи)*.
Одна у мельника забота:
Спорится ль чертова мука?
Ох, тяжела его работа, } *2 раза*
И тяжела его рука! }

Уходят все, кроме Кошкина сына.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

К о ш к и н с ы н, потом К о ш к а.

К о ш к и н с ы н. Что за чудеса со мной делаются? Когда человеку скучно,—он или плачет, или с горя песню затянет, а мне... это так странно, так странно! Мне...

черт знает, что такое! Мне... нет, право, это так удивительно! Мне... мяукать хочется... Мяукать... да, просто мяукать! Вот так: Мяу! Мяу! Мяу!

В окне показывается Кошка и мяучит: «Мяу! Мяу!» Соскакивает за мешки, из-за мешков выходит большая Кошка в женском платье.

Кошка.
Мяу! Мяу!

Кошкин сын. Мяу! Мяу!

Кошка.
Милый сын мой!

Кошкин сын. Из окошка!
Что за чудо вижу я!

Кошка.
Не пугайся!

Кошкин сын. Кто ты, Кошка?

Кошка.
Пред тобою мать твоя!

Кошкин сын *(падая на колени)*.
Ма... менька! Кошачьи речи
Мне приятны с малых лет!
Маменька! Для первой встречи
Мы споем с тобой дуэт!
Мяу! Мяу!

Кошка.
Мяу! Мяу!

Кошкин сын. Так это правда? Я — твой сын? Значит, мы — те самые Иваны, про которых говорится в сказке: я — Иван-Кошкин, а другой — Иван-Царицын, а третий — Иван-Девкин; а Старухин сын — во дворце?

Кошка. Да, это правда.

Кошкин сын. И нам весь век жить и мучиться у Мельника?

Кошка. Нет.
И для вас пора настанет
Погулять и видеть свет...

Кошкин сын.
Ах, родная! так и тянет
Спеть на радости дуэт!
Мяу! Мяу!

Кошка.
Мяу! Мяу!

Кошкин сын. Как же нам избавиться от Мельника?

Кошка. Вот тебе коврик: разверни его, садись — и поезжай хоть за тридевять земель. Только ты не забывай одного: как прилетишь на место,— сверни коврик и спрячь у себя, а то он пропадет и может попасть к Мельнику. *(Отдает ему коврик.)*

Кошкин сын. Ах, как я рад! Мяу! Мяу!

Кошка. Вот тебе еще кольцо. С ним ты можешь принимать какой угодно вид: стоит только перекинуть его с руки на руку. С этим кольцом ты не бойся никаких чар: оно сильнее всякого волшебства; но помни тоже, что если оно попадется в руки к Мельнику,—он будет иметь власть над тобой, и ты опять попадешь к нему в работу, и потому береги кольцо пуще глаза. Ну, прощай, до свиданья!

Кошкин сын.

До свиданья, до свиданья!

Кошка.

Скоро свидимся, мой свет!

Кошкин сын.

Маменька! На расставанье
Мы споем с тобой дуэт!
Мяу! Мяу!

Кошка.

Мяу! Мяу!

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Кошкин сын, Царицын сын и Девкин сын.

Кошкин сын *(у двери)*. Эй! где вы? Бегите скорей!

Входят Царицын сын и Девкин сын.

Ну, братцы, Мельник нам теперь не страшен, и топиться нет никакой надобности.

Царицын сын. Что же случилось?

Кошкин сын. Все, что говорила нищенка, правда: ты Царицын сын, ты Девкин, я Кошкин.

Царицын сын. Почем ты это все знаешь?

Кошкин сын. Сейчас приходила ко мне моя мать.

Царицын сын. Кошка?

Кошкин сын. Да, Кошка; и дала мне ковер-самолет и кольцо.

Царицын сын. Не может быть! Ты шутишь?

Девкин сын. Вот что... ты перестань врать-то!

Кошкин сын. А вот сейчас увидите. Берите кольцо, перекидывайте с руки на руку.

Царицын сын, Девкин сын и Кошкин сын перекидывают кольцо с руки на руку. На Царицыном сыне является царское платье, на Девкином сыне — платье слуги, на Кошкином сыне — скоморошье.

Царицын сын. Ах! Я царевич, ты слуга, а ты скоморох!

Девкин сын *(берет щетку)*. Позвольте, я почищу вашу милость!

Кошкин сын. Ну, теперь вы верите?

Царицын сын. Верим, верим!

Девкин сын. Нельзя, сударь, не верить!

Кошкин сын. Теперь нам нужно уговориться, куда бежать от Мельника и что делать, а чтоб люди нас не слыхали и не видали, пойдемте в подполье.

Поднимают западню и уходят в подполье. Входят Мельник и Карга.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Мельник и Карга.

Карга. Брат, где твои работники Иваны?

Мельник. Они там, в подполье; я слышал, как они туда пошли.

Карга. Запри их там. Оттуда нет другого выхода?

Мельник *(запирая западню)*. Нет.

Карга. Слушай, брат. Я не понимаю, что с нашим царем Аггеем сделалось: отдает такие странные приказания, что мы все не надивимся. Вчера велел объявить всенародно, что кто привезет ему царевну Милолику, Жарптицу и золотогривого коня, того он назначит своим наследником,—слышишь, брат: наследником! У него есть законный наследник, родной его сын, то есть мой сын, но мы его так ловко подменили, что он должен считать его своим... Брат, успокой ты меня!

Мельник. Чем же мне тебя успокоить?

Карга. Мало ли ловких людей: кто-нибудь сыщется, достанет и царевну Милолику, и Жар-птицу, и золотогривого коня, и еще что-нибудь! При чем же останется мой сын? Больше всего я боюсь этих Иванов — Царицына и Кошкина: они такие ловкие, и к тому же им эта старая ведьма может помочь. Брат, успокой ты меня!

Мельник. Чего ж тебе хочется?

Карга. Они в таком возрасте... Успокой ты меня!

Мельник. Что же мне делать? Говори прямо.

Карга. Мое дело женское, я не могу говорить прямо, Довольно с тебя: успокой меня!

Мельник. Убить, что ли, их?

Карга. Мое дело женское... я, при моем нежном сердце, не могу сказать — убей; а ты делай так, чтоб уж я их не боялась: пока они живы, я все буду их бояться. Успокой ты меня!

Мельник. Ну, хорошо. Они в подполье; я пущу туда воду и потоплю их.

Карга. Делай, братец, как тебе угодно, — мое дело женское...

Мельник спускает плотину, вода в большом количестве бежит по колесу и через колесо затопляет подполье и начинает разливаться по полу мельницы. Из подполья вверх по колесу, в золотой раковине, выезжают на лебедях Царицын сын, Девкин сын и Кошкин сын,— выплывают в реку.

Ах! они уехали!.. Успокой ты меня!

Мельник. Успокойся! Я, может быть, еще их и догоню. *(Садится на метлу верхом.)* А если и не догоню, — все-таки успокойся: твой сын дурак, а дуракам счастье. *(Улетает.)*

Карга уходит.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Зала во дворце царя Аггея.

ЛИЦА:

ЦАРЬ АГГЕЙ.
СТАРУХИН СЫН.
КАРГА.
БЛИЖНИЙ БОЯРИН.
УЧИТЕЛЬ ЦАРЕВИЧА.
ЦАРИЦЫН СЫН.
ДЕВКИН СЫН.
КОШКИН СЫН.
МЕЛЬНИК.
ВИТЯЗИ, ПРИДВОРНЫЕ, СЛУГИ.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Выходят с одной стороны: витязи, Ближний боярин, Царицын сын, Девкин сын, Кошкин сын, с другой — царь Аггей, Старухин сын, Карга, Учитель и придворные.

Ближний боярин. Премудрый царь Аггей! По твоему приказу, бирючи и глашатые по площадям и базарам три дня кликали храбрых витязей на твой широкий двор, выслушать твою волю царскую. Набралось богатырей могучих числа-сметы нет, и не столько их здесь, сколько круг двора стоит, и не столько в них похвальбы, сколько силы-удали, сколько охоты служить тебе, премудрый царь Аггей! *(Кланяется.)*

Царь Аггей.

Богатыри! Вы — чудо света,
Краса и честь земли моей!

Витязи.

Да здравствует на многи лета } *2 раза*
Великий, мудрый царь Аггей

Второй раз — все.

Царь Аггей. Дело, которое я хочу предложить вам, очень важно. Слушайте со всем вниманием и всячески остерегайтесь каким бы то ни было образом прервать нить моих мыслей.

Ближний боярин. Слушайте и остерегай...

Царь Аггей. А вот ты первый перебиваешь меня. Благодарю тебя, мой друг, за усердие; но если ты будешь повторять каждое мое слово, то мы никогда не кончим. Еще раз повторяю: слушайте внимательнее! Друзья мои, прежде я не верил ничему фантастическому. Вам это удивительно? Ну, так я вам скажу, что я и теперь не очень верю, но жизнь так пошла, жить так скучно, все вы, друзья мои, так глупы и надоели мне до такой степени, что никаких моих средств нет; поэтому я, для разнообразия, желал бы... то есть я не прочь...

Карга *(увидав Царицына сына, Кошкина сына и Девкина сына)*. Ах, это они!

Царь Аггей. Мамка царского сына и ключница отца его! О чем я сейчас просил, что я приказывал? Ты — старая женщина, или, лучше сказать, старая карга; я одно могу полагать,—что тебя укусил кто-нибудь,

иначе ты таким образом не осмелилась бы перебивать царя Аггея.

Карга. Премудрый царь Аггей, прости меня...

Царь Аггей. Довольно! Прощаю и приказываю тебе молчать. Продолжаю: для разнообразия я не прочь, чтобы иногда, хоть изредка, было у нас кой-что чудесное.

Ближний боярин. Мы будем стараться, премудрый царь Аггей!

Царь Аггей *(Карге и Дядьке)*. Он ужасно глуп! Ну, как он будет стараться делать чудеса? *(Ближнему боярину.)* Благодарю тебя, друг мой, за твою готовность делать чудеса, но позволь мне думать, что из твоего старания ничего не выйдет. Ну, какое чудо ты можешь сделать?

Ближний боярин. Конечно, премудрый царь Аггей, я никакого чуда не сделаю; но могу выписать для этого знаменитых профессоров белой магии.

Царь Аггей *(Карге и Дядьке)*. Еще глупее! *(Ближнему боярину.)* То есть фокусников на картах? Нет уж, покорно благодарю. Нынче гимназисты чище ваших профессоров делают фокусы. А что касается картежных игроков,—так те, наверное, обыгрывают и Боско и Германа. Вот, кстати, мой совет вам, мои придворные, и вам, витязи и богатыри: никогда не садитесь в большую игру, если не умеете передергивать. Да не о том речь. *(Боярину.)* Поди сюда поближе. *(Тихо.)* Сделай милость, не мешай мне, не перебивай меня. Ну, я тебя прошу! *(Громко.)* Слушайте внимательнее! Недавно я прочел в одной не заслуживающей никакого вероятия газете совершенно невероятное известие: царевна Миролика, знаменитая своими несравненными прелестями и приятностию разговора, похищена Кащеем Бессмертным из корыстных видов. Это ужасно!

Несколько голосов. Это ужасно!

Царь Аггей. Без восклицаний!.. Я понимаю: похитить девушку для себя — это извинительно и понятно. Но похитить красавицу с целью взять за нее большой выкуп,—продавать тому, кто больше даст,— это безнравственно!

Несколько голосов. Это безнравственно!

Царь Аггей. Молчать наконец! К этому Кащею со всего света съезжаются теперь принцы и королевичи

искать руки очаровательной Милолики; он только водит женихов за нос, берет с них взятки, обещает всем и никому не отдает царевну. Единственно из участия к несчастной жертве я желаю, чтобы кто-нибудь из вас, моих витязей, освободил ее от Кащея и доставил ко мне. Читал я еще в той же газете известие о Жар-птице и златогривом коне, но так как эти предметы не представляют ничего важного в политическом отношении, то если их достанут,—хорошо, а не достанут,—так и не надо: мне нужна царевна Милолика.

Карга. Премудрый царь Аггей! Угождать и служить тебе есть прямая обязанность твоего единственного сына.

Царь Аггей. Я так и думаю. Любезный сын мой Иван! Пойдешь ли ты освобождать царевну Милолику?

Старухин сын. Нет, не пойду. Вот еще! Очень нужно!

Царь Аггей. Я так и ожидал.

Учитель. Иван-царевич не так выразился, он не то хотел сказать; он хотел сказать, что пойдет с охотою.

Карга. Он сказал, не подумавши; он вот подумает и пойдет.

Царь Аггей. Ну, так думай, сын мой!

Карга *(Старухину сыну)*. Скажи, что пойдешь с охотою.

Старухин сын. Я пойду.

Учитель. Вот что значит подумать!

Старухин сын. Нет, я так пойду, не думавши.

Царь Аггей. И прекрасно.

Карга. Мы его будем сопровождать,—я и его достопочтенный учитель.

Царь Аггей. Благодарю вас, друзья мои; но я имею очень основательные причины предполагать, что из вашего путешествия ничего не выйдет путного. Потому желаю, чтоб мои витязи попробовали свои силы в борьбе с Кащеем Бессмертным. За освобождение царевны Милолики я предлагаю большую награду: я предлагаю полцарства моего. Руки Царевны я не обещаю: я — человек новых правил и предоставлю ей самой выбрать себе жениха.

Ближний боярин. Твои витязи сгорают от нетерпения показать тебе, премудрый царь Аггей, свое усердие.

Царь Аггей. Я так и думаю. С Кащеем надо или биться оружием, или торговаться на деньги: он — известный кулак и барышник и, вероятно, по происхождению — из цыган. Я жду от вас ответа, мои витязи. Вы так давно не упражнялись в богатырских делах; вам нужна практика. Вы все поженились, растолстели, завели фабрики, занялись торговлей, толкаетесь на бирже и совершенно забыли о богатырских подвигах...

Ближний боярин. Они пойдут, премудрый царь Аггей!

Царь Аггей. Я так и думаю. Богатыри, надо вам сказать, что вы не очень учтивы: вы заставляете меня ждать; впрочем, ради вашей необыкновенной силы и храбрости невежество вам можно простить. Что же вы мне ответите?

Ближний боярин. Они пойдут, премудрый царь Аггей!

Царь Аггей. Я так и думаю.

Богатыри. Мы не пойдем, премудрый царь Аггей!

Царь Аггей. Я так и ожидал.

Царицын сын. Я пойду, премудрый царь Аггей!

Царь Аггей. Ты пойдешь? А кто ты такой и откуда взялся? Какого ты происхождения и чем занимаешься?

Царицын сын. Хорошенько-то я и сам не знаю. Я прилетел сюда...

Царь Аггей. Что такое? Как — прилетел? Что ты врешь?

Царицын сын. На ковре-самолете...

Царь Аггей. Ну, так бы и говорил! Теперь это всякий поймет; это очень просто; я понимаю: сел и прилетел.

Царицын сын. Прежде чем откроется мое происхождение, я обязан совершить несколько подвигов. Я ищу себе занятия по способностям и хочу составить имя своими делами. Самое пламенное желание мое — служить тебе, премудрый царь Аггей, и исполнять твою волю.

Куплеты.

Царь Аггей. Прекрасно! Я принимаю тебя на службу и жалую витязем.

Мельник летит на метле.

Царь Аггей. Это еще что такое?

Карга. Это мой брат, Мельник; он летит за своими беглыми работниками.

Ближний боярин. Премудрый царь Аггей! Ты сам желал чудесного...

Царь Аггей. Что же тут чудесного, что Мельник летит по воздуху? Это очень естественно: все мельники — колдуны. Кроме того, в настоящее время в торгующем сословии воздухоплавание вошло в моду, что меня начинает серьезно беспокоить. Купцы торгуют и пируют на счет кредиторов, нисколько не жалея чужих денег.

Позабыв о ближнем,
И в Москве, и в Нижнем
Заведет гульбу.
А потом вдруг сразу,
Без паров, без газу
Вылетит в трубу.

Ну, что хорошего! *(Мельнику.)* Тебе что нужно?

Мельник. Премудрый царь Аггей! Мои беглые работники осмелились явиться к тебе...

Царь Аггей. Они теперь мои витязи, а не работники твои.

Мельник. Премудрый царь Аггей! Они известные обманщики... Они и работники-то плохие; где же им совершать геройские подвиги? Они бродяги, не помнящие родства...

Витязи.

Для поручений благородных
Не ставят податных людей;
Богатырей своих природных
Ты обижаешь, царь Аггей!

Карга. Премудрый царь Аггей! За всю мою службу я прошу у тебя только справедливости: вели связать обманщикам руки и посадить их в полицию, пока разберут, что они за люди.

Царь Аггей. Мельник, слушай. Я их сделал моими витязями и не могу изменить своего слова; но, в виде особой милости к сестре твоей, я позволю тебе взять их опять в работники, если они не совершат обещанных мне подвигов. Теперь ты можешь убираться. *(Иванам.)* Вы отправляйтесь к Бессмертному Кащею. *(Витязям.)* А вы... вы ступайте, куда хотите. Больше мне с вами разговаривать не о чем, да и ви-

деть вас не желаю. Если вы уж слишком растолстели для богатырских дел, так запишитесь лучше в гильдию.
Вам не по нраву служба эта,
Вам скучно жить без барышей!
(Уходит.)

Витязи.
Да здравствует на многие лета
Великий, мудрый царь Аггей!

Все уходят.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Дикая местность в лесу. Избушка на курьих ножках.

ЛИЦА:

ЦАРИЦЫН СЫН.

ДЕВКИН СЫН.

КОШКИН СЫН.

БАБА ЯГА.

КАРГА.

СТАРУХИН СЫН.

УЧИТЕЛЬ.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Царицын сын, Девкин сын и Кошкин сын прилетают на ковре-самолете.

Царицын сын. Довольно летать, пора завтракать!

Кошкин сын *(Девкину сыну)*. Мы пойдем поищем, нет ли тут поблизости чего-нибудь съестного; а ты береги ковер пуще глазу: если ты его потеряешь,— мы погибли.
Не хитра твоя работа,
Уберечь его легко;
Помни, что без самолета
Улетишь не далеко.
Без ковра мы как же сладим
Заграничный наш поход?
Мы как раки на мель сядем,
Как на Волге пароход!

Так смотри же береги ковер!

Девкин сын. А я вот не буду с него вставать, так он целее будет. Хоть весь лес кругом загорись, а уж я не встану... Вот что!

Царицын сын. Ну, и сиди.

Уходят.

Девкин сын. Однако мы залетели в глушь порядочную. Если они не скоро воротятся,— тут либо волки тебя съедят, либо сам умрешь с тоски... Вот что. Нет ничего хуже на свете, как дожидаться, особенно — когда голоден. *(Запевает.)* «Во лесах было, во дремучих...». Да, сиди вот тут один, во лесах во дремучих!.. *(Запевает.)* «Скучно, матушка, весною жить одной...». Натощак и песни же приходят в голову всё скучные! *(Осматривается. Увидав избушку на курьих ножках.)* Это что за хижина убогая? Кто тут живет, любопытно бы узнать? Некому другому и быть: либо лесник, либо леший, вот что. Как эта изба чудно́ выстроена: я сроду таких не видывал... На чем она держится? Надо поглядеть хорошенько, а то, пожалуй. такого чуда всю жизнь не увидишь. *(Встает с ковра и подходит к избушке.)* Батюшки мои! На курьих ножках! Тут не леший живет, а Баба Яга! Ай, ай, ай! Что она теперь со мной сделает? Съест живого! Да еще это милость будет, коли только съест; как бы чего хуже не было!.. Ай, ай, ай!.. Садиться на ковер-самолет да лететь куда глаза глядят... Вот что! *(Подходит к ковру, ковер улетает.)* Постой! Постой! Улетел! Что же мне делать? Ай, ай, ай! Пущусь во все лопатки! *(Бежит и встречается с Царицыным сыном и Кошкиным сыном.)*

Царицын сын. Куда ты?

Девкин сын. Вон она!

Царицын сын. Кто — она!

Девкин сын. Баба.

Царицын сын. Ну, так что ж, что баба? Мы теперь витязи на службе царя Аггея. Первое дело для богатыря не бояться баб.

Девкин сын. Да ведь какая баба-то? Баба бабе рознь: Баба Яга!

Кошкин сын. Ну, все равно: все-таки баба. А где ковер?

Девкин сын. Улетел.

Кошкин сын. Улетел? Что же ты с нами сделал? Как же нам быть в такой трущобе без ковра? Не то что лететь,— теперь и сесть не на чем!

Девкин сын. Вон избушка...

Кошкин сын. Какая избушка?

Девкин сын. На курьих ножках.

Служит приметой
Курья нога:
В хижине этой —
Баба Яга.

Кошкин сын.

Слушай, избушка,
Бабушкин дом!
Стань к лесу задом,
К нам передом!

Избушка повертывается.

Девкин сын. Так-то лучше. Нет ли тут чего съестного?

Царицын сын. Без спросу-то брать не годится.

Девкин сын. Спросить-то не у кого: никого в избе нет.

Царицын сын. Так посидим да подождем хозяина.

Садятся на крыльце избушки.

Девкин сын. Хорошо бы теперь кашки, вот что.

Царицын сын. Вот кушанье! Кабы жареной баранины!

Из избушки является скатерть, приборы, каша и жареная баранина.

Девкин сын. Ай, бабушка! Вот спасибо! Сытому все не так страшно, а то я боялся, что меня съедят голодного.

Шум.

Кошкин сын. Что за шум? Поди посмотри.

Девкин сын уходит. Скатерть и приборы исчезают, Девкин сын вбегает с криком и отмахивается руками; за ним — Баба Яга в ступе.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и Баба Яга.

Баба Яга.

В нашей сторонке
Прежде, бывало,
Русского духу
Слыхóм не слыхать,
Косточки русской
Видóм не видать.
А нынче дух русский
По волюшке ходит,
Воочию является,
В нос бросается.
Здравствуйте, молодцы!

Девкин сын. Здравствуй, бабушка!

Все трое кланяются.

Баба Яга. Сыто ли поели?

Девкин сын. Спасибо, бабушка!

Баба Яга. Дéла пытаете аль от дела лытаете?

Царицын сын. Дéла пытаем, бабушка: Кащея Бессмертного ищем.

Баба Яга. Что же вы даром время тратите?

Кошкин сын. Ковер-самолет потеряли.

Баба Яга. Жаль мне вас, а делать нечего! Или вы меня не узнали?

Девкин сын. Мы, бабушка, до нынешнего дня ни одной ведьмы не видывали. Вот что!

Царицын сын и Кошкин сын. Молчи ты!

Баба Яга. Я об вас забочусь, а вы сами себя не бережете.

Царицын сын. Ах, бабушка, уж не ты ли нам сказку рассказывала?

Кошкин сын. Да она и есть.

Девкин сын *(кланяясь в ноги)*. Прости меня, бабушка! Я один виноват.

Баба Яга. Ну, одна вина — не вина, только вперед будьте умнее. Вот вам клубок: он вас прямо доведет до Кащея Бессмертного. На сухом пути он вам — карета, на воде — корабль.

Кошкин сын. Так мы поедем!

Баба Яга. Погодите! Карга с сыном и с учителем неподалеку остановились отдыхать; я на них напустила

туман, они теперь бродят по лесу; мы над ними пошутим. Идите в избушку.

Царицын сын, Девкин сын и Кошкин сын входят в избу. Баба Яга уезжает за избу.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Избушка превращается в гостиницу. Над дверью: «Гостиница для проезжающих». Входят: Карга, Старухин сын и Учитель.

Учитель *(Карге)*. Ты говоришь о воспитании царевича; да о чем же я и забочусь, как не о воспитании? Для чего воспитывают человека? Для того, чтоб умел жить. А что значит — уметь жить? Уметь самому хорошо поесть и выпить, и других угостить. Вот про каких людей говорят, что они умеют жить.

Карга. Нет уж, какое же это воспитание, когда ты целый день ешь да пьешь, да и царевича тому же учишь?

Учитель.

Что такое воспитанье?
В самом слове — указанье,
Что вся сущность воспитанья
Заключается в питанье.

Науки юношей питают, я с этим не спорю; плоды учения сладки, я и с этим согласен; но все-таки это — плоды, фрукты, десерт, так сказать, а одним десертом сыт не будешь.

Знаю, сладок плод ученья;
Но нельзя ж без исключенья
Кушать пищу фруктовую,
Забывая про мясную.

Вот когда царевич поймет хороший ростбиф с трюфелями,— можно будет ему давать дальнейшее воспитание.

Старухин сын. Сам-то ты старый трюфель! Я давно лучше тебя все понимаю.

Карга. Все есть да есть; когда же наукам учиться?

Учитель. За хорошим обедом можно всем наукам выучиться. Особенно география преподается скоро и легко: швейцарский сыр — из Швейцарии, голландский — из Голландии, бри — из Бри, пармезан из Пармезании. История — да не то что история, а целые истории рассказываются после обеда, за

чашкой кофе, о разных лицах мужского и женского пола.

Карга. Знаю я, какие это истории!

Старухин сын. И я их все знаю.

Учитель. Математике легко выучиться по трактирным счетам... Вообще наука воспитания довольно легка, когда есть средства, но в дороге, — например, здесь, в этом лесу,— как и чем я стану воспитывать моего воспитанника?

Старухин сын. Ты не мели пустого, есть чем меня воспитывать: вот гостиница.

Учитель. Это другое дело! Примемся за воспитание. Эй, милый!

Входит Девкин сын.

Я хочу обедать.

Девкин сын. Это как вам угодно.

Учитель. Что у вас готовлено к обеду?

Девкин сын. Все, что вам угодно.

Учитель. Есть у вас рыба — стерляди, например; говядина, дичь?

Девкин сын. Всё есть.

Учитель. Ты накрой стол здесь и подай всего этого. Видишь ты, нас трое... так подай примерно на пятерых.

Девкин сын. Я так и подам: вас трое, да еще есть двое проезжающих; у нас общий стол и на пятерых готовлено.

Учитель. Нет, ты нам подай на пятерых, а те пускай голодают,— мне что за дело?

Старухин сын. Да вина подай.

Девкин сын. Какого прикажете?

Старухин сын. Когда говорят: «вина» — значит шампанского; вино — это шампанское; а то — мадера, херес, лафит... понимаешь?

Девкин сын уходит.

Учитель. Он совсем не так глуп, как о нем говорят.

Карга. Ну, для этого немного ума нужно.

Выносят стол, накрытый на пять приборов, и пять стульев.

Старухин сын. Отец, должно быть, с ума сошел на старости лет: посылает искать какую-то царевну Миролику; вероятно, эта Милолика бела, румяна

и толста, как русская купчиха. Эта Милолика годится какому-нибудь лавочнику, а не мне.

Учитель. Да и Кащей, говорят, очень скуп: ни стола хорошего, ни вина не держит.

Карга. А все-таки ты должен исполнить волю отца.

Выходят Царицын сын, Кошкин сын и Девкин сын, который ставит посередине стола кушанье и вино.

Учитель. Кушанье на столе: мы можем позабыть о будущем и наслаждаться настоящим.

Все садятся.

(Царицыну сыну и Кошкину сыну.) Это кушанье для нас; а вы можете глядеть, как мы будем кушать.

Кошкин сын. Кушайте на здоровье.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Зала во дворце Кащея.

ЛИЦА:

КАЩЕЙ.

ДВОРЕЦКИЙ КАЩЕЯ.

ЦАРЕВНА МИЛОЛИКА.

КАЛИН-ГИРЕЙ.

ЦАРЬ ДОДОН.

СТАРУХИН СЫН.

КАРГА.

УЧИТЕЛЬ.

МЕЛЬНИК.

ЦАРИЦЫН СЫН.

ДЕВКИН СЫН.

КОШКИН СЫН.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Дворецкий Кащея и слуги.

Слуги.

Мы Кащею служим честно:
Не легóк лакейский труд,

За труды же, вам известно,
Нам копейки не дают.
Трудовая жизнь лакея,
Не легóк лакейский труд,
За труды же у Кащея
Нам копейки не дают.
Мы обтерлись, оборвались,
Обносились так, что срам;
Вы б с Кащеем догадались,
Дали жалованье нам!
Мы как псы наголодались,
Отощали так, что срам;
Вы б с Кащеем догадались,
Дали жалованье нам!

Д в о р е ц к и й. Как глупо вы рассуждаете! Ловкие слуги ищут мест без жалованья, а вы жалованья просите. Где жалованья нет или очень мало — там служить выгоднее; там на слуг смотрят сквозь пальцы, и разные поборы, взятки им дозволяются и даже не очень значительное воровство. Сам Кащей составил себе состояние таким способом. К нам съезжается много королевичей, царевичей и разных принцев — умейте поживиться от них и их свиты. Поздравления с приездом, с отъездом, с праздником, если случится, с добрым утром, с приятным вечером, с хорошим аппетитом... ну, а где плохо лежит — так никто <не> виноват. Воруй, только не попадайся!

С л у г и.

Мы согласны за служенье
Ничего от вас не брать,
Только б вышло дозволенье
Нам на службе воровать!

Д в о р е ц к и й.

В воровстве нужна сноровка:
Чтоб себя не уронить,
Вы концы умейте ловко
И подальше хоронить.

А то вот один воровал, да и попался, ну, и нехорошо. Однако тише: Бессмертный выходит.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Входит К а щ е й. С л у г и уходят.

К а щ е й *(Дворецкому, таинственно)*. Я сегодня видел

страшный сон, ужасный сон: я видел, что у меня украли царевну Милолику! Украсть ее нельзя; но все-таки я решился усилить присмотр за ней; увеличить стражу, удвоить число замков и привязать на цепь еще несколько драконов.

Дворецкий. К чему эти старания, Бессмертный Кащей, когда сегодня ты должен расстаться с Царевной?

Кащей.

Мне расстаться с Миloликой,
Не держать ее в плену?
От потери столь великой
Я и ножки протяну!
Магометовского рая
Мне не надо за нее;
Нет, умру я, невзирая
На бессмертие мое!

Дворецкий. Но ты сам обещал отдать ее сегодня Калин-Гирею?

Кащей. Я обещал ее также и царю Додону. Видишь, в каком я затруднительном положении: во всяком случае я должен одного из них обмануть. Я много думал об этом сегодня ночью и решился обмануть их обоих.

Дворецкий. В таком случае ты должен будешь возвратить деньги, которые взял от них.

Кащей. Что поступает в сундуки Кащея, то назад не возвращается. Притом же, я тебе скажу по секрету, мне отдавать Царевну Додону или Гирею — не расчет: хоть я с них и много взял денег, но, может быть, явится принц, который даст больше. Кроме того, я знаю, что у Гирея есть златогривый конь, а у Додона — Жар-птица; может быть, я успею выманить у них эти две редкости.

Дворецкий. Но ты и принцу не отдашь?

Кащей. Не отдам.

Мне — расстаться с Милоликой?
Не держать ее в плену?
От потери столь великой
Я и ножки протяну!

Не приехал ли кто еще из королей или принцев?

Дворецкий. Приехал Иван-царевич; с ним большая свита, и живет он очень богато; по всему заметно, что это — настоящий принц, получивший отличное

воспитание: все приемы его величественны; он ничего сам не делает, ничего сам не говорит и ничего сам не думает; старый учитель учит его, что говорить, а старая нянька учит, что делать.

а щ е й *(потирая руки)*. Это очень хорошо. Я давно жду Ивана-царевича: от него мне будет пожива. Большая. Еще кто?

в о р е ц к и й. Еще трое неизвестного происхождения.

а щ е й. Неизвестного? Это нехорошо.

в о р е ц к и й. Один, должно быть, принц, а те двое — его служители. Все отлично одеты, платят деньги щедро.

а щ е й. Нехорошо, нехорошо.

в о р е ц к и й. Принц красив собой, очень умен и ловок.

а щ е й. Еще хуже.

в о р е ц к и й. Отчего же, Бессмертный Кащей?

а щ е й. Я думаю, что они мошенники. Нынче эта наука доведена до тонкости. Самые лютые мошенники всегда прикидываются важными господами.

Знай: мошенник бедный
Стянет грошик медный,
Да и след простыл,
А мошенник с тоном,
Глядь — за миллионом
Лапу запустил!

Наблюдай за ними хорошенько; а главное, не фальшивые ли у них деньги.

в о р е ц к и й. Приезжие принцы желают сегодня видеть царевну Милолику.

а щ е й. Скажи, чтоб царевну Милолику приготовили к смотру и поставили под балдахин. Вели отпереть ворота и двери и скажи служителям, чтобы никого не пускали даром,— у ворот и у каждой двери поставь по двое с мешками и прикажи брать двойную плату за вход.

Д в о р е ц к и й уходит.

По случаю большого съезда я решился удвоить пошлину за любопытство.

Входит К а л и п - Г и р е й со с в и т о й. За ним несут ковер, подушку и кальян.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Кащей, Калин-Гирей и свита.

Калин-Гирей (*садясь на ковер*). Пожалуйста, садись.

Кащей садится.

Какой нынче день?

Кащей. Я знаю.

Калин-Гирей. Пожалуйста, давай расчет.

Кащей. Погоди.

Калин-Гирей. Чего годить? Давай расчет, давай девку Милолику, пора в Крым ходить.

Кащей. У тебя в Крыму и без нее жен много.

Калин-Гирей. Тебе что за дело? Я не простой татарин, я Гирей: я могу еще больше.

⟨Куплеты.⟩

Пожалуйста, давай расчет.

Кащей. Вот видишь ты, Калин-Гирей: мне не расчет отдавать тебе царевну Милолику.

Калин-Гирей. Как не расчет? Ты слово дал?

Кащей. Дал. Но я также дал слово и царю Додону, и, кроме того, приехали и другие принцы, которые, может быть, дадут за нее больше.

Калин-Гирей. Зачем слово дал? Слово дал, держи слово. Сделай так у меня татарин в Крыму, я ему велю голову рубить совсем прочь. Хо, хо, хо! Слово дал, слово не держишь. Кто так делает?

Кащей. Калин-Гирей, ты пойми: мне могут дать за нее дороже.

Калин-Гирей. Да, я понимаю... Кащей, душа моя, ты плут.

Кащей. А если мне будут давать за нее дороже, — что ж, мне удавиться, что ли, от тоски?

Калин-Гирей. Кто так делает? Скажи, пожалуй, кто так делает? О, хо, хо! Я видел девку, мне девка понравил, я спрашивал, что стоит девка, ты сказал, я деньги давал, — а ты девку не даешь! Хорош человек, хорош Кащей! Какой ты человек, какой ты Кащей!

Входит царь Додон со свитой магов. Кащей подходит к нему.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Кащей, Калин-Гирей, Додон и их свиты.

Калин-Гирей *(свите)*. Ах, как он меня обидел! Как он меня обидел! Ох, какой он, Кащей, обманщик! Его надо резать так мелко-мелко, как пильмень!

Додон. Кащей! Назначенный день настал!

Кащей. Царь Додон! Ты человек старый, человек ученый,— для чего тебе царевна Милолика?

Додон. Разумеется, я ни по своим летам, ни по своим занятиям жениться на Милолике не могу; но я — известный естествоиспытатель, у меня знаменитый кабинет редкостей, в котором все чудеса природы; Милолика, по своей красоте, принадлежит к самым редким явлениям естественного мира и потому должна поступить в мою коллекцию.

Кащей. Царь Додон, мои намерения теперь несколько изменились.

Додон. Я так и ожидал.

Всю ночь я теченье светил наблюдал,
Своей озабочен судьбою,
И ясно из хода планет увидал,
Что буду обманут тобою.
Особенно редким стеченьем планет
Начертано в звездном эфире,
Что плута, Кащею подобного, нет,
Что первый мошенник ты в мире!

Входят: Карга, Старухин сын, Учитель, Мельник и Дворецкий.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

⟨Те же.⟩

Карга. Здравствуй, Кащей... как по батюшке, позволь тебя спросить?

Кащей. Мой отец был такой же Кащей, как и я.

Карга. Так вот что, Кащей Кащеич: нам бы теперь невесту посмотреть, да и за сватовство приняться. За деньгами мы не постоим. Только я слышала, что ты скупой человек, алчный; так уж ты. Кащей Кащеич, пожалуйста, с нами будь на чести, без прижимки, лишнего не бери, чтобы мы и вперед были знакомы.

С т а р у х и н с ы н. Эй ты, старый хрен, показывай свою Милолику, да говори скорей, что стоит,— я с вашим братом никогда не торгуюсь.

К а щ е й *(Дворецкому)*. Какие прекрасные манеры! Сейчас видно, что человек хорошего происхождения и с большими средствами. Как приятно с такими людьми иметь дело! *(С поклоном.)* Дорогой мой царевич, я весь к твоим услугам.

У ч и т е л ь *(Карге)*. Кажется, мы будем смотреть царевну Милолику натощак: я боюсь, что Кащей, по своей скупости, позабудет предложить нам хороший завтрак, приличный такому блестящему обществу.

К а р г а. Ну, а как же насчет приданого, Кащей Кащеич? Деньги мы тебе за невесту отдадим, а приданое уж твое дело, да чтоб было хорошее!

К а щ е й. Я не дам никакого приданого, ни хорошего, ни дурного.

К а р г а. Нет, уж это ты как хочешь. Без этого нельзя. Нам будет стыдно: скажут, что мы взяли невесту ни с чем. Ты нам напиши все, что даешь за ней, а мы посмотрим да поторгуемся; хоть и побранимся, может быть,— так что ж за беда? Брань на вороту не виснет, это уж всегда так бывает, ни одной хорошей свадьбы без брани не обходится.

К а щ е й *(Дворецкому)*. Готово ли?

Д в о р е ц к и й. Все готово.

К а щ е й. Откройте занавес.

Входят: Ц а р и ц ы н с ы н, Д е в к и н с ы н и К о ш к и н с ы н. Слуги открывают занавес: под балдахином ц а р е в н а М и л о л и к а, подле нее д е в к а Ч е р н а в к а, кругом п р и с л у ж н и ц ы.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

⟨Т е ж е.⟩

В с е. Какая красота!

Все в удивлении.

Ц а р и ц ы н с ы н. Ах! Она моя. Судьба моя решена. За нее я пойду на тысячу смертей. Никакие колдуны, никакие волшебники мне не страшны.

Царевна Милолика *(девке Чернавке)*. Ах! Судьба моя решена. Кто этот прекрасный принц? Я ни за кого не пойду, кроме его.

Девкин сын *(Кошкину сыну)*. Ах, и я влюблен в служанку. И я готов умереть за нее, вот что.

Девка Чернавка *(Царевне Милолике)*. Ах, и я влюбилась как кошка в его слугу.

Калин-Гирей *(вскочив с ковра)*. Ай, ай, ай! Милая моя! Милая царевна моя! Поди, поди, поди сюда!

Свита его удерживает. Все поражены красотой Милолики.
⟨Иван-царевич и Милолика.⟩
⟨Поют вместе:⟩

Прелестные очи,
В них неба эфир,
Mi manca la voce
Mi sento morir! [1]

Девкин сын.

Служанкины очи
Лазури ясней,
Когда б покороче
Мне сблизиться с ней!

Кащей.

Прелестные очи
Лазури ясней,
Ты с ними короче
Торгуйся, Кащей!

Калин-Гирей.

Прелестные очи,
Вы радостней дня,
Терпеть мне нет мочи,
Держите меня!

Калин-Гирей *(татарская мелодия)*.

Мила моя,
Люблю тебя,
Люби меня,
Как я тебя!
Поди со мной
В Бахчисарай,
Мы там с тобой
Увидим рай!

---

[1] Мне не хватает голоса,
Я чувствую, что умираю!

Ты будешь кушать шашлик, фисташки, халва, рахат-лукум; я тебе куплю атласные шаровары и сафьяновые башмаки. Поди, поди ко мне!

Его удерживают. По знаку Кащея занавес закрывают.

К а щ е й *(Калин-Гирею).* Я вижу, что тебе Царевна нравится. Хочешь, чтобы она была твоя?

К а л и н-Г и р е й. Как не хотеть. Если бы не хотел, я бы к тебе не ходил. Она моя: ты просил деньги, я тебе давал деньги.

К а щ е й. Ну, так если хочешь, чтобы она была твоя, отдай мне своего златогривого коня и достань у царя Додона Жар-птицу.

К а л и н-Г и р е й. Кто тебе поверит, ты раз обманул и другой обманешь. Ах, какой человек! Какой конь! Какая птица! Ты просил деньги, я деньги давал... Я пойду домой, возьму ногайских татар десять тысяч, двадцать тысяч, пятьдесят тысяч. Ногайский татарин сядет на ногайского коня, возьмет в руки ногайскую плеть. Когда хороший человек — плеть не надо; ты обманщик, тебе надо плеть. Тридцать тысяч татар, тридцать тысяч плетей. Вот тебе! *(Уходит.)*

К а щ е й *(Додону).* Додон-царь, если ты хочешь, чтобы царевна Милолика была твоя, отдай мне за нее Жар-птицу и достань у Калин-Гирея златогривого коня.

Д о д о н *(торжественно).* Ты меня уж больше не обманешь! Довольно ты набрал с нас денег, довольно посмеялся над царями и магами! Звезды мне сказали судьбу твою. Час твой близок. Придет за нас отмститель, он найдет смерть твою, и этот отмститель — вот он! *(Указывает на Царицына сына.)*

К а щ е й *(в ужасе).* Этот принц?

К а р г а. Это не принц, он работник с мельницы.

У ч и т е л ь. Это великие колдуны.

К а щ е й *(слугам.)* Связать их и запереть в самой глубокой тюрьме.

С т а р у х и н с ы н. Погоди ты, филин старый. Для того, чтоб царевна Милолика, в которую я влюблен с нынешнего дня, знала, кто из нас царевич, а кто работник, я обрублю ему уши. *(Вынимает саблю.)*

К о ш к и н с ы н. Для того, чтобы царевна Милолика

знала, кто из вас умен, а кто глуп, у тебя вырастут ослиные уши.

У Старухина сына вырастают ослиные уши.

К а щ е й *(слугам)*. Берите их.

Слуги бросаются на ⟨Царицына сына и Кошкина сына⟩ и превращаются в разных животных. Все разбегаются.

КАРТИНА ПЯТАЯ

Сад Кащея. Терем царевны Милолики.

ЛИЦА:

ЦАРИЦЫН СЫН.

ДЕВКИН СЫН.

КОШКИН СЫН.

ЦАРЕВНА МИЛОЛИКА.

ДЕВКА ЧЕРНАВКА.

КАЩЕЙ.

СТРАЖА.

ДРАКОНЫ.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Входят: Ц а р и ц ы н с ы н, К о ш к и н с ы н и Д е в к и н с ы н, ⟨который⟩ машет платком. С т р а ж а и д р а к о н ы зевают и потом засыпают.

К о ш к и н с ы н. Старухин платок действует. Страшные драконы заснули. Этот платок дорогая вещь для нашего брата. Иной ревнивый муж страшнее драконов; с таким платком он зазевает, раззевается и прозевает. Берите своих любезных и вылетайте из сада проворней. Я буду вас ждать с лошадьми. Помни одно, Иван-царевич, не целовать царевну Милолику, пока не освободишь ее от Кащея, а то беда; тогда от Кащея не уйдешь, или всех, или кого-нибудь из нас он поймает.

Ц а р и ц ы н с ы н. Ты не бойся, еще до поцелуя далеко; я боюсь, что она на меня и не взглянет.

К о ш к и н с ы н уходит.

(Поет.)
Счастье велико
Мне судьба обещает,

О Милолика, ты достанешься мне!
Счастье велико
Меня здесь ожидает,
О Милолика,
Появись предо мной!

Девкин сын. Вот страсти, так страсти!

Царицын сын. Кажется, кто-то идет. Спрячемся за куст.

Девкин сын прячется за куст, задевает дракона, тот зевает.

Девкин сын. Ай! Разбудили, попались!

Дракон зевает, засыпая.

Ну, ничего, спи, спи, я тебе не мешаю.

Из терема выходят: царевна Милолика и девка Чернавка.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Царицын сын, Девкин сын, царевна Милолика и девка Чернавка.

Царевна Милолика. С нынешнего утра жизнь для меня несносна; пока я не видала его, я терпеливо переносила все страдания; я готова была выйти за первого жениха, только бы избавиться от Кащея; а теперь или он, или смерть. Где он? Что он делает?

Девка Чернавка. Прекрасная Царевна, они уехали.

Царевна Милолика. Кто они?

Девка Чернавка. Твой Царевич и его слуга — красавец писаный. Кащей хотел их связать и запереть в пустой подвал.

Царевна Милолика. Это ужасно! Нет ли у тебя чего-нибудь острого, я лишу себя жизни.

Девкин сын. Погоди, мы здесь.

Царицын сын. Тише!

Девкин сын. А ну, как они заколятся.

Царицын сын. Чем? У нее, кроме булавок, нет ничего.

Царевна Милолика. Чернавка, я слышу разговор!

Девка Чернавка. Кто может войти сюда, кроме Кащея? Бессменная стража и страшные драконы стерегут наш терем и сад.

Царевна Милолика. Посмотри, Чернавка: стража спит, драконы дремлют! Ах, какое счастье! Бежим, бежим, милая Чернавка.

Девка Чернавка. Куда бежать? Нас мигом догонят и запрут хуже прежнего.

Царевна Милолика. Но кто же усыпил наших драконов? Кто отпер нашу мрачную тюрьму?

Девка Чернавка. Не они ли? Ах, если б это были они! Прекрасная Царевна, что бы ты сделала, если бы Царевич и его слуга вдруг явились перед нами?

Царевна Милолика. Не знаю, что ты, а я бы прямо кинулась на шею к моему избавителю, нисколько не думая, что это неприлично.

Девка Чернавка. И я тоже. До того ли нам теперь, прекрасная Царевна, чтобы думать о приличии? Нам бы только ухватиться за них покрепче, да и бежать куда глаза глядят.

Девкин сын. Ну как не полюбить такую девушку! Как она умно рассуждает! Мы здесь, прекрасная царевна Милолика!

Царицын сын и Девкин сын выходят из кустов.

Царевна Милолика. Ах, это они! Ах, ах! *(Хочет уйти.)*
Ах, как глупо откровенно
Вслух о милом рассуждать.

Царицын сын.
Несравненная Царевна,
Стыдно слова не держать.

Царевна Милолика.
Неужли ты сдержишь слово,
Не сгоришь ты от стыда?

Девка Чернавка.
Ах, Царевна, я готова
Исполнять его всегда.
(Обнимает Девкина сына.)

Девкин сын.
Пусть же будет им завидно,
Ты меня не обмани.

Царевна Милолика.
Ах, как стыдно, ах, как стыдно!
Ах, что делают они!

Девка Чернавка и Девкин сын.
Пусть же будет им завидно
На любовь мою глядеть!

Царевна Милолика.
Ах, как стыдно, ах, как стыдно,
Не могу на них глядеть!

Царицын сын.
Ах, и вправду мне завидно,
Не могу я утерпеть!

Шум, стража и драконы просыпаются. Являются: Кошкин сын, потом Кащей.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же, Кошкин сын и Кащей.

Кошкин сын. Что вы наделали!
Стража. Воры, воры!

Входит Кащей.

Кащей. Вот вы и попались! У меня суд короткий. Сколько вору ни воровать, а кнута не миновать. До сих пор чужая нога не бывала в моем заповедном саду; вы прокрались сюда или волшебством, или хитростью; чтобы другим было неповадно, наказание будет примерное. Я вас запру в такую темницу, откуда вы не выберетесь всю жизнь!

По знаку Кащея открывается гора.

Кошкин сын. Кащей Бессмертный! Какая тебе польза запирать нас? Ты видишь, какие мы ловкие люди. Мы можем сослужить тебе большую службу, если будем все здесь; мы можем достать, то есть украсть для тебя Жар-птицу и золотогривого коня. Ты их продашь с большим барышом, потому что они достанутся тебе совсем даром.

Кащей. Жар-птицу и златогривого коня? Это хорошо. Но кто мне поручится за вас, что вы не обманете? Вы обманщики, и вам верить нельзя. Я отпущу твоих товарищей, а тебя оставлю в закладе. Освободите их!

Кошкин сын. Бегите скорее, я вас догоню.

Царицын сын и Девкин сын убегают.

Кащей. Ты будешь сидеть в этой яме всю жизнь, если

они меня обманут, разве уж за тебя дадут очень большой выкуп. Наденьте на него цепи и посадите в тюрьму.

Кошкина сына запирают в тюрьму, гора заваливает дверь. Все уходят.

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Комната в тереме <Царевны> Миролики. Большое окно с занавеской.

ЛИЦА:

ЦАРЕВНА МИЛОЛИКА.

ДЕВКА ЧЕРНАВКА.

КАЩЕЙ.

КОШКИН СЫН.

МЕЛЬНИК.

СЛУГИ КАЩЕЯ.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Царевна Милолика и девка Чернавка (плачут).

Царевна Милолика. Ах, Чернавка, мы были счастливы один миг.

Девка Чернавка. Да, один миг, да и то не совсем.

Царевна Милолика. Кому мы теперь достанемся?

Девка Чернавка. Я думаю, Калин-Гирею.

Царевна Милолика. Это ужасно! Он татарин, он такой бешеный, у него тысяча злых жен, и, по-твоему, разве приятно поступить под команду евнуха?

Девка Чернавка. Ты будешь сидеть в Бахчисарае, в саду, у фонтана.

Царевна Милолика. Это хорошо только в стихах, а на деле в саду у фонтана жены целый день бранятся и дерутся туфлями.

Девка Чернавка. Может быть, ты достанешься царю Додону?

Царевна Милолика. Это еще хуже. У Калина я буду женой, а Додон будет только любоваться на меня, как на редкость; я не хочу быть редкостью, я хочу быть обыкновенной женщиной.

Входит Кошкин сын.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

(Царевна Милолика, девка Чернавка. Кошкин сын.)

Царевна Милолика. Как ты выбрался из тюрьмы и попал сюда?

Кошкин сын. Прекрасная царевна, благодаря Бабе Яге у меня есть ключ, который отпирает все замки.

Царевна Милолика. Зачем же ты остаешься здесь? Беги к Ивану-царевичу.

Кошкин сын. Прекрасная Царевна, я должен поговорить с тобой наедине.

Царевна Милолика. Моя скромность, которая у меня врожденная и которой я отличаюсь с малолетства, запрещает мне оставаться наедине с мужчиной... А впрочем... Чернавка, поди отсюда.

Девка Чернавка уходит.

Кошкин сын. Несравненная царевна Милолика, если ты любишь Ивана-царевича и желаешь освободиться от Кащея Бессмертного, помоги нам узнать, где смерть его. Он только оттого и бессмертен, что не знают, где его смерть.

Царевна Милолика. Чем же я могу помочь вам?

Кошкин сын. Для этого нужна хитрость с твоей стороны.

Царевна Милолика. Я не умею хитрить.

Кошкин сын. Небольшая хитрость: только притворись, что ты влюблена в Кащея.

Царевна Милолика. Ах, нет, я не умею, не умею.

Кошкин сын. Это так нетрудно; только притворись, его еще никто не любил, он так будет рад, что выскажет тебе все свои тайны, он скажет тебе, где спрятана его смерть.

Царевна Милолика. Ах, я не могу, я не знаю, как притворяться.

Кошкин сын. Решайся скорей, Царевна. Побег мой замечен, меня ищут. Мой враг, Мельник, приехал к Кащею и предлагает за меня большой выкуп.

Царевна Милолика. Спрячься куда-нибудь, но хитрить я не могу.

Кошкин сын. Царевна, когда меня станут искать у тебя, ты зажми у себя на руке кольцо.— я благодаря моей матери могу принимать разные виды; Мельник подумает, что я превратился в кольцо, и станет покупать его у тебя; когда он купит — ты брось его на пол.

Идет Кащей.

Царевна Милолика. Спрячься за занавес!

Кошкин сын прячется за занавес.

А притворяться я все-таки не умею.

Входит Кащей.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Царевна Милолика, Кошкин сын и Кащей.

Царевна Милолика. Добро пожаловать.

Кащей. Здесь русским духом пахнет.

Царевна Милолика. Мы русского духу слыхом не слыхали; это ты летаешь по крещеным землям да и к нам русского духу заносишь.

Кащей. Правду ли ты говоришь?

Царевна Милолика. Разве ты не знаешь, что я несчастная девушка, мне никак нельзя солгать, у меня это сейчас заметно. Я как только солгу, так и покраснею. Вот выйду замуж, может быть, и краснеть перестану. Ты устал, Бессмертный Кащей, отдохни, успокойся!

Кащей. Мне некогда отдыхать; у меня теперь очень важное дело. Один мусульманский государь делает у меня большой заем и предоставляет мне выручить эту сумму втрое у его христианских подданных.

Царевна Милолика. Ах, как мне тебя жаль, бедненький Кащей! Я слыхала, что нет ничего трудней на свете, как вымучивать деньги у людей, у которых нет ни копейки. Сколько тебе, бедному, будет хлопот! Я и так вижу тебя очень редко, а теперь буду видеть еще реже! Как ты жесток к своей пленнице!

Кащей. Милолика! Что это за речи! Я их прежде не слыхал от тебя.

Царевна Миролика. Ах, Кащей Бессмертный! Где же тебе замечать мои речи, мои чувства; ты летаешь по всему свету, видишь красавиц не чета бедной Милолике.

Кащей. Царевна Милолика, я летаю по всей земле, но красавицы, подобной тебе, не видывал.

Царевна Милолика. Нет, Кащей Бессмертный, ты знаешь девушку красивее меня.

Кащей. Царевна Милолика...

Царевна Милолика. Женское сердце чутко.

Кащей. Клянусь тебе.

Царевна Милолика. Не клянись, иначе ты бы...

Кащей. Милолика!

Царевна Милолика. Ты бы...

Кащей. О, говори, говори...

Царевна Милолика. Ты бы заметил любовь мою.

Кащей. Что я слышу! Верить ли мне ушам своим!

Царевна Милолика. Чему же ты так удивляешься?

Кащей. Как же мне не удивляться? Я люблю тебя давно, люблю тебя больше,— нет, не больше, а почти так же, как золото. И я... я, Кащей Бессмертный, не смел намекнуть тебе о моей любви... мои уста немели... и вдруг я слышу...

Царевна Милолика. Ты не знаешь цены себе. Каждая девушка должна гордиться твоей любовью. Нынче мода на красоту прошла ... ты... ты бессмертен.

Кащей. Ах, Милолика, я бессмертен, но только до тех пор, пока не найдут смерть мою.

Царевна Милолика. Ах, ты меня убиваешь! Не лишай меня последней надежды, скажи мне,— кроме тебя, никто не знает, где твоя смерть?

Кащей. Конечно.

Царевна Милолика. И ты никому не скажешь?

Кащей. Никому.

Царевна Милолика. Ах, я боюсь, что ты проговоришься. Ах, Кащей Бессмертный, ради меня, береги эту тайну, не говори даже и мне, как бы я ни просила.

Кащей. Отчего же не сказать тебе; я знаю, что ты меня любишь.

Царевна Милолика *(в сторону: «Он меня*

испытывает»). Нет, нет, не говори! Я не стану, я не хочу слушать.

Кащей *(показывая кольцо)*. Так знай же: моя смерть в этом кольце.

Царевна Миллолика *(отнимая кольцо)*. Дай, дай его мне! Я его вложу в медальон и сохраню на своей груди; никто не коснется до него до самой моей смерти. *(Вкладывает кольцо в медальон.)*

Кащей. Прекрасная Миллолика, теперь я вижу любовь твою, но ты напрасно хлопочешь; я обманул тебя. Отдай мне кольцо.

Царевна Миллолика. Нет, я его тебе не отдам, пусть оно напоминает мне тебя в твоем отсутствии. Не будем говорить о смерти, это очень грустно; мне бы хотелось развлечь тебя чем-нибудь веселым. Хочешь, я спою тебе песню или скажу сказку.

Кащей. Прекрасная Миллолика, самые страшные, самые занимательные сказки рассказывают про меня. Какую же ты мне расскажешь?

Царевна Миллолика. За тридевять земель, в тридесятом царства, за морем, за океаном...

Кащей *(грозно)*. Замолчи!

Царевна Миллолика. Ах!

Кащей. Я не люблю этого начала.

Царевна Миллолика. Виновата, Кащей Бессмертный. Я не знала, что ты не любишь, я никогда больше не скажу, я выкину из головы, забуду эти слова. Как бы мне хотелось знать, что ты не любишь, чтобы не напоминать тебе никогда про то! Какое ты дерево не любишь?

Кащей. Дуб.

Царевна Миллолика. Как же ты не любишь дуб, какие же у тебя сундуки?

Кащей. Я не люблю сундуков; я слышать не могу этого слова; у меня золото в подвалах, насыпано в мешки.

Царевна Миллолика. Я теперь знаю, ты никогда от меня этого слова не услышишь. Ах, милый Кащей, каких зверей или птиц ты не любишь?

Кащей. Утку, только утку, больше ничего.

Царевна Миллолика. Нет ли кушанья, сколько-нибудь неприятного для тебя?

Кащей. Яичница.

Царевна Миллолика. Милый мой Кащей, ты не

только не услышишь от меня об этих вещах, но я постараюсь, чтобы тебе ничто их не напоминало даже.

Кащей. Прекрасная Милолика, много говорить мне некогда; я тебя люблю, ты меня любишь; когда же ты будешь моею женою?

Царевна Милолика. Ровно через десять дней.

Кащей. Кольцо?

Царевна Милолика. Ты его получишь вместе со мною через десять дней.

Кащей. Прощай, красавица. Я каждый день буду навещать тебя.

Царевна Милолика. Прощай, Кащей Бессмертный! Я каждый день буду ожидать тебя с нетерпением.

Кащей улетает.

Выходи! *(Подает кольцо.)* Вот твое кольцо.

Кошкин сын. Благодарю тебя, Царевна, с этим кольцом ты возвращаешь нам жизнь. Жаль только, что нам не удалось узнать, где смерть Кащея.

Царевна Милолика. Ну, я думала, что ты умнее. Чего Кащей не любит, чего он боится? Он не любит начала сказки, не любит дуба, не любит сундуки, не любит утку и яичницу. Значит, за тридевять земель, в тридесятом царстве, за морем, за океаном стоит дуб, на дубу сундук, в сундуке утка, в утке яйцо, в яйце смерть Кащея.

Кошкин сын. Ах, я осел! И я еще вздумал учить тебя, как притворяться!

Царевна Милолика. Теперь кольцо у вас, вы свободны. Кащей не имеет над вами никакой власти. Иван-царевич может ехать куда ему угодно, может найти другую царевну, жениться на ней, я ему помешать не могу; но ты скажи ему, что если через десять дней вы сюда не воротитесь и не приведете златогривого коня, Жар-птицу и еще кой-что, я выйду замуж за Кащея Бессмертного. Прощай. *(Уходит.)*

Кошкин сын. Прощай, прекрасная Царевна. Через десять дней ты увидишь Ивана-царевича. *(Убегает.)*

⟨КАРТИНА СЕДЬМАЯ⟩

Дворик Калин-Гирея.

ЛИЦА:

ЦАРИЦЫН СЫН.

КОШКИН СЫН.

БАБАДУР.

ЮСУФ.

КАЛИН-ГИРЕЙ.

ТАТАРЫ

⟨ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ⟩

⟨Царицын сын, Кошкин сын.⟩

Царицын сын. Кажется, что нам златогривый конь дешево достанется.

Кошкин сын. С этим народом хитрости немного нужно. Судя по тому, что мы прошли в заповедный сад Гирея, не встретив ни одного человека из стражи, можно пройти не только в конюшню, но и в самую спальню Гирея. Гирей теперь в отсутствии, и весь двор гуляет напропалую.

Царицын сын. Я никак не мог понять, зачем ты покупаешь такую пропасть чихирю.

Кошкин сын. Теперь ты понимаешь. Покупать дорогие вина для этих ⟨...⟩ не стоит. Я купил на Волге целую барку чихиря, московский лавочник наделал мне из него лафиту, рейнвейну, бургонского, шампанского, наклеил золоченые ярлыки, заколотил пробки — и готово.

Он им придал разные букеты,
Наклеил на счастие этикеты,
И над смесью вроде купоросу
Он поставил цены без запросу.
И божился все за цену ту же,
Что вино из-за границы хуже;
И оно, чем надо, тем и пахнет,
Что знаток попробует и ахнет.

Ну, а потом уж дело просто,— я погрузил вино на корабль, бурей выкинуло его к самым воротам дворца Калин-Гирея, и весь груз достался придвор-

ным служителям. Так случилось,— так и должно было случиться. Вот уже третий день во дворце идет пьянство, шум, гам и ужасный беспорядок. Два конюха бежали и увели двух жен из гарема Калин-Гирея.

Царицын сын. Что же нам теперь нужно делать?

Кошкин сын. Нам нужно определиться в конюхи на место бежавших и сегодня вечером, когда все сопьются окончательно, увести золотогривого коня.

Царицын сын. А Миловида, Милолика?

Кошкин сын. Не отчаивайся! Верь в могущество нашего талисмана! Пока у нас это кольцо, Милолика не попадет в чужие руки. Если она у Калин-Гирея, мы ее увезем так же, как и златогривого коня, а если она у Кащея, нам нужно торопиться достать Жар-птицу и Кащееву смерть, — тогда она наша. Кто-то идет. Это Бабадур Калга, то есть главный визирь Гирея; скроемся теперь, а потом представимся ему и попросим определить нас в конюхи.

Уходят.
Выходят из дворца Бабадур и Юсуф, евнух.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Бабадур и евнух.

Бабадур. Ах, Юсуф, у меня болит голова.

Юсуф. А у меня болит сердце, Бабадур.

Бабадур. Ай, вай! Я знаю, чем лечить мою голову, я ее вылечу, и она опять заболит, и я опять ее вылечу, а чем лечить твое сердце, я не знаю.

Юсуф. Да я думаю, тем же. Хвала аллаху! Корабль гяуров разбился, и лекарства, которые они везли неверным собакам, досталися на пользу ‹и› утешение правоверным.

Бабадур. Да, Юсуф, мы с тобой очень нуждаемся в утешении; над нашими бритыми головами висит беда, вот и мне вторую ночь снится веревка.

Юсуф. И мне тоже.

Бабадур. И шея чешется.

Юсуф. И у меня тоже.

Бабадур. А это недобрый знак для нас с тобой. У меня убежали два лучших конюха и увели у тебя из-под носу двух любимых невольниц султана.

Ю с у ф. Вай, вай! Наше дело никуда не годится. Приедет Калин-Гирей, и нас с тобой повесят так скоро, что не успеем и глазом моргнуть.

Б а б а д у р. <Нет бога, кроме аллаха,> и Магомет пророк его. Чему быть, тому не миновать. Положимся, душа моя Юсуф, как настоящие мусульмане, на власть аллаха. Одно будет жаль — если нас с тобой повесят прежде, чем мы успеем выпить этот напиток неверных.

Ю с у ф. Надо торопиться.

Б а б а д у р. Надо торопиться, душа моя Юсуф! Что ты шаришь в своих карманах?

Ю с у ф. Я на всякий случай ношу с собой напиток, который я называю «утешение в скорбях», а как называют этот напиток франки, я разобрать не умею; вероятно, так же, если они не пошлые дураки.

Б а б а д у р. Покажи-ко! Я прежде был переводчиком, так немного разумею язык франков. *(Берет бутылку.)* Шато-Лафит, Дюфур де Бер, Бордо.

Ю с у ф. Какое длинное название для объяснения такой простой вещи!

Б а б а д у р. Нет, это не утешение в скорбях! Это разве только развлечение в скуке. Вот настоящее утешение в скорбях. *(Вынимает бутылку.)*

Ю с у ф. А как это по-франкски называется?

Б а б а д у р. Коньяк, самый старый.

Ю с у ф. Это проще и несколько понятнее. Так мы отставим в сторону развлечение в скуке и примемся прямо за утешение в скорбях.

Б а б а д у р. Примемся.

Пьют.

Что ты скажешь, Юсуф?

Ю с у ф. Этот напиток истинно бальзам души. Я чувствую, как утешение проникает в каждую мою жилу.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

⟨Т е ж е и т а т а р и н.⟩

Т а т а р и н. Франки, которых корабль потерпел крушение, просят позволения коснуться праха ног вашей высокостепенности.

Б а б а д у р. Вот какова наша жизнь, какова наша служ-

ба, Юсуф. Минуты нет покойной. Со всякими пустяками лезут к визирю. Только что займешься каким-нибудь важным делом, вдруг тебя...

Юсуф. Они, должно быть, пришли требовать деньги за свой товар.

Бабадур. А вот ты увидишь, посмеют ли они рот разинуть о деньгах. *(Татарину.)* Веди сюда франков.

Татарин уходит и потом возвращается с Царицыным сыном и Кошкиным сыном.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же, Царицын сын и Кошкин сын.

Бабадур. Вы, собаки, из каких собак? И какой вас шайтан занес сюда?

Царицын сын. Мы греки.

Бабадур. Я так и думал. По милости аллаха милосердного, милостивого корабль ваш разбился вдребезги. Чего же вам еще нужно?

Царицын сын. Эфенди! Мы лишились всего состояния.

Бабадур. Так и должно было случиться. Аллах правосуден, человек! Это вам наказание за то, что вы торгуете всякой дрянью.

Царицын сын. Эфенди, твои уста открываются только для того, чтобы сыпать перлы мудрости! Мы точно торгуем дрянью; но за эту дрянь мы очень дорого платили и надеялись взять еще дороже. Мы искупали вина на самом месте их рождения.

Бабадур. Вина! Валлах, биллях! Ты врешь!

Царицын сын. Смею ли я лгать! Смею ли я есть грязь в твоем присутствии.

Бабадур. В таком случае вы виноваты еще более. Ваше проклятое вино, по вашей неосмотрительности, попало в руки правоверных, осквернило их утробы и отуманило головы. По вашей милости бежали у нас два конюха и две невольницы.

Кошкин сын. Сам пророк дозволяет вино в небольшом количестве в виде лекарства,— не наша вина, что правоверные так на него накинулись.

Бабадур. Ты глуп, человек. Вино есть зло, а зло чем скорее уничтожить, тем лучше.

Царицын сын. Что мы за собаки, чтобы смели спо-

рить против твоей мудрости и справедливости. Скажешь ты, что мы правы,— и мы правы; скажешь ты, что виноваты,— мы виноваты.

Б а б а д у р. Хотя все без исключения франки мошенники, а вы, кроме того, соблазнители и отравители и потому заслуживаете немедленной смертной казни, но я сегодня так милостив, что отпускаю вас на все четыре стороны. Подите вон! И благодарите аллаха!

Ц а р и ц ы н с ы н. На что нам жизнь, когда мы не знаем, где преклонить голову и не имеем куска насущного хлеба.

Б а б а д у р. Что же ты хочешь, человек?

Ц а р и ц ы н с ы н. Эфенди, я прах твоих туфлей. Мы не погнушаемся никакой работой на службе непобедимого Калин-Гирея. Хотя до сей поры мы были богатыми купцами, но теперь, узнав превратности счастия, мы охотно пошли бы даже в конюхи.

Б а б а д у р. В конюхи? Изволь, только с условием, если у меня выйдет весь этот напиток...

Ц а р и ц ы н с ы н. Достать тебе еще... Эфенди, тебе стоит только приказать, и к твоим услугам будет сейчас же самый настоящий коньяк прямо с Ниж<его-родской> ярмарки, то есть я хотел сказать из Бордо.

Б а б а д у р. Ну уж там откуда хочешь, только чтобы точно такой же. *(Офицеру.)* Отведи их в конюшни и скажи, что я их назначаю главными конюхами, чтобы все им повиновались. Да прикажи страже, чтобы ворота заперли и чтобы ко дворцу на полверсты никого не подпускали.

⟨О ф и ц е р⟩ уходит.

Вот, Юсуф, как обделываются дела... Ну, теперь мы можем на свободе заняться утешением. Помеха отравляет всякое удовольствие, сказал пророк.

Пьют.

Ю с у ф. И давно бы так. То ли дело, когда вороты заперты, двери заперты... Налей-ко мне еще... Сидишь, занимаешься мудрой беседой, и никто-то тебе...

Б а б а д у р. Что за удивительный напиток!

Ю с у ф. И никто-то тебе не мешает.

Б а б а д у р. Что пьешь, то больше хочется.

Ю с у ф. И никто не мешает.

Слышны крики: «Гирей!»

Б а б а д у р. Что за крики?

Ю с у ф. Ай, вай! Племянник солнца и двоюродный брат луны, непобедимый Калин-Гирей!

Б а б а д у р. Ай, вай! Прибирай посуду! Побежим ему навстречу. Азраил летает над нашими головами.

Бегут к дверям.
Навстречу им К а л и н - Г и р е й со с в и т о й.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

К а л и н - Г и р е й, Б а б а д у р, Ю с у ф и с в и т а.

К а л и н-Г и р е й. Бабадур, что же ты, стряхну я в ад твою душу, не встретил меня, твоего повелителя?

Б а б а д у р. Племянник солнца и двоюродный брат луны, клянусь верблюдицей пророка, мы не ждали так рано твоей непобедимости.

К а л и н-Г и р е й. Не ждали! Аллах, биллях! Как же ты смел не ждать? Не ждали! То есть ты сидел запершись и пьянствовал.

Б а б а д у р. Да не войдет душа раба твоего в магометов рай, если я...

К а л и н-Г и р е й. Да и так не войдет.

Б а б а д у р. Моя голова — подножие твоих туфлей.

К а л и н-Г и р е й. Вставай, старый мешок, доверху набитый грехами! Докладывай, что вы делали без меня и все ли благополучно.

Б а б а д у р. Без тебя я делал то же, что и в присутствии твоей непобедимости, неустанно следил за порядком и правосудием, а что касается благополучия, так на грех мастера нет, сказал пророк.

К а л и н-Г и р е й. Ты врешь, никогда пророк этого не говорил.

Б а б а д у р. Аман, аман! Виноват, я хотел сказать, на всякого мудреца бывает довольно простоты.

К а л и н-Г и р е й. Какого же роду простота напала на тебя, говори скорее! Не принял ли ты спроста казенные деньги за свои,— это за тобой водится.

Б а б а д у р. Нет, мой повелитель, на этот раз все казенные деньги целы, хотя враг силен, как сказал пророк.

К а л и н-Г и р е й. Машаллах, иншаллах! Оставь пророка в покое! Говори, что случилось.

Б а б а д у р. Из твоих конюшен бежали две невольницы!

К а л и н-Г и р е й. Как попали в конюшни невольницы, шайтан твою душу?

Б а б а д у р. Аман, виноват! Из твоего гарема бежали два конюха.

К а л и н-Г и р е й. Валлах, таллах! Ты ешь грязь!

Б а б а д у р. Виноват, мой повелитель, слово не воробей, сказал пророк.

К а л и н-Г и р е й. Ты опять за пророка? Молчи! Юсуф, что этот старый кабан бормочет про мой гарем?

Ю с у ф. О, племянник солнца! Бежали два конюха и увели...

К а л и н-Г и р е й. Коня? Погублю я ваши души!

Ю с у ф. Нет, мой повелитель! Да будет всегда твоя туфля моей шапкою,— двух невольниц.

К а л и н-Г и р е й. Ну, это еще беда не велика, если б они и все разбежались, мне горя мало. Я привез такую жемчужину, какой ни один хан Востока не видывал в своем гареме.

Б а б а д у р. Повелитель мой, и малое твое неудовольствие для меня такое великое горе, что кровь наша превратилась в воду.

К а л и н-Г и р е й. Не в воду, а в вино; вы так им пропитались, как старые армянские бурдюки. *(Бабадуру.)* Поди и благодари аллаха, что я тебя сегодня не повесил, а завтра не ручаюсь.

Б а б а д у р уходит.

Юсуф, подползи к порогу двери царевны Милолики и с самым подлейшим унижением, к которому только ты способен, спроси у ее рабыни, что угодно ее ханым?

Ю с у ф уходит и возвращается, держась за щеку.

Что ты держишься за щеку?

Ю с у ф. Туфлей...

К а л и н-Г и р е й. Молча?

Ю с у ф. Молча.

К а л и н-Г и р е й. Ну так иди и спроси в другой раз.

Ю с у ф. Опять, по другой.

К а л и н-Г и р е й. И ничего не сказала?

Ю с у ф. Моя повелительница сказала, что желает видеть танцы невольниц.

К а л и н-Г и р е й. Живее! Подними на ноги весь гарем! А ты убирайся с глаз моих. И если за вами нет больше вины, кроме вашего пьянства и нерадения, я вас прощаю на радости.

К а л и н-Г и р е й. Милолика! Звезда души моей! Мой дворец — твой дворец! Я, гарем мой и все мои татары,— твои рабы. Войди со своей рабыней в эти покои и отдохни от трудного пути. Все наряды, все драгоценности, какие найдешь ты там,— твои. Только люби меня, люби так, как я тебя.

Юсуф растворяет дверь в сад гарема. Оттуда выходят н е в о л ь н и ц ы, некоторые с инструментами. Ц а р е в н а М и л о л и к а и с л у ж а н к а выходят из своих покоев, Калин-Гирей провожает их до скамьи. Танцы. Невольницы во время танцев, когда Калин-Гирей этого не замечает, делают царевне Милолике разные гримасы и жесты, она отвечает им тем же.

Прекрасная Милолика, теперь, когда я посмотрел на своих жен, ты мне кажешься еще прекраснее; сними покрывало, покажи им свое лицо, пусть они пожелтеют от зависти.

Ж е н ы. Ну как же, вот еще! Еще было бы чему завидовать!

К а л и н-Г и р е й. Покажи им лицо свое, и пусть они умрут, глядя на свое безобразие. *(Снимает покрывало и видит Чернавку.)* Ай, вай! Что за изваяние!

Жены молчат.

А, ты пошутила. Вы переменились платьем. *(Снимает покрывало со служанки, перед ним Девкин сын в женском платье.)* Аллах, биллях, таллах! Это что за рожа! Бабадур! Коня, золотогривого коня! Сбирать татар! Все за мной, ногайцы!

Вбегает Б а б а д у р.

Б а б а д у р. Аман, аман! Пощади! Франки, которых я взял в конюхи...

К а л и н-Г и р е й. Ну!

Б а б а д у р. Наплевали в мою бороду!

К а л и н-Г и р е й. Ну!

Б а б а д у р. Бежали и увели коня.

К а л и н-Г и р е й. Повесить его. А мне другого коня!

Б а б а д у р. Подожди, помилуй!

К а л и н-Г и р е й. Какая милость! Какая тебе милость? Вот тебе милость: повесь себя сам.

По знаку Калин-Гирея Б а б а д у р а уводят.

Ю с у ф. Повелитель, что прикажешь делать с твоей новой женой?

К а л и н-Г и р е й. Что хочешь. Смотри в оба за женами и не жалей холщовых мешков.

Т а т а р ы.

Точи, татарин, нож острей,
Мы в путь сбираемся недаром.
Седлай коня, Калин-Гирей,
И путь кажи своим татарам.
Мы гладь широкую степей
Покроем пылью и пожаром,
Мы рвемся в бой, веди скорей,
Мы грянем громовым ударом.

К а л и н-Г и р е й.

Гайда за мной!

Т а т а р ы.

Калин-Гирей.
Кажи врага своим татарам.
Гайда! Гайда!

Убегают все, сцена пуста.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Д е в к а Ч е р н а в к а и Д е в к и н с ы н.

Д е в к а Ч е р н а в к а. Кажется, никого нет, как бы нам выбраться отсюда поскорее.

Д е в к и н с ы н. Да, уйдем поскорее, а то я боюсь.

Д е в к а Ч е р н а в к а. Чего ты боишься?

Д е в к и н с ы н. Здесь так много хорошеньких женщин.

Д е в к а Ч е р н а в к а. Ты боишься женщин. Ах, бедный!

Д е в к и н с ы н. Я не женщин боюсь, я боюсь самого себя.

Д е в к а Ч е р н а в к а. Это как же?

Д е в к и н с ы н. А так же, долго ль до греха, влюбишься в какую-нибудь, вот тебе и раз.

Д е в к а Ч е р н а в к а. А как же ты смеешь?

Девкин сын. Отчего ж не сметь? Сердце-то не спрашивается.

Девка Чернавка. Ты и думать не смей! И не заикайся.

Девкин сын. Вот ты какая! А сама поехала к Калину. Что, если б ты ему понравилась?

Девка Чернавка. Что ж! Я стала бы его женой, ханшей. Это очень хорошо, и мне очень жаль...

Девкин сын. А я-то при чем же бы остался? Ну так вот и я ж теперь...

Девка Чернавка. Ты? Ну так хорошо же. Я хотела найти случай да бежать с тобой отсюда, теперь я останусь здесь, подожду Гирея, может быть, он...

Девкин сын. Так и я останусь. Ты жди, когда еще твой Гирей придет, а красавицы-то у меня все здесь под руками. Вот ты и знай!

Девка Чернавка. Есть негодяи на свете, да всё уж не такие.

Казался он сначала
Покорен мне и тих,
На белом свете мало
Бесстыдников таких![1]

Девкин сын. Вот они идут, мои красавицы. *(Подходит к одной.)* Какая ты хорошенькая.

1-я невольница. А тебе что за дело?

Девкин сын. Как что за дело? Я в тебя влюблен.

1-я невольница. А разве ты мужчина?

Девкин сын. Мужчина. Только ты никому не говори.

1-я невольница. Ни за что на свете не скажу, только уж ты...

Девкин сын. Постой-ка, постой-ка! Вот эта, кажется, будет получше тебя. *(Идет к другой.)*

1-я невольница *(за ним)*. Что ж, ты смеяться, что ли, надо мной вздумал?

Девкин сын *(2-й невольнице)*. Какая ты хорошенькая!

2-я невольница. Что это тебе вздумалось хвалить меня?

Девкин сын. Что вздумалось? Я в тебя влюблен без памяти.

2-я невольница. Разве ты мужчина?

---

[1] Далее в рукописи пропуск *(ред.)*.

Девкин сын. Мужчина. Только ты никому не сказывай.

2-я невольница. Разве мне жизнь-то не мила! Особенно теперь с тобой, милый мой. *(Обнимая его.)*

Девкин сын (*освобождаясь*). Ах, я дурак! Вот эта, кажется, лучше всех!

2-я невольница. Погоди же ты! Я с тобой разделаюсь туфлями.

Девкин сын *(3-й невольнице)*. Ты такая красавица, что...

3-я невольница. Поди ты прочь! Калин-Гирей не замечает моей красоты, так на что она мне.

Девкин сын. А я вот сейчас заметил.

3-я невольница. Заметил? Да ты разве мужчина?

Девкин сын. Мужчина и в тебя влюблен до смерти, только ты никому не сказывай.

3-я невольница. Нет, не скажу и с тобой теперь не расстанусь. Ты мой!

Другие невольницы. Нет, мой, мой!

Девка Чернавка. Нет, он мой.

Шум.

Девкин сын. Постойте. Не шумите. Погодите немного. Я сам вам скажу, чей я.

Невольницы. Нет, нет, ты мой!

Шум.

Входит Юсуф.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Юсуф, Девкин сын, Девка Чернавка, невольницы.

Юсуф. Это что за безобразие?

Невольницы. Здесь мужчина, мужчина!

Юсуф. Как мужчина, где мужчина, кто мужчина?

Невольницы. Вот он! Вот он!

Юсуф *(берет Девкина сына)*. Как ты сюда попал и к кому?

Невольницы *(указывая на Чернавку)*. Он пришел с ней вместе.

Юсуф. Нет, уж вы мне вот где сидите. Меня за вас чуть было не повесили. *(Хлопает в ладоши.)*

Входят евнухи.

Юсуф. Подайте два мешка!

Евнухи уходят. Пролетают на златогривом коне Кошкин сын и Царицын сын.

Девкин сын. Эй, братцы! Захватите меня с собой! Я здесь! Эй!

Юсуф. А! Так вы из одной шайки! Да уж теперь, брат, не увернешься!

Евнухи приносят два мешка.

Сажайте их в мешки да с башни в море!

Евнухи уводят на башню Ивана и Чернавку.

А вы смотрите да казнитесь!

Евнухи бросают мешки в воду.

Так погибают неверные жены и их верные любовники.

ВАРИАНТЫ,
ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ

В «Вариантах» к тому печатаются:
сценическая редакция пьесы «Козьма Захарьич Минин, Сухорук»;
вторая редакция пьесы «Воевода».

Драматическая хроника в пяти действиях, в стихах

КОЗЬМА ЗАХАРЬИЧ МИНИН, СУХОРУК

⟨Вторая редакция⟩

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

(25 августа 1611 г.)

ЛИЦА:

КОЗЬМА ЗАХАРЬИЧ МИНИН, СУХОРУК
земский староста Нижнего посада.

ИВАН ИВАНОВИЧ БИРКИН
стряпчий, присланный в Нижний Ляпуновым для совету.

ВАСИЛИЙ СЕМЕНОВ
дьяк, старый человек.

АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ ПОСПЕЛОВ
боярский сын.

ПЕТР АКСЕНОВ
старик, богатый торговый человек.

БАИМ КОЛЗАКОВ
стрелецкий сотник.

РОМАН ПАХОМОВ
боярский сын

РОДИОН МОСЕЕВ
посадский

} гонцы из Москвы.

ВАСИЛИЙ ЛЫТКИН
(лет пятидесяти), богатый вдовый купец.

ПАВЕЛ ТЕМКИН
(лет тридцати пяти)

СЕМЕН ГУБАНИН
(около двадцати)

} торговые люди.

НЕФЕД
сын Минина.

ГРИША
юродивый мальчик.

ПАВЛИК
(писчик), писарь Биркина.

МАРФА БОРИСОВНА
богатая вдова.

ВСЯКИЕ ЛЮДИ НИЖЕГОРОДСКИЕ ОБОЕГО ПОЛА.

Часть Нижнего посада, близ Кремля; направо и налево — деревянные лавки, на заднем плане — деревянный Гостиный двор, за ним видна гора и стены Кремля; налево, в заднем углу, на пригорке, башня и ворота в Кремль. Направо продолжение Нижнего посада. Вдоль лавок деревянные мостки с навесом для пешеходов, у растворов скамьи и раздвижные стулья.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

В Гостином дворе торговцы в лавках и у лавок; проходит народ, некоторые останавливаются и покупают разные вещи. Слышны голоса: «Здесь рукавицы, шапки, кушаки! Гляди, зипун! Из Решмы, с оторочкой!» Петр Аксенов сидит на скамье у своей лавки (крайней справа). Василий Лыткин входит, отпирает крайнюю лавку с противоположной стороны; заставляет ее скамьей и подходит к Аксенову.

Аксенов.
Здорово ль, кум?
Лыткин.
Здорово, Петр Аксеныч.
Тебя как милует господь?
Аксенов.
Спасибо!
Живем-таки. Что господа гневить!
Откуда, Вася?
Лыткин.
С низу, из Казани;
Да позамешкался в дороге малость.
Домашние здоровы ль?
Аксенов.
Все здоровы.
Лыткин.
А что Кузьма Захарыч?
Аксенов.
Земским делом
Печалится один за всех.
Лыткин.
Здоров ли?
Аксенов.
Бог милует. За здравие его
Все молимся. Он твердо, неослабно
За веру православную стоит;
Разумными речами утверждает
В народе крепость!
Лыткин.
Что и говорить!
Радетель!
Аксенов.
Диво это, брат Василий,
Как умудрил его господь речами!
Вот так тебя слеза и прошибает,

Всё слушал бы, кажись, и не ушел бы.
Вот какова его беседа!

Л ы т к и н.

Что же
Он говорит такое?

А к с е н о в.

Эх, брат Вася,
Уж очень это дело-то велико!
Ну, слушай, да язык-то за зубами
Подерживай! Затеи-то велики,
А что-то бог пошлет, увидим после.
Вот мы толкуем, как бы ополчиться
Да либо помереть уж, либо Русь
От иноземцев и воров очистить.

Л ы т к и н.

В разор нас разорят и животишки
Пограбят все; куда с детьми деваться!
Не трогают, так и сидеть бы смирно.
Куда уж лезть!

А к с е н о в.

Да ты крещен аль нет?
Аль животы тебе дороже веры?
А братия? А слезные писанья
Из-под Москвы? И это ничего!

Л ы т к и н.

Не обижай! Я о́т миру не прочь.
Уж коли все, и я.

А к с е н о в.

Смотри ж, Василий,
Не пятиться!

Л ы т к и н.

А я к тебе с поклоном,
Челом тебе!

А к с е н о в.

Я слушаю. Что надо?

Л ы т к и н.

Ты знаешь сам, семья моя велика,
Детей больших и малых целый дом,
А я один, четвертый год вдовею.
Хозяйки нет. Не откажись посватать.

А к с е н о в.

Не откажусь. Тебе немолодую
Уж надобно?

Л ы т к и н.

Нет, я и помоложе
Не откажусь.

А к с е н о в.

Найду тебе из бедных.

Л ы т к и н.

Богатую бы мне.

А к с е н о в.

За старика-то
За вдового, да с кучею детей,
Какая же нужда идти богатой!

Л ы т к и н.

Ты Марфу мне Борисовну посватай.

А к с е н о в.

Да не пойдет,— она богата очень
И молода, красавица собою,
Ее и князь любой возьмет с охотой,
Не то что ты.

Л ы т к и н.

И я богат, Аксеныч.

А к с е н о в.

Давно ли ты разбогател?

Л ы т к и н.

Давненько.
Да время-то, Аксеныч, нынче смутно,
Так я и жмусь.

А к с е н о в.

Ты правду говори!
Посватаю, изволь. Ну, много ль денег
Ты накопил?

Л ы т к и н.

Да тысяча найдется.

А к с е н о в.

Да верно ли?

Л ы т к и н.

Я лгать тебе не стану.

А к с е н о в.

Так первое: ты о́т миру не прочь,
Второе дело: тысяча найдется.
Не отопрись, смотри.

Л ы т к и н.

Не отопрусь.

А к с е н о в.

Ну хорошо. Посватаю.

Лыткин.

Спасибо.

Пойду-ко я да с лавкой разберусь.
(Отходит.)

К нему подходят Темкин и Губанин.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Аксенов, ⟨Лыткин⟩, Темкин и Губанин.

Темкин *(Лыткину)*.

Здорово, друг! Счастливо ль воротился?
Поторговал, наколотил мошну?

Лыткин.

Наколотил! Спроси: свои-то целы ль?
Один разор, в убыток торговал.

Губанин.

Кривишь душой. Не бойся, не ограбим.

Темкин.

Его ограбить и греха не будет.
Богаче всех, а сиротой глядит.

Лыткин.

Да тише ты, как раз беду накличешь!
Подслушают, тут всякого народу
Довольно есть. Свою казну считай,
А до чужой тебе нет дела вовсе.
(Уходит в лавку.)

Входит юродивый, его окружает толпа.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же, юродивый и толпа.

Аксенов.

Откуда, Гриша?

Юродивый.

Ась?

Аксенов.

Откуда, мол?

Юродивый.

В монастыре обеденку стоял,
И панихиду пели, поминали
Раба Прокофья.

Аксенов. Упокой, господь!
Какой Прокофей, ты не знаешь, Гриша?
Юродивый.
Он, говорят, был добрый. Я поплакал
И помянул. Подайте на дорогу!
Лыткин.
А ты куда идти собрался, Гриша?
Юродивый.
Далёко. Длинная дорога; встанет —
Так до неба достанет. Все песками
Сыпучими да темными лесами
Дремучими.
Лыткин.
Куда ж дорога, Гриша?
Юродивый.
К честным обителям.
Лыткин.
Один поидешь?
Юродивый.
Нет, много, много.
Лыткин.
Что он говорит?
Сулит дорогу, а куда? Известно,
Одна дорога: значит, все помрем;
И, надо полагать, что это вскоре.
Губанин.
Нет, надо быть, что о другой дороге
Он говорит.
Темкин.
Его не разберешь,
Убогой он у нас и малоумный.
Юродивый *(со слезами)*.
Нет, вот что: храмы там без богомольцев,
Без пения. Подайте на дорогу!
(Бежит по сцене.)

Все расходятся по лавкам. Входят Биркин и Семенов.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Биркин и Семенов.

Биркин *(оглядываясь)*.
Ты в Нижнем шатости не замечаешь?

Семенов.

Господь хранит пока.

Биркин.

А знаешь что?
Ведь Нижний — ключ всей Волги; за него бы
Король Жигмонт иль Владислав царевич
Нам дорогую цену заплатили,
Кабы привесть к присяге. Мне боярство
Иль в думные,— тебя в Москву, в дьяки,
В любой приказ.

Семенов.

Ты шутишь аль смеешься?

Биркин.

Как хочешь понимай.

Семенов.

Как понимать!
Изменником я не был и не буду,
И с дьяволом быть в доле не хочу.

Биркин.

Я пошутил с тобой.

Семенов.

Иван Иваныч,
Шути с кем помоложе. Этих шуток
Я не люблю, они подвалом пахнут.

Биркин.

Ну, не сердись! Не любишь, так не стану
Шутить с тобой; нам ссориться не след:
Неладно в Нижнем.

Семенов.

Полно, что пугаешь,
Иван Иваныч, как тебе не грех!

Биркин.

И знаешь, кто у нас заводит смуту?

Семенов.

Кому же заводить?

Биркин.

Кузьма Захарьев.

Семенов.

Не верю, быть не может.

Биркин.

Погоди,
Дай срок, увидишь сам. Всегда толпою
За ним народ валит, всё шепчут что-то
И по ночам сбираются к нему.

Семенов.

Не верю.

Биркин.

Ты не спорь со мной; разведай.

Семенов.

Да нет же, говорю.

Биркин.

Не ошибись!

Семенов.

Не ошибусь я в этом человеке.
Кузьму я знаю вдоль и поперек:
Он боек на язык, упрям и дерзок,
В дела мешается, за всех заступник;
А все-таки души он не продаст;
Сгрубить — сгрубит, а смуты не затеет.

Биркин.

Он грубости до мятежа далеко ль!
Я не люблю, кто бойко говорит!

Семенов.

Да у меня ведь горлом не возьмешь!
Я не ему чета, молчать заставлю.
Я при царе Иване начал службу,
В дьяках состарелся и поседел.
Уж мы с Кузьмой не первый год воюем.

Биркин.

Наскочит на меня, так будет помнить.

Семенов.

Ну, и тебя-таки честит изрядно,
И за глаза все Тушиным корит,
А тушинцам у нас почету мало;
На Волге их не любят.

Биркин.

Не беда!
Насильно мил не будешь! Уж народец
У нас на Волге! Нечего сказать!
Некстати говорливы! Вот ты здешний,
Не тушинский; а тоже говорят,
Что ты берешь посулы, что с живого
И с мертвого дерешь, не разбираешь.

Семенов.

Да кто же говорит?

Биркин.

А всё Кузьма.

Семенов.
Не верь, Иван Иваныч! Всё напрасно;
Посулов не беру. Да сам ли слышал?
Биркин.
Сам слышал.
Семенов. Не снесу такой обиды,
Пойду челом ударю воеводе.
Биркин.
Я говорю тебе, что он мятежник;
С народом шепчет, а властей ругает;
Небось без умыслу? Да кто ж поверит!
Семенов.
Его теперь и знать я не хочу,
Ругателя.
Биркин.
А ты пока молчи,
Умей скрывать обиду; дожидайся.
Он не уйдет никак от наших рук.
Я сторожа к нему приставил, знаешь,
Павлушку; он хоть зайца соследит;
Волк травленый, от петли увернулся.
Он из дьячков из беглых, был в подьячих,
Проворовался в чем-то; присудили
Его повесить, он и задал тягу.
Теперь веревки как огня боится.
Хоть висельник, да только бы служил.
Ну, и писать горазд, мне то и нужно.
Да мы еще с тобою потолкуем.
Куда пойдешь отсюда?
Семенов.
На Оку,
Стерлядок искупить недорогих бы.
Биркин.
Так вместе и пойдем! И я туда же!

Уходят.

Выходит Нефед Минин, за ним Посполов и несколько посадских.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

⟨Аксенов и Нефед.⟩

Аксенов *(Нефеду)*.
А где отец?

Н е ф е д.

За мной идет сюда.
Из-под Москвы сегодня прибежали
Бесстрашные гонцы: Роман Пахомыч
Да Родион Мосеич. Отдохнувши,
Пойдут с отцом на воеводский двор.
Украдкою у патриарха были
И привезли нам грамоты его.
Из шапок достают, зашиты были.

Входит М и н и н, <П о с п е л о в,> за ним н е с к о л ь к о ч е л о в е к народа и П а в л и к. Все окружают его.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Т е ж е, М и н и н, <П о с п е л о в,> за ним н е с к о л ь к о ч е л о в е к народа и П а в л и к.

А к с е н о в.

Какую весть несешь?

М и н и н.

Дурные вести.
Прокоп Петрович Ляпунов убит
Казаками.

А к с е н о в.

Бедам конца не видно.

Г о л о с а.

Убит! Убит! О господи, помилуй!

П о с п е л о в.

Ведь под Москвой еще два воеводы:
Князь Трубецкой да атаман Заруцкий.
Ну, что ж они?

М и н и н.

Они-то? Целовали
Псковскому ведомому вору крест.

П а в л и к *(Лыткину)*.

Не сдобровать и Нижнему теперь.

А к с е н о в.

Что ж делать нам?

М и н и н.

Пойдемте к воеводе,
В приказную избу, пусть он рассудит.
Пусть грамоту прочтет от патриарха,
Он из темницы пишет.

Голоса.

Из темницы?

Минин.

Его цепями, голодом томят,
А он предателей Москвы бесстрашно,
Как божий гром, проклятием громит.
Теперь лететь бы к матушке Москве!
Подняться нечем. Спросим воеводу,
Подумаем с ним вместе, а покуда
Сберемтеся всем Нижним, панихиду
Соборную отслужим,— будем плакать,
Молиться будем, плакать и молиться.

С Нижнего посада выходят Колзаков и трое стрельцов.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

⟨Те же, Колзаков и трое стрельцов.⟩

Колзаков и стрельцы *(поют)*.

Нам на Волге жить —
Всё ворами слыть;
На Яик идти —
Переход велик;
Под Казань идти —
Грозен царь стоит.

Колзаков *(увидя Минина)*.

А! Бог тебя люби! Кузьма Захарьич!

Минин.

Ступай своей дорогой!

Колзаков.

Аз есмь бражник!

Минин.

Я вижу.

Колзаков.

Видишь, а не осуждай!
Я старый человек!

Минин.

Тебе же хуже!

Колзаков.

Нельзя не пить; такое время! Вот что!
Ты думаешь, я с радости; я с горя!
Как помоложе был, так дело делал;
Царю Ивану царства покоряли.

А что теперь! В глаза-то людям стыдно
Глядеть. Какой я воин, братец? Срам!
(Отходит со стрельцами на другую сторону.)

Стрельцы *(поют)*.

Нам идти ль, не идти ль
На Иртыш на реку,
На Иртыш на реку,
Под Тобол-городок.

Скрываются. Выходит Марфа Борисовна, за ней две женщины, оделяют деньгами нищих. Минин идет к ней навстречу.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

<Те же и Марфа Борисовна.>

Марфа Борисовна.
А я тебя ищу, Кузьма Захарьич!
Вот горе-то на нас! Прокоп Петрович
Казаками убит! А что-то скучно
Все было мне, сижу да заливаюсь
Горючими, а вот к беде и вышло.
Я всех людей из дому разослала
По бедным, оделить хоть понемногу
За упокой, да звать обедать завтра.
Для нищей братии обед готовлю.
Зайди, Кузьма Захарьич, да зови,
Кого увидишь; вместе помянули б,
Чем бог послал.

Минин.
Благодарю за ласку.
А уж не знаю, как тебе сказать.
Есть дело земское.

Марфа Борисовна.
Так ты попозже!
Уж очень скучно; хоть поговорить бы.

Минин.
Да у меня у самого-то гости.

Марфа Борисовна.
Покорно просим и с гостями.

Минин.
Ладно!

Марфа Борисовна.
Я очень рада. Буду, буду ждать,
Пока прощай!

М и н и н.

Прощенья просим, Марфа
Борисовна! Благодарю за память!

Марфа Борисовна уходит. Аксенов и Поспелов выходят к Минину.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

⟨М и н и н, П о с п е л о в, А к с е н о в.⟩

П о с п е л о в.

Об чем это, Кузьма Захарьич, Марфа
Борисовна с тобою говорила?

М и н и н.

К себе звала. Спаси ее господь!
Задумала на весь народ поминки
Прокофию Петровичу.

П о с п е л о в.

Пойдешь?

М и н и н.

Ее грешно обидеть! Приходите
И вы, друзья!

А к с е н о в.

Я, может, и приду,
Коль удосужусь да не разнедужусь.
Недужится, уж стар я становлюсь.
(Уходит в лавку.)

П о с п е л о в.

Кузьма Захарьич! Я к тебе с поклоном,
Заместо батюшки родного будь!
Мне жизнь не в жизнь: с утра до поздней ночи
И с вечера до утренней зари
Все об одном я думаю-гадаю,
Одно мне сна-покою не дает.
Ты наведи меня на ум на разум,
Прямую путь-дорогу покажи!

М и н и н.

О чем тоскуешь?

П о с п е л о в.

Как бы это молвить?
Такое дело — и сказать-то стыдно,
И утаить-то грех перед тобой.
Иль бес мутит, иль уж судьба такая,
Такой предел на долю вышел. Марфа
Борисовна все из ума нейдет.

Минин.

Такое ль время, Алексей Михайлыч!

Поспелов.

Да что мне время! Жить и умирать
Уж лучше вместе. Годы подошли.
Кузьма Захарьич, мне нужна хозяйка,
Мы ровни по годам и по всему.
Поговори ты ей! Заставь меня
Навечно богу за тебя молиться!
Честна вдова, а мужняя жена
Еще честней в дому благочестивом.

Минин.

Придется к слову — я поговорю.

Уходят. Павлик, видя, что Минин ушел, выходит из лавки с Лыткиным; к ним постепенно подходят из других лавок и проходящие.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

⟨Павлик, Лыткин, народ.⟩

Павлик.

Вы слушайте, что вам Кузьма толкует,
Он вас в беду такую заведет,
Что плакать вам кровавыми слезами.
Дела, дела!

Лыткин.

Да верно ли ты знаешь,
Что Владислава скоро ждут в Москву?

Павлик.

Чего не знаю, говорить не стану.
Я грамотный, не то что ваш Кузьма.

Лыткин.

А что же будет, если королевич
В Москву придет?

Павлик.

Не больно хорошо.
Великую пошлет он рать и силу
И камня здесь на камне не оставит.

Голос из толпы.

И Вяземский под Нижний приходил,
Да много ль взял?

Павлик.

Придут с большим нарядом,
Не с голыми руками.

Лыткин. Братцы, смерть!
Разор, разор!
Павлик.
Москва зовет на царство
И ждет к себе из Польши Владислава,
А мужики кричат у нас по Волге:
«Мы не хотим на царство иноземцев
И выбранных казаками царей».

Подходят к толпе Минин и Поспелов. Павлик что-то шепчет Лыткину.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

⟨Те же, Минин и Поспелов.⟩

Минин.
Послушаем, о чем народ толкует?
Того и жди, что смута заведется,
Из воровских полков с подсылом много
Народу набегает; не усмотришь,
Проезжий город. А, да это наш,
Из биркинских людей, Павлушко-писчик.
Негодный человечишко, за ним
Глядеть да и глядеть! Что за охота
Держать такую дрянь, не знаю, право!
Голос из толпы.
Ну, что ж молчишь? Язык-то прикусил?
Павлик.
Я живу с краю, ничего не знаю.
(Убегает.)
Минин.
Что он молол?
Голоса из толпы.
Да много говорил.
Про королевича. Да разореньем
Все нам грозит.
Лыткин.
Такие страсти
Наговорил, не знаешь, что и делать.
Минин.
Как только вам не грех воришек слушать,
Бездельных, шлющихся! Развесьте уши,
Им наруку, они тому и рады.

Голоса из толпы.

Да кто ж ему поверит! Зря болтает!
Учи нас, вразумляй, Кузьма Захарыч!

Минин.

Одно вы помните и зарубите,
Что мы клялись креста не целовать
Ни Владиславу, ни кому другому
Из иноземцев,— ждать, кого на царство
Пошлет господь и выберет земля.
Нам государь — великий патриарх,
Другого нет у нас. Что скажет — свято.
Сегодня от него пришли гонцы.
Мы грамоту прочтем и вам объявим
Его приказ и земское решенье.

Вбегают несколько человек.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ[1]

⟨Те же и вновь пришедшие.⟩

Один из них.

Отписки из Москвы! Гонцы с вестями!

Голоса из лавок.

Куда идут?

Один из вновь пришедших.

На воеводский двор.

Другой.

Письмо от патриарха Ермогена.

Площадь наполняется. Входят Роман Пахомов и Родион Мосеев.

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ[2]

⟨Те же, Роман Пахомов и Родион Мосеев.⟩

Родион Мосеев.

Честным нижегородцам из Москвы
От разоренных и плененных братий
Поклон мы правим низкий, до земли.
(Кланяется.)

Все кланяются.

---

[1] В рукописи — одиннадцатое.
[2] В рукописи — двенадцатое.

Роман Пахомов.

Честному духовенству, воеводам
И всем, и старшим, и молодшим людям
Благословение от патриарха.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

СЦЕНА I

ЛИЦА:

МАРФА БОРИСОВНА.

ДОМНА
старуха.

МИНИН.

АКСЕНОВ.

ПОСПЕЛОВ.

ИВАН КУВШИННИКОВ
сотник из Балахны
ГРИГОРИЙ ЛАПША
крестьянин из Решмы
} предводители восстания на Волге.

Просторная бревенчатая светлица.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Марфа Борисовна сидит на скамье, Домна на низенькой скамейке у ног ее.

Марфа Борисовна *(поет)*.

Пустыня прекрасная!
Меня, многогрешную,
Как чадо свое прими,

Любимая мать моя,
В пристанище тихое,
В безмолвные недра свои!

Домна.

Стучится некто.

Марфа Борисовна.

Отопри поди!

Домна уходит и скоро возвращается с Аксеновым.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

<Т е ж е и А к с е н о в.>

А к с е н о в.
Здорова ли ты здесь?

М а р ф а Б о р и с о в н а.
Кажись, здорова.

А к с е н о в.
Я прежде всех, и ладно; мы покуда
Поговорим с тобой да потолкуем.
Об чем бы нам? Давай о женихах.

М а р ф а Б о р и с о в н а.
Поговорим. Спасибо за заботу.

А к с е н о в.
Пришел к тебе я сватом.

М а р ф а Б о р и с о в н а.
От кого же?

А к с е н о в.
От Лыткина, у нас в ряду торгует,
Он пожилой и четверо ребят.

М а р ф а Б о р и с о в н а.
Ну, хорошо, мне пожилой-то лучше.

А к с е н о в *(смеется)*.
Да полно, так ли?

М а р ф а Б о р и с о в н а.
Только, Петр Аксеныч,
Ты попроси, чтоб он пообождал,
А отказать, не откажи.

А к с е н о в.
Ну, ладно.

(Смеется.)

М а р ф а Б о р и с о в н а.
Да чему же ты смеешься, Петр Аксеныч?

А к с е н о в.
Я больно рад, что ты не отказала
Совсем ему; он человек нам нужный.
Вот видишь ли: деньжонки у него
В запасе есть, а на мирскую нужду
Он больно скуп; теперь в надежде будет,
Что за тобой приданое большое,
Так и для миру будет тороватей.

М а р ф а Б о р и с о в н а.
Какой шутник ты, Петр Аксеныч! Право!

А к с е н о в.
Ты шутишь-то! Ну, разве ты пойдешь
За Лыткина?
М а р ф а Б о р и с о в н а.
Кому судьба какая.
Как знать вперед, что будет.
А к с е н о в.
А другого
Не хочешь ли? Велел Кузьма Захарьич
Поговорить с тобой о человеке,
Приятеле своем.
М а р ф а Б о р и с о в н а.
Кузьма Захарьич?
Ахти, беда!
А к с е н о в.
Чего ты испугалась?
М а р ф а Б о р и с о в н а.
А кто таков?
А к с е н о в. Поспелов.
М а р ф а Б о р и с о в н а.
Эко горе!
А к с е н о в.
Ни горя я не вижу, ни беды.
М а р ф а Б о р и с о в н а.
Покаяться уж разве, Петр Аксеныч!
Вот видишь ты: мое желанье было
Раздать казну, избавиться заботы
По мужниной душе — его добро,
Пусть за него и молятся сироты —
Да в келейку, на тихое житье.
А к с е н о в.
Не думал я, ушам своим не верю.
Такая ты веселая, все шутишь,
Смеешься с нами, парней молодых
Не обегаешь...
М а р ф а Б о р и с о в н а.
Что же их бояться?
Подумают — горда. Греха-то больше;
А пусть болтают да смеются вдоволь,
Побалагурим, да и разойдемся,
Вот и беда и горе: обещала
Вдовой остаться, божьей сиротой.
А отказать боюсь: Кузьма Захарьич
Рассердится, и Алексей Михайлыч

Во гнев взойдет и будет злобу мыслить,
И выдет только грех один. Уж лучше
Скажи ему, что я душевно рада,
Пусть думает, что я его невеста,
Хоть обману, да в мире поживем.

Аксенов.
А Лыткину?

Марфа Борисовна.
Я не хочу обидеть
И Лыткина. Скажи, чтоб подождал,
Обману нет, вперед нельзя ручаться.

Домна входит.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

⟨Те же и Домна.⟩

Домна.
Гостей веду. Идет Кузьма Захарыч.

Марфа Борисовна.
Один, или ведет кого-нибудь?

Домна.
Какие-то незнаемые люди.

Входят Минин, Кувшинников, Лапша и Поспелов.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

⟨Те же, Минин, Кувшинников, Лапша и Поспелов.⟩

Марфа Борисовна.
Покорно просим, гости дорогие.
(Домне.)
А ты поди да принеси медку!

Домна уходит.

Минин.
С гостями, уж не осуди!

Марфа Борисовна.
И, что ты!

Минин.
Иван Кувшинников, из Балахны,

Начальный человек; а это Гриша
Лапша, из Решмы, тоже воевода.

М а р ф а   Б о р и с о в н а.
Ну, вот спасибо за таких гостей!
Прошу садиться!

К у в ш и н н и к о в.
Ты, Кузьма Захарьич,
Садись вперед.

М и н и н.
Вы гости, я здесь свой.
Лапша, садись.

Л а п ш а.
Нет, мне не подобает.
Садись, я за тобой.

Садятся.

М и н и н.
Ну, вот и ладно.

П о с п е л о в.
Тебе вперед.

М и н и н.
Не местом, человеком.

Д о м н а приносит мед в жбане и стопку на оловянной тарелке, Марфа Борисовна берет стопку. Домна наливает.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

⟨Т е ж е и Д о м н а.⟩

М а р ф а   Б о р и с о в н а *(поднося Кувшинникову)*.
Медку пожалуйте, честные гости!

К у в ш и н н и к о в.
У нас так всё с хозяйки начинают.

М а р ф а   Б о р и с о в н а.
Нет, батюшко, уволь! Пила довольно.

К у в ш и н н и к о в.
Неволить не могу, я не указчик
В чужом дому.
(Кланяется, пьет и хочет поставить стопку.)

М а р ф а   Б о р и с о в н а.
Уж просим обо всей!

Кувшинников допивает. Домна наливает. Марфа Борисовна подносит Лапше.

Григорий... как по отчеству, не знаю...

Л а п ш а.
Петрович был.
М а р ф а Б о р и с о в н а.
Покорнейше прошу.
Л а п ш а.
Уж мне-то пить ли?
М и н и н.
Пей!
Л а п ш а.
Оно как будто
Нескладно мужику-то?
М и н и н.
Не осудим.
Л а п ш а *(берет и кланяется)*.
Желаю здравствовать на многи лета!
(Пьет.)

Домна наливает.

М а р ф а Б о р и с о в н а *(поднося Минину)*.
Кузьма Захарьич!
М и н и н *(отпив немного, ставит стопку)*.
Больше не просите!
М а р ф а Б о р и с о в н а.
Ну, как угодно.
(Поднося Аксенову.)
Кушай, Петр Аксеныч.

Аксенов пьет.

К тебе с поклоном, Алексей Михайлыч!
П о с п е л о в.
Не откажусь, до сладкого охоч.
(Пьет.)

Все садятся. Марфа Борисовна ставит жбан на стол, подвигает скамеечку и садится.

М а р ф а Б о р и с о в н а.
Послушать бы теперь, Кузьма Захарьич,
Твоих речей. Сладка твоя беседа.
М и н и н.
Да речь-то у меня одна все, Марфа
Борисовна!
М а р ф а Б о р и с о в н а.
Ее-то нам и нужно.

Минин.

Ну, так начнем! Москва разорена?

Аксенов.

Разорена.

Минин.

Так ей и оставаться?

Кувшинников.

Как можно!

Лапша.

Что ты!

Марфа Борисовна.

Сохрани господь!

Минин.

Москва нам корень, прочим городам?

Аксенов.

Известно, корень. Что и говорить!

Минин.

А если корнем основанье крепко,
Тогда стоит и древо неподвижно;
А корени не будет,— прилепиться
К чему?

Лапша.

Ну, что уж!

Марфа Борисовна.

Господи, помилуй!

Минин.

Москва кормилица, Москва нам мать!

Кувшинников.

Кормилица и мать!

Лапша.

Родная мать!

Минин.

А разве дети могут мать покинуть
В беде и горе?

Поспелов.

Мы не покидали,
Ты сам ходил с Алябьевым по Волге
И по Оке, и воры вас боялись,
Мы с Репниным ходили и к Москве,
Да воротились, оттого что ладу
Бог не дал воеводам! Грех на них!

Аксенов.

А вот теперь и воевод-то нету:
Пожарский ранен, Ляпунов убит,

Минин.

Осиротела Русь! Ни воеводы,
Печальника о нас, сиротах бедных,
Ни патриарха, ни царя. Как стадо
Без пастыря, мы бродим, злому волку-
Губителю добыча.

Поспелов.

Бить волков!

Кувшинников.

Известно, бить! Уж будет, потерпели!

Лапша.

Мы топоры и косы отточили,
Которые об них же притупили.

Кувшинников.

Душа кипит, давно простору просит,
И руки чешутся.

Марфа Борисовна.

Зачем же дело
Откладывать? Благословясь да с богом,
Не мешкая.

Аксенов.

Отложишь поневоле.
Что скоро — то не споро, говорят.

Минин.

Ты правду молвил. Не такое дело,
Чтоб торопиться.

Аксенов.

Надо рассудить,
Да поразмыслить.

Поспелов.

Думать — ваше дело.

Минин.

Что есть у нас? Ни войска, ни казны,
Ни воеводы! Прежде нужны деньги;
Сберем казну, и люди соберутся,
Стрельцы, казаки. Всякого народу
По свету белому довольно бродит
Без дела и без хлеба; рады будут
Трудом себе копейку заработать.
Не все же грабить! Надо душу вспомнить!
А воеводу миром изберем.

Аксенов.

Кого излюбим, тот у нас и будет.

М и н и н.
Казна всего нужнее.
А к с е н о в.
Верно слово.
М и н и н.
Где взять казны?
П о с п е л о в.
Собрать, Кузьма Захарьич.
М и н и н.
Да много ли сберешь! На разговоры
Все тороваты, а коснись до дела,
Так и попрячутся. Не то что денег,
А и самих хозяев не найдешь.
П о с п е л о в.
А ты не обижай, Кузьма Захарьич!
А к с е н о в.
Не обижает, дело говорит.
М а р ф а Б о р и с о в н а.
Вот всё, что есть, возьмите, коли нужно.
М и н и н.
Душа святая! О тебе нет речи!
Твои достатки и тебя мы знаем.
Ты все отдашь, и я отдам, и он —
Все будет мало. С чем тут приниматься!
И только что обидим мы без пользы
Самих себя, а делу не поможем.
Кто нас послушает! В бедах и в горе
Сердца окаменели. О себе
Печется каждый, ближних забывая.
М а р ф а Б о р и с о в н а.
Так что же делать нам, Кузьма Захарьич?
М и н и н *(встает)*.
Себя забудь и дел своих не делай!
Проси у бога разума и слова,
Сухим очам проси источник слез!
На улицу, на площадь, на базары,
Где есть народ, туда и ты иди!
Высокая апостольская доля —
Будить от сна своих уснувших братий
И божьим словом зажигать сердца!
Когда увидишь, что сердца в народе
Затеплятся, как свечи пред иконой,
Тогда сбирать казну на помощь ратным!
Сбирать людей на выручку Москвы!

Марфа Борисовна.

Пошли, господь, в моем дому начаться
Великому и праведному делу.

Минин.

Хозяюшка, прощай! Пойдем, Аксеныч!
Пора идти на воеводский двор,
Сбирают нас и выборных и старост
О грамоте подумать патриарха
И рассудить, что делать, что начать.

Аксенов.

Ступай вперед, я мигом за тобою.

Минин.

Хозяюшка, прости.

Марфа Борисовна.

Прощенья просим.

Кувшинников.

За угощенье!

Марфа Борисовна.

Ну, уж не взыщите!
Чем бог послал.

Лапша.

За ласковое слово!

Марфа Борисовна.

Напредки не забудьте!

Минин.

Ваши гости!

Уходят, кроме Аксенова и Поспелова.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Марфа Борисовна, Аксенов и Поспелов.

Марфа Борисовна.

Ты, Алексей Михайлыч, на дорожку
Медку не хочешь ли?

Поспелов.

Пожалуй, выпью.
Да не об меде речь! Мне слаще меда
Твой разговор.

Марфа Борисовна.

Какой проказник! Право!
(Подносит мед.)

Поспелов пьет.

Аксенов.

Я говорил.

Поспелов.

Ну, что ж она сказала?

Аксенов.

Сказала-то? Она сказала: люб.

Поспелов.

Ну, люб, так ладно! Вот спасибо, Марфа
Борисовна! Сказал бы я словечко
Еще тебе; боюсь — не прогневить бы.

Марфа Борисовна.

Как не грешно тебе! Да чем же можешь
Ты прогневить меня!

Поспелов.

Своей любовью.

Марфа Борисовна.

Ах! Нет... Я, право... Что тебе смотреть
На гнев мой! Что же, разве что дурное
Ты говоришь! В любви обиды нет!
Благодарить тебя за это надо.

Поспелов.

А по рукам когда?

Марфа Борисовна.

Да вот что, милый:
То нездоровится, то дела много
По дому, знаешь. Как-то все не время...
Поверишь ли, с ног сбилась от заботы.
Мы лучше уж немного подождем.
Ты не печалься, Алексей Михайлыч!

Поспелов.

Голубушка! Зачем себя ты губишь!
В твоей поре тебе бы только ласку!
Тебя бы целовать, да миловать,
Да крепко к сердцу прижимать!

Марфа Борисовна.

Ну, будет!
Мы после как-нибудь поговорим.
Не до того мне, Алексей Михайлыч!
Так голова с чего-то разболелась,
Уж и не знаю. Лучше не тревожь.

Аксенов.

Прощенья просим!

Марфа Борисовна.

И меня простите.

А к с е н о в.
Господь с тобой!

П о с п е л о в.
Бог даст, коль живы будем,
Увидимся.

М а р ф а   Б о р и с о в н а.
Ну, как не увидаться!

П о с п е л о в и А к с е н о в уходят.

⟨ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ⟩

М а р ф а   Б о р и с о в н а.
Какие речи! Господи, помилуй!
Не слушать бы! А как же их не слушать!
В миру живешь, с людьми; по-мирски
И надо жить,— все видеть и все слышать.
Куда бежать от суеты мирской?
О юность, юность, молодое время!
Куда бежать мне! Господи, помилуй!
(Уходит.)

СЦЕНА II

ЛИЦА:

БИРКИН.

СЕМЕНОВ.

МИНИН.

АКСЕНОВ.

НЕСКОЛЬКО ДВОРЯН, БОЯРСКИХ ДЕТЕЙ И ПОСАДСКИХ.

Место в Кремле, близ воеводского дома.
А к с е н о в, н е с к о л ь к о д в о р я н, б о я р с к и х д е т е й и п о с а д с к и х выходят из воеводского дома.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

⟨А к с е н о в, д в о р я н е, б о я р с к и е д е т и и п о с а д с к и е.⟩

А к с е н о в.
Вот грамоту прочли от патриарха,
А толку что! О деле позабыли,

Про земскую беду помину нет,
И что у них на Минина за злоба!
Кузьме и рта разинуть не дают.
Ругательски ругали. Дьяк Семенов
Озлобился и не уймешь, а Биркин,
Кажись, его зубами бы загрыз.
Наместо дела ссоры да отписки:
Пошлем в Казань, казанцы к пермичам.
Гонцы гоняют, дело не спорится.

Из воеводского дома выходят Биркин, Семенов и Минин.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

⟨Те же, Биркин, Семенов и Минин.⟩

Семенов.
Наслушались мы вдоволь разговору
Сегодня. Сыт ли ты, Иван Иваныч?
Биркин.
По горло сыт. От ваших разговоров
Завяли уши.
Семенов.
Ну, Кузьма Захарьев,
Спасибо за науку! Угостил
Нас, дураков, разумными речами;
Так и сидели все, развеся уши,
Да слушали.
Биркин.
Ну, как его не слушать,
Он всех умней! Ишь, краснобай какой!
Минин.
Не помню я, что говорил; быть может,
Кого обидел словом. Не вините:
Не сам я говорил, кровь говорила.
Семенов.
Обидеть не обидел, грех сказать;
А насказал довольно, не уложишь
В большой мешок.
Биркин.
Да кто же виноват?
Мы сами дали волю, так и слушай!
А он и рад.

Минин.

Да кто же запретит
Мне говорить?

Семенов.

Да всякий, кто постарше.

Минин.

За веру православную стою,
Не за дурное что. Молчать нельзя мне.

Семенов.

Ведь ты еще не воевода! Скажут,
Чтоб говорил, так говори, что хочешь;
А скажут: замолчи! — так замолчишь.

Минин.

Не замолчу. На то мне дан язык,
Чтоб говорить. И говорить я буду
По улицам, на площади, в избе,
И пробуждать, как колокол воскресный,
Уснувшие сердца. Вы подождите,
Я зазвоню не так. Не хочешь слушать,
Я не неволю: не любо — не слушай;
А замолчать меня заставить трудно.
Я не свои вам речи говорил:
Великий господин наш, патриарх,
Велит нам быть в любви, соединеньи
И промышлять, как душу положить
За веру. Нас с тобой господь рассудит,
Кто прав, кто виноват. Вы не хотели
Послушаться; смотрите, не пришлось бы
Вам каяться.

Семенов.

Послушаться тебя!
Чего ты захотел! Ты будь доволен,
Что слушали, молчать не заставляли.

Биркин.

Да из избы не выгнали тебя!

Уходят, и за ними все, исключая Минина и Аксенова.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Минин и Аксенов.

Минин.

Знать, им не жаль ни крови христианской,
Ни душ своих. Какая им корысть!

Самим тепло, а братию меньшую
Пусть враг сечет и рубит, да и души
Насильным крестным целованьем губит.
Просил я их со многими слезами
Какую ни на есть придумать помощь,—
И слышать не хотят. Не их, вишь, дело!
Так чье же?

Аксенов.

Не надейтеся на князи!

(Уходит.)

Минин.

И вправду. Нам теперь одна надежда —
На бога. Помощи откуда ждать!
Кто на Руси за правду ополчится?
Кто чист пред богом? Только чистый может
Святое дело честно совершить.
Народ страдает, кровь отмщенья просит,
На небо вопиет. А кто подымет,
Кто поведет народ? Он без вождя,
Как стадо робкое, рассеян розно.
Нет помощи земной — попросим чуда;
И сотворит господь по нашей вере.
Молиться надо! В старину бывало,
Что в годы тяжкие народных бедствий
Бог воздвигал вождей и из народа.
Возможно ли, чтоб попустил погибнуть
Такому царству праведный господь!
Вон огоньки зажглись по берегам.
Бурлаки, труд тяжелый забывая,
Убогую себе готовят пищу.
Вон песню затянули. Нет, не радость
Сложила эту песню, а неволя,
Неволя тяжкая и труд безмерный,
Разгром войны, пожары деревень,
Житье без кровли, ночи без ночлега.
О, пойте! Громче пойте! Сберите
Все слезы с матушки широкой Руси,
Новогородские, псковские слезы,
С Оки и с Клязьмы, с Дона и с Москвы,
От Волхова и до широкой Камы.
Пусть все они в одну сольются песню
И рвут мне сердце, душу жгут огнем
И слабый дух на подвиг утверждают.
О господи! Благослови меня!

Я чувствую неведомые силы,
Готов один поднять всю Русь на плечи,
Готов орлом лететь на супостата,
Забрать под крылья угнетенных братий
И грудью в бой кровавый и последний.
Час близок! Смерть злодеям! Трепещите!
Из дальнего Кремля грозит вам Минин.
А если бог отступит от меня
И за гордыню покарать захочет,
Успеха гордым замыслам не даст,
Чтоб я не мнил, что я его избранник,
Тогда я к вам приду, бурлаки-братья,
И с вами запою по Волге песню,
Печальную и длинную затянем;
И зашумят ракитовы кусты,
По берегам песчаным нагибаясь;
И позабудет бросить сеть рыбак
И в тихом плёсе на челне заплачет;
И девка с ведрами на коромысле,
Идя домой извилистой тропинкой,
Оглянется с горы и станет слушать
И, рукавами слезы утирая,
Широкие измочит рукава;
Бурлаки запоют ее под лямкой,
И балахонцы, за своей работой
Над новою расшивой, с топорами.
И понесется песня и прольется
Из века в век, пока стоит земля.
О господи! Грешу я; мал я духом,
Смел усумниться в благости твоей!
Нет, прочь сомненья! Перст твой вижу ясно.
Со всех сторон мне шепчут голоса:
«Восстань за Русь, на то есть воля божья!»
(Уходит.)

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

(Октябрь 1611 г.)

СЦЕНА I

ЛИЦА:

МИНИН.

ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА.

БИРКИН.

СЕМЕНОВ.

ПОСПЕЛОВ.

АКСЕНОВ.

ТЕМКИН.

ГУБАНИН.

ЛЫТКИН.

НЕФЕД
сын Минина.

ПАВЛИК.

МАРФА БОРИСОВНА.

НЕМЕЦ.

ВСЯКИЕ ЛЮДИ НИЖНЕГО НОВГОРОДА.

Небольшая площадь в Кремле, недалеко от собора. К концу, в пятом [1] явлении, начинает смеркаться. Выходит Лыткин; Павлик крадется к нему из-за угла.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

⟨Павлик и Лыткин.⟩

Павлик.

Спаси меня! Я влез в беду такую,
Того и жди в застенок поведут.
Ты не бывал, так страсти-то не знаешь,
Я раз висел на дыбе под кнутом
И с той поры застенок обегаю.
Не дай господь и недругу и другу.

Лыткин.

За что ж висел?

Павлик.

За добрые дела.

---

[1] В рукописи ошибочно: «седьмом».

Ты приюти меня к себе до ночи,
А ночью я за Волгу убегу.
О, горе мне! Велико окаянство
Беспутного Павлушки!

Л ы т к и н.

Провинился

Ты в чем же, друг?

П а в л и к. И вымолвить боюсь.

Послал меня Иван Иваныч наспех,
Куда, к кому, тебе не надо знать.
Проездил я без мала три недели
И с грамоткой вернулся нынче утром,
Да хмелен был, идти к нему боялся.
На грех стрелец-приятель подвернулся,
В царев кабак мы с ним и завернули,
Винца купили, разговор пошел.
Я хвастать-то горазд, язык мой — враг мой.
Болтаю я, что в голову придет,
И грамотку кажу — мол, вот где сила!
Откуда ни возьмись, Кузьма Захарьич,
Хвать за ворот и грамотку из рук.
Ударюсь я бежать, давай бог ноги.
Хоть в грамотке не писано, откуда,
К кому и от кого, да сам расскажешь,
Как приведут на исповедь в застенок.

Входит Б и р к и н.

Никак Иван Иваныч? Схорониться!
(Прячется за Лыткина.)

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Т е ж е и Б и р к и н.

Б и р к и н *(один)*.

Заметно мне, здесь в Нижнем что-то зреет.
Все замолчало, как постом великим;
На всем какое-то говенье видно,
Бледнеют лица, а глаза сияют.
Но что же может сделать этот люд?
Пойти к Москве нестройною оравой
И умирать, иль разбегаться розно,
От польских ратников. Пускай идут,
Попробуют, а нам просторней будет.

А если здесь не тяга, я в Казань:
Там Никанор Шульгин, большой приятель.
Да что ж он держит моего холопа,
Павлушку?
(Заметив Павлика.)
Вот он! Как же ты посмел,
Не показавшись, по городу шляться?
Все пьянствуешь! Когда домой вернулся?

П а в л и к.
Сегодня утром.

Б и р к и н. Что ж ты не явился?
Об двух ты, что ли, головах, бездельник!
Ну, мы сочтемся дома. Подавай
Мне грамоту скорей.

П а в л и к. Она пропала.

Б и р к и н.
Не может быть?

П а в л и к. Кузьма Захарьич отнял.

Б и р к и н.
Повешу я тебя без разговору

Л ы т к и н уходит.

За воровство твое! Скрывайся лучше!
Хоть Никанор и пишет осторожно,
Без имени, а приведут на пытку,
Расскажешь все, к кому и от кого.
Беги скорей, покуда не схватили,
Исчезни ты и с потрохом, бездельник!
Замешкаешь, так прикажу холопам
Поймать тебя и в Волге утопить.
Не побоюсь: своя рубашка ближе.
Тебя убить греха большого нет.

П а в л и к убегает. Б и р к и н уходит. Из собора проходит н а р о д. М а р ф а Б о р и с о в н а и П о с п е л о в.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

⟨М а р ф а Б о р и с о в н а и П о с п е л о в.⟩

М а р ф а Б о р и с о в н а.
Давненько не видались.

П о с п е л о в.
Шесть недель.

Марфа Борисовна.
Как время-то идет.
Поспелов.
А что?
Марфа Борисовна.
Да скоро.
Поспелов.
Не больно-то! Мне эти шесть недель
Не за год, не солгу, а за полгода,—
Никак не меньше, показались.
Марфа Борисовна. Что так?
Поспелов.
Да разве ты не знаешь?
Марфа Борисовна.
Ах, голубчик!
Я думала, что ты уж позабыл!
Поспелов.
А ты б и рада?
Марфа Борисовна.
Да не то, что рада,
А все не время, некогда подумать.
Поспелов.
Об чем тут думать, голову ломать!
Марфа Борисовна.
Кто ж за меня подумает?
Поспелов.
Все я же,
И за себя и за тебя.
Марфа Борисовна.
Какой ты
Догадливый! Спасибо, что избавил
Меня от тяжкой думы, от заботы!
Поспелов.
Сиротским делом сходим на могилку
Родителям почившим поклониться,
А там, как водится, честным пирком
За свадебку.
Марфа Борисовна.
Ну, ты недолго думал,
А хорошо сказал.
Поспелов. А нешто худо?
Марфа Борисовна.
Ты лучше знаешь.

П о с п е л о в.

Значит, так и быть,
По-моему?

М а р ф а Б о р и с о в н а.

Да ну уж, ладно, ладно.
Ты помолчи пока, мой друг сердечный!

П о с п е л о в.

Зачем молчать? Кого же мы боимся!

М а р ф а Б о р и с о в н а.

Что́ прежде времени молву пускать!
Не к спеху дело, погодим немного.

П о с п е л о в.

Да я боюсь, ты спятишься назад.

М а р ф а Б о р и с о в н а.

Зачем мне пятиться! Какая стать!
Ну, чем ты не жених? Собой красавец,
И развеселый, и такой удалый!
Других таких не сыщешь. Из-под ручки
На женихов таких невесты смотрят.

П о с п е л о в.

Всё шутки у тебя. Мне не до шуток!
Тебе забава — мне кручина злая.
Я, точно подкошенная трава,
Без ветра-вихоря, без солнца вяну.

М а р ф а Б о р и с о в н а.

Ну что на улице за разговоры!
Немало дней у бога; потолкуем
И после, без помехи, на досуге.
Ступай себе! Вон, видишь, из собора
Татьяна Юрьевна идет. Прощай!
(Уходит.)

Выходят А к с е н о в, Т е м к и н, Г у б а н и н, Л ы т к и н и разные т о р г о в ы е и п о с а д с к и е л ю д и.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

⟨А к с е н о в, Т е м к и н, Г у б а н и н, Л ы т к и н, н а р о д.⟩

А к с е н о в. Ну, так как же, ребятушки, а? Ну, вот теперь нас много сошлось, давайте поговорим толком!

Л ы т к и н. И то надо толком. А то что это! Господи, боже мой! Тот говорит: «Давай денег!» Другой го-

ворит: «Давай денег!» А для чего,— никто толком не скажет.

Т е м к и н. Тебе только все разговаривать, лясы точить, а дела-то делать, видно, ты не любишь! Мало еще, что ли, разговору-то было! Сорок дней со днем сходимся да толкуем.

Г у б а н и н. Уж и не говори! Срам! То есть, кажется, не глядел бы людям в глаза от стыда, особливо Кузьме Захарьичу. Он о земском деле печалится, а мы... Ах, стыдобушка!

А к с е н о в. Значит, ребята, как в последний раз говорили, так и быть: третью деньгу.

Г о л о с а. Третью деньгу.— Что ж, мы не прочь! — Так тому и быть!— Что сказано, то свято!

Г у б а н и н. Все, дедушко, согласны, все. *(К народу.)* Не стыдите, братцы! *(Аксенову.)* Дедушко! Спорщиков нет.

А к с е н о в. Постой ты, погоди! От трех денег — деньгу; от рубля — десять алтын, от трех рублей — рубль.

Г о л о с а. Ладно! Ладно! *(Разговор в толпе.)* С десяти рублев выходит — три рубля да десять алтын. А от сорока? — Долго ль счесть! — С пятидесяти рублев — пятнадцать рублев.— Не пятнадцать, а шестнадцать рублев двадцать два алтына.— Ишь ты, счетчик! — Да уж ладно, ладно!

Л ы т к и н. Стойте! Как же это? Значит, все одно, что семейный, что одинокий?

Г у б а н и н. Как тебе не грех рот-то разевать! Ужли один против всех пойдешь?

А к с е н о в. Тебе что за дело до одиноких! Одинокий-то, может, все отдаст, да и сам своей головой пойдет.

Т е м к и н. Ах ты, жила! Прости, господи!

Л ы т к и н. Да что жила! Кому ж своего не жаль!

Г у б а н и н. На земское-то дело? Экой срам! Ну, уж...

А к с е н о в. Стало быть, и делу конец. Отслужить молебен, да и сбирать.

Г у б а н и н. У нас в рукавичном ряду уж и деньги готовы.

Г о л о с а. В железном хотят сбирать.— Толкуют и в хлебном.— И в горшечном.— И в мясном.— И рыбаки.

Л ы т к и н. А как же теперь товар?

Т е м к и н. Прикинем.

Голоса. Известно, прикинем, что чего стоит.— Долго ль прикинуть.— В цену поставим.

Лыткин. А кто прицениватъ будет?

Темкин. Всё мы же.

Голоса. Промеж себя выберем.— Всякий в своем ряду.— Свой суд короче.

Лыткин. Да как же я поверю чужому человеку свое добро ценить!

Аксенов. Мы не без креста ходим.

Темкин. Самому тебе не счесть, как мы сочтем.

Голос из толпы. Мы торговые люди, друг у дружки каждую деньгу насквозь видим.

Лыткин. Что ж такое! Лучше ложись да умирай!

Темкин. Ну, и умирай! Ну, умирай!

Аксенов. Ты для себя для одного, что ли, жить хочешь? Так ступай в лес, да и живи себе. С людьми живешь, так и слушай, что мир говорит. Больше миру не будешь! Велит мир, так и всё отнимут.

Темкин. Да и отнимем, силой отнимем.

Лыткин. Да ведь это разор!

Темкин. Ну, да что на него смотреть, Петр Аксеныч! Как сказано, так и будет. На том все и станем.

Голоса. Все! Все!

Темкин. Есть тут кто-нибудь из немцев?

Немец. Я.

Темкин. Ты согласен?

Немец. Да!

Темкин. Вот видишь ты, Василий! Ну, скажи ты мне теперь, есть в тебе душа али нет?

Губанин. Брось ты его!

Темкин. Зреть не могу таких людей; вся душа во мне поворачивается.

Аксенов *(Лыткину тихо)*. Что тебе жалеть-то? Какое ты приданое возьмешь! У ней, говорят, тысяч до двенадцати. Некуда будет тебе и деньги-то девать.

Лыткин. Да верно ли?

Аксенов. Вчера мы с ней о тебе говорили. Лучше, говорит, мне жениха и не надо.

Лыткин. Ну, хорошо, я согласен из своих. Только чтобы из жениных не трогать.

Голоса. Кузьма Захарьич идет! — Кузьма Захарьич!

Входит Минин. Все кланяются.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

⟨Те же и Минин.⟩

Аксенов.

Мы положили третью деньгу брать
От денег, и с товару тоже.

Минин.

Мало.

Аксенов.

И те с трудом, а больше не сберешь.

Минин.

Я знаю.

Аксенов.

Тяжело одним. Помогут
Другие города.

Минин.

Плохая помощь!
Мне ждать нельзя. Мне бог велел идти.
Смотрите на меня! Теперь не свой я,
А божий. Не пойдет никто, один
Пойду. На перепутьях буду кликать
Товарищей. В себе не волен я.
Послушайте!

Все оступают его.

Сегодня поздней ночью,
Уж к утру близко, сном я позабылся,
Да и не помню хорошенько, спал я
Или не спал. Вдруг вижу: образница
Вся облилася светом; в изголовье
Перед иконами явился муж
В одежде схимника, весь в херувимах,
Благословляющую поднял руку
И рек: «Козьма! Иди спасать Москву!
Буди уснувших!» Я вскочил от ложа,
Виденья дивного как не бывало;
Соборный благовест волной несется,
Ночная темь колышется от звона,
Оконницы чуть слышно дребезжат,
Лампадки, догорая, чуть трепещут
Неясным блеском, и святые лики
То озарялися, то померкали,
И только разливалось по покоям
Благоухание.

Аксенов.

Слава в вышних богу!
Но кто же старец? Рассмотрел ли ты?
Угодников ты подлинники знаешь.

Входит Нефед.

⟨ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ⟩

⟨Те же и Нефед.⟩

Нефед.

Где батюшко?

Минин.

Что надо? Что случилось?..

Нефед.

Гонцы от Троицы Живоначальной,
От Сергия-угодника пришли.

Минин.

От Сергия-угодника? И старец,
Явившийся мне, грешному, был Сергий!

Голоса.

Перст божий! Божья воля! Чудеса!
Еще от нас господь не отступился.

Нефед.

У них письмо отца архимандрита
И келаря.

Минин.

На воеводский двор
Ступай, Поспелов, прямо к воеводе!
Оповести его!

Поспелов уходит.

А вы сбирайте
Дворян, детей боярских и голов,
И сотников стрелецких и казацких,
И земских старост, и гостей, и всяких
Людей служилых к воеводе в дом.
А ты, Нефед, домой! Веди гонцов!
Как есть с дороги, так пускай и идут.
Теперь в последний раз, друзья, пойду я
Боярам, воеводам поклониться.

Голоса.

Господь поможет. Он тебе поможет.
Молиться будем! Господа умолим.

Все уходят.

СЦЕНА II

ЛИЦА:

ВОЕВОДА.

ВАСИЛИЙ АНДРЕЕВИЧ ЗВЕНИГОРОДСКИЙ
товарищ воеводы [1].

АНДРЕЙ СЕМЕНОВИЧ АЛЯБЬЕВ.

БИРКИН.

СЕМЕНОВ.

МИНИН.

АКСЕНОВ.

ПОСПЕЛОВ.

КОЛЗАКОВ.

РОМАН ПАХОМОВ.

ДВОРЯНЕ, ДЕТИ БОЯРСКИЕ, ГОЛОВЫ, СТАРОСТЫ, БОГАТЫЕ ПОСАДСКИЕ ЛЮДИ.

Большая, богатая изба в воеводском доме.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

В избу входят постепенно разные лица, всё более пожилые и зажиточные, Аксенов, Минин, Поспелов, Роман Пахомов. Вновь пришедшие кланяются молча с теми, которые пришли прежде. Говорят шепотом. Потом входят: Воевода, Алябьев, Биркин, Семенов, Колзаков и несколько народу.

Воевода *(Пахомову)*.
Здорово ли доехал?

Роман Пахомов.
Ничего.

Воевода.
Ну, молодец же ты, Роман Пахомов!
Хвала и честь тебе! Чай, отдохнуть
С дороги-то захочешь?

Роман Пахомов.
Да когда уж!
Велели к вам заехать, да в Казань.
Уж отдохну, вернувшись из Казани.
(Отходит.)

---

[1] Против этого лица помета режиссера: «Без слов» *(ред.)*.

В о е в о д а.

Все собрались?

Г о л о с а.

Все.

В о е в о д а *(отдает грамоту Семенову)*.

Читай, Василий!

С е м е н о в.

Сначала тут, как водится, все власти
Казанские и весь народ помянут:
Татары, черемисы, вотяки
И прочие. *(Читает.)* «Не раз мы вам писали
О нашей гибели и разоренье;
И снова молим вас: не позабудьте,
Что вы родились в православной вере,
Святым крещением знаменовались.
Сего-то ради положите подвиг
Страданья вашего за ваших братий!
Молите всем народом христианским
Людей служилых быть в соединенье
И заодно стоять против врагов
И всех предателей хрестьянской веры.
Вы сами видите, что всем близка
От тех врагов конечная погибель.
В которых городех они владели,
Какое разоренье учинили!
Где божьи образы и где святыня?
Не всё ли разорили до конца
И обругали наглым поруганьем!
Попомните и смилуйтесь над нами,
Не мешкая, идите в сход к Москве!
И положите подвиг пострадать
Для избавленья православной веры!
Казною и людями помогите!
О том вас молим много со слезами
И от всего народа бьем челом!»

В о е в о д а.

Вели списать ты список слово в слово,
А грамоту отдай свезти в Казань.

М и н и н.

А что ответим?

С е м е н о в.

Знают воеводы
Про то, а наше дело будет — слушать.

М и н и н.

Послушаем.

В о е в о д а.

Мы рады бы идти,
Да нас походы разорили вовсе.
Давно ль ходил князь Александр Андреич.

А л я б ь е в.

И я ходил; без дела не сидели!
Казны да войска просят. Где ж нам взять?

А к с е н о в.

Поищем, так найдем.

С е м е н о в.

А где найдешь ты?

А к с е н о в.

Промеж себя найдем; сберем, что можем.

С е м е н о в.

Сберешь ты много!

М и н и н.

Сколько ни на есть!
Уж это наше дело.

В о е в о д а.

Доброй воли
Я не снимаю с вас. Сбирайте с богом!

С е м е н о в.

Ну, может быть, кой-что и соберете;
Что ж делать будете?

А к с е н о в.

Тебя не спросим.

М и н и н.

Наймем людей служилых да стрельцов,
Да и пошлем к Москве.

С е м е н о в.

Без воеводы?

М и н и н.

Как преж того водил Андрей Семеныч,
Так и теперь ему челом ударим.

А л я б ь е в.

Я не пойду, устал.

М и н и н.

Андрей Семеныч!
Ты вздумай, если нашим нераденьем
Московскому крещеному народу
Конечная погибель учинится,

Иссякнет корень христианской веры,
И благолепие церквей господних
В Московском государстве упразднится,
Какой ответ дадим мы в оный день,
В день страшного суда?

Алябьев.

А кто порукой,
Что наше войско враг не одолеет,
Что врозь оно не разбежится, прежде
Чем мы Москву перед собой увидим?
Не хуже нас ходили воеводы!
Со всех концов бесчисленное войско
Шло под Москву громовой черной тучей.
Да не дал бог, все розно разошлись.
Так как же хочешь ты, чтоб с горстью войска
Я шел к Москве! Мне с господом не спорить!

Минин.

Мы всё на бога. Сами виноваты,
А говорим: «Бог не дал». Да за что
Ему и дать-то нам! Такое дело
Великое как делалось, сам знаешь.
Когда-то соберутся да пойдут,
Как точно через пень колоду валят.
А соберутся — споры да раздоры:
Да не о том, кто первый помереть
За Русь святую хочет; разбирают,
Кто старший, набольший, кто чином больше,
Кто стольник, видишь ты, а кто боярин.
Другой боярин-то, гляди, в Калуге
Боярство-то от вора получил.
Да ты не осердись, Андрей Семеныч!

Воевода.

За что сердиться! Правду говоришь.

Минин.

А там и говорят, что не дал бог.
Что за корысть великим воеводам
За дело земское стоять до смерти!
Им хорошо везде. С царем повздорил,
Так в Тушино — там чин дадут боярский;
Повздорил там, опять к царю с повинной.
И все они, прости меня господь,
Для временные сладости забыли
О муке вечной. Им ли нас спасать!

Голоса.

Что правда — правда; что греха таить!

Воевода.

Кому ж стоять теперь за Русь святую,
Кузьма Захарьев?

Минин.

Тем, кто больше терпит,
Кто перед богом не кривил душой.
Когда народ за Русь святую встанет,
И даст господь победу над врагом.
Нам дороги родные пепелища,
Мы их не променяем ни на что.
Нам вера православная да церковь
Дороже всех сокровищ на земле.

Воевода.

За умноженье наших прегрешений
Господь казнит. Мы знаем то и терпим.
Так не грешно ли против божьей воли
Нам восставать? Не лучше ли смириться?

Минин.

Господь не век враждует против нас
И грешнику погибели не хочет.
Враг одолел, творя его веленье,
Смирились мы, и нам господь пошлет
Победу на врага и одоленье!

Алябьев.

Мне следу нет идти, пускай другие.

Минин.

Ты не пойдешь, мы без тебя пойдем.
Позволь мне завтра кликнуть клич к народу;
Что соберем, с тем и пойдем к Москве.
По деньгам глядя, принаймем казаков.

Биркин.

Не знаю, что вам воевода скажет,
А я б тебе и думать не позволил
Сбивать казаков своевольных в город.
В Казани их пущают понемногу,
Так человек десятка два, не больше.
В тебя не влезешь. Говорят, чужая
Душа — потемки. Может, ты затеял
Какую смуту аль измену всчать!

Минин.

Чего не знаешь, ты б не говорил.

Я вот и знаю, да молчу. Ты лучше
Смотрел бы на себя, а не корил
Поклепом злым людей, себя честнее.
Тебя с собой я не зову к Москве;
Тебе и в Тушине тепло бывало.
Я про тебя скажу такое слово,
Что ты язык прикусишь.

Семенов *(Воеводе)*.

Князь Василий
Андреевич, при нас такие речи
Он говорит. Возможно ли терпеть!

Минин *(показывая на Биркина)*.
Ты видишь, терпит.

Воевода.

Замолчи, Кузьма.

Минин.
Я замолчу, да уж и он не скажет
Ни слова больше, головой отвечу.

Семенов.
Так я скажу. Я замысел твой вижу.
Не смуту, нет, ты смуты не затеешь,
Ты от казны попользоваться хочешь,
Чужой копейкой поживиться, вот что!
Вы все барышники.

Минин.

Очнись, Василий
Семенович! Ты старый человек!
По дурости ты это говоришь
Или по злобе на меня — не знаю.
Нет, я души своей не продавал
И не продам. Душа дороже денег,
Мы знаем твердо, ты не позабыл ли?
Мы тем живем, что бог в торгу пошлет;
К поборам да к посулам не привыкли;
Ты будь покоен, сам я не возьмусь
Ни собирать, ни соблюдать казну.
Мы старикам дадим на сбереженье,
Уж только не тебе, ты не взыщи!

Аксенов.
Не в тягость служба, коли дело божье
Да земское.

В о е в о д а.

А много ли собрать

Мекаете? Вам это дело ближе,
Виднее.

М и н и н.

Прикажи нам кликнуть клич,
Тогда увидим.

С е м е н о в.

Много не сберете.

А к с е н о в.

Что бог пошлет, и тем довольны будем.
Василий княж Андреич, прикажи!

В о е в о д а.

Все просите?

Г о л о с а.

Все просим. Все как есть.

В о е в о д а.

Ну, кличьте, с богом!

С е м е н о в *(Минину)*.

Соберешь алтын
За гордость за свою.

М и н и н.

Не ошибись!

А к с е н о в.

Благодарим, Василий княж Андреич,
Что ты позволил нам к народу кликнуть
И собирать казну на божье дело!
За что бы, кажется, благодарить!
Свои мы деньги соберем, положим
Свои труды; да ведь другой, пожалуй,
И помешал бы нам, а ты велишь.
Так уж тебе спасибо и за это!

М и н и н.

Князья, и воеводы, и бояре,
И все честные люди, посудите
Своим умом и разумом великим
Мою простую речь! Не обессудьте,
Что я помимо старших затеваю
Такое дело! Я слуга господень.
Сегодня ночью преподобный Сергий
Мне грешному явился, и велел он
Будить народ и поспешать к Москве.
Когда я близким стал про это чудо

Рассказывать, в тот самый час гонцы
Явились с грамотой архимандрита.
И мнится мне, что сам угодник Сергий
Ее прислал. Бояре, воеводы!
Я чудо божье утаить не смел
И вам поведал все, как перед богом.
И слушать и не слушать ваша воля;
А мне одно: служить я буду богу,
Пока исполнится завет господень,
Пока кремлевские увижу стены.

Голоса.
Иди, иди к Москве, Кузьма Захарьич!
Тебя господь поддержит, укрепит...

Воевода.
И мы по силе — пó мочи поможем.

Голоса.
Поможем все тебе! Поможем все!

Воевода.
А грамоту снесите к протопопу,
Чтоб завтра за обедней прочитал.
Велите в колокол большой ударить,
Чтобы народу собралось побольше.

Семенов.
А где свинцу да пороху возьмете?
Без огненного бою как соваться!

Минин.
Займем в Казани, там в остаче много.

Семенов.
А не сберешь ты войска, что тогда?

Минин.
Один пойду.

Семенов.
Один — не ратник в поле.

Поспелов.
Ты не один пойдешь, и мы пойдем.
Посадские, торговые помогут
Вам деньгами, а мы все головами.

Дети боярские.
Мы все идем с тобой, Кузьма Захарьич.

Поспелов.
Служилые, вои́нские мы люди,
Мы по приказу шли и умирали,
Велят — иди и голову клади;

Теперь без зова я иду, охотой!
Уж умирать — так за святое дело!

Колзаков.

Тебя господь своим сподобил чудом;
Иди же смело в бой, избранник божий!
И нас возьми! Авось вернется время,
Когда царям мы царства покоряли,
В незнаемые страны заходили,
Край видели земли, перед глазами
Земля морским потоком завершалась
И выл сердито море-окиян.
Довольно бражничать! Теперь есть дело:
Точить оружие, в поход сбираться!

Воевода.

И с богом! Только жаль, что вас немного.

Минин.

Да разве враг нас одолел числом? —
Он одолел нас божьим попущеньем.
Не силой силен враг, а божьим гневом.

Аксенов.

Не войска нужно нам, а благодати.

Минин.

Велик господь, владыко херувимский!
Прибежище и сила наша в нем!
Его рука дала врагам победу,
Его рука притупит их мечи.

Аксенов.

Давид и мал, да сильного свергает.

Поспелов.

Немного храбрых вывел Гедеон.

Минин.

Самсон все войско костью побивает.

Аксенов.

От гласа труб валится Ерихон.

Колзаков.

С большой ордой побить врага не диво.

Минин.

Во мнозе бог! И в мале бог!

Аксенов.

Аминь!

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЛИЦА:

ВОЕВОДА.

БИРКИН.

СЕМЕНОВ.

ПОСНЕЛОВ.

КОЛЗАКОВ.

МИНИН.

АКСЕНОВ.

ТЕМКИН.

ГУБАНИН.

ЛЫТКИН.

НЕФЕД МИНИН.

ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА.

МАРФА БОРИСОВНА.

ГРИША
юродивый.

ВСЯКИЕ ЛЮДИ НИЖНЕГО НОВГОРОДА ОБОЕГО ПОЛА.
СЛЕПЫЕ.

Площадь в Кремле недалеко от собора. Начинает рассветать. Часть народа толпится на паперти, между ними Губанин. Вбегает Лыткин.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

⟨Губанин, Лыткин, народ.⟩

Лыткин.

Отцы мои! Вот страсти-то!
(Увидав Губанина.)
Родимый!
Что за напасть, скажи?

Губанин.

Кака напасть?

Лыткин.

Зачем в большой-то колокол звонили?
Как начали звонить, я так и обмер,
Ну, думаю, беда, опять всполох
От воровских людей.

Губанин.

Да ты опомнись!

Перекрестись!

Лыткин.

Зачем в большой-то били?

Нет праздника.

Губанин.

Чтобы народу больше

Понабралось. От Сергия прислали
К нам грамоту, теперь ее читают.

Лыткин.

Я сдуру-то подумал, что всполох,
Велел домашним собирать всю рухлядь
Да поскорей за каменную стену.
Тут у ворот под горкой и сложили.

Губанин.

Кто о душе, а ты о суете.

Лыткин.

Ну, ты еще меня учить-то молод.

Губанин.

Нельзя пройти, а хочется послушать,
Уж ничего б, кажись, не пожалел.

Лыткин.

Послушал бы и я. Посторонитесь,
Почтенные! Попробуем пройти.

Проходят. Народ мало-помалу протесняется в собор. У паперти открывается кучка слепых, которые были скрыты народом.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Слепые *(запевают)*.

Живал себе славен на вольном свету,
Пивал, едал сладко, носил хорошо.
Золотые одежи богат надевал,
Про милость про божью богат не давал,
Про нищую братью богат забывал.

Заря занимается. Народ выходит из собора. Все утирают слезы. Слышны голоса: «Подайте слепому, убогому!», «Сотворите святую милостыню». Мальчики уводят слепых на паперть. Народ становится стенами, образуя улицы для выходящих из собора. Выходят Воевода, Биркин и Семенов.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

⟨Воевода, Биркин, Семенов и народ.⟩

Воевода *(утирая слезы)*.

Вы видели, как плакал весь народ,
Вы слышали тяжелые рыданья!
Какие слезы! Боже! Прав Кузьма:
С таким народом можно дело делать
Великое. Взгляните, эти слезы —
Не хныканье старух и стариков,
В них сила страшная; омывшись ими,
Народ готов на подвиг. Хоть на битву
Веди его, хоть в монастырь честной,
Хоть нá небо.

Семенов *(со слезами)*.

Великую ты правду,
Андрей Семеныч, говоришь. Я стар,
Заматерел в грехах, а божье слово
В час утренней молитвы возвышает
Мне душу грешную, и рвутся цепи,
К земле гнетущие!

Воевода. Конец страданью,
Заметно по всему. И страшно будет
Отмщение за пролитую кровь.

Биркин.

Потерпят и еще.

Воевода. Вот ты увидишь,
Что этот день — начало избавленья.
Народ проснулся. Даром так не плачут.
Поверь ты мне: заря освобожденья
Здесь, в Нижнем, занялась на всю Россию.
(Уходит.)

Входят Аксенов, Поспелов, Темкин, Губанин, Лыткин и несколько народу.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

⟨Биркин, Семенов, Аксенов, Поспелов, Темкин, Губанин, Лыткин и народ.⟩

Аксенов.

Сейчас наказывал Кузьма Захарьич
Сказать народу, чтоб не расходился.
Пожалуй, после всех и не сберешь.
Теперь в соборе заказал молебен

Он ангелу-хранителю Косьме-
Бессребренику. Вы поговорите
С народом-то, пока молебен кончат.

Темкин и Губанин отходят к народу, один в одну сторону, другой в другую.

Т е м к и н.
Почтенные! Маленько подождите:
Кузьма Захарьич хочет говорить.
Г у б а н и н.
Коли не в труд, повремените малость:
Кузьма Захарьич приказал просить.

М и н и н выходит из собора.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

⟨Т е ж е и М и н и н.⟩

М и н и н *(с лобного места).*
Друзья и братья! Русь святая гибнет!
Друзья и братья! Православной вере,
В которой мы родились и крестились,
Конечная погибель предстоит.
Святители, молитвенники наши,
О помощи взывают, молят слезно.
Вы слышали их слезное прошенье!
Поможем, братья, родине святой!
Что ж! Разве в нас сердца скаменели?
Не все ль мы дети матери одной?
Не все ль мы братья от одной купели?
Г о л о с а.
Мы все, Кузьма Захарьич, все хотим
Помочь Москве и вере православной.
М и н и н.
И аще, братья, похотим помочь,
Не пожалеем наших достояний!
Не пощадим казны и животов!
Мы продадим дворы свои и домы!
А будет мало — жен, детей заложим!
Г о л о с а.
Заложим жен! Детей своих заложим!
М и н и н.
Что мешкать даром, время нас не ждет!
Нет дела ратного без воеводы:

Изыщем, братия, честного мужа,
Которому то дело за обычай,
Вести к Москве и земским делом править.
Кто воеводой будет?

Г о л о с а. Князь Димитрий
Михайлович Пожарский! Князь Пожарский!
Другого нам не надо!

М и н и н. Воля божья!
Пожарского избрали мы всем миром —
Ему и править нами. Глас народа —
Глас божий. Выборных людей пошлем
Просить и кланяться, чтоб шел к нам наспех.
Теперь, друзья, несите кто что может
На дело земское, на помощь ратным.
Я — господи, благослови начало —
Свои, копленые и трудовые,
Все, до последнего рубля, кладу.

Н е с к о л ь к о г о л о с о в.
И мы, и мы все за тобой готовы
Отдать свою копейку трудовую!

Д р у г и е г о л о с а.
Что деньги! Деньги дело наживное;
Как живы будем, наживем опять.

М и н и н.
Да из собора я послал Нефеда,
Чтоб из дому несли, что подороже:
Жены Татьяны поднизи и серьги,
Весь жемчуг, перстни, ферязи цветные,
Камку и бархат, соболь и лисицу;
Да взяли б у святых икон взаймы,
На время только, ризы золотые.
Пошлет господь, оправим их опять.

Г о л о с а.
Все отдадим! Теперь не до нарядов!
В нарядах суета мирская ходит!

Начинаются приношения.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

⟨Т е ж е и н а р о д.⟩

М и н и н.
Ты, Петр Аксеныч, стань, блюди казну!
Ты, дедушко,— не знаю, как назвать-то,—

Постой у денег! Принимайте вместе!

Аксенов и старик всходят на лобное место и принимают приношения. Минин сходит.

Биркин.
Нет, в Нижнем принялись за дело крепко.
Здесь делать нечего, а подобру
Да поздорову лучше убираться.

Семенов *(подходит к Минину)*.
Обидел я тебя, Кузьма Захарьич,
Прости меня!

Минин. Господь тебя простит.

Семенов.
Я мнил, смущаем дьявольским прельщеньем,
Что грубый ты и гордый человек,
Что ради славы суетной ты ищешь
Владычества над равными тебе
И временной корысти. Просвещает
Господь мне очи ныне. Зрю в тебе
Поборника по вере православной,
Ясносиятельной и непорочной,
И кланяюсь тебе, прости меня!

Минин.
Не у меня, у господа прощенья
Проси! А я обид твоих не помню.

Семенов.
Ну, и спаси тебя господь за это!
Не откажите малый вклад принять
От многогрешного раба Василья.

Отходят с Мининым.
Народ более и более теснится у лобного места. Начинают приносить даже вещи, что и продолжается до конца действия.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

<Те же, без Семенова.>

Губанин *(Темкину)*.
Пойти домой, принесть свое хоботье!
Оставлю чашку щей да хлеба на день,
С меня и будет.

Темкин. Погоди, успеешь!
Мы первые пошли на это дело,
Не спятимся. Что Лыткин замолчал?

Губанин.
Ты знаешь, Лыткина именье близко:
Он в город перенес, боясь всполоху;
Как давеча к обедне зазвонили
В большое било, он и испугался.
Темкин.
Ну, ладно ж! Погоди, Василий Лыткин!
(Лыткину.)
Ай, Вася! Вот хвалю! Так, брат, и надо!
Лыткин.
А что?
Темкин.
Да как же! Ты свои пожитки
Все приволок. Чего-нибудь да стоит.
Лыткин.
Да нешто я про вас?
Темкин.
А про кого же?
Лыткин.
Я для сохранности принес.
Темкин.
Ну, полно
Шутить-то с нами!
Лыткин.
Да какие шутки!
А вот возьму да и пошлю домой.
Темкин.
Покойников с погосту в дом не носят.
Лыткин.
Так что же вы хотите?
Темкин.
Вот покличем
Мы молодцов, перетаскают мигом.
А из мирской казны не отдадут.
Губанин.
Да и просить-то стыдно.
Лыткин.
Что ж вы, грабить
Меня хотите?
Темкин.
Как же быть с тобой?
Неволя заставляет, сам доводишь!
Лыткин.
Не погубите!

Темкин.

Вот что, брат Василий!

Дай деньгами! Пожитков мы не тронем.

Губанин.

Ведь деньги все с тобой? Боясь всполоху,
Все до копейки из дому унес?

Лыткин.

А много ль?

Темкин.

Все отдай!

Губанин.

Ну, половину!

Лыткин.

Ой, много!

Темкин.

А заспоришь, хуже будет.

Губанин.

Ну, третью деньгу дай!

Темкин.

С лихой собаки
Хоть шерсти клок.

Губанин.

Как на миру решили!

Темкин.

Развязывай кошель-то, сосчитаем!

Все трое садятся на землю и считают деньги.

Три доли ровно, видишь. Две тебе,
Сбирай в мошну, завязывай потуже!
А третью часть сыпь в шапку, да и с богом
Пойдем все вместе, отдадим с поклоном.

Подходят к Аксенову.

Примай-ко, Петр Аксеныч!

Лыткин подает шапку.

Аксенов *(высыпает деньги)*.

Вот спасибо!
Не ожидал я от тебя, Василий.

Лыткин.

Я на мирскую нужду не жалею.
(Отходит.)
Уж только знает грудь да подоплёка,

Как мне легко. Одна теперь надежда —
Богатое приданое мне взять.

Входит Колзаков.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

⟨Те же и Колзаков.⟩

Колзаков *(Минину)*.
А я что дам? До нитки домотался!
А надо бы беречь на черный день.
И у меня добра довольно было,
Да сплыло все. Теперь людям завидно.
Не то завидно, милый человек,
Что хорошо живут да чисто ходят,
А то завидно, что добро несут,
А мне вот нечего. И одежонка
Вся тут. Да! Погоди! Тельник на шее,
Серебряный, большой. Ну, слава богу!
Нашлось-таки, что господу отдать.
(Снимает.)
Возьми! Возьми! Пускай хоть раз-то в жизни
Пойдет на дело и моя копейка.

Входят Татьяна Юрьевна и Нефед. За ними несут сундуки и ларцы.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

⟨Те же, Татьяна Юрьевна и Нефед.⟩

Нефед.
Как, батюшко, изволил приказать,
Так точно мы, по твоему приказу,
И сделали — всё принесли сюда.

Минин.
Вон, видишь, Петр Аксеныч собирает!
Кладите в кучу, после разберут.

Татьяна Юрьевна.
Вот, государь ты мой, Кузьма Захарьич,
Ты приказал жене твоей, Татьяне,
Прислать тебе жемчуг и ожерелья,
И с камешками перстеньки, и всю
Забаву нашу бабью. Я не знаю,
На что тебе! Я всё в ларец поклала,

Не думавши, взяла и принесла.
Ты дума крепкая, Кузьма Захарьич,
Ты слово твердое, так что нам думать?

Минин.
Сама Петру Аксенычу отдай!

Татьяна Юрьевна.
Все, государь, исполню, что прикажешь.
(Отдает.)

Входит Марфа Борисовна, за ней несут сундуки и ларцы.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

⟨Те же и Марфа Борисовна.⟩

Лыткин.
Никак весь дом несет! Прощай, невеста,
Приданое! Останусь ни при чем.

Марфа Борисовна.
Богатое наследство мне осталось
От мужа моего и господина.
Отцы и деды прежде накопили,
А он, своим умом и счастьем, много
К отцовскому наследию прибавил
И умер в ранних летах; не судил
Ему господь плоды трудов увидеть,
Покрасоваться нажитым добром.
Благословенья не было от бога
Мне на детей — одним-одна осталась
Хозяйкою несчетного добра,
Добра чужого,— я с собою мало
В дом принесла. Искала я родных;
Родни его ни близкой не осталось,
Ни дальней. Вздумала я — догадалась
Раздать казну за упокой души,
И весело мне стало, что заботу
Такую дорогую бог послал.
И вот, благословясь, я раздавала
По храмам божьим на помин души,
И нищей братье по рукам, в раздачу,
Убогим и слепым и прокаженным,
Сиротам и в убогие дома,
Колодникам и в тюрьмах заключенным,
В обители: и в Киев, и в Ростов,

В Москву и Углич, в Суздаль и Владимир,
На Бело-озеро, в Поморье, в Галич,
И в Грецию, и на Святую Гору,
И не могла раздать. Все прибавлялось —
То долг несут, то кортому с угодий.
И, не внуши вам бог такого дела,
Ни в жизнь бы мне не рассчитаться с долгом.
(Отходит к стороне.)

Народу все больше прибывает на площадь.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Один из толпы.
Вот шесть алтын, две деньги!
Другой.
Зипунишко!

Подают. К лобному месту подходят толпами.

Голоса.
Вот наши деньги, из квасного ряду!
Из рукавичного! От ярославцев!
Костромичи собрали — принимайте!
Стрельцы Колзакова Баима сотни!
Поспелов.
Вот праздник, так уж праздник! Ну, веселье!
Минин.
Не явно ли благословенье божье!
Теперь у нас и войско, и казна,
И полководец. Недалеко время,
Когда, вооружась и окрылатев,
Как непоборные орлы, помчимся.
За нас молитвы целого народа,
Детей, и жен, и старцев многолетних,
И пенье иноков, и клир церковный,
Елей лампад, курение кадил!
За нас угодники и чудотворцы,
И легионы грозных сил небесных,
Полк ангелов и божья благодать!

Вбегает юродивый.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

⟨Те же и юродивый.⟩

Голоса.
Бежит убогий! Гриша! Пропустите!

Ю р о д и в ы й *(на лобном месте).*
Вот денежки! Копеечки! Возьмите!
Их много, много!
(Высыпает деньги.)
Г о л о с а.
Вот он собирал
Всё на дорогу-то! Выходит, правда.
Уж эти деньги, братцы, всех дороже.
Ю р о д и в ы й.
Темно! Темно! Не вижу ничего!
Где люди? Где земля? Все вниз уходит.
Повыше бы подняться! Выше! Выше!

Его поднимают.

Я вижу, вижу!..
Г о л о с а.
Что ты видишь, Гриша?
Всем сказывай! Всем говори, что видишь!
Ю р о д и в ы й.
Обители, соборы, много храмов,
Стена высокая, дворцы, палаты,
Кругом стены посады протянулись,
Далеко в поле слободы легли,
Всё по горам сады, на церквах главы
Всё золотые. Вот одна всех выше
На солнышке играет голова,
Река, как лента, вьется... Кремль!.. Москва!..

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

СЦЕНА I

ЛИЦА:

МИНИН.

ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА.

НЕФЕД.

АКСЕНОВ.

ПОСПЕЛОВ.

СЕМЕНОВ.

ПЛОЩАДНЫЙ ПОДЬЯЧИЙ.

ВЫБОРНЫЕ.

НАРОД.

Горница в доме Минина. Налево дверь в другой покой, прямо — в сени.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Минин, Татьяна Юрьевна и Нефед. Входят выборные, Семенов.

Семенов.
Кузьма Захарьич! Ведомо тебе,
Что мы всем миром посылали к князю
Димитрию Михайловичу в Пурех
Нижегородцев, выборных людей
Из всех чинов, с великим челобитьем.
Князь Дмитрий наше челобитье принял
И приказал сказать всему народу,
Что ради веры пострадать готов.
У сбора же казны и у раздачи
На жалованье ратным людям денег
Приговорили кланяться тебе
И звать к мирскому делу неотступно.

Один из выборных.
Уж не впервой тебе, Кузьма Захарьич,
За дело земское руками браться.
Мы много милостью твоей довольны.
И в этом разе ты нас не покинь.

Все кланяются.

Другой выборный.
Кузьма Захарьич! Мы к тебе с поклоном,
С великим челобитьем прибегаем.

Все кланяются.

Голоса.
Кузьма Захарьич, послужи! Кому же,
Опричь тебя и некому у нас!
Все просим: послужи, Кузьма Захарьич!

Кланяются.

Минин.
Благодарю, что вспомнили меня,
И низко кланяюсь. За честь спасибо!

(Кланяется.)
Есть поумней меня и побогаче,
Да и постарше, прежде тех просите!

Голоса.

Нам никого не надо. Не хотим.

Минин.

Не бегал я от службы никогда,
Для дела земского бросал заботы
Свои домашние, семью, торговлю.
Вот и недавно подняли мы дело
И малое начало положили
Великому. Жалел ли я себя?
И деньги и добро принес я первый.
По-моему-то, всем так подобает;
А может, кто жалеет. Как тут быть!
Как тут орудовать! Один и душу
Рад заложить — другому жаль копейку.
Стань принуждать, его обидишь кровно.
И только грех, да брань, да уреканье!
Послужишь богу, так людей обидишь!
Людям служить, так богу согрешить!
Кому служить-то: людям или правде?

Голоса.

Ты правде послужи, Кузьма Захарьич!

Минин.

Служил бы правде, силы не хватает.
Последнюю на службе истерял.
Работал много, наработал мало!
Хлопот по горло, дела на алтын!
Любовью начали, свели на ссору!
Хотели волей собирать подмогу,
Теперь хоть силой отымай, так впору.
Что было силы, послужил народу.
Уж не взыщите, утрудился больно.
(Кланяется.)
Другому кланяйтесь, я не слуга вам!
Последнее вам слово говорю.

Выборные.

Прощенья просим!

Минин.

С богом оставаться!

Уходят выборные. Входят Аксенов и Поспелов.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

⟨Минин, Аксенов, Поспелов, Нефед, Татьяна Юрьевна.⟩

Минин.

Душа моя открыта перед богом,
Я рад служить, рад душу положить!
Я к делу земскому рожден. Я вырос
На площади, между народных сходок,
Я рано плакал о народном горе,
И не по летам тяжесть земской службы
Я на плечах носил своей охотой.
Теперь зовут меня, а я нейду;
И не пойду служить, пока весь Нижний
В моих руках не будет поголовно
Со всем народом и со всем добром.

Входят двое выборных.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

⟨Те же и выборные.⟩

Выборные.

Кузьма Захарьич, мы опять к тебе.

Минин.

Сказал, что не пойду — чего ж хотите!
Я и в другой раз то же говорю,
Придете в третий, в третий то же будет.

Выборные уходят.

Аксенов.

Постой-ко, я пойду, скажу им толком,
Чтоб отдались тебе совсем на волю
И написали земский приговор,
Как ты велишь.
(Уходит.)

Минин.

Тогда — другое дело,
И разговор пойдет другой у нас.

Татьяна Юрьевна.

Ты рассказал бы, Алексей Михайлыч,
Как принял вас и выборных князь Дмитрий
Михайлович и что он говорил,
А я послушаю.

Поспелов.

Изволь, послушай!
Вот, перво-наперво, мы духовенство
Пустили в горницу, а там честь-честью
Вошли и мы, кто старше, впереди.
Все помолились, низко поклонились.
Князь подошел к благословенью, отдал
Нам всем поклон и начал говорить,
Что рад гостям и что желает слышать,
Какую нужду до него имеют.
Тут все заговорили. Дьяк Василий
Большую речь держал хитро и складно
И приводил слова святых писаний.
Князь слезно плакал. Видно, что по сердцу
Ему пришел наш земский приговор.
«Ступайте в Нижний,— говорит,— скажите,
Что я за веру пострадать готов
До самой смерти. Только подобает
Между собою из людей посадских
Вам выбрать мужа, чтобы вместе быть
Нам у великого такого дела,
Казну сбирать и ратных оделять,
И все дела нам делать заедино!»
И стали наши князю говорить:
«Не знаем мы такого человека!»

Минин *(жене)*.

Они не знают! Слышишь ты, не знают!
Меня от службы земской оттирают,
Иду в холопы к ним — не принимают.

Поспелов.

А князь им говорит: «У вас Кузьма
Захарьев, Сухорук, то дело знает;
Он человек бывалый и служилый,
Ему такое дело за обычай!
Его просите! Буде согласится,
И я, не мешкая, сбираться буду».
Нас накормили, брагой напоили
И с миром отпустили. Вот и все.

Нефед.

Вернулись, батюшко, идут опять,
Подьячего ведут со всем припасом.

Входят Аксенов, подьячий, выборные и народ.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

⟨Те же, Аксенов, подьячий, выборные и народ.⟩

Один из выборных.
Вели писать, а мы вперед согласны
На всякий твой приказ, Кузьма Захарьич.
Минин *(подьячему)*.
Садись, пиши!

Подьячий садится.

Всех помяни вначале!
Дворян, детей боярских, и голов,
И выборных, и старост, и посадских
Всех по порядку напиши, как знаешь.
(Помолчав.)
Пиши, что выбрали меня всем миром
У сбора денег ратным людям быти.
(Помолчав.)
Пиши! И быти нам Кузьме послушным
И не противиться ему ни в чем!
На жалованье ратным людям деньги
Имать у нас у всех беспрекословно!
А недостанет денег,— животы;
А животов не станет,— жен с детями
Имать у нас и отдавать в заклад.
(Помолчав.)
Готово?
Подьячий. Написал.
Минин *(народу)*. Ну, ладно ль будет?
Голоса.
Пусть будет так! Прикладывайте руки!

Прикладывают руки.

Минин.
Не премину радеть о земском деле,
А за любовь за вашу бью челом.
(Кланяется.)
Теперь у господа молить я буду,
Чтоб даровал мне силу мышц, и мудрость
Змеиную, и кротость голубину.
Один из выборных.
Готово. Принимай, Кузьма Захарьич!
(Подает приговор.)

М и н и н.

Сбирайтесь в путь, везите с береженьем
И князю Дмитрию отдайте в руки.

Передает Нефеду и Поспелову. Они уходят.

О господи! Благодарю тебя!
(Падает на колени.)

А к с е н о в.

Давно стоит земля, а не бывало
Такого дела на святой Руси.
И небывалую ты служишь службу.
Прими ж такое звание от нас,
Какого деды наши не слыхали
И внуки не услышат, и зовись
Ты Выборным всей Русскою Землею!

Г о л о с а.

Ты Выборный от всей Земли великой!

СЦЕНА II

(24 августа 1612 г.)

ЛИЦА:

КНЯЗЬ ДМИТРИЙ МИХАЙЛОВИЧ ПОЖАРСКИЙ
воевода Нижегородской рати.

МИНИН.

ПОСПЕЛОВ.

БАИМ КОЛЗАКОВ.

АФАНАСИЙ КОЛОМНА
казацкий атаман из полков князя Трубецкого.

ПАВЛИК.

СТАРИК
странник.

ПЕРВЫЙ } стрельцы.
ВТОРОЙ }

ПЕРВЫЙ } казаки.
ВТОРОЙ }

ДВОРЯНЕ, ДЕТИ БОЯРСКИЕ, СТРЕЛЬЦЫ, КАЗАКИ, ПОЛЯКИ, ВЕНГРЫ И ЗАПОРОЖЦЫ.

За Москвой-рекой, против Кремля. Направо тын Климентовского острога с бойницами и воротами, налево деревянная церковь св. Климента, прямо земляной вал, за валом, вдали, виден Кремль.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Несколько поляков, венгров, запорожцев, столпившись у церкви, стреляют по острогу. Казаки отстреливаются со стен, делают вылазку и наступают на неприятеля. Подле острога и у церкви несколько убитых и раненых.

Первый казак *(на стене)*.
Из таборов к нам помощь. Вот Коломна
С своим полком.
Второй казак *(на стене)*.
А вот еще подмога!
С дворянами спешит сюда Пожарский.

Коломна с казаками показывается на валу.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

<Те же и Коломна с казаками.>

Коломна.
Кричите: «Сергиев!» Святое слово
На помощь нам и на беду врагу.
Казаки.
За Сергиев! За Сергиев! Дружней!
(Бросаются на неприятелей, те бегут, они их преследуют; некоторые остаются у острога.)

На валу показываются Пожарский, Минин, Колзаков, Поспелов, дворяне, боярские дети и стрельцы.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

<Те же, Пожарский, Минин, Колзаков, Поспелов, дворяне, боярские дети и стрельцы.>

Князь Пожарский *(оборотясь назад)*.
Пусть пешие залягут по дорогам,
А конные держитесь у острога.
Казак.
Мы Климентов острог опять отбили.
Минин.
И молодцы!

Все сходят с вала.

Казак.

А вы-то что такое!
Богаты вы пришли из Ярославля
И помогать казакам не хотите!
И наги мы, и голодны, и босы,
И умирать все нам же!

Пожарский *(садясь на бревно)*.

Полно, друг!
Грешно тебе! Ты видишь, я не прячусь.
С утра дерусь, кольчуги не скидая,
Москву-реку переходил два раза
На помощь вам. Вы сами-то недружно
Встречаете врага. Вы здесь, в остроге,
С поляками деретесь целый день,
А половина в таборах за пьянством,
Играют в зернь у Яузских ворот.

Минин.

Безбожные! Вас келарь Авраамий
Из таборов погнал святой иконой.

Казак.

Он был и здесь с иконой.

Минин.

Мы послали.
Он нам служил молебен у Ильи,
Как вы бежать хотели от острожка
И гетмана с запасом пропустить.

Казаки.

Да, правда! Он-то нас и удержал.

Поспелов.

Ну, воины! Монахи вас храбрее!

Пожарский *(строго)*.

Не ссориться! Не храбростью считаться
Сошлись мы здесь, а помогать друг другу.
(Колзакову.)
Поди, Баим, по сторонам дороги
Расставь своих в крапиве и в кустах.
И бейте из пищалей по обозу,
Коль повезут. По ямам и оврагам
Ты положи засаду!

Колзаков.

Эй, за мной!
(Уходит с стрельцами.)

Слышны выстрелы.

Казак.

Рассыпаны и наши по дорогам,
Лежат во рвах, проезды берегут.

Казаки *(со стены)*

Никак бегут? Чужие или наши,
Не разберешь.

Казак.

Коломна с казаками
Назад бежат.

Минин.

Погони не видать.

Казак.

Другие атаманы подоспели
На выручку. Вот драка заварилась.

Входят Коломна и казаки.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

⟨Те же, Коломна и казаки.⟩

Коломна.

Эх, горячо! Ребята, отдохните!
Умаялись. Челом тебе, князь Дмитрий
Михайлович. Спасибо, что пришли.
Горячий бой кипит. Боюсь, чтоб наши
Не побежали в таборы опять.
(Садится.)

Минин *(Пожарскому)*.

Прости меня, надежа, князь Димитрий
Михайлович, за речь мою! Ты храбрый,
Искусный вождь, а я простой мужик.
Вот речь моя какая: с поляками
Мы бьемся целый день с утра до ночи
Лицом к лицу; они ловчее нас,
Привычнее, и нам не состоять
От напусков черкасов, угров, немцев.
Мы попусту людей лишь только тратим
И к ночи вовсе выбьемся из сил,
А той порой они с запасом в город
И подойдут — и нам Кремля не взять.
Затянется опять осада на год.
Пусти меня, я счастья попытаю,
Попробую их сзади обойти,

Отрезать им обратную дорогу,
От Крымского двора зайти. Увидишь,
Что гетман бросит сам свои обозы.
В свой старый стан, к монастырю Донскому,
Покинув все, спасаться побежит,
А в ту пору всей ратью вы и гряньте.
Коль силы нет, нам ум дает господь.

П о ж а р с к и й.

Ступай, Кузьма, бери кого ты хочешь.

М и н и н.

Хмелевского возьму, Поспелов с сотней
Пойдет со мной, охотники найдутся.
У Крымского двора всего две роты.

П о с п е л о в.

Мои готовы, мигом соберутся.

Д е т и б о я р с к и е.

И нас возьми с собой, Кузьма Захарьич.

М и н и н.

Мне сотни три, а больше и не надо.

П о ж а р с к и й.

Ступай, Кузьма, дай бог тебе счастливо!

М и н и н.

Простимся, князь.

Целуются.

Охота есть большая
Служить земле родной. Господь поможет,
Вернуся жив, так ладно; не вернуся,
Так лихом ты меня не помяни.
(Уходит, за ним Поспелов и несколько боярских детей.)

П о ж а р с к и й.

Благая мысль пришла Кузьме; я верю,
Что бог ему поможет. Он задумал
Такое дело, что вождям искусным
И в голову не приходило прежде.

К о л о м н а.

Все дело-то задумали вы ладно.
Простой мужик, а сколько войска набрал,
Богатого и платьем и казной.
Не то что мы, голодная голутва.
Не надивлюсь, где денег вы набрали,
Кажись, уж Русь разорена дотла.

П о ж а р с к и й.
Пора бы вам увидеть, догадаться,
Что в честном деле помогает бог.
К о л о м н а.
Вам хорошо — сполáгоря живется,
У вас кормы и жалованье ратным,
А мы живем день зá день, точно птицы,
Сегодня сыт и пьян, и слава богу,
А завтра сам, как хочешь, промышляй.
Не грабил бы, неволя заставляет.
За что теперь мы бьемся?
П о ж а р с к и й.
За Москву.
К о л о м н а.
Кому она нужнее? Нам, казакам,
Москва не мать, а мачеха. Для вас же
Стараемся, так вы и заплатите
За службу нам.
П о ж а р с к и й.
Мне келарь Авраамий
Уж сказывал, что вы просили денег.
Он хочет вам от Сергия прислать
Оклад с икон и ризы дорогие
В залог за службу в тысячи рублях.
Оклад пропейте, ризы износите!
Довольны ль вы?
К о л о м н а.
Греха не побоятся,
Возьмут залог, а лучше бы не брать.
Эх, горе нам! Ты, князь, за что серчаешь?
И в казаках не все равны. Не мы ли
Третьёводня на выручку пришли,
Как гетман вас погнал с Девичья поля?
П о ж а р с к и й.
Да разве ты?
К о л о м н а.
Я в первых был, за мною
Другие атаманы. За спасибо,
Не за корысть, мы выручили вас.
П о ж а р с к и й.
Как звать тебя?
К о л о м н а.
Коломна, Афанасий.

П о ж а р с к и й.

Прости меня, Коломна, ты в обиду
Не ставь моих речей! Тебе спасибо!
Не для меня, для бога ты старался,
И бог тебе заплатит. Вы, как братья,
Спешили к нам на выручку, другие ж
Ругали нас из-за Москвы-реки.
Про них и речь, а о тебе ни слова.
К хорошему дурное не пристанет,
А про воров нельзя не говорить.
(Дворянам.)
Пойдемте-ка, с острога мы посмотрим,
Не видно ли, что делает Кузьма?
(Уходит в ворота острожка, Коломна за ним.)

Д в о е с т р е л ь ц о в приводят раненого К о л з а к о в а.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

⟨К о л з а к о в, п е р в ы й и в т о р о й с т р е л ь ц ы и р а н е н ы е.⟩

К о л з а к о в.

Куда еще? Довольно! Здесь, у храма,
На паперти меня и положите!
(Садится на паперть.)
Я здесь умру. Попа теперь не сыщешь.
Я во грехах своих покаюсь вам.
Грехи мои великие: я бражник!
И умереть я чаял за гульбой,
Но спас меня господь от смерти грешной.
Великое Кузьма затеял дело,
Я дал ему последний крест с себя;
Пошел за ним, московский Кремль увидел,
С врагами бился так же, как другие,
И умираю за святую Русь.
Скажите всем, как будете вы в Нижнем,
Чтобы меня, как знают, помянули —
Молитвою, винцом иль добрым словом.

П е р в ы й с т р е л е ц *(утирая слезу)*.

Ты мученик, тебя господь простит.

В т о р о й с т р е л е ц *(утирая слезу)*.

А потому ты, ежели за веру,
Сейчас на небеса.

П е р в ы й   с т р е л е ц *(нагибаясь к Колзакову).*
И беспременно.
Поверь ты мне, Баим! Послушай! Помер!

Снимают шапки.

А добрый был, прими его господь!

Выходят П о ж а р с к и й, К о л о м н а, д в о р я н е, д е т и б о я р с к и е и к а з а к и.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

⟨Т е ж е, П о ж а р с к и й, К о л о м н а, д в о р я н е, д е т и б о я р с к и е, с о т н и к и к а з а к и.⟩

П о ж а р с к и й *(всходит на вал).*
Пальба и пыль от нас, а не на нас.
К монастырю Донскому! Гетман дрогнул.
Скорей коня! Теперь настало время
Ударить враз. Не выдадим Кузьму.
Сбирайте сотни! На́ конь, и за дело!

С о т н и к *(на валу).*
Живее на́ конь!

К а з а к и.
Мы за вами разом.

Входит раненый П о с п е л о в.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

⟨Т е ж е и П о с п е л о в.⟩

П о ж а р с к и й.
Откуда ты, Поспелов? Ранен?

П о с п е л о в.
Ранен.
У Крымского двора мы конных сбили.
С испугу те ударились бежать
И пешую свою стоптали роту.
Ходкевич сам, увидя нас в тылу,
Екатерининский свой стан покинул,
К монастырю бежит со всею силой.
Кузьма Захарьич по пятам за ним,
Лишь я отстал: скакать не стало силы.

П о ж а р с к и й.

Молись! За мной.
(Уходит).

Входит старик в страннической одежде, через плечо на ремне висит сулея, через другое — сумка с травами и корнями. Нагибается к раненым, прикладывает траву и дает пить из сулейки.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

<П о с п е л о в и с т а р и к - с т р а н н и к.>

П о с п е л о в *(садясь).*

От родины далеко,
Без помощи, среди чужих людей
Я встречу смерть. Прощайте, золотые
Мечты мои! Хотелось бы пожить
И выслужить себе и честь и место
Почетное. Обзавестись хозяйкой
Любимою, любить ее, как душу,
Семью завесть и вынянчить детей.
Да не дал бог — судьба не то судила,
Судила мне лежать в земле сырой,
Похоронить и молодость и силу
Вдали от стен родного пепелища!
В глазах темно, то ночь ли наступает,
Иль смерть идет, не знаю.
(Шепчет.)
Боже, душу
Прими мою и упокой в селеньях
(падает в изнеможении),
Где праведные...

С т а р и к *(нагибаясь над Колзаковым).*

Уж никакое зелье
Поднять тебя не может, божий воин.
(Подходит к другому воину, прикладывает траву к голове.)
Ты две зари носи ее на ране
(дает корень),
А это жуй поутру, не молясь.
(Подходит к Поспелову, вливает ему несколько капель, тот приходит в чувство.)

П о с п е л о в.

Откуда ты? Сам бог тебя послал,
Ты кто, старик?

С т а р и к.

Я странный богомолец,
По таборам хожу; обет я принял
Болящих чад безмездно врачевать.
Открыты мне травы целебной силы,
А кем и как, то знаю я один.

П о с п е л о в.

Мне жизнь мила, перед тобой не скрою.

С т а р и к.

Ты будешь жив, твоя болезнь не к смерти.
Лицо твое светло, и жилы бьются.
Кому не жить, тот темен, как земля.
Мы все земля, и если наше тело
Темнеть начнет, так, значит, в землю хочет.
Ты ослабел от ран, и много крови
Ты истерял... Произволеньем божьим
Растет трава, названьем «девесил»,
Недаром ей прозвание такое,
В ком силы нет,— прибавит девять сил,
Настой ее тебе на пользу будет,
Хлебни его! А рану ты завяжешь.
Плечо твое уязвлено железом.
(Завязывает руку.)

Входит П а в л и к.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

⟨Т е ж е и П а в л и к.⟩

П о с п е л о в.

Кто бродит там? Знакомое обличье.

Павлик подходит ближе.

Да это наш, из Нижнего. Ты Павлик
Из биркинских? Ты был в бегах?

П а в л и к.

На время,
Не ужился с Кузьмой,— мы нравом разны,
От грубости его я убежал.
У вас за малость попадешь в застенок,
А я висеть на дыбе не люблю.
В Казани был у Шульгина, там лучше,
Простей живут. Недавно был и в Нижнем

Ненадолго. Вот в таборы попал,
В подьячих я у князя Трубецкого.

П о с п е л о в.
Что Нижний наш?

П а в л и к.
Стоит на том же месте.
Ругают вас и Минина Кузьму.
Ограбили народ, наговорили
С три короба: «Идем на божье дело!»
А полгода гуляли в Ярославле
И тратили добро мирское даром.

П о с п е л о в.
У нас с тобой ума не хватит, Павлик,
Судить бояр и Минина Кузьму.
А в Нижнем ты знакомых не видал ли?

П а в л и к.
А кто твои знакомые? Я знаю
Наперечет весь Нижний, всех собак,
Не только что людей.

П о с п е л о в.
Ну, Петр Аксеныч?

П а в л и к.
А что ему! Живет да богатеет
На старости неправым барышом.

П о с п е л о в.
Не верю я, он честно жил доселе,
Не стать ему под старость начинать
Неправдой жить.

П а в л и к.
Не верь, тебе же лучше!
Я не свое: что люди, то и мы.

П о с п е л о в.
Не слышал ли чего-нибудь о Марфе
Борисовне?

П а в л и к.
Постой-ко, погляжу я,
Да ты никак Поспелов Алексей
Михайлыч, Кузьмы благоприятель?
(Нагибаясь к нему.)
Ну, он и есть. Ты сватался за нею?

П о с п е л о в.
Не отопрусь.

П а в л и к.
Ну, видно, надоело

Ей ждать тебя иль разлюбила, что ли,
Я ваших дел не знаю. И хотел бы
Порадовать тебя хорошей вестью,
Да нечем, друг. За Лыткина пошла.

Поспелов.

За Лыткина Василья?

Павлик.

Да, а что же?
С чего же ей за Лыткина нейти?
Не хуже он дворян малопоместных;
И завсегда при ней; а вас гоняют
Из края в край; ты дома-то и году
Не проживешь с женой: нужда какая ж
Ей за тебя идти, подумай сам.

Поспелов опускает голову на грудь.

Старик *(Павлику)*.

Поди от нас! Недобрыми вестями
Ты скорбь ему навел. Печаль болезни
Помощница. Больному утешенье
На пользу лишь, а скорбь ему во вред.

Павлик.

Совсем умрет, потеря невелика.
(Уходит).

Старик *(вслед ему)*.

Не пожелай и недругу ты смерти!
Мы все равно у бога на счету.
(Поспелову.)
На эту боль я зелья не имею.
Она идет от сердца молодого
И помыслов: забвение и время
Врачуют в нас сердечную тревогу.
Садись в седло и в таборы ступай.
Теперь тебе покой и отдых нужен.

Поспелов.

За все добро господь тебе заплатит
И за меня, честной отец.
(Кланяется.)

Прости!

Странник уходит.

Уж только б мне до Нижнего добраться
Привел господь да увидать ее.
Припомню ей, как я ее увидел,
Как полюбил, спознал тоску-злодейку!

Как я за ней по улицам широким,
По мелким переулочкам ходил,
Чтоб только в очи заглянуть украдкой!
Припомню, как сидели, говорили
Мы в липовом покойчике ее.
Припомню, как сулила, обещала
Любить меня и быть моей женой,
Как только время даром протянула,
Как провела меня — и обманула!
Припомню все! Суди ее господь!
(Идет к валу.)

Пожарский, Минин, Коломна, дворяне и дети боярские показываются на валу.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

〈Те же, Пожарский, Минин, Коломна, дворяне, дети боярские и прочие.〉

Пожарский.

Враги бегут, покинувши обозы.
Остановить погоню! С нас довольно
На этот день одной победы. Можем
Поспешностью испортить дело наше,
И наша радость обратится в скорбь.
Теперь Москва у нас в руках. С надеждой,
Истомлены трудом, сиденьем долгим,
Болезнями и хлебным оскуденьем,
Голодные враги со стен глядели
На гетмана и чаяли подмоги
И ратными и коренным запасом.
На их глазах мы гетмана разбили.
В Кремле сидеть им далее нельзя,
Иль умирай голодной смертью. Скоро
Увидим мы московские соборы —
И совершится очищенье Руси
От недругов. И начал это дело,
И совершил его не вождь искусный,
Не силою, а смелым дерзновеньем
И замыслом мясник нижегородский
Кузьма Захарьев, Минин-Сухорук.

Минин.

И замысел и силу исполненья
Мне дал господь, ему же подобает

Хваление и присно и вовеки.
Мое одно — одна любовь святая
К родной стране — я сын ее, любовью
Сыновнею горит душа моя!
Услышал я, что кровью и слезами
Исходит Русь, что брат встает на брата,
Что бог забыт, что гаснет пламень веры,
Оставлен храм, кощунством оскверненный,
Что села жгут и грабят города,
Покинуты дымящиеся домы,
И человек в лесу таится зверем,
Что стон и плач сирот и горьких вдов
Как дымный столб к поднебесью восходит.
И плакал я один за всю Россию,
Всю скорбь ее на сердце износил.
И плакал я, прося в слезах у бога
Не почести, не власти, нет! Просил я
Сподобиться России быть слугою,
Отдать ей все, отдать ей жизнь свою,
От бед и зол и недругов очистить,
Конец слезам увидеть, успокоить —
И в ней господне царство обновить.
Нет, мало, нет, любовь моя хотела
Увидеть Русь великою, богатой,
Цветущею привольем на свободе,
Работных чад в поту за тучной жатвой,
И русла рек, покрытые судами,
И правый суд по мирным городам,
И грозный строй несокрушимой рати
На страх врагам, завистливым и гордым,
И на престоле царства милость.
Но жизни срок короток, не дано
Нам в этом мире полного блаженства.
Мы видели начало избавленья,
А остальное пусть увидят внуки.
С утра в ряды мы стали боевые
И кончили победой трудный день.
Заходит солнце, главы золотые
Горят огнем, открытые сердца
Несутся в тишь благодарить творца,
Из наших душ несется гимн хвалебный,
Идемте в таборы служить молебны!

Уходят.

СЦЕНА III

ЛИЦА:

⟨МИНИН⟩
ДУМНЫЙ ДВОРЯНИН.

ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА.

МАРФА БОРИСОВНА.

ПОСПЕЛОВ.

НЕФЕД МИНИН.

АКСЕНОВ И ПОСАДСКИЕ.

В доме Минина, в Нижнем Новгороде.
(Июль 1613 г.)

Входят Татьяна Юрьевна и Марфа Борисовна (смотрит в окно).

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

⟨Татьяна Юрьевна и Марфа Борисовна.⟩

Татьяна Юрьевна.

Что часто ты глядишь в окно-то, Марфа
Борисовна? Тебе кого бы ждать!
Сиротка ты, ты горя не видала,
На смертный бой родимых отпуская
И каждый час болея здесь об них,
И радости за то тебе не будет
Родных своих здоровых увидать.
Хоть тяжело прощанье с милым мужем,
Да ждать его приятно, а дождешься,—
Так радости и счастью меры нет.
А ты у нас отшельница...

Марфа Борисовна.

От миру
Не вовсе я отстала. Было время
Тяжелое, не до мирских утех;
Нужна была молитва наша богу,
И я жила затворницей, из кельи
Не выходя; теперь пора другая,
Теперь грешно печалиться, все рады,
И я опять живу в своем дому.

Татьяна Юрьевна.

Одна живешь, что проку?

М а р ф а Б о р и с о в н а.

Как же быть-то!

Т а т ь я н а Ю р ь е в н а.

Да замуж бы тебе.

М а р ф а Б о р и с о в н а.

Да за кого же?
Все прежние знакомые ушли
Москву спасать, иные там побиты,
А кто и жив, так слуху нет про тех.
А новым мне знакомством заводиться
Не хочется. Про старое вспомянешь,
Толь хорошо бывало, к новым людям
Мне привыкать уж поздно.

Т а т ь я н а Ю р ь е в н а.

Да, бывала
Веселая беседушка у нас,
И люди-то хорошие всё были,
Вот Алексей Михайлыч запропал
И слуху нет.

М а р ф а Б о р и с о в н а.

Я слышала недавно,
Да верить ли, не знаю.

Т а т ь я н а Ю р ь е в н а.

Что? А больно
Он тосковал и плакал по тебе.
Ты что ж не шла?

М а р ф а Б о р и с о в н а.

Дала я обещанье
Великое не думать о мирском,
Пока господень гнев не утолится.

Т а т ь я н а Ю р ь е в н а.

А, ну, теперь?

М а р ф а Б о р и с о в н а.

Теперь другое дело,
И от тебя скрывать я не хочу,
Ни за кого, кроме его, не выду,
А за него и рада б, да нельзя.
Знать, сиротой и оставаться.

Т а т ь я н а Ю р ь е в н а.

Что же
Ты слышала?

М а р ф а Б о р и с о в н а.

Вчера в дворе Гостином
У Лыткина,— ведь тоже мой жених,—

Я встретила знакомого Павлушу,
Он из дьячков, из беглых, говорят,
У Биркина служил, писать проворен,
Потом в Москве, в стану у Трубецкого.
Так сказывал, что Алексей Михайлыч,
Когда дрались у Крымского двора,
Один из всех поворотил коня
И в таборы назад бежал со страха.
И с той поры и стыд и укоризна
Ему от всех — и стал людей дичиться,
И бражничать, и будто — страшно молвить —
По кабакам валяется в ярыжных.
Вот горе-то.
(Плачет.)
А можно ль было думать?

Т а т ь я н а Ю р ь е в н а.
Не верь людям, ни за что оболгут,
А я так жду своих, пришли мне вести,
Что тотчас после царского венчанья
И муж и сын вернутся. Потрудился
Кузьма Захарьич мой, пора на отдых.
Другую ночь во сне его все вижу,—
Так скоро быть ему.

М а р ф а Б о р и с о в н а.
Дай бог дождаться,
Порадуюсь я радости чужой,
Коль нет своей.
(Взглянув в окно.)
Ах!

Т а т ь я н а Ю р ь е в н а.
Что ты испугалась?

М а р ф а Б о р и с о в н а.
Сюда идут.
(Уходит в другой покой.)

Т а т ь я н а Ю р ь е в н а.
Да кто идет, чудная?

Входит П о с п е л о в.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

⟨Т а т ь я н а Ю р ь е в н а и П о с п е л о в.⟩

П о с п е л о в *(кланяется и целуется)*.
Ну, всё ли подобру и поздорову
Вы жили здесь? А мы вас поминали.

Т а т ь я н а   Ю р ь е в н а.
Здоровы-то здоровы, да тоскуем
Об вас-то больно. А мой-то где ж?
П о с п е л о в.
Замешкались в дороге — завтра будут.
Т а т ь я н а   Ю р ь е в н а.
За весточку спасибо, буду ждать.

Молчание.

Ну, что же ты не спросишь о знакомых?
П о с п е л о в.
Да не о ком.
Т а т ь я н а   Ю р ь е в н а.
Уж будто?
П о с п е л о в.
Право слово!
Спросил бы я, да что себя тревожить,
Печаль-тоску на сердце наводить!
Т а т ь я н а   Ю р ь е в н а.
Ты спрашивай!
П о с п е л о в.
Изволь! Здорова ль Марфа
Борисовна живет за новым мужем?
Т а т ь я н а   Ю р ь е в н а.
Да ты никак рехнулся? Дожидалась
Тебя она. А если мне не веришь,
Спроси у ней, коль хочешь, я покличу,
Она у нас.
П о с п е л о в.
Родная ты моя!
Покличь ее, давно-то не видались,
Взглянул бы я хоть глазом на нее.
Т а т ь я н а   Ю р ь е в н а.
Поди-ко ты! Что прячешься-то, Марфа
Борисовна, твой суженый приехал.

М а р ф а   Б о р и с о в н а выходит и кланяется Поспелову.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

<Т е   ж е   и   М а р ф а   Б о р и с о в н а.>

М а р ф а   Б о р и с о в н а.
Здоров ли ты?
П о с п е л о в.
Теперь здоров,

М а р ф а   Б о р и с о в н а.

А прежде?

П о с п е л о в.

Я ранен был, да бог помог, а пуще
Все тосковал.

М а р ф а   Б о р и с о в н а.

О чем?

П о с п е л о в.

Все по тебе.
О чем же мне? Не заставляй божиться,
Поверь и так.

М а р ф а   Б о р и с о в н а.

Я верю, что божиться,
Голубчик мой!

Т а т ь я н а   Ю р ь е в н а.

Ну, вот и дождалась,
А мне так ждать до завтраго, голубка.

П о с п е л о в.

Я обманул тебя, сегодня будут.

Т а т ь я н а   Ю р ь е в н а.

Чай к вечеру?

П о с п е л о в.

Приехали, идут,
Встречай поди!

Т а т ь я н а   Ю р ь е в н а.

Отцы мои родные!
Ах, батюшки! Бежать хоть приодеться,
Да хлеба-соли взять, на стол поставить,
За батюшкой послать — служить молебен.
(Уходит.)

П о с п е л о в.

Я много горя натерпелся, Марфа
Борисовна, пора узнать и радость.
В последний раз тебе я поклонюся,
Скажи ты мне, ты хочешь ли моею
Женою быть и с честными венцами
На головах и с радостью на лицах,
По соболям войти в мой дом просторный,
Жить-поживать и в холенье и в неге
И за любовь до гробовой доски
Делить и радость пополам и горе?

М а р ф а   Б о р и с о в н а.

Прошла беда, прошло то время злое,
Когда любовь казалась мне грехом.

Теперь пора веселая настала,
В миру пожить охота, и любовью
Готова я ответить на любовь.
Послушай, мой желанный! Я по правде
Скажу тебе: ты люб мне, я другого
Хозяина себе и не желаю.

Поспелов *(кланяясь)*.
Челом тебе! Откладывать не будешь?

Марфа Борисовна.
Откладывать и торопить не буду,
Как хочешь сам.

Поспелов.
Я мешкать не люблю.

Входит Татьяна Юрьевна.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

⟨Марфа Борисовна, Поспелов и Татьяна Юрьевна.⟩

Татьяна Юрьевна.
Да ты опять меня не обманул ли?

Поспелов *(показывая в окно)*.
А ты гляди!

Татьяна Юрьевна.
Нефед бежит, Нефед!

Входит Нефед.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

⟨Те же и Нефед.⟩

Нефед *(кланяется к ногам матери)*.
Вернулись мы, родимая, здоровья
И радости тебе несем.

Татьяна Юрьевна.
Сыночек!
А где же сам?

Нефед.
На улице с народом.
Узнали все и оступили с криком.
Кто за руки берет, кто обнимает,
Ступить ему ни шагу не дают,
По старостам скорей гонцов послали,

Хотят его честь-честью, с хлебом-солью,
У нашего крыльца встречать. Аксеныч
На старости торопится сюда ж.
Ты, матушка, всей радости не знаешь:
Наш новый царь — пошли ему здоровья,
И счастия, и радости господь —
Пожаловал отца дворянством думным.

Татьяна Юрьевна.

Кузьма Захарьич думный дворянин?

Нефед.

Поместье дал ему: село большое,
К нему в придачу восемь деревень
И дом в Кремле, с избой Приказной рядом.

Поспелов.

Идут, идут!

Входит Аксенов с хлебом-солью, растворяет дверь и становится у порога — в сенях видна толпа народа. Показывается Минин.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

<Те же, Аксенов и Минин.>

Аксенов.

Благословенно буди
Пришествие твое, спаситель Руси!
Ты нам родной, тебя вспоила Волга,
Взрастил, взлелеял православный мир,
Ты честь и слава русского народа.
Потоль велика русская земля,
Поколь тебя и чтить и помнить будет.

Все кланяются. Татьяна Юрьевна бросается к нему.

Картины
из народной
жизни XVII века,
в пяти
действиях,
с прологом.

ВОЕВОДА

(СОН НА ВОЛГЕ)

⟨Вторая редакция⟩

ПРОЛОГ

ЛИЦА:

НЕЧАЙ ГРИГОРЬЕВИЧ ШАЛЫГИН
воевода.

ОБЛЕЗЛОВ
подьячий, товарищ воеводы.

СЕМЕН БАСТРЮКОВ
богатый дворянин.

СТЕПАН БАСТРЮКОВ
его сын.

НЕУСТРОЙКО
ключник

БЕССУДНЫЙ
шут

} воеводы.

НЕЖДАН
земский староста.

РОМАН ДУБРОВИН
беглый посадский.

ВЛАС ДЮЖОЙ
богатый посадский.

НАСТАСЬЯ
жена его.

СМИРНОЙ

ДРУЖИНА

} посадские из лучших людей.

НЕСМЕЯНОВ
старик

БРУСЕНИН

ЦАПЛИН

ТЫРА

} посадские из средних людей.

БАИМ
стрелецкий сотник.

ГРИШКА ЖИЛКА
отставной подьячий.

РЕЗВЫЙ
слуга Бастрюкова.

ЩЕРБАК
разбойник в виде нищего.

БИРЮЧ.

СЛУГА ВОЕВОДЫ.

ДВОРЯНЕ, СЛУЖИЛЫЕ ЛЮДИ, СТРЕЛЬЦЫ, СЛУГИ ВОЕВОДЫ И БАСТРЮКОВА, КРЕСТЬЯНЕ, ЖЕНЩИНЫ, ДЕТИ, НИЩИЕ, СЛЕПЫЕ И УБОГИЕ.

Площадь в городе. Налево от зрителей ворота воеводского двора, несколько узких домов; в углу проезд в городские ворота; на заднем плане, за строениями, городская стена, которая постепенно понижается к правому углу; через стену видна Волга и противоположный нагорный берег; направо, на первом плане, высокая Приказная изба, за ней площадка, видна часть колокольни, далее спуск к Волге, видны крыши домов.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Неждан, Смирной, Дружина стоят у Приказной избы, ближе к авансцене; Несмеянов, Брусенин, Цаплин, Тыра близ воеводских ворот; по сцене, от городских ворот к собору и от собора к воротам, проходят разные люди обоего пола; у колокольни сидят слепые с деревянными чашками и стоят нищие, между ними Щербак. При поднятии занавеса слепые поют, слышны голоса нищих и вожаков слепых: «Слепому, убогому!», «Сотворите святую милостинку».

Слепые *(поют)*.

Сходилася правда со кривдою,
Кривда правду переспорила.
Пошла правда по поднебесью,
Пошла кривда по сырой земле,
По народу православному:
Оттого суды неправые...

Из Приказной избы выходит бирюч, надевает шапку на длинную палку и поднимает ее вверх; ребятишки окружают его и смотрят ему в глаза, разиня рот.

Голоса. Бирюч идет, бирюч! Снимайте шапки!

Бирюч. Слушайте, послушайте, государевы люди, старшие и меньшие и всякого чина люд, от мала и до велика! По великого государя наказу, ведомо вам буди, чтобы вы, посадские и уездных всяких чинов люди, и сотские, и пятидесятские, и десятские, разбойников и татей, и смертных убойцев, и ведунов, и всяких воровских людей у себя не таили и не держали и, имая их, приводили к воеводе. А буде же вы, посадские и уездных всяких чинов люди, забыв страх божий и не помня душ своих, учнете разбойников и татей, и убойцев, и ведунов, и всяких воровских людей у себя держать и таить и поноровки им чинить, и тем людям от великого государя быть в смертной казни, безо всякого милосердия, а дворы и животы

взяты будут на великого государя бесповоротно и розданы в <исцовы иски.> *(Идет к посаду, дети за ним.)*

Т ы р а.

Проваливай подале, мы слыхали!

Б р у с е н и н.

Не первый раз, не новая новинка!

Ц а п л и н.

Мы думали, что свежи, ан всё те же.

Н е ж д а н.

Разбойников, и татей, и убойцев
В посаде нет, разбойничья приезду
Не держим мы; так не́почто и кликать.

С м и р н о й.

Да кличь не кличь, немного проку будет,
Коль их не словят. По большим дорогам
Разбойники и днем, и ночью грабят,
По Волге нет проезду, по лесам
Становятся станами без опаски.
Вот там бы их и брать живьем руками;
А кликать по торгам — какая польза!

Н е ж д а н.

Зачем же к нам посажен воевода,
Как не затем, чтоб татей и убойцев
Разыскивать.

Д р у ж и н а.

Не до воров ему.
Пригожих баб да девок на посаде,
Да по клетям добро как раз разыщет,
Не утаишь.

С м и р н о й.

Терпенья нам не стало!
Чему ни быть, а надоть челобитье
Царю писать.

Д р у ж и н а.

Воров не ловит — горе,
А как поймает — вдвое: он воров-то
Берет из тюрем на дом, научает
Поклепом нас, посадских, обносить.
Ты ничего не ведаешь, не знаешь,
А он, по воровскому наговору,
Берет тебя без сыску и пытает
Без царского указу,— мукой мучит,
Огнем палит.

Смирной.

Да с пыток-то поминки
Берет на нас, на выкуп выпускает.

Дружина.

Довольно с нас, два года потерпели,
Пора писать и челобитье.

Неждан.

Слышу
Давно уж я, что надо челобитье
Царю послать, да только разговоры,
А дела нет.

Смирной.

Москва нам дорога́,
С пустыми-то руками не поедешь.

Дружина.

Ну, брат, ау! Коль завязалась драка,
Так не жалей волос. Во что ни станет,
Да только бы избыть его от нас.

Неждан.

Московские расходы разверстаем,
Рассудим, что и как, и много ль денег
На проести собрать да на гостинцы.

Неждан, Смирной, Дружина уходят к собору. Отворяются воеводские ворота, выходят ключник Неустройко с палкой и слуги с метлами.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Несмеянов, Брусенин, Цаплин, Тыра, Неустройко, слуги и народ.

Неустройко.

Живей, живей! Сейчас пойдет боярин
В собор с гостьми. Чтоб у меня кипело!
Ворочайся, да живо! Мнется, словно
Медведь ученый.

Один из слуг.

Как еще работать!
Гуляем, что ль? А ты возьми-ка мётлу,
Да сам мети, чем лаять занапрасно.

Неустройко.

Разинул пасть-то! Цыц! Не в дармоедах,
Не то что вы, живу у государя:
На части рвусь, куска не доедаю.
А вам одна забота: завалиться

Подальше где, что днем с огнем не сыщешь,
И спать весь день, пока опухнут бельма;
Мол, все равно: работай, не работай,—
Накормят даром.

Т о т ж е с л у г а.

Даром и побьют.

Т ы р а.

Ну, видно, их не больно жирно кормят:
У нас в посаде только и воруют,
Что воеводские.

Н е с м е я н о в.

Коль брюхо сыто,
В чужую клеть за ежей не полезешь!

Б р у с е н и н.

Какие воры, страсть! Концов не сыщешь.

Н е у с т р о й к о.

Ты, смерд, молчи!

Ц а п л и н.

А ты что за помещик?

Ш у т выбегает из ворот, держась за голову.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Н е у с т р о й к о, с л у г и, Т ы р а, Ц а п л и н, Б р у с е н и н, Н е с м е я н о в, Ш у т и н а р о д.

Ш у т.

Ой, ой, убил, прошиб до мозгу,
Проклятый пес, паршивая собака!
Издохнуть бы тебе, как бусурману!
И чтоб ни дна тебе и ни покрышки,
Поганому. У! Волк тебя заешь!
(Воет.)

Н е у с т р о й к о.

Расплакался, аль подзатыльник дали?

Ш у т.

Тебе-то что, холопья образина!
И он туда ж
(передразнивает):
«Аль подзатыльник дали?»
Ай, батюшки! убил, убил; по темю
Костыль сломал, собака!
(Воет.)

Н е у с т р о й к о.

Пожалеет.

Ш у т.

Меня-то, что ль?

Н е у с т р о й к о.

Нет, костыля-то.

Ш у т.

Дьявол!

(Воет.)

Н е у с т р о й к о *(Шуту)*.

Что воешь-то? Какой детеныш малой!
Не все ль равно тебе, как псу, издохнуть —
Под палкой ли, иль пьяному под тыном!

Ш у т.

Не приставай. Всего изъем зубами.

Слуги смеются.

А вам-то что смешно, холопье стадо?
У вас самих увечья не проходят.

Т ы р а.

Влетело, брат!

Ц а п л и н.

Влилось.

Б р у с е н и н.

Попало ловко!

Т ы р а.

Ты к носу три.

Ц а п л и н.

До свадьбы заживет!

Ш у т.

Ну, подвернись который, изувечу!
И в волосы и в бороду вцеплюсь,
Не выпущу; так все в руках и будет,
Ни волоска живого не оставлю.

Т ы р а.

Ну, полно ты! Мы шутим. Ты подумал,
Взаправду, что ль?

Ц а п л и н.

Нам что!

Б р у с е н и н.

Господь с тобой!

Т ы р а.

Обиды нет тебе.

Ц а п л и н.

Вестимо, в шутку

Язык чесать.

Б р у с е н и н.

Не трожь его, робята!

Т ы р а.

А ты скажи нам, милый человек,
За что, про что обиду терпишь?

Ш у т.

Даром.

Жениться черт задумал...

Т ы р а.

Так. Ну, что же?

Ш у т.

Дюжова дочь облюбовал.

Ц а п л и н.

Ну, знаем.

Ш у т.

Я сдуру-то сболтни ему неладно,
Мол, старому жениться ненадолго,
Да часто, мол, и не себе, а людям.
И я-то глуп шутить связался.

Т ы р а.

Верно!

Ты с тем шути, кто любит. Ну, и что же?

Ш у т.

Как вскочит он, затрёсся, ровно Каин,
Как волк стучит зубами, словно угли
Глаза зажглись, седая грива дыбом...
Видал ли ты, как окаянных пишут
На папертях? — Точь-в-точь.

Ц а п л и н.

Какой бедовой.

Н е у с т р о й к о.

А вот пойти да скаредные речи
Боярину явить. Бросай, робята!
Боярин вышел.

Ш у т.

Братцы, схороните!

Т ы р а.

Беги скорей, покуда не схватили,
Валяй во все лопатки, не догонят.

Ш у т убегает.

Ц а п л и н.

Стрелой летит. Держи его, робята!

Хохот.

Б р у с е н и н.

На лошади, да разве на хорошей,
А на плохой низа́что не догонишь.

Т ы р а.

Как шкуру-то, робята, соблюдает,
Диви бы бобр сибирской али соболь!

Ц а п л и н.

Ему своя-то, надо быть, дороже.

Входят В о е в о д а, О б л е з л о в, н е с к о л ь к о д в о р я н, с о т н и к с т р е л е ц к и й, н е с к о л ь к о с т р е л ь ц о в и с л у г.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

В о е в о д а, О б л е з л о в, Б а и м, д в о р я н е, с т р е л ь ц ы, с л у г и и т е ж е, и потом Г р и ш к а Ж и л к а.

В о е в о д а *(Облезлову)*.

Ты говоришь, что местом вышло. Верно.
Воистину.
(Кланяется народу.)
Здорово. Ты послушай!
Поехали мы зверя погонять.
Гляжу, лиса катит из мелколесья
По вырубке в сосняк, вот так и стелет,
Как желтый лист по ветру. Вижу, дело
Выходит дрянь; уйдет, сплутует. Надо
Заворотить, наперерез ударить.
Хлестнул коня по бедрам.
(Баиму.)
Что за парень
Особняком стоит? Коль наш — не трогай,
А кто чужой, так опроси построже.

Баим отходит.

(Оборотясь к Облезлову, продолжает.)
Проехал я шагов не больше с сотню,
И вдруг мой конь, как вкопанный, ни с места,
Как в землю врос. Уж я его и плетью,

И лаской.— Нет, дрожит, трясется, уши
Насторожил. Я вижу, дело плохо.

Сотник возвращается.

Какой такой!

Сотник.

Из наших, из рыбацкой!

Воевода.

Ну, ладно.
(Облезлову.)
Вот я слез, перекрестился,
Обшел вокруг три раза, зачурался,
И ничего — мой конь пошел, как надо.
Так вот и знай, что значит место.

Облезлов.

Диво ль!
В большом лесу, где всяка нечисть бродит.
В своем саду я летось заблудился.
Средь бела дня! Немало мы дивились:
Брожу кругом, а выходу не вижу.
Такая страсть, что господи помилуй —
Не доведи вперед, умрешь со страху.
Уж я кричал, кричал, сошлись людишки
Да вывели.

Входит Жилка и кланяется Воеводе в ноги.

Воевода.

Всего бывает! Что ты?

Жилка.

И бьет челом, боярин, и являет
Твой сирота, былой подьячий Жилка.

Воевода.

О чем еще, анафема?

Жилка.

О бое
И грабеже денном, и об увечье!

Воевода.

Который раз тебя увечат! Скоро ль
Совсем убьют? Пора бы! Кто же грабил
И бил тебя?

Жилка.

Семена Бастрюкова
Дворовые и скоморохи: Резвый

С товарищи; они ж, боярин, воры,
И картами, и зернью промышляют,
И табаком, и воровское держат
И продают, и беглых укрывают,
И на посад насильством в харях ходят
С потехами, и скаредные песни,
И срамные поют, и действа деют,
Тебя ж обносят скаредною лаей
И неудобь-сказаемою бранью...
В том жалоба тебе моя и явка.

Воевода.

А грабежу?

Жилка.

Колпак да зипунишко.

Воевода.

За что, про что?

Жилка.

Да якобы с тобою
Я стакался составным челобитьем,
Испродаю посадских и убытчу
Поклепами.

Воевода.

Семена Бастрюкова
Унять давно пора. Зазнался больно.
На шею сел ко мне. Плутам заступник,
Оберегатель земской. Двум медведям
Не жить в одной берлоге. Челобитье
В избе подай мне завтра. Мы посмотрим,
Велим сыскать и, буде виноваты
Доподлинно, людишек Бастрюкова
Не пощадим.

Жилка *(кланяется)*.

Ты смилуйся, пожалуй!
И сироту твою не дай обидеть
Ругателям.

Воевода идет на ступени к собору.

Голоса *(из задних рядов)*.

Алтынник, кровопивец!
А крест на нем, робята, есть аль нету?
Навряд ли уж. Другой татарин лучше.

Воевода *(на ступенях)*.

Кричат, а что, никак не разберу я.

Да вам чего? Вы говорите прямо,
Поди сюда вперед и говори!
Из-за людей не слышно. Что ж вы стали?
Ай молодцы! Вы смелые робята!
Из-за людей облает и присядет,
Разинет пасть и тягу. Кукиш кажет
Из рукава, чтоб люди не видали.
Чего же вам? Строптив, сердит я, что ли?
Не милостив? Всё это правда ваша,
Я не святой.— А знаете ли, дети,
Писание нас учит покоряться
Властителю и доброму, и злому.
Строптивого послушать перед богом
Угоднее. Иль мнится вам, что власти
Людским хотеньем созданы? Что можно
Без власти жить? Что мы ровны? Так знайте,
Звезда с звездою разнствуют во славе;
Так на небе, и на земле всё так же:
И старшие, и младшие, и слуги,
И господа, и князи, и бояре,
И господом венчанные на царство
Великие цари и государи.
За чином чин по лествице восходит
От нас к царю и от царя до бога.
И всяка власть от бога. Власть не судят
Подвластные, а только царь, ему же
(снимает шапку)
Господь вручил нас всех на попеченье.
Из-за чего нам ссориться! Вы дети,
Я вам отец. Не лучше ль нам любовью
И миром жить! Ходите по закону —
И вам целей, и мне милей! За что ж
Браниться-то! Нехорошо. Неладно.
(Кивает головой Баиму.)
Пошарь-ко там с своими молодцами,
Не сыщешь ли кого из крикунов.
Да не зевай! Того, Баим, не бойся,
Что в виноватых правый попадется:
Не виноват — укажет виноватых.
Переловить, связать и запереть
Всех накрепко в сторожню, там рассудим.

Уходят **Воевода**, **товарищ** и **вся свита**, кроме стрельцов. Баим и стрельцы ходят в народе.

Голоса.

Чего тебе? Ты тише, не толкайся!
Что за напасть! Да что ж вы, драться, что ли?

С посаду бежит народ. Бастрюков Семен, Бастрюков Степан выезжают верхом на лошадях, за ними пешие слуги: Резвый и другие.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Бастрюков Семен, Бастрюков Степан, слуги и прежние.

Бастрюков Семен.

О чем шумят? Чего не разделили?

Бастрюков Степан.

Никак Баим посадских обижает.

Голоса.

Застой за нас! Безвинно бьют и мучат.

Бастрюков Семен.

Оставь, Баим!

Баим.

А ты что за указчик?
Велел сыскать ослушных воевода,
И сыщем их. Пока найдем да свяжем —
Не отступлю.

Бастрюков Семен.

А как всполох ударим
На весь посад — и ног не унесете!
Не мятежи чинить, а для наряду
На городу посажен воевода.
Сбирай стрельцов!
(Посадским.)
Робята, расходитесь!

Расходятся.

Не тронет вас никто.

Баим.

Не ты в ответе,
А я,— с меня и спросят.

Бастрюков Семен.

Ты не бойся,
Я сам скажу в соборе воеводе;
Пусть на меня и сердится, как хочет.
Иди со мной в собор.

Б а и м.

За мной, робята!

Уходят Б а с т р ю к о в ы, Б а и м, с т р е л ь ц ы; п р и с л у г а уводит лошадей, посадские идут к городским воротам; навстречу им В л а с Д ю ж о й и Н а с т а с ь я.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

В л а с, Н а с т а с ь я и п р е ж н и е п о с а д с к и е.

Н а с т а с ь я.

Вы, смерды, прочь! Не видишь, я иду?

Т ы р а.

Вот невидаль какая! И почище
Видали мы.

В л а с.

Иди, как люди ходят.

Н а с т а с ь я.

Я кто теперь? Фу! Прочь поди!

В л а с.

Настасья,
Уймешься ты аль нет?

Н а с т а с ь я.

Фу! Смерды!

Ц а п л и н.

Шире,
Народ, навоз плывет.

Н а с т а с ь я.

Да как ты смеешь?
Ты страдник, смерд!
(Мужу.)
Доправь на нем бесчестье!
Ты знаешь, смерд, я теща воеводе.

Б р у с е н и н.

Ну, как не знать!

В л а с.

Иди добром, Настасья,
В уме ли ты? При всем честном народе
Стыдишь меня.

Н а с т а с ь я.

Толкуй! Ты сам не знаешь,
Какая честь на нас.

Т ы р а.

От воеводы
Пристала к вам?

Влас.

Иди! Народ смеется.
Ишь, срам какой! Вот с дурой-то свяжися,
Так, господи, и жизни-то не рад.

Настасья.

Фу! Смерды! Прочь!

Несмеянов.

Иди своей дорогой,
А мы своей; просторно, разойдемся.

Влас и Настасья уходят.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Несмеянов, Тыра, Цаплин, Брусенин и потом Дубровин.

Тыра.

Ишь дура-то за воеводу дочку
Просватала и думает, что тоже
Боярыня; идет и ног не слышит.

Несмеянов.

На радость ли? Заплакать не пришлось бы:
Старик живет, а жены молодые
Всё мрут, да мрут. Диковина и только!

Тыра.

Да ну его!

Несмеянов.

Робята, не слыхали ль,
Что Худояр на Волге появился
И станом стал невдалеке.

Цаплин.

Так что же?
Тебе-то что ж?

Несмеянов.

Разбойник лютый, бают.

Тыра.

За что ж его разбойником ты лаешь,
Не знаючи? Какой же он разбойник?
Кого разбил? Тебя?

Несмеянов.

Меня не трогал,
Мне грех сказать; не грабил, так не грабил.

Цаплин.

Так покажи других!

Н е с м е я н о в.

Чего не знаю —
Не говорю. Казну ограбил, бают.

Т ы р а.

Ты бай, не бай — не наше это дело.
Казну разбил, казна про то и сыщет:
А ты не лай разбойником напрасно,
А называй удалым молодцом.

Н е с м е я н о в.

Заглазно ничего.

Т ы р а.

А ну услышит,
Помилуй бог!

Н е с м е я н о в.

Ты шутишь аль взаправду?

Ц а п л и н.

У них везде глаза и уши.

Н е с м е я н о в.

Ой ли?

Т ы р а.

А вот гляди! Из этих самых нищих
Да из убогих, коль не половина,
Так двое-трое уж наверно есть
Из шайки Худояра.

Ц а п л и н.

Беспременно.

Н е с м е я н о в.

А слышал я, что будто он в Казани
В тюрьме сидел.

Т ы р а.

А ты поверил?

Н е с м е я н о в.

Слушай!
И будто он достал из печи уголь
И написал косную на полу;
Забрал в нее тюремных всех сидельцев,
Плеснул воды, да в Волгу и уехал.
«Лови, держи!» — А их и след простыл.

Б р у с е н и н.

Послушать вас, так уши вянут, право:
Обиды, да разбои...

Н е с м е я н о в.

А про что же
Рассказывать прикажешь? Мы не детп;

Не сказки ж говорить! По всем приметам,
Последние приходят времена:
В народе рознь, раздор, в судах неправда,
От сильных утесненье.

Б р у с е н и н.

Тесно стало,
Так в лес ступай, спасайся, рой пещеру.
Ты слышал ли, что в наших палестинах
Подвижник новый объявился?

Н е с м е я н о в.

Слышал.

Б р у с е н и н.

В овраге монастырском, в диком лесе,
Живет затворник, хлебом да водой
Питается, а монастырь растет
Его молитвами и богатеет;
И земли прикупает и луга,
И стены строятся, и колокольня,
И братских келий ряд. Спроси монахов:
«Мол, кто у вас строитель?» — Скажут: бог.
Бессребреник пустынник из пещеры
На утренней заре на горку выдет,
Благословит работу начатую:
И лес, и камень явятся, и люди
Рабочие сойдутся, и мешками
Несут, неведомо откуда, деньги
На монастырское строенье.

Н е с м е я н о в.

Чудо,
Воистину.

Б р у с е н и н.

А ты про тесноту.
Заступницы икону принесли
Из дальней пустыни в собор, так видишь:
Народ валит иконе поклониться,
И стар, и мал работу покидают,
Последние несут копейки. Значит,
И вера в нас еще не оскудела,
И жить еще на свете можно.

Т ы р а.

Верно.

Д у б р о в и н входит и осматривается.

Ц а п л и н *(увидя Дубровина)*.
Никак чужой? Чего он ищет?
Т ы р а *(подходя к Дубровину)*.
Дядя,
Ты из какой Литвы, с какой орды?
От дела ты лытаешь али дела
Пытаешь?
Ц а п л и н.
Сват, ты ближний али дальний?
Т ы р а.
Каких родов, из коих городов?
Н е с м е я н о в.
Не беглой ли? А может, он, робята,
Коня украл аль мужика убил.
Связать его!
Д у б р о в и н.
Эх, дедушко, за что же?
Связать меня не хитрость; сам даюсь.
Вязать вяжи, а после не тужи!
Не я один гуляю, нас немало
Останется на воле, всех не свяжешь;
А у тебя домишко на посаде.
(Тихо.)
Поберегай от красных петухов!
Н е с м е я н о в.
Да что ты, что ты, милый! Я нарочно
Шутил с тобой, а ты и вправду.
Д у б р о в и н.
Полно,
Шутил ли ты? Да ну, я зла не помню:
Я знаю, ты меня не свяжешь.
Б р у с е н и н.
Братцы,
Я признаю его.
Ц а п л и н.
И мне знакомо
Обличье-то, а как назвать — не знаю.
Д у б р о в и н.
Я не боюсь и не таюсь; я беглый
Посадский ваш, Роман Дубровин.
Т ы р а.
Братцы,
И то ведь он. Два года не видались!
Ты где гулял?

Дубровин.

На белом свете много
Привольных мест — и Дон и Волга-мать.
Где я гулял — там нет меня; теперя
Домой пришел.

Тыра.

Ты хочешь объявиться?

Дубровин.

Ну, нет, зачем! С женой бы повидаться.
Не знаешь, где жена?

Тыра.

У воеводы.

Дубровин *(хватается за голову)*.

Ужель к нему попала?

Тыра.

Взял насильем,
В тюрьму сажал, а из тюрьмы да на дом
Красавицу твою Олену.

Дубровин.

Дьявол!

(Задумывается.)

Вот дело-то какое вышло! Эка
Беда моя! На малый час задумал
Вернуться к вам; придется оставаться;
С Шалыгиным считаться за жену.
У нас, людей торговых, так ведется:
Берешь без торгу, так плати, что спросят.

Тыра.

Вестимо так, да что с него возьмешь-то?

Дубровин.

Не деньги ж брать: я денег не возьму;
Жена товар заветный, не продажный.

Тыра.

А что завету за жену положишь?

Дубровин.

Завет велик положен. На прощанье
С моей Оленой я поклялся богом,
Родителем, своей души спасеньем,
Что если кто ее обидит...

Тыра.

Что же

Обидчику?

Д у б р о в и н.

Я голову сорву
Руками с плеч.
(Помолчав.)
А что, жива, здорова?

Т ы р а.

Тоскует всё да плачет, говорят.

Д у б р о в и н.

Спасибо вам на добром слове, братцы.
Увидите жену, так поклонитесь!
Мол, жив еще и помнит. Недалеко
Гуляет, мол; желает повидаться,
Так случая, мол, ищет. Воеводе
Скажи хоть ты
(Несмеянову),
что собираюсь в гости,
Чтоб припасал, чем потчевать. Прощайте!
(Уходит.)

Н е с м е я н о в.

Никак ушел? Поотлегло от сердца,—
Перепугал, проклятый. Что ж, робята,
Явить аль нет?

Т ы р а.

А нам какое дело?
Как хочешь ты, а мы и знать не знаем.
Поди являй, а в послухи не ставь —
Во всем запрусь.

Ц а п л и н. И я.

Б р у с е н и н. Мы не видали.

Т ы р а.

Помалчивай, так сам целее будешь.

Выходят из собора В о е в о д а, О б л е з л о в, Б а с т р ю к о в ы, д в о р я н е, д е т и б о я р с к и е, Б а и м, с т р е л ь ц ы, с л у г и. Посадские и народ уходят в глубину площади.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

В о е в о д а, О б л е з л о в, Б а с т р ю к о в ы, д в о р я н е, д е т и б о я р с к и е, Б а и м, с т р е л ь ц ы, с л у г и и п р е ж н и е п о с а д с к и е.

В о е в о д а *(остановясь, не доходя ворот)*.

Два раза глуп бывает человек:

С младенчества сперва, потом под старость;
Состареешь и поглупеешь, разум
Отымется. Недаром люди стали
Учить меня. Одно и остается:
Коль стар и глуп, так умных больше слушай.
Вот я велел переловить Баиму
Ругателей, а Бастрюков наехал,
Прогнал его,— что мы не дело, видишь,
Затеяли, мятеж заводим, буйство.
Челом ему за то, что надоумил.

Бастрюков Семен.
Да что ж, и впрямь, затеяли не дело.

Воевода *(смеется)*.
Да погоди, дай кончить! Я спасибо
Сказал тебе, чего ж еще! Не в ноги ж...
Другую речь я поведу. Вот, видя,
Что глуп-то я и стар, большое дело
Без вашего, друзья мои, совету
Начать не смею. Что приговорите,
Тому и быть.

Облезлов.
Нечай Григорьич, полно
Пытать-то нас. На что тебе советы,
Ты сам умен.

Бастрюков Степан.
И мы не дураки.

Бастрюков Семен.
В чем дело-то?

Воевода.
Не знаю, как сказать!
Попутал грех. И молодых, и старых
(снимает шапку и кланяется)
Простить меня прошу. Отцы и братья,
Не осудите! Старому, седому
И стыдно бы, да человек я слабой,
Летами стар, зато душою молод.

Облезлов.
Какой старик, ты лучше молодых —
И стар, да дюж.

Воевода.
Без бабы не живется;
Греха боюсь,— так вздумал ожениться.

Облезлов.

И в добрый час.

Воевода.

И не о том бы думать,
Молиться бы, да слабость наша.

Бастрюков Семен.

Что же
Жениться-то об эту пору! Сколько
Тебе и жить-то! Было две жены,
Чего ж тебе! Не дело, так не дело —
Тебе-то блажь, а баба-то засохнет,
За стариком живя.

Воевода.

Что значит ум-то!
Не вам чета. И слушать-то отрада.
От умной головы совету много
Хорошего. А вас про что ни спросишь,
Ответу нет; а у него как раз
Умен ответ и скор. Развесьте уши
И слушайте Семена Бастрюкова!
Уж если он, такой разумной, скажет,
Что не женись, Нечай Григорьич,— значит,
Что надобно жениться беспременно.

Бастрюков Семен.

Ты насмех, что ль?

Воевода.

Как хочешь, так и думай;
За что почтешь, не буду спорить.

Бастрюков Семен.

Ладно ж!
Припомни ты! Я сорок лет на службе,
Изранен весь, доспехи боевые
Я сорок лет носил. Литва и немцы
До сей поры боятся Бастрюкова.
Губным служил по выбору, не ползал,
Не кланялся подьячим по приказам,
Не плакался: пустите покормиться!
Своим кормлюсь всю жизнь. Моя обида
Откликнется тебе; держись, да крепче!
В Москве бывал, туда дорогу знаю.

Воевода.

Москва Москвой; готовься сам к ответу.
В поместье ты, как в омуте, уселся

И думаешь — ты царь, тебе суда нет.
Мы выведем на свежую водицу.

Б а с т р ю к о в С е м е н.
Меня?

В о е в о д а.
Тебя.

Б а с т р ю к о в С е м е н.
Нет, руки коротеньки.

В о е в о д а.
Длинней твоих... Ты беглых укрываешь,
И зернщиков, и воровское держишь.

Б а с т р ю к о в С т е п а н.
Что ж, батюшко, ты смотришь? Что ж он лает!
Царю челом ударим о бесчестье.

В о е в о д а.
Молчи, щенок!

Б а с т р ю к о в С т е п а н *(бросается на Воеводу).*
Ах, старая собака!

Его удерживают.

Б а с т р ю к о в С е м е н.
Царю челом ударим, а покуда
Ты бородой ответишь. Без остатку
Всю выдеру.
(Бросается на Воеводу.)

В о е в о д а.
Держите их, держите!

Его загораживают.

О б л е з л о в.
Семен, уймись! Безлепичное дело
Затеял ты.

Б а с т р ю к о в С е м е н *(наступая).*
Не я, а он затеял!
Не уступлю, я сам его не хуже.

Г о л о с а.
Пречистую, пречистую несут!

Все снимают шапки, некоторые падают на колена. В о е в о д а, О б л е з л о в и их с в и т а уходят в ворота. Бастрюковы Семен и Степан стоят, благоговейно склонив головы.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

ЛИЦА:

ВЛАС ДЮЖОЙ.

НАСТАСЬЯ.

ПРАСКОВЬЯ } дочери их.
МАРЬЯ }

НЕДВИГА
мамка.

ВОЕВОДА.

ШУТ.

СТЕПАН БАСТРЮКОВ.

РЕЗВЫЙ }
КУБАС } слуги Бастрюкова.
ШИШИГА }

СЛУГИ ДЮЖОВА И ВОЕВОДЫ; СЕННЫЕ ДЕВУШКИ.

Густой сад. Налево терем с выходом и крыльцом; направо баня; в глубине стоячий тын, из которого несколько надолб вынуто; за тыном, когда он разобран, виден берег Волги.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Резвый, Степан Бастрюков в кустах, Кубас и Шишига у разобранного тына.

Резвый.

Кубас, Шишига, забирайте тын
Да разом в лодку, и лежи как мертвый!
Да не дремать! По свисту подымайся,
А по второму ты, Кубас, за весла,
А ты, Шишига, здесь у лазу будь!

Бастрюков.

Да поживей!

Кубас.

Ты свистни, а мы смыслим
Перед тобой, как лист перед травой!

Загораживают тын.

Бастрюков.

Спасибо вам, робята! Услужили!

Р е з в ы й.
Кому ж служить, как не тебе, боярин!
Одно и дело — веселить да тешить
Тебя, Степан Семеныч.
Б а с т р ю к о в.
Да еще бы!
Потоль и тешиться, пока живется.
Ведь однова живем на свете белом.
Не в чернецы ж идти! Теперь забота
Одна в уме; одно и сплю и вижу,—
Как Марью Власьевну достать.
Р е з в ы й.
А мы-то?
Да нас и хлебом не за что кормить,
Коль мы тебе забаву не доставим.
Да будь она за тридевять замками,
За тридесять морями — мы достанем.
Вчера всю ночь работали, пилили
Сосновый тын, шесть игол вынимали,
Да и опять поставили, как было.
И разберем, и заберем в минуту
Широкий лаз, хоть тройкой проезжай.
Б а с т р ю к о в.
А крепко Влас живет.
Р е з в ы й.
На всем посаде
Ни у кого нет выше городьбы;
Казну блюдет.
Б а с т р ю к о в.
Ну, мы казны не тронем.
Р е з в ы й.
А дочерей уж не взыщи. Боярин,
Никак идут. Схоронимся покуда.
Б а с т р ю к о в.
Куда же нам?
Р е з в ы й.
Вот баня!
Б а с т р ю к о в.
Ну, и ладно!

Уходят в баню.

Входят П р а с к о в ь я В л а с ь е в н а, М а р ь я В л а с ь е в н а, Н е д в и г а; с е н н ы е д е в у ш к и вносят ковры, подушки и разное шитье.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Недвига, Прасковья и Марья Власьевны, сенные девушки.

Марья Власьевна.
Нам в тереме и тесно, да и душно,
Жара, как в бане, а тебе и любо,
Коль у тебя в Петровки стынет кровь.
Ты старая; тебя не манит лето
На волюшку на шелковы луга,
В тенистый бор, где белым днем потемки,
В зеленый сад, где алый цвет цветет,
Где вишенье, орешенье назрело
И налилось, и ждет девичьих рук.
Мы не старухи, нам без печки жарко,
Не больно мил нам нов-высок терём.
Недвига.
Ну, в сад, так в сад; мне все равно, старухе.
Марья Власьевна.
Что терем, что тюрьма — одно и то же.
Недвига.
Ну, будь по-вашему. Вот здесь и сядем.

Садятся; молчат.

Ох, не люблю, когда молчат! В молчанки
Мы, что ль, играть сошлися! Нуте, девки,
Повеличайте молоду княжну.
Прасковья Власьевна.
Всё величать! Довольно! Надоели.
Недвига.
Сказать аль нет? Вестимо, что не дело
Холопское о господах судачить,
И промолчать нельзя.
Марья Власьевна.
Ну, что такое?
Недвига.
Да всё про то же, всё про жениха-то;
Что у кого, а у меня забота
Одна.
Марья Власьевна.
Тебе-то что, коль ей по сердцу?
Прасковья Власьевна.
По сердцу — не по сердцу, а пойду
И ох не молвлю!

Недвига.

Думали, гадали
Родимые, да вот и догадались.
Ну ровни ли! Седой как лунь, согнутый,
Глядит медведем, так и хочет съесть.
Одно и лестно, что большой боярин.
Так не с боярством жить, а с человеком.
Как месяц ни свети, а все не солнце!

Марья Власьевна.

Ей что ни поп, то батька, все равно;
Ей лишь бы замуж, разбирать не станет.

Прасковья Власьевна.

Само собой. Да разве наша воля
Себе мужьев по сердцу выбирать!
Прикажут, и конец; а мил ли, нет ли —
Тебя не спросят.

Марья Власьевна.

Лучше утопиться.

Прасковья Власьевна.

Не мы одни, всем девкам та же доля,
А всем топиться — Волгу запрудишь.

Марья Власьевна.

Другая б плакала, а ты так рада.

Прасковья Власьевна.

О чем, о ком я буду горевать-то?
Боярыней живи да величайся,
Ешь сладкое, медов сыченых вволю,
Гора горой пуховики лебяжьи
В опочивальне; хочешь спать, так спи,
А нет, лежи, пусть тонет бело тело
И нежится. Да вот, сама увидишь,
Так раздобрею в год, что не узнают.
Работы нет, заботы не бывало!
Сиди как пава, а кругом рабыни
Кроят и шьют, и строчат во сто рук.
Такая жизнь, что умирать не надо!
Чего жалеть-то? Девичью красу
Да косу русую? Об ней поплачу,
Как расплетут, да по уши повяжут
Волосником, да бабью кику вздунут.

Недвига.

Тебе с ним жить, ну и живи, как знаешь.
Не наше дело, кончен разговор!
Что ж мы начнем? Все песни перепели,

Переиграли игры, разве сказку
Договорить, что даве начинали.
Да с уговором: нéлюбо — не слушай,
Лгать не мешай!

Прасковья Власьевна.
Досказывай хоть сказку.

Марья Власьевна.
Ты думаешь, нам очень любы сказки?
От скуки слушаем; одна забота,
Как время скоротать. А вот ты мелешь,
Мы слушаем, так время и проходит.

Прасковья Власьевна.
Досказывай Никиту Кожемяку!

Недвига.
Ну, долго ль, коротко ли, в сказке скоро;
На деле-то не вдруг. Ну вот, в ту пору
Сидит себе Никита, кожи мнет.
И держит он, красавицы мои,
В руках двенадцать кож; вдруг царь в кожевню.
Взглянул Никита, так вот и затрёсся,
Со страху ходнем руки заходили,
И разорвал он те двенадцать кож.

Марья Власьевна.
Ну, ври еще!

Недвига. Известно, сказка — складка,
А песня — быль: не мимо говорится.

Марья Власьевна.
Не всякая. Сама же ты певала,
Что воля красным девушкам гулять;
Молодкам миновалася гульба.
Мы девки вот, а всё живем в неволе.

Недвига.
Досказывать аль нет?

Прасковья Власьевна.
Ну, брось, не надо!
Уж надоело про змеёв-то слушать!

Недвига.
Чего же вам?

Марья Власьевна.
Любовную скажи!

Прасковья Власьевна.
Ты расскажи, как в тереме высоком
Сидит красавица; замком булатным
Дверь заперта дубовая, и стража

И день и ночь круг терема стоит.
И солнцем не печет, и буйный ветер
Пахнуть не смеет на нее.

Н е д в и г а. А дальше?

П р а с к о в ь я В л а с ь е в н а.
А дальше я не знаю; я не стала б
Просить тебя, сама бы рассказала.
Ты знаешь всю, тебе и книги в руки.

М а р ь я В л а с ь е в н а.
Как добрый молодец прокрался в терем...
Да ты нам все рассказывай, как было.

Н е д в и г а.
А мать услышит, кто в ответе будет?

М а р ь я В л а с ь е в н а.
Пойдем в малину! Не найдут до завтра.

Н е д в и г а.
Ну, быть по-вашему! Срамницы, право!
Вас хлебом не корми, а дай послушать
Соромских сказок. Да и то сказать —
Назаперти сидим, людей не видим,
Гулять нет воли, миловаться не с кем,
А у живого на уме живое.

Все уходят.
Р е з в ы й и С т е п а н Б а с т р ю к о в показываются из бани.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Б а с т р ю к о в и Р е з в ы й.

Р е з в ы й.
Рассыпались в кустах.

Б а с т р ю к о в. Маки легонько!

Резвый свищет. М а р ь я В л а с ь е в н а подходит к тыну, осматривается; Р е з в ы й скрывается, Бастрюков выступает.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Б а с т р ю к о в, М а р ь я В л а с ь е в н а, Р е з в ы й у тына.

М а р ь я В л а с ь е в н а.
Вот диво-то! Не с неба ль ты свалился?
Не вихорь ли занес?

Бастрюков. Да надоело
Через забор вести переговоры.
И видит глаз, да зуб неймет. Поближе
Хотелось быть; лицом к лицу, бок о бок
Речь тайную, любовную держать.
И миловаться, как душе угодно.
Мы разобрали тын.

Марья Власьевна.
Ты, парень, ловок.

Бастрюков.
Ведь рано ль, поздно ль, надо ж будет, Маша,
Тебе покинуть свой терём высокой,
Чужую сторону узнать,— так лучше
С милым дружком тайком уехать. Разве
Узнаешь думу батюшки-отца
Иль матушки твоей башку пустую?
Загубят век, спихнут за старика
Постылого на горе да на слезы.
Чего же ждать? Что думать! Свистнуть, что ли?
У нас готово, люди в лодке; сядем,
Да и поедем.

Марья Власьевна.
Как же, дожидайся,
Так и поеду! Нет, ошибся, парень.
Ты поглупей ищи!

Бастрюков.
Ты вот как, Маша!
Уж нелюб стал?

Марья Власьевна.
За что тебя любить-то?
Обманщик ты! О святках было, помнишь,
У нас в дому плясали скоморохи,
Ты мехоношей был, ты что мне баял?
Что ты купецкой сын, Иван Ковригин.
Зима прошла, весна красна настала,
На дереве у моего окна
Ты по ночам сидел, и коротали
Тайком с тобой весенние мы ночи.
Не раз, не два я спрашивать пытала
Об имени и отчестве твоем:
Иван Ковригин, только и ответу.
Ну, как тебе не грех? Я все узнала;
Ты не купецкой, а боярской сын
Степан Семеныч, Бастрюковых роду,

И скоморохи-то твои всё слуги,
И сам ты скоморох.

Бастрюков. Тебе же лучше:
Боярский сын — тебе почету больше,
Со скоморохом веселее жить.

Марья Власьевна.
Ну, нет, старуха надвое сказала.
Купецкой сын-то женится честь-честью,
А у тебя-то, знаю, во дворе-то
Всё краденые девки да молодки,
И я в таких же буду. Нет, зачем же?
А ты женись как следует, порядком,
Тогда вези куда душе угодно.

Бастрюков.
Да я бы рад, да вишь, Нечай Шалыгин
Берет сестру твою, Прасковью, замуж,
Он враг заклятый и отцу и мне;
Не то что сватать, мне нельзя и носу
Показывать.

Марья Власьевна.
Ну, станем дожидаться.
Мне лет немного; я не перестарок.

Бастрюков.
Толкуй с тобой; а замуж отдадут?

Марья Власьевна.
Своей охотой не пойду; а силой
Неволить станут — ну, тогда не знаю,
Быть может, парень, выйдет на твое;
Тогда ломайте тын, готовьте лодку,
Бери в охапку и тащи домой.

Бастрюков.
Голубушка!
(Обнимает.)

Марья Власьевна.
Ты волю-то не очень
Давай рукам, повремени до срока!
Придет пора, ни слова не скажу,
Твоя же буду.

Бастрюков. Жизнь моя, лебедка!
Пройди весь свет от края и до края,
По всем землям, по всем ордам немирным,
Ищи другого парня, не найдешь,
Чтоб так любил, как я. Да вот что, Маша.
По-нашему любить, так вот как: видишь

Булатный нож?
(Вынимает нож из-за пояса.)

Марья Власьевна.
Да что ты! Бог с тобой!

Бастрюков.
Нет, погоди! Промолви только слово —
И глазом не моргну, по рукоятку
В грудь опущу. Вели!

Марья Власьевна.
Да верю, верю.

Бастрюков.
Убей меня господь на этом месте!

Марья Власьевна.
Да лжешь ли, нет ли, сам ответишь богу,
А слушать сладко.

Бастрюков.
Значит, по рукам?
(Подает руку.)

Марья Власьевна.
Да что уж говорить! Тебя полюбишь,
Так не разлюбишь скоро. Поведешься
С тобой, так на других потом не взглянешь.
Ишь ты, какой пригожий уродился.
(Прислушивается.)
Домой пошли. Пора. Прощай!
(Идет; навстречу ей выходит Шут.)
Ай, ай!
(Прячется в кустах.)

Бастрюков.
Чего она?

Резвый.
Шутило воеводин.

Прячутся в баню.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Шут, потом Воевода, Влас с Настасьей и девки.

Шут.
Авось-то он смирнее у невесты.
А все боюсь, душа уходит в пятки.
Бродил кой-где; с неделю укрывался,
А надобно ж когда-нибудь явиться.

Велит сыскать, так не проси пощады.
Ух! Идол! Змей Горыныч! Чудо-юдо!

Входит Воевода, за ним Влас и Настасья; девки несут жбаны, чары и ковриги.

Шут *(из-за кустов)*.
Бывает виноватому прощенье?

Воевода.
Хоть редко, а бывает иногда.

Шут *(падая на колени)*.
Помилуй, дяденька! Вперед не буду.

Воевода.
Вставай, собака! С одного вола
Две шкуры не дерут. Да только помни,
Шутить с оглядкой, как бы не заплакать!

Шут.
Всем закажу, и недругу и другу,
Шутить с тобой! А то накладно, дядя,—
Я языком шучу, а ты дубинкой!

Влас.
Покрой ковром беседку-то, Настасья!
Пожалуй, осударь Нечай Григорьич,
Изволь присесть, не нудь боярских ног.

Воевода *(садится)*.
Мы здесь свои, и вы садитесь рядом,
Вы нареченные мне тесть и теща.

Влас.
Не подобает нам с женишкой Настькой
Перед тобой, высоким воеводой,
Сидеть да барствовать. Нам, темным людям,
Холопями твоими быть за счастье;
Родня роднёй, честь честью, осударь.
Ты погости у нас, а мы послужим.

Настасья.
Да ну-ко, ты! Служи один, я сяду.
Я экой чести сроду не видала,
Во сне не грезилось; что́ я за дура —
Привел господь сесть рядом с воеводой,
А я не сяду! На-ко, дожидайся!
Сажает сам! Хоть малость посижу-то,
А сколько чести у меня прибудет!

Влас.
Не осуди! Прискорбна головой,
С измальства скудоумна, бог обидел.
Робячий смысл; нелепое творит.

Воевода.

Не тронь, сидит.

Шут.

Я, дядя, тоже сяду.

Понаберись-ко разума-ума
От нас с Настасьей. Хитрое ли дело
Судить, рядить да речи разводить
С боярами да с думными дьяками!
Поговори-ко с нами, дураками.

Влас *(потчует медом)*.

Откушай, не побрезгай! Чем богаты,
Тем мы и рады.

Воевода.

Покажи дорогу!
Допрежь хозяина и поп не пьет;
Клади начин и подноси по ряду!

Влас.

Желаю здравствовать во многи лета!
Храни тебя господь да царь люби!
Не осуди, что речи не умильны,
Что мы, по простоте своей, не знаем,
Как чествовать и величать тебя.
(Пьет и наливает.)

Воевода.

Спасибо, Влас! Проси теперь хозяйку.

Влас *(кланяясь)*.

Хозяюшка!

Настасья.

Уж пить ли мне-то, право?

Влас.

Да не дури! Я кланяться не стану —
Примай да бей челом.

Настасья *(берет чару)*.

Короток разум
У бабы-то; сказала б, да не знаю,
Грехом обмолвишься, неладно выйдет.
Ну, будь здоров.

Целуются.

Воевода.

Спасибо и на этом.

Влас.

Теперь сама проси.

Настасья.

Покорно просим.

Воевода.

В гостях — в неволе. Отказать не смею.
Я выпью!
(Пьет.)
Знатный мед, стоялый, крепкий,
Хороший мед! Ты, Влас, живешь исправно.

Влас.

Да есть-таки запас про всякий случай;
Для праздников, вот дочери невесты,
Так для родни, да для попов пасем —
Попотчевать послаще. Все ж не ровня
Твоим медам боярским; нам далёко
С тобой тягаться, мы живем черно,
Да и сварить-то путно не умеем.
Ты наше малое поставь в большое.

Воевода.

Не диво пиво, дорога любовь.
(Отдает чару Настасье.)
Недаром говорят: не будь запаслив,
Будь гостю рад.

Шут.

Я не обсевок в поле,
Такой же гость, а ты меня обносишь!
Пирог с крупой и мы с рукой, да, видно,
Кого блинками, а меня пинками.

Воевода.

Не по губам тебе, язык проглотишь.

Шут.

Ну, зелена винца!

Влас.

Вот есть в сулейке.

Шут.

Покланяйся, а я ломаться стану.

Влас.

Ты сам себя попотчуй, сколько влезет.
Бери совсем. Своя рука владыка.

Воевода.

Ты, волчья сыть, медвежья драть, дорвался!
Смотри, не задури!

Шут.

Я помаленьку.

В л а с.
Пей помаленьку, только выпей всё.

Шут отходит.

В о е в о д а.
Закону нет глядеть невест до свадьбы,
А мне охота; хоть глазком взглянул бы.
В л а с.
Да ты глядел.
В о е в о д а. Не сыто наше око:
Посмотришь раз, манит тебя в другой.
Н а с т а с ь я.
Вот женишься, так наглядишься вдоволь:
Неказаному золоту цены нет;
Показано, так всякой цену знает.
В о е в о д а.
Здорова? Не скучает?
В л а с.
Да с чего ей?
Об чем скучать. Растет, толстеет, всходит,
Как на дрожжах опара.
Н а с т а с ь я.
Ты, боярин,
Не обижай! В любви держи да в холе,
Чтоб нам не плакаться.
В л а с. Молчи ты, дура!
Н а с т а с ь я.
Да что ты! Что молчать! Я не чужая,
Я мать родная. Ты меня послушай,
Родимый зятюшко, Нечай Григорьич!
Уж чтоб и мне, старухе, был почет,
Чтоб все таки, от мала до велика,
Мне кланялись, а я чтоб величалась.
Вот я иду, примером, хоть к обедне,—
Народ без шапок; с кем заговорила —
Чтоб на колена падал.
В л а с. Ты очнись;
Коль захмелела ты, поди проспись,
Ты голову с меня снимаешь!
Н а с т а с ь я. На-ко!
Я теща воеводская! Кому же
И величаться, как не мне? Вестимо,
Я в городе большая, больше всех.

Воевода.

С тобой начни, до завтра протолкуешь,
А мне пора. Бессудный, собирайся!
Чужа изба засидчива. Прощайте!

Шут *(в кустах)*.

На след попал по красному по зверю.
Ты обожди, я погоню на вас.

Влас.

Переложил хмельного, брешет спьяну.

Шут.

Вот зверь, так зверь; не соболь, не куница
А красная девица. Эй! Ловите!
Перенимайте на дороге!

Выбегает Марья Власьевна.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Воевода, Влас, Настасья, Шут и Марья Власьевна.

Влас.

Марья!
Ты как зашла?

Марья Власьевна.

С сестрой гуляли, с няней
Мы даве здесь; они домой пошли,
А я замешкалась; бегу за ними,
Вдруг он навстречу, я в кусты с испугу
И схоронилась, там и просидела.

Настасья.

Вот я тебя! Беги домой, срамница!
Бесстыдница!

Воевода *(берет за руку Марью Власьевну)*.

Постой! Какие очи!
Нельзя налюбоваться, наглядеться!
Я много видел на своем веку,—
Таких очей не приводилось видеть.
Красавица, ты из какой земли?
Кто породил тебя, кто возлелеял?

Влас.

Меньшая дочка, Марья.

Воевода.

Вы обманом,
Холопы, смерды, обошли меня.

Похуже сбыть товар, так воеводе,
Получше дома приберечь. Я знаю
Купецкую замашку. Ты мне ворог,
Ты плутовским живешь, обманным делом!

В л а с.

Помилуй, осударь, мы без обману,
По старшинству, Прасковью выдавали —
Таков у нас обычай.

В о е в о д а.

Я Прасковью
И видеть не желаю, врозь все дело!
И Марью я не выпущу из рук!
Отдайте мне ее! Ее отдайте!
Ее хочу, ее беру, отдайте!
Я вас озолочу.

В л а с.

Твоя есть воля.
Бери хоть эту, коль пришлась по нраву.

Н а с т а с ь я.

Да что ты! Что ты! Где ж такой порядок?
Да не́што водится?

В о е в о д а.

Уйми жену!

В л а с.

Да как унять, что делать с ней, боярин?
Бью походя, околотил все руки.
Настасья, слушай! Мил тебе аль нет
Свет белый, вольный? Молви только слово
Противное, убью тебя до смерти!
Молчи да в ноги кланяйся за милость!
Благодарим за честь.

Кланяются.

В о е в о д а.

Так рукобитье?

В л а с.

Приказывай; велишь — сейчас ударим.

В о е в о д а.

Пойдем в хоромы, там и порешим.
(Настасье.)
Веди невесту, при огне посмотрим,
Здесь тёмно стало. Девица-краса,
Ты не слези свои сокольи очи,

Ты не труди свою лебяжью грудь!
Не нá горе ко мне пойдешь, на радость.

Все уходят, кроме Шута, который остается на крыльце. Выходят Бастрюков и Резвый.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Бастрюков, Резвый и Шут.

Бастрюков.
Ах, старый пес! Ты слышал, Резвый?
Резвый.
Слышал.
Бастрюков.
Ведь дело дрянь.
Резвый.
Беда ума прикупит.
Ты не кручинься, как-нибудь поправим.
Бастрюков.
Поправить нечем, надобно украсть.
Резвый.
И я про то же. Лишь бы показалась —
Уж только здесь и видели ее.
Бастрюков.
Да выдет ли?
Резвый.
Да сердце не утерпит.
Урвется как-нибудь на малый час
Хоть на прощанье вскользь словечко бросить.
Шут.
Ай молодцы! Веселые робята!
Ну, как теперь: явить ли воеводе,
Да и накрыть удалых молодцов?
Иль зло сорвать — продам его, собаку,
Да послужить робятам удалым?
Нет, лучше к дяде. Он за эту службу
Не пожалеет горсти серебра.
(Уходит.)
Бастрюков.
Зевать не надо! Ты гляди, да в оба!
Всю ночь прождать, да только б не с пустыми
Руками нам домой вернуться. Лучше
Не жить на свете, вовсе не родиться!
А уступить нельзя, не мой обычай.

Резвый.

Никак идет.

Бастрюков.

Свисти.

Резвый свищет. Марья Власьевна на крыльце.

Ты ль это, Маша?

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Бастрюков, Резвый и Марья Власьевна.

Марья Власьевна.

Иду, родной! Иду и ног не чую!
Спаси меня, спаси! Мне все постыло,
Мне лучше в омут, чем назад в хоромы.
Отец родной и матушка родима
И продали, и пропили меня.

Бастрюков.

Да где ты?

Марья Власьевна.

Здесь! Боюсь идти в потемках.

Бастрюков *(в кустах)*.

Свисти в другой!

Резвый свищет.

Чего со мной бояться?
Душа моя, голубка, полегоньку
Мы на руках тебя снесем до лодки.

Тын разбирается.

Да и прощай, и поминай как звали.

Входят Воевода, Влас, Настасья, Шут и слуги с фонарями.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Бастрюков Степан, Марья Власьевна, Резвый, Воевода, Шут, Влас, Настасья и слуги.

Шут.

Держите!.. Воры!

Резвый. Осударь, спасайся!

Бастрюков.
Авось пробьемся. Мне свою голубку
Неужто бросить!
Воевода.
Бросишь поневоле.
И рад бы взять, да руки не достанут.
Вяжите их!
Резвый *(вынимает саблю)*.
Поди-ко, сунься кто!

Все отступают. Бастрюков и Резвый отходят к тыну.

Бастрюков.
Прощай, касатка, не моя — чужая!
Марья Власьевна.
Ну да, чужая. Пусть владеет мной,
Ни ласки он, ни слова не дождется.
Мне что́ сказать, мне чем тебя утешить?
Ему не я, а красота нужна.
Так пусть же силой нас и обвенчают,
Пусть что хотят, то делают; я буду,
Как мертвая.
Воевода.
Так вот, Степан Семеныч,
Ты по каким делам пошел?
Бастрюков.
Ошибся,
Ты не узнал, я не Степан Семеныч.

Бастрюков и слуги входят в лодку.

Воевода.
Эй! Люди! В лодки, да в погоню живо!
Один из слуг.
Что было лодок, все поотвязали
И по воде пустили. Не в чем ехать.
Резвый.
Поедем тихо, и пешком догонишь.
Воевода.
Смотри, куда поедут — вверх по Волге
Иль вниз?
Слуга. Ни вверх, ни вниз, даются в реку,
Не видно стало, обняли потемки.
Настасья.
Ну, видели, как девок-то воруют!
Вот и гляди! А как за ней досмотришь!

Воевода.
Украсть хитро, как сторожей поставлю!
Настасья.
Да просто так, возьмут да и украдут.
Не надивлюсь, когда онп спознались.
Влас.
А вот пойдем притянем всех к допросу,
Всех нянек, мамок, спросим и ее.
Эй, заберите тын, да подоприте
Его путем! Всю ночь ходить дозором!
Воевода.
Ну, мы ее побережем покрепче.
Ко мне, в мой дом ее перевезите,
Что на посаде, он пустой стоит;
Там не украдут; пусть живет до свадьбы.
Настасья.
Как хочешь сам, а мне не уберечь.
Оно и лучше — от беды подальше.
Иди домой! Ах, батюшки, нейдет!
(Толкает, та понемногу подвигается.)
Воевода.
Упрямится. Дай время — обойдется.

Уходят.

СЦЕНА ВТОРАЯ

ЛИЦА:

СТЕПАН БАСТРЮКОВ.
РОМАН ДУБРОВИН.
РЕЗВЫЙ.
КУБАС И ДРУГИЕ СЛУГИ.

⟨Сени⟩ в доме Бастрюкова.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Бастрюков, Резвый. Кубас и другие слуги входят.

Бастрюков *(садится)*.
Душа горит, на части сердце рвется
Ретивое. Куда ты подевалась,
Моя удача, мой талан да счастье?

Р е з в ы й.

Степан Семеныч! Выпей хоть маленько,
Облей ты, окати свое сердечко.
Повеселее будет.

Б а с т р ю к о в.

На роду ли
Написано, аль злая доля вышла
Спознаться с горем. Ройте мне могилу,
Дубовую колоду приготовьте,
Желтым песком засыпьте!

Р е з в ы й.

Нас живыми
Зарыть в могилу надо, что доводим
Тебя до этакой кручины.

Б а с т р ю к о в *(встает)*.

Слуги
И челядинцы верные мои!
Я вас кормил, и жаловал, и тешил,
С плеча дарил свое цветное платье —
Хоть в жизни раз и вы меня потешьте!
Я в ноги вам ударю, доставайте
Мне Марью Власьевну!

Р е з в ы й.

Робята, надоть
Хоть умирать, а доставать. Потешим
Боярина. Вели, Степан Семеныч,
Промолвить слово.

Б а с т р ю к о в.

Молви.

Р е з в ы й *(кланяется в ноги)*.

Головы
Повинной не секут, не рубят. Прежде
Ты выслушай, потом казни, как знаешь.
Хоронится у нас от воеводы
Роман Дубровин.

Б а с т р ю к о в.

Ведомого вора
Во двор пустили. Ну, как вдруг нагрянут
Да вора вымут на моем дворе!
В ответе я. По грамоте царевой,

И головой и животом отвечу,
Поместье отберут на государя
За ваше воровство!

Р е з в ы й.

Степан Семеныч,
Не вор Дубровин. Тем и провинился,
Что жил богато, да жена пригожа;
Его томил в остроге воевода —
Все денег вымогал. Сбежал Дубровин,
Так он в тюрьму его хозяйку вкинул;
И ночи там она не ночевала,
К себе ее в хоромы перевел.
В бегах был с год Дубровин, вот вернулся,
Сгрустнулось, повидаться захотелось
С женою.

Б а с т р ю к о в.

Где ж она?

Р е з в ы й.

У воеводы.

Б а с т р ю к о в.

Так вы его пустили?

Р е з в ы й.

Да боится
К чужим пристать. Да что ж, Степан Семеныч,
Пускай живет; у нас его не сыщут;
А взыщутся, так мы тогда спровадим,
И след простыл; а нас хоть жги огнями —
И знать не знаем, слыхом не слыхали.
А уж куда на выдумки гораздой!
Потолковать бы с ним о нашем деле,
Худого не придумает.

Б а с т р ю к о в.

Зови!

Р е з в ы й

Кубас, беги! Да ты найдешь?

К у б а с.

Пошарю,
Авось найду. Еще бы не найти!
Я свой, не сыщик.
(Уходит.)

Р е з в ы й.

Горе-то убило

Теперь его, а уж куда затейник —
Что слово скажет, то рублем дарит.

Бастрюков.

Послушаем. Крестами поменяюсь,
Коль мне беду бобами разведет,
Печаль-тоску на радость поворотит.

Резвый.

Кромя его, и некому.

Бастрюков.

Посмотрим.

Входит Дубровин.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и Дубровин.

Дубровин.

Здорово, осударь Степан Семеныч!

Бастрюков.

Живешь давно, а глаз своих не кажешь
Хозяину. У нас таких порядков
Не водится меж добрыми людьми.

Дубровин.

Да пóчто я тебе? Живу я смирно.
Тебя не трогаю. И ты не трогай!
Пришел не в гости, ни с добром, ни с худом,
Пришел по тиху и уйду по тиху.
Пришел я незван и уйду я незнан,
А за постой скажу тебе спасибо!
Зачем покликал?

Бастрюков.

Дело есть, Дубровин,
Не боязно тебе?

Дубровин.

Чего бояться?

Бастрюков.

Велю связать, да к воеводе.

Дубровин.

Шутишь!
Я пуганый, меня не испугаешь.

Бастрюков.

И то шучу. И волосом не тронут.
Нужна послуга.

Д у б р о в и н.

Будет ли под силу?

Б а с т р ю к о в.

А есть охота?

Д у б р о в и н.

Твой слуга, боярин.

Б а с т р ю к о в.

Не ждал беды, сама беда сыскалась,
Тужить не думал, довелось тужить.

Д у б р о в и н.

За что, про что сыр бор горит?

Б а с т р ю к о в.

За девку!
В руках была, да отняли из рук.

Д у б р о в и н.

Здесь девушки по денежке.

Б а с т р ю к о в.

Не купишь
И тысячей. Слыхал ли ты про Власа
Дюжóва?

Д у б р о в и н.

Кто ж его не знает, плута,
Лисицу старую!

Б а с т р ю к о в.

А дочек видел?

Д у б р о в и н.

Чтоб не солгать, раз десять доводилось.
Молва идет: не знаю, правда ль, нет ли? —
Прасковью Власьевну за воеводу
Просватали. Ужель, Степан Семеныч,
Я молвлю не в укор, ее жалеешь?
Похаять нечего, с лица красива,
Собой статна, а все же кус не твой;
Вот Марья Власьевна совсем другая,
Как не родные точно.

Б а с т р ю к о в.

Про нее-то
И говорю, ее-то жалею;
Мы по любви сошлись и столковались.

Д у б р о в и н.

Чего ж жалеть-то? Сватайся порядком,
Не отдадут, возьми без позволенья.

Бастрюков.
Так и задумал.
Дубровин.
Ну!
Бастрюков.
Да помешали.
Я за руку, а за другую...
Дубровин.
Кто же?
Бастрюков.
Все он же, воевода.
Дубровин.
Не татарин,
Не женится на двух.
Бастрюков.
Да он раздумал
Прасковью взять. Как увидал меньшую,
Так подавай ее, а ту не надо.
Во двор берет беречь, чтоб не украли.
Дубровин.
А надо бы украсть. Ужли уступишь?
Бастрюков.
Что уступить, что заживо в могилу!
Мне жизнь не в жизнь! Бесчестье-то бесчестьем,
Да каково, слюбившись, расставаться.
Дубровин.
Не плакать стать; слезами не поможешь.
Подумать, да за дело.
Резвый.
В добрый час!
Дубровин *(оглядываясь)*.
Повыстудить бы избу. Лишних за дверь.
Останься, Резвый, ты не помешаешь.
Бастрюков *(слугам)*.
Идите вон и подождите зову!

Слуги уходят, кроме Резвого.

Дубровин.
Боярин, я пришел недаром. Тоже
Должишко есть; повыправить хочу.
Взаймы жену, без спросу, люди взяли:
Просить по чести — самого посадят,

Что век не вылезешь. Одно осталось —
Свое добро у вора воровать.
Давай уж вместе! Первым делом надо,
Чтоб воевода выехал дня на два
Хоть за охотой, хоть на богомолье.

Бастрюков.

Из города не выживешь его.

Дубровин.

А надо бы. Нам только самого-то
Долой бы с глаз, а челядь наша будет.

Бастрюков.

Хитер, собака, не обманешь.

Дубровин.

Можно.
На свете нет такого хитреца,
Чтоб не было хитрее. Воевода
Хитёр, да не умен.

Бастрюков.

Почем ты знаешь?

Дубровин.

Не станет умный с ведунами знаться,
А он без ведуна не ступит шагу.
Во всяком деле, важном и неважном,
Мизгирь ему советчик. Так пристойно ль
Боярину ума-то набираться
От мужика?

Бастрюков.

А кто таков Мизгирь?

Дубровин.

Известный плут; слывет за ведуна
У глупого народа. Он немало
Людей изводит порчей, а другого
Не смыслит чародейства. Уж давно бы
Его казнить пора за лиходейство.
Послать в Москву, там суд короток будет,—
Не волоча, сожгут его живого
За волховство. А умный воевода
Его на воле держит, днем и ночью
Во всякий час к себе в покои водит,
По книгам смотрит, в Шестокрыл и в Рафли.
Вот дело-то какое. Поклониться
Приходится,

Б а с т р ю к о в.

Кому?

Д у б р о в и н.

Да мне.

Б а с т р ю к о в.

Изволь.

Р е з в ы й.

Постой, Степан Семеныч, ты боярин,
Заставь холопей кланяться ему,
У нас спина гибка.

Д у б р о в и н.

Да вас не надо,
Пусть сам поклонится.

Р е з в ы й.

На что ж тебе
Его поклоны нужны?

Д у б р о в и н.

Сердце тешу.
Я кланялся немало и задаром;
Пускай хоть раз поклонятся и мне.
Я денег не прошу, меня не купишь,
А за поклон я душу положу.

Б а с т р ю к о в.

Поклон не в труд и не в бесчестье, если
За дело кланяться и за услугу.
Я поклонюсь, да было бы за что.
(Кланяется.)

Д у б р о в и н.

Меня Мизгирь боится; прикажу
Из города спровадить воеводу,
Так он спровадит, а послать деньжонок,
Да припугнуть, да посулить еще,
Так завтра же ушлет на богомолье —
И тот пойдет.

Б а с т р ю к о в.

Чем свет пошлю Кубаса.

Р е з в ы й.

Я сам снесу.

Б а с т р ю к о в.

А много ль денег надо?

Д у б р о в и н.

Недорого продаст он воеводу.
Чего не жаль, то и пошли.

Б а с т р ю к о в.

Ну, ладно.

Д у б р о в и н.

Прости, до завтра!

Р е з в ы й.

Ты, Степан Семеныч,
Опочивать ложись!

Б а с т р ю к о в.

Вели дать меду,
Мне не впервой гулять до бела света.

Р е з в ы й уходит.

Ты где бродил?

Д у б р о в и н.

Не клином свет сошелся.

Б а с т р ю к о в.

Гулял по Волге?

Д у б р о в и н.

Волей и неволей,
В бурлаках...

Б а с т р ю к о в.

И в удалых молодцах?

Д у б р о в и н.

Всего бывало.

Б а с т р ю к о в.

И большой дорогой
В ночь темную?

Д у б р о в и н.

Придет пора, покаюсь;
Ни ты чернец, ни мне конец, боярин!

Б а с т р ю к о в.

Здесь слух прошел про Худояра. Слышал?

Д у б р о в и н.

Слыхать — слыхал.

Б а с т р ю к о в.

А может, и видал?
Так правда ли, что он народ не грабит
И на богатых лишь оброк кладет;
Не жалует служилых и посадских,
И нас, дворян поместных?

Д у б р о в и н.

Ты боишься?

Б а с т р ю к о в.

Мне что бояться, я живу по правде.

Д у б р о в и н.
Так что ж тебе?
Б а с т р ю к о в.
Да поглядеть охота.
Д у б р о в и н.
Зачем, боярин?
Б а с т р ю к о в.
Удаль заставляет.
Д у б р о в и н.
Так вот гляди: мы схожи уродились —
И голосом, и волосом, и ростом
Один в другого удались точь-в-точь.

Бастрюков пристально смотрит на Дубровина.

Ну, что ж задумался?
Б а с т р ю к о в.
Да я не знаю —
Вязать тебя за схожесть с Худояром,
Иль чествовать и величать за удаль;
Являть ли воеводе, иль медами
Поить тебя сычеными. Спросить бы,
Да некого.
Д у б р о в и н.
Ты у души спроси;
Душа вернее скажет.
Б а с т р ю к о в.
Правда.
(Стучит по столу.)
Резвый!

Входят Р е з в ы й, К у б а с и д р у г и е с л у г и.

Вина давайте, меду. Песни пойте!
Дым коромыслом! С горя загуляем,
А с радости опохмеляться будем.
С л у г и *(поют)*.

Уж и полно нам, робята, чужо пиво пити,
Не пора ли нам, робята, свое затирати.
Солод молод на овине, а хмель на тычине,
Уж и что же вы, робята, приуныли?
Аль у вас, робята, денег нету?

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЛИЦА:

ВОЕВОДА.

НЕУСТРОЙКО.

НАСТАСЬЯ.

МАРЬЯ ВЛАСЬЕВНА.

НЕДВИГА.

ВДОВА УЛЬЯНА.

ОЛЕНА
жена Дубровина.

ГРИШКА ЖИЛКА.

ШУТ.

ДЕВУШКИ СЕННЫЕ 1-я и 2-я.

МУЖСКАЯ И ЖЕНСКАЯ ПРИСЛУГА.

ДОМОВОЙ.

Светлые сени в доме Воеводы на посаде. Прямо входная дверь; налево (от актеров) — дверь в терем, направо три небольших оконца задернуты одной тафтяной занавеской; в левом углу изразцовая печь, у печки железная кочерга, по стенам лавки.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Входят Настасья, Недвига и девушки.

Настасья.
Ну, что ж? молчит?
Первая девушка. Не молвит ни словечка.
Настасья.
Ни с кем?
Вторая девушка.
Ни с кем
Первая девушка.
И рта не разевала.
Настасья.
Пойти, взглянуть. Ахти, напасть какая!
(Уходит в терем.)
Недвига.
Напасть и есть. Не хочет слова молвить!
А вы-то дуры! Нет у вас уменья
Повеселить.

Одна из девушек.
Коль ты умна, попробуй!
А мы-то уж и пели, и плясали,
На головах вот разве не ходили —
Да не суметь, а то бы попытались.

Недвига.
Толкуй с тобой! Тебе чужая, видно,
А мне своя. Ну, как не распотешить!
Охоты нет! Была царева дочка
На выданье, царевна Несмеяна;
Сидит — не улыбнется, говорит ли —
Не усмехнется. Не-в-котором царстве
Нашелся парень, рассмешил-таки.

Другая девушка.
Так парень, а не мы! Чудна́я, право!

Первая девушка.
И ваша бы, пожалуй, рассмеялась,
Как привести ей парня по душе,
Да где же взять?

Недвига.
Ты по себе не меряй!
Что у самой глаза-то завидущи —
Так не у всех такие.

Первая девушка. Говорить-то
Не хочется. До брани недалёко,
Как свяжешься.

Недвига. Знать, нечего?

Первая девушка. Навряд ли!

Недвига.
Ну, говори!

Первая девушка.
С чего она тоскует?
Я слышала, она сбежать сбиралась.
Да не дали.

Недвига.
Так что ж?

Первая девушка. Слюбилась с парнем.

Недвига.
А вот и врешь. Когда ей с ним слюбиться?
Она его в глаза-то не видала.

Первая девушка.
Ты говоришь, а кто тебе поверит?
Ну как сбежать, не знавши с кем?

Недвига. Да так же.
Пришел да взял, не станешь упираться,
А взял — повел! У бабы волос долог,
А ум короток. Их куда ведут —
Они идут.
Первая девушка.
А может, и взаправду.
Недвига.
Вот то-то же! Ты не мели пустого!
Молоть пустое — жернова сотрешь.
(Уходит в дверь налево.)

Входит Неустройко. Ульяна растворяет дверь и оглядывает комнату.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Неустройко и девушки, Ульяна.

Ульяна *(грубо)*.
Кого еще нелегкая несет?
Тебе чего? Ты почто тут толчешься?
Неустройко *(передразнивая Ульяну)*.
Чего, чего! Ты рта не разевай
Широко-то! Сейчас боярин будет.
Ульяна.
Так что ж тебе?
Неустройко. Так надо приглядеть,
Обрядно ль все у вас. Я распинался,
Постлал ковры, завесы к окнам вешал,
Полавочники клал на каждой лавке,
Столы сукном завесил.
Ульяна. Погляди!
Разуй глаза! Все чисто, всё нарядно.
Уйди добром! Не суйся, где не просят,
А то дождешься брани.
Неустройко. Жениховы
Подарки все порядком я поставил.
Ларцы, и зеркала, белила, перстни,
И мыла всякие, и все покупки,
И рухлядь всю расставил и развесил
Лицом на погляденье!
Ульяна. Ну, так что ж?
Неустройко.
У вас, гляди, все в кучу сбито,

У л ь я н а.

Сбито?
Не лучше ль, не дельнее ль твоего
Улажено? Поди-ко ты с ученьем
Из терема-то вон, покуда цел!
Глупей тебя я, что ли?

Н е у с т р о й к о.

Что ты знаешь?
Ты как жила? Весь век в курной избе.

У л ь я н а.

В курной избе? В курной? Где кочерга-то?
(Берет у печки кочергу.)

Н е у с т р о й к о убегает в дверь. Ульяна бросается за ним с кочергой и натыкается на Воеводу.
Входят В о е в о д а и Н е у с т р о й к о.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

В о е в о д а, Н е у с т р о й к о, У л ь я н а и д е в у ш к и.

У л ь я н а.

Ахти беда! Боярин! Виновата!
(Кланяется.)

В о е в о д а.

Воюешь ты? Воюй! Не надо беса,
Когда ты здеся. Мне того и нужно.
Ты слушай в оба! Не по чести место
Дано тебе. Боярские хоромы
Велика честь для вас, людишек малых.
Ты это чувствуй. Вся твоя забота
Беречь боярышню, от ней ни шагу
Не отходить. Какие будут речи
Меж вами, сказывай! А баб и девок
Не допускай к боярышне с речами.
Блюди за ними крепко. Всё, что нужно,
Через тебя чтоб шло, никак не мимо.
Послужишь честно, честно и отпустим
С большим наделом деньгами и платьем,
И замуж выдам. Дворню созовите!

Н е у с т р о й к о уходит.

И баб, и сенных девок!

Д е в у ш к и уходят в терем.

У л ь я н а.

Не трудна работа,
И много милости. Продли бог веку
Тебе на белом свете. Сиротинку
Не забываешь.

В о е в о д а.

Дело-то, я знаю,
Тебе по сердцу. Нравом ты свирепа,
Ну, и гляди медведем и свирепствуй!
А за оплошку удавлю. Ступай!

У л ь я н а уходит. Входят Н е у с т р о й к о и п р и с л у ж н и к и обоего пола и кланяются; меж ними О л е н а.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

В о е в о д а, О л е н а, Н е у с т р о й к о и п р и с л у г а.

В о е в о д а.

Я жалую вас милостью боярской:
Не красен дом, не весел господину,
И слугам сиротливо без хозяйки,
Боярыни. Благословеньем божьим
И нашим счастьем мы нашли девицу
Себе по мысли, и понять желаем
Себе в жену, вам в мать и госпожу.

Н е у с т р о й к о.

Час добрый! Кланяйтесь, благодарите
Боярина.

Кланяются в ноги.

В о е в о д а.

Теперь пока, до свадьбы,
Я этот дом со всем добром и с вами
Невесте отдаю.

Н е у с т р о й к о.

Опять ударьте
Челом ему на милости боярской
И слушайте наказ.

В о е в о д а.

Наказ короткой —
Служить боярыне, как мне, со страхом
И вежеством, в грозе и береженье,
Не красть, не лгать, от всякого бесчинства

И пьяного питья блюстись всемерно!
Все это присказка, а вот и сказка.
(Встает.)
Чтоб день и ночь ворота на запоре!
Чтоб день и ночь круг дома сторожа!
Чтоб ни к кому приходу, ни подсылу!
Чтоб сенным девкам из ворот ни шагу!
На портомой водить за караулом
Не часто! Слово каждое и дело
Чтоб было мне доподлинно известно!
Не только вести в дом или из дому
Не проносить, а птица пролетела
С чужих хором.— чтоб мне про это ведать!
Я батогов для вас не пожалею
За малую оплошку; за большую —
Казненным быть нещадно скорой казнью.

Неустройко.
Челом боярину и вон ступайте.

Кланяются и уходят, кроме Олены.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Воевода, Неустройко и Олена.

Воевода.
Олена!

Олена останавливается.

Ты все волком к лесу смотришь,
Змеей шипишь. Пора бы уходиться,
Забыть про вора-мужа.

Олена.
Не забуду,
Пока жива.

Воевода.
Кто на тебя посмотрит
Со стороны, так скажет, что зарезать
Меня ты хочешь. Грозными очами
Глядишь на нас.

Олена.
Да что кому за дело
До глаз моих? Гляжу я, как умею.
Живу покорно, голову поклонно
Держу перед тобой; что ни заставишь,

Я делаю, не выхожу из воли.
Чего ж тебе?

В о е в о д а *(Неустройке)*.

Стеречь ее покрепче,
Чтоб не сбежала со двора.

О л е н а.

Кто? Я-то?
Куда сбежать? Подумай! Много ль места
Ты мне оставил? Дом стоит покинут
И разорен по милости твоей,
И двор зарос. А где Роман гуляет,
Где буйною головушкой качает,
Печет ли солнце, дождик ли сечет
Яснóго сокола, в живых ли, нет ли,—
И я не знаю, да и ты не знаешь.
Куда ж бежать? Уж разве на погост —
Над матушкой повыла б, что на горе,
На муку зародила, да взглянула
Хоть издали на дом пустой, да в Волгу;
Да грех велик. Уж я у вас останусь
Рабой твоей до гробовой доски,
Да буду ждать, чем нас господь рассудит.
(Уходит.)

Н е у с т р о й к о.

Нет зверя злой жены лютее.

В о е в о д а.

Правда.

Входит Ж и л к а. Н е у с т р о й к о уходит.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

В о е в о д а и Ж и л к а.

Ж и л к а *(кланяясь в ноги)*.

А я давно ищу тебя, боярин.

В о е в о д а.

Откуда ты?

Ж и л к а.

Из погреба.

В о е в о д а.

Треклятый,
Кой черт занес на погреб?

Ж и л к а.

Посадили.
В гостях гостил у Бастрюковых.

Воевода.

То-то

И не видать тебя.

Жилка.

Голодной смертью
Околевал-сидел, и кнутьем били.
А на тебя, боярин, челобитье
Написано и услано к Москве.

Воевода.

А кто писал?

Жилка.

Да я.

Воевода.

С ума ты спятил!
Или об двух ты головах?

Жилка.

Напишешь
И на себя, как по бокам с плетями
С ордынскими стоят.

Воевода.

А кто поехал?

Жилка.

По выбору посадские.

Воевода.

Ну, с богом!
Широкий путь.

Жилка.

Роман Дубровин близко.

Воевода.

И знаешь где?

Жилка.

У Бастрюковых.

Воевода.

Точно?

Жилка.

Хоть умереть, на месте провалиться!

Воевода.

А вот, дай срок, схожу на богомолье,
Нагрянем к ним.

Жилка.

Про Худояра вести.

Воевода.

Хорошие?

Жилка.

Остановился станом
За пустынью. Осиновик-починок
Слыхал когда?

Воевода.

Ну, вот и кстати будет,
И я иду туда на богомолье.
Беги скорей, вели собрать Баиму
Стрельцов и всех служилых. Мигом
Лети к нему: чтоб нынче и в поход,
Чтоб догонять меня; у нас и кони
Оседланы. Не засижусь, я только
Зашел проститься с тещей и невестой!

Жилка уходит. Входят Настасья, Марья Власьевна, покрытая фатой, Ульяна и Недвига.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Воевода, Настасья, Марья Власьевна, Ульяна, Недвига и женщины, потом Шут.

Воевода.

Про ласковую тещу только вспомни,
Она и здесь. Как спали, ночевали?

Целуются

Настасья.

Зятек поклонистый, живем, покуда
Господь хранит.

Воевода.

Садись в передний угол!
Хозяйкой будь.

Настасья.

Хозяйка не садится.
Садись ты, гость.

Воевода.

Не гость и не хозяин.
Хозяйка вот. Весь дом со всем запасом
Ее теперь, а я сюда до свадьбы
Не загляну. Живите, как хотите.
Для береженья, для услуги много
Дворовых баб и девок. Был женатый,
Так нужны были, а вдовцом остался —
Куда их деть? Хотел уж по осинам

Развешать их, ан вот и пригодились.
Вот и Ульяна ей на место мамки.

Н а с т а с ь я.

На всем спасибо! Только ты послушай,
Какое дело! Словно кто испортил
Ее у нас. Бывало, день настанет —
Одну ее и слышишь: без умолку
Трещит, болтает, прыгает да скачет;
Теперь ни слова, точно как немая,
И уст не открывает, и ни шагу
Не сделает сама, толкнешь — идет;
Аль сглазил кто?

В о е в о д а.

От глазу и от порчи
Мы слово знаем. Молодо — стыдливо.
Глазам-то стыдно, а душой-то рада.
Девичий стыд до мужнина порога,
Лиха беда порог переступить.

Н а с т а с ь я.

Не то что стыд, а норовом такая.
Упрямится.

У л ь я н а.

Устанет — перестанет.

Н а с т а с ь я.

Тоскует, что ли? Спрашивать пытали,
Не молвит ничего.

В о е в о д а.

Тоску прогоним.

Входит Ш у т.

Забавами, да играми, да пляской,
Да песнями. Бессудного покличем.

Ш у т.

Я здесь давно.

В о е в о д а.

Тебя-то нам и надо.
Шути, хвостом верти, хоть бесом корчись,
Да только тешь! А я домой поеду.
Хочу пешком сходить на богомолье,
Благословиться. Крепче дело будет.
Да говорят, круг города удалых
Поразвелось, так надо попугать их,
Да кстати уж и зверя попугать.
Дня два проходим, да честным пирком

За свадебку. Прощай, моя зазноба!
Нена́долго прощаемся с тобой,
Немного дней пройдет до нашей свадьбы.
Но каждый день протянется мне годом.
Я ночью буду утра дожидаться,
Я утром буду вечер торопить.

Настасья.
Убить бы день, а ночи не увидишь.

Воевода.
Не крой лица, не прячь своих очей
И ненаглядной красоты девичьей,
Дай наглядеться, дай на расставанье
Налюбоваться вдоволь про запас.
(Открывает покрывало и смотрит на нее; она закрывается.)
Прощай-ко, тещенька!

Настасья.
Прощай, зятек.

Все кланяются.

Женщины.
В святой бы час, в архангельской.

Воевода.
Спасибо!

Настасья.
И я домой. Прощай покуда, дочка.

Уходят Воевода, Настасья, Недвига, Ульяна и женщины.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Марья Власьевна и Шут.

Шут *(прыгает)*.
Ишь скачет как! Пыль-курево стоит.
Прощай, боярин! С богом по морозцу!
Уехал дядя! Запили лохмотья,
И загуляли лоскутки. Не страшно!
Хоть пой, хоть плачь! Никто не сымет воли.
(Поет.)

Ах ты, бедный еж,
Горемычный еж,
Ты куда ползешь,
Куда ежишься?

Я ползу, ползу
Ко боярскому двору,
Ко высоку терему,
К Марье Власьевне.

(Ежится и жмется к Марье Власьевне; она его толкает ногой.)
Спесива ты, дерешься! А не знаешь,
Как бедного ежа встречают? Слушай:

Как взяли ежа
Во высокий терём,
Как стали ежа
Целовать, миловать,
Оглаживать,
Охорашивать.

Марья Власьевна *(открывает покрывало и сердито смотрит на Шута)*.
Кабы не ты, гуляла б я на воле.
Постылый пес, тебе бы беса тешить!
Ножа-то нет, зарезала б тебя.

Шут.
Гляди-кось. Вот так пыль! Чуть жив со страху!
С ковшом ца брагу налетели, дядя!
Убил бобра! Нашла коса на камень!
(Уходит.)

Входят Ульяна и Недвига.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Недвига, Ульяна и Марья Власьевна.

Недвига.
Господь с тобой! С чего ты загрустила,
Красавица, забавница моя?

Ульяна.
И сладу нет, совсем от рук отбилась;
Хоть молода, а норов стар.

Недвига.
Да ты бы
Не все грозой, а иногда и лаской;
И дуги гнут не вдруг, а прежде парят.

Ульяна.
Да парь, не парь, а надо будет гнуться,
Не гнуться — сломишься. Она упряма,
А я упрямее.

Н е д в и г а.

Мне что за дело,
Какая ты! Твое перед тобою.
(Марье Власьевне.)
Пришла к тебе, а пошто и не знаю;
Куда гожусь, туда и деньте. Все же
Поваднее тебе со мной, старухой!
Люба — оставь, а нет — домой пусти.
Велишь остаться?

Марья Власьевна кивает головой.

И на том спасибо!

У л ь я н а.

Пойду-ко я да челядь попытаю
Проклятую, не спят ли, дармоеды!
Да заперты ль ворота. Ну, людишки!
За ними глаз да глаз, да кнут ременный
В руках держи, а то не поворотишь!
(Уходит.)

Н е д в и г а.

Ах, волк те съешь и с по́трохом! Откуда
Такое зелье взяли? На лес взглянет —
Так лес завянет. Невеличка птичка,
А ноготок востер. Пустили волка
Овец стеречь, небось не отказался,
А говорит: «Что делать! так и быть,
Уж как-никак, а надо послужить».
Работу взять пойти, без дела скучно.
(Уходит.)

О л е н а входит, робко оглядываясь.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

М а р ь я В л а с ь е в н а и О л е н а.

О л е н а *(падая к ногам Марьи Власьевны)*.

Государыня, боярышня,
Есть за мной вина немалая:
На реке платно мыла,
Громко колотила...

Боярышня, есть весточка.

М а р ь я В л а с ь е в н а.

Откуда?

Олена.

Степан Семеныч шлет.

Марья Власьевна.

Не лжешь, так правда.

Олена.

На что мне лгать! На Волге платье мыла
Я на плоту; неведомая женка
Рядком пристала, вглядываться стала,
Взглянула раз и два, заговорила:
«Лицо твое мне, милая, знакомо,
А как назвать, не знаю». Так и так, мол.
«Ну, говорит, тебя-то мы и ищем.
Придешь домой, боярышне тихонько
Шепни, когда улучишь час...».

Марья Власьевна.

Скорее!
Ну, говори ж! Придут да помешают.

Олена.

Чтоб завтра в сад, как только солнце сядет,
Ты выходила. Сторожей не бойся! —
Всех напоят. На даровое падки,
Весь дом напьется к ночи. Я нароком
Фату твою из рук пустила в воду,
Чтоб допустили, будто повиниться
Пришла к тебе.

Марья Власьевна *(целуя ее)*.

Спасибо.

Олена.

Ты Ульяну
Уговори, чтоб погулять пустила.
Пусть и сама идет; из рук не вырвет,
Как молодцы подхватят.

Марья Власьевна.

Да не пустит
Из терема.

Олена.

Ты подари, попробуй.
Чай, есть чего.

Марья Власьевна.

Немало дряни. Идут!

Входят Ульяна и Недвига, останавливаются и смотрят.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Марья Власьевна, Олена, Недвига и Ульяна.

Олена *(на коленях)*.

Государыня, боярышня,
Есть за мной вина немалая:
На реке платно мыла,
Громко колотила,
Фату твою белую
В году уронила.

(Кланяется в ноги.)

Марья Власьевна *(с сердцем)*.

Ну, нет! Простить нельзя беду такую.
Какая ты работница! Работать,
Так не зевать по сторонам! Не надо
Твоей работы! Не нуждаюсь. Много
И без тебя народу. За провинность
Не заставлять ее работать. В терем
К себе беру. Пусть на меня и служит,
Чтоб от меня не отходила шагу.

Олена.

Во белых руках было,
Да ушло, уплыло.
Хошь казнишь, хошь милуешь —
Я не утаила.

Марья Власьевна.

И вместе спать со мной! Да накормить
С боярского стола ее. Ступай.

Недвига.

Вот, поглядишь, господское-то дело —
Не разберешь у них, что гнев, что милость.

Недвига и Олена уходят.

Ульяна.

Заговорила? Аль опять надулась?
Житье мое! Уж нечего сказать!
Вот дитятко на шею навязалось!
Ходи за ней! Она и знать не хочет,
Стоит как пень, ничем не поворотишь.

Марья Власьевна уходит.

Сама пошла. Диковина! Посмотрим,
Что будет от нее.

Марья Власьевна входит и подает с поклоном тафтяную рубашку.

Ульяна. Ну, вот спасибо!
Как поглядеть, так ты из умных, девка,
Не вдруг тебя и распознаешь! Право!
Не осердись, что я тебя бранила.
По глупости. Словечка не услышишь
Противного. Ни в чем не поперечу:
Ты добрая. А чай, грешки ведутся
И за тобой. Вы при людях тихони:
По лавочкам, как соловьи по гнездам,
Смирнехонько сидите, глазки в землю
Опустите. А дай-ко вам потачку,
Не догляди, откуда прыть возьмется —
Бойчее баб. Погудки, смех да грохот,
А разговор послушать, уши вянут,
Стыдом сгоришь. Да что кому за дело,
Чем тешатся, не плакали бы только.
Не то беда, что игры да потехи
На разуме у девок! Ну, пускай бы
Промеж себя и тешились, так мало —
Утехи нет одним, без парней скучно.
Не правда, что ль? Сама чудила в девках,
Так знаю вас, меня не проведете.
И ты, как все, не лучше и не хуже,
Да хитрости в тебе уж больно много.

Марья Власьевна уходит.

Опять ушла. Еще не принесет ли?
А ладно бы! У ней добра-то много,
А мне-то где взять?

Входит Марья Власьевна с летником и подает с поклоном.

Что́ ты! Бог с тобою!
Не надо, нет! Куда мне! Совесть зазрит.

Марья Власьевна кланяется.

Уж разве взять? Подарок-то хорош!
Непрошеный подарок-то дороже.
И то возьму. Благодарю покорно!
Да вот беда! Отдаривать придется.
Я брать беру, а отдарить-то нечем.
Понаровлю за это; что захочешь,
Отказу нет, опричь того, что в терем
Чужих водить — и затевать не думай!

Да не пущу и самоё из дому.
А в терему что хочешь, то и делай,
Ты госпожа, мы слуги, что прикажешь —
Тому и быть. Чем хочешь забавляйся.

Марья Власьевна уходит.

Куда ты? Стой! Довольно! Эй, довольно!
Послушай-ко! Не надо, не возьму я!
Ахти грехи! Кто падок на подарки,
Добра не быть. Кому придет охота
Бросать добро на ветер? Видно, хочет
Купить меня. Не след бы мне и брать-то,
Да как не взять, когда в глаза мне тычет.
Ох, смерть моя! Такой уж скверный норов —
И соблазнюсь — как соблазнюсь! Подарком
Меня и взять, глаза-то завидущи.
Продам тебя, боярин, сердце чует.
Не утерплю, продам. Глядеть не стану,
Зажмурюся, чтоб не было соблазну.
(Зажмуривается.)

Входят Марья Власьевна с телогреей в руках и Олена.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Марья Власьевна, Олена и Ульяна.

Олена.
Гляди-ко ты, какая телогрея,
И с выпушкой!

Ульяна *(открывая глаза)*.
Вот чудо, так уж чудо!
Неужто мне?

Марья Власьевна кланяется.

Олена.
Кому же?

Ульяна.
Дорогая!
Не нам носить.

Олена.
Наденешь, так износишь.

Ульяна.
Ох, каравай-то не по рылу. Где нам!
Уж как тебя благодарить, не знаю

И не умею. Вся твоя. Хоть воду
Вози на мне. Сулил мне воевода,
Да жди-пожди, а он, гляди, обманет;
А ты добрей, ты прежде догадалась.

О л е н а.
Да у тебя и летник — вóшвы бархат
На золоте. Тафтяная рубашка.
С запястьями.

У л ь я н а.
Уж разве нарядиться?

О л е н а.
Ты нарядись, а мы посмотрим.

У л ь я н а. Что ты!
И впрямь пойти.

О л е н а.
Чай, то-то загляденье!

У л ь я н а.
Пойдем со мной, ты мне пособишь.

О л е н а.
Можно.

У л ь я н а и О л е н а уходят.

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

М а р ь я В л а с ь е в н а *(одна)*.
Молчать-то я молчу, да больно скучно
Становится. Не много натолкуешь
Сама с собой. Сложу от скуки песню.
Сама спою, сама и слушать буду.
Тихонечко спою, чтоб не слыхали.
(Поет).

Я по терему хожу,
Я по миленьком тужу,
Тужу, тужу
Да потуживаю.

Уж я сяду, посижу,
В окошечко погляжу,
В окошечко,
Во косящатое.

Милый весточку дает,
Молодого гонца шлет,
Гонца, гонца
Да молоденького.

Что не быть, да не бывать,
С милым розно не живать,
Мне жить, не жить
Со милым со дружком.

Поскачу да попляшу
Во высоком терему,
Вот так, вот так,
Вот и так, вот и так!

(Слышит шорох, садится и молчит.)

Входят Ульяна и Олена.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Марья Власьевна, Ульяна и Олена.

Олена.
Куда красно! И посмотреть так любо.
Красавица, как есть.

Ульяна.
Чему дивишься!
И пень хорош в уборе!

Олена.
Не похаять
Тебя и без убора. Всем пригожа:
Собой статна, лицом бела, румяна,
Глаза как вишни, брови колесом.
По красоте твоей за дворянина
Тебе идти. Ты баба молодая,
Чего ж сидеть!

Ульяна.
Дворяне по дворянам,
А не по нас. А наши-то дворяне
Не родились.

Олена.
Как знать, чего не знаешь.

Ульяна.
Да нечего и знать-то! По одёжке
Протягивай и ножки. А дворяне
Хороший кус, да не для наших уст.
Достатков нет, какая я невеста;
С голодным брюхом, да по добрым людям
Похаживай. Чужой-то хлеб не сладок,
Подавишься. Кормить не станут даром;
И угождай на всякого, как знаешь.

Хоть бы вот здесь, смотри за целым домом.
Беда-бедой! Будь смирен, так проглотят,
Сердит — проклясть готовы. Вот и казнись!
Здесь не люди, а черти! Как шальные,
Проклятые! Кто спит, кто пьяный бродит,
Шатается. Сама за всем и смотришь,
За всякой малостью. А понадейся,
Так пропадешь, не рада жизни будешь.
Сама запру все выходы, все двери,
Да поперек порога здесь и лягу.
Один глазок усни, другой пусть смотрит.

Марья Власьевна дает ей перстень.

Раздобрилась, и не уймешь. А правду
Сказать тебе, так мне тебя и жалко.

О л е н а *(вздохнув)*.

А у нас во саду
Соловей поет,
Выговорочки
Выговаривает.

У л ь я н а.

Послушаем; послушать, что ли, хочешь?

О л е н а.

Сходить бы завтра.

У л ь я н а.

Что ж такое! Сходим
В сумеречки. Большой беды не вижу;
В своем саду, а не в чужом. Боярин
И не велел, да мало ль что! Наказы
Легко давать! Не всяко лыко в строку.
Наказ-то знай, а делай, как придется.

Марья Власьевна целует ее.

Ну, в сад, так в сад! Давно бы ты сказала.
Гуляй себе, когда придет охота;
Хоть днем гуляй, хоть ночью.

О л е н а.

Вот и ладно.

У л ь я н а.

Гуляй, гуляй! Авось повеселеешь,
Хоть улыбнись на нас с Оленой!

Марья Власьевна улыбается.

Ишь ты!

Пошло на лад.

Олена.

Дай срок, не то увидишь.

Входят Недвига и девушки.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ

Марья Власьевна, Ульяна, Олена, Недвига и девушки.

Недвига.

Пора и спать. Чего сидеть в потемках!
Поужинай, чем бог послал, да на бок
И завались. Без ужина ложиться
Нехорошо бывает, плохо спится,
Да много грезится. А то, как знаешь:
Сиди себе. А уж огня не стану
Вздувать теперь.

Ульяна.

Кто летом зажигает!
Чай, дворня спит?

Недвига.

И куры, и собаки —
Все спят.

Олена. И я, боярышня, прилягу.
(Уходит.)

Недвига.

Ну, что ж нейдешь? Аль спать-то не охота,
Не то, что я. Все ноги отходила,
Все кости, все суставы заболели,
Измаялась. Не рассказать ли сказку
Да присказку? Авось тогда задремлешь.
(Садится на скамейку.)
Сумерничать давайте. Мы любили
В сумеречках сидеть с тобой тихонько
И побасёнки баять тихомолком,
А круг тебя как точно кто мурлычет...
Ах, батюшки! Вот так меня и клонит,
Так и валюсь и тычусь носом. Часом
Совсем усну, так ты меня толкни.

Начинается сказка, починается сказка.
За тридевять земель,
В тридесятом царстве

(дремлет),

Жили два брата
Да мать брюхата,
Да отец на днях...

Постой! Не так. Я что загородила;
Не сплю, а бредится. Начну сначала:

Жили да были два брата родные,
У одного брата всего богато,
А другой убогий, а детей у него много.
Говорит богатый бедному брату:
«Сам ты убогий, а детей у тебя много,
Дай ты мне сына, вот тебе жита осьмина,
Вот тебе осьмина, а жене твоей холстина,
А дочери коза, лубяные глаза...»

Да что я, что я вру-то! Сбилась! Тьфу ты!
Пропасть тебе! Не то всё! Задремала.
Вот дальше-то забыла, что там было.
Не вспомню ли? Замстилось! Помню только,
Что попросил у брата лошадь бедный,
А волк и съел, оставил хвост да гриву;
И повели дружка к судье Шемяке.
Сидит судья Шемяка, судом судит,

Бороду расчешет да ус разлощит,
Ус разлощит, глаза вытаращит...

Тьфу! пропасть! Не налажу, да и только,—
То про Фому начну, то про Ерёму.

Из-за печки выходит Домовой с фонарем. Недвига в полусне машет руками.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ

Марья Власьевна, Недвига, Ульяна, девушки (спят) и Домовой.

Недвига.
Аминь, аминь, рассыпься! Чур меня!
(Засыпает.)
Домовой.
Что вечерняя красная зорюшка
Догорает, чуть краюшком теплится,
Загораются частые звездочки.
Рассаждаются по небу чистому.

Докачались головки, домаялись
До пуховых цветных изголовьицев;
Ходит сон по сеням, по новым дрема.
Ты поди, сон-дрема, в головах постой!

По хоромам старым
  Я давно брожу;
В тереме чужая,
  Дай-ко погляжу.
Новая новинка
  К худу иль к добру?
Нет, такая гостья
  Нам не ко двору.

Ты на счастье, на радость рожоная,
Не про старого мужа рощёная;
Старику-то чернеть да горбы растить,
А тебе-то алеть спелой ягодкой.
Я поглажу тебя лапой бархатной
На богатство, на радость с милым дружком.
Тихой сон-угомон ясным глазынькам,
В изголовье тебе грёзы девичьи.

За сердечным другом
  То ли не житье,
А у нас по дому
  Горе да вытье,
Скрасишь скучный терем
  На короткий час,
Да и пуст покинешь
  И бежишь от нас.

Запустеет терем, принаклонится,
Заметет по углам пылью, плесенью,
Понесет по сеням бранью, руганью,
⟨Сип да воп⟩ по клетям с перекорами.
Не слыхать-то мне смеху веселого,
Молодого, девичьего, звонкого.
Не слыхать по ночам бреду жаркого,
Только старым старухам шлыки сшибать.
(Сшибает шлык с Недвиги и уходит.)

Н е д в и г а *(впросонках)*.
Аминь, аминь, рассыпься!

М а р ь я В л а с ь е в н а.
Ах, как сладко
Уснула я!

Н е д в и г а.
Аминь, аминь, рассыпься!
(Встает.)

Не разберу, во сне ли, наяву ли,
А сбили шлык. Не ты ли пошутила?
Пойдем-ко ужинать да спать ложиться.
Вот день прошел, до нас дошел.
(Зевает.)
Ахти мне!
Грехи мои.
(Зевает.)
И-ах... великие!

Уходит.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЛИЦА:

ВОЕВОДА.

НЕУСТРОЙКО.

СТАРУХА
крестьянка, хозяйка постоялого двора.

ИВАН
ее сын.

ГАВРИЛО, КЛИМ — бортники из Нижнего.

СИДОР
лесной промышленник из Унжи.

КУРЧАЙ, КУЛИК — целовальники с казенной рыбой и солью.

СЛУГИ ВОЕВОДЫ.

СОН ВОЕВОДЫ

ЛИЦА:

СТЕПАН БАСТРЮКОВ.

РОМАН ДУБРОВИН.

РЕЗВЫЙ И СЛУГИ.

МАРЬЯ ВЛАСЬЕВНА.

Деревенская изба, направо печь, перед печью люлька с ребенком, налево стол.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Старуха (за люлькой), Гаврило, Клим (за столом ужинают), потом Иван, Курчай, Кулик и Сидор.

Гаврило.
Вы, тетка, чьи?

Старуха.
Поместные крестьяне.

Гаврило.
За кем живете?

Старуха.
За мурзой крещеным.

Клим.
Хорош до вас?

Старуха.
Татарин как татарин.
Где бабе знать! Толкуйте с мужиками.
Вот сын придет.

Гаврило.
Ты внучка, что ли, нянчишь?
А где ж сноха?

Старуха.
С ребятами в чулане.
Там четверо у ней, вот пятый в зыбке.

Входит Иван.

Иван.
Струга пришли, к ночлегу подвалили.
Слышь, матушка? А с лесу воевода
Валит со всем народом; хочет станом
На берегу остановиться на ночь.

Старуха.
Чай, лют?

Иван.
Вестимо, лют, на то боярин.
Ты ждешь купцов, а тут, гляди, нагрянут
Боярские голодные холопья.
Один разор! От них, что от пожару,
Что есть в земле зарыто, то и цело,
А под руку попало, то пропало.
Ахти, беда!

Старуха.
Да что у нас и взять-то?

Иван.
У нищего суму и ту отнимут.

Входят Курчай, Кулик и Сидор.

С стругов?

Сидор.
С стругов.

Иван.
Отколь?

Сидор.
Из Унжи будем.

Иван.
С лубьем?

Сидор.
Нештó.

Иван.
А вы, робя?

Курчай.
Мы с низу.
Мы в целовальниках идем в насадах,
С казной.

Иван.
С какой?

Курчай.
С оброчной рыбой в бочках.

Кулик.
Вы держите аль нет?

Иван.
Чего?

Кулик.
Вестимо...

Иван.
Вина-то, что ль? Нет, парень, не бывало.
У нас корчмы никто не держит.

Кулик.
Будто?

Иван.
Да боязно, велик ответ.

Кулик.
Не бойся,
Не выведем, не сыщики.

Иван.
Ну, право.

К у р ч а й.
Поди пошарь. Авось найдешь.
И в а н.
Пошарю.
Кажись, что есть; себе берег на праздник.
(Уходит.)
К у р ч а й *(Гавриле и Климу).*
Хлеб-соль!
Г а в р и л о.
Спасибо.
К у р ч а й.
Здравствуйте. Откуда?
Г а в р и л о.
Из Нижнего гужом идем в обозе.
К у р ч а й.
Далёко ли?
Г а в р и л о. До Ярославля, с медом;
Мы бортники.
С и д о р *(подсаживаясь).*
Плесни, хозяйка, щец-то!
Да не пустых.
С т а р у х а.
Варила со снетками.

Гаврило и Клим встают.

Г а в р и л о *(старухе).*
Бладарствуйте. Мы лошадей посмотрим,
Да на печь к вам. Гляди, и полночь скоро.
Часок-другой соснем, да и в дорогу.

Уходят.

С т а р у х а.
Большая печь, просторно, полезайте.

Входит И в а н с вином в кувшине.

И в а н.
Полкружки есть. По чарке будет. Пейте.
К у л и к.
Простое?
И в а н.
С маком. Люди пьют да хвалят.
К у л и к *(пьет).*
Не похулим и мы. Нельзя не выпить,
Всё на воде.

Иван. На доброе здоровье!

Едят. Гаврило и Клим входят и лезут на печь.

Старуха.
Прибрал в клети?
Иван. В подполицу припрятал.

Стук.

Старуха.
Поди, стучат.
Иван. Пущай идут к соседям.
Кого несет!..
Старуха.
Не вдруг пускай. Окликни.

Иван уходит.

Курчай.
Ишь крик какой! Не лучше ль убираться
С добра́ ума. Хозяйка, не трудись.

Встают. Старуха сбирает со стола.

Подальше от греха, здоровей будешь.
Пойдемте спать в струги. За угощенье!

Уходят Курчай, Кулик и Сидор. Иван входит.

Иван.
Хоть в гроб ложись! Боярин к нам постоем,
Опричь хоро́м, со всем двором валится.
Ишь, холодно в палатке, так холопы
По избам рыщут, где теплей да чище.
Уж я молил немало.
Старуха.
Воля божья!
Придет беда, так отворяй ворота.

Входят Неустройко и слуги.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Иван, Старуха, Неустройко и слуги.

Неустройко.
Давай огня!
Старуха подает лучину, зажигает восковую свечку.
Сдвигайте стол в тот угол!

Ковры, меха стелите, в изголовье
Седло клади!

Иван *(кланяясь в ноги)*.
Яви такую милость,
Ослободи! Поди к соседям!

Неустройко.
Смерды,
Ступайте в хлев! Старуху вон, и с зыбкой.

Слуги подходят к зыбке.

Старуха.
Разбойники! Младенца-то не троньте!
Кому помеха ангельская душка!

Входят Воевода и слуги.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Воевода, Неустройко, Иван, Старуха и слуги.

Старуха.
Уйми холопей, закажи им трогать
Младенца!

Воевода.
Вон ступайте! Ты, старуха,
Останься здесь с ребенком. Ближе к детям,
И ангел ближе, место благодатней.
Он не блажит у вас?

Уходят Иван и слуги.

Старуха.
В кого родится
Благой у нас, давно мы присмирели.

Воевода.
Раздень меня!

Неустройко снимает с него дорожную сулейку; Воевода пьет чарку, потом снимает складень, целует и ставит в изголовье, потом снимает оружие.

Неустройко.
Опочивай покойно!
Я в сени спать; понадоблюсь, так близко.
(Уходит.)

Воевода ложится и скоро засыпает.

Старуха *(качает зыбку и поет)*.

Баю, баю, мил внучоночек!
Ты спи, усни, крестьянской сын!
Допрежь деды не видали беды,
Беда пришла, да беду привела
С напастями, да с пропастями,
С правежами беда, всё с побоями.

Баю, баю, мил внучоночек!
Ты спи, усни, крестьянской сын!
Нас бог забыл, царь не милует,
Люди бросили, людям отдали;
Нам во людях жить, на людей служить,
На людей людям приноравливать.

Баю, баю, мил внучоночек!
Ты спи, усни, крестьянской сын!
Беду нажили, как изжить будет?
Изживем беду за работушкой,
За немилой, чужой, непокладною,
Вековечною, злою-страдною.

Баю, баю, мил внучоночек!
Ты спи, усни, крестьянской сын!
Ты спи, поколь изживем беду,
Изживем беду, пронесет грозу,
Пронесет грозу, горе минется.
Поколь бог простит, царь сжалится.

(Засыпает над люлькой.)

Воевода *(во сне)*.

Сдавил всю грудь, проклятый! Душит, душит,
Вздохнуть не даст ни разу, зачураться!
Ох, смерть моя приходит! Чур меня!
Вся кровь горит, огонь бежит по жилам
И сердце жжет.
(Просыпается.)
О, господи, помилуй!
(Садится.)
И сон тяжел, и сонный бред замучил.
С молитвой лег. Не знаю, что за притча!
И рад не спать, да сон одолевает,
Сомкну глаза, так одолеют грёзы...

Старуха *(впросонках)*.

Баю, баю, мил внучоночек!
Ты спи, усни, крестьянской сын!
С тобой сидит бабка старая,
До зари с зари прибаюкивает,

Тихой сон очам наговаривает
Да качку-качалку покачивает.

(Засыпает.)

Воевода.

И страшен сон, да милостив господь.
Сосну еще немного и в дорогу!
А что-то дома? Надо Бастрюковых
Пугнуть покрепче! Насолили оба.
Отец мутит, а сын ворует девок.
Не догляди немного, и увез бы
Жемчужину такую, что и в царских
Не сыщется палатах. Да ему ли,
Беспутному, сокровище такое!
Ему бы пить, а красоты девичьей
Не разберет он, бражник; та ль, другая ль,
Ему одно. Уж он, гляди, за пьянством
И позабыл о ней. А если помнит?
А если помнит? До греха не долго.
Беда моя! — Людишки все продажны,
За денежку любого купишь. Каждый
И пьяница и вор. Зачем заехал
Я в эту глушь? На самых добрых конях
Скачи весь день, так до ночи доскачешь.
А там, гляди, гульба, потеха, пьянство
Во всем дворе. А в терему у Марьи
Чужой сидит хозяином, цалует,
Глядит ей в очи, к сердцу жмет ее,
Как у себя, как дома. Либо вовсе
Сманил ее и был таков. Немало
Светлиц и повалуш у Бастрюкова,
Зачем ему в чужие красться вором,
Исподтишка, с оглядкой миловаться,
Чтоб люди не видали. То ли дело —
Привез домой, она не поперечит,
Гуляй душа, никто не помешает.
О, дьяволы! Грызи зубами руки,
Да плачь теперь, свою башку седую
Разбей об печку. Дураком родился
И дураком умрешь. Вот близко локоть,
Да не укусишь. Ты кому поверил?
Кого оставил дом стеречь? Бабенку!
Она, родясь, алтына не видала:
Достать мошну, да позвенеть ей к рылу.
Себя продаст, не только что чужую.

А слуги! Те назло, не из корысти,
Готовы дом поджечь со всех углов.
(Молчанье.)
Скачи, Нечай, скачи, приедешь в пору.
Там пир идет, весь мир гуляет, пляшут,
Здоровье пьют, Нечая поминают:
«Берег Нечай, да людям. У Нечая
И по губам текло, да не попало».
Да скоро ль утро! Ехать бы, да темно
И бездорожье, ноги изломаешь!
Дрожи как лист осиновый, Иудой
Трясись теперь; сиди да утра жди!
Хоть бы колдун какой! Поворожить бы.
(Подходит к старухе.)
Ты ворожишь, старуха?

Старуха.

Нам, боярин,
И ворожить-то не о чем. Мы бога
И так прогневали. А вам, боярин,
Без ворожбы споля́горя живется.
Ты отойди, здесь ангельское место.

Баю, баю, мил внучоночек!
Ты спи, усни, крестьянской сын!
Белым тельцем лежишь в люлечке,
Твоя душенька в небесах летит,
Твой тихой сон сам господь хранит,
По бокам стоят светлы ангелы.

Воевода *(садится на постель)*.
А сон опять морит. Прилягу малость.
Забрезжит свет, на ко́ней и в дорогу.
(Засыпает.)

Старуха.

Баю, баю, мил внучоночек!
Ты спи, усни, крестьянской сын!
С тобой сидит бабка старая,
До зари с зари прибаюкивает,
Тихой сон очам наговаривает,
Да качку-качалку покачивает.

(Засыпает.)

Часть сеней в доме Бастрюковых. Бастрюков Степан с чарой меду. Дубровин, Резвый, Кубас, Шишига и слуги одеты гребцами.

Воевода.
Да вот они. Роман Дубровин, Степка,

Вы оба тут. Ну, вас-то мне и надо.
Попался, брат Степан. Иди к ответу!

Степан Бастрюков.

Повеселей бы что-нибудь, робята!

Резвый.

Да вот игра: садись, робята, на пол!
Да запоем «По матушке, по Волге!»

Степан Бастрюков.

Любимая моя игра. Хмельному
Простору нет в избе, гулять охота,
Вот сядем все, да и поедем. Любо!
Я — атаман, Дубровин — ясаулом,
Я — на корму, он — на нос.
(Резвому.)
Ты с братиной
В середку сядь и потчуй всех: направо,
Налево, мне, Дубровину, себе...

Садятся.

Поехали!

Воевода.

Далёко не уедешь!

Гребцы *(поют)*.

Раз первой! Раз другой! Ухнем да ухнем!

Воевода.

Ты на пол сел и думаешь, что в лодку!
Дурак, дурак! Вяжите их покрепче!

Гребцы.

Раз первой! Раз другой! Еще маленький разок!

Сени исчезают. Середина Волги, вдали берега. Является лодка, все приободряются, надевают шапки, берут весла. Бастрюков и Дубровин встают на ноги.

Воевода.

Уехали! Держите их, держите!

Бастрюков.

Кормилица ты наша, мать родная!
Ты нас поишь, и кормишь, и лелеешь!
Челом тебе! Катись до синя-моря,
Крутым ярам да красным бережочкам
На утешенье, нам на погулянье!
Недаром слава про тебя ведется;

Немало песен на Руси поется,
А всех милей: «По матушке, по Волге».

Г р е б ц ы *(поют.)*

Вниз по матушке, по Волге,
По широкой, славной, долгой,
Взбушевалася погодка
Немала́я, волнова́я.

Б а с т р ю к о в.

Ты, ясаул, вперед верней гляди
И, буде что увидишь впереди,
Рассказывай!

Д у б р о в и н.

Да впереди-то черни.

Б а с т р ю к о в.

В воде-то черти, в берегу-то черви,
В лесах коренья, пенья да сучки,
По городам подьячие крючки.
Хотят словить, да врут, мы погуляем,
По Волге силу-удаль попытаем.

Г р е б ц ы *(поют.)*

Ничего в волнах не видно,
Только видно одну лодку,
Легку лодочку косную,
Макарьевску, разъездную.

Б а с т р ю к о в.

Ты, ясаул, вперед верней гляди,
И, буде что увидишь впереди,
Рассказывай!

Д у б р о в и н.

Да впереди колода.

Б а с т р ю к о в.

Ну, что колода! Сам я воевода.
А ты гляди по Волге, нет ли встречных
И поперечных.

Д у б р о в и н.

Есть. Струги гребные.

Б а с т р ю к о в.

Какие, с чем?

Д у б р о в и н.

Купецкие с товаром,
А царские с казной.

Б а с т р ю к о в.

На них казаки-воры,
А на купецких-то бурлаки хворы.

Сарынь на кичку! Стой! Не надо, мимо!
Мы не за тем.

Воевода.

Зачем ты едешь, знаю.
Воруй себе, да только не у нас.

Бастрюков.

Ты, ясаул, вперед верней гляди
И, буде что увидишь впереди,
Рассказывай.

Дубровин.

Да впереди-то терем
Расписанный.

Бастрюков.

Пригряньте-ко, робята!

Гребцы.

Вы приваливай, робята,
Ко крутому бережочку,
Да ко желтому песочку,
Ко боярскому подворью.

Показывается терем.

Воевода.

Не мой терем, не мой. К чужому едут,
Мой в городе, на лодке не подъедешь;
Я дома сам, чего же мне бояться.
Ловите их, держите! Воры, воры
Наехали. Да что ж вы, спите, что ли?

Гребцы.

Ко Нечаеву подворью,
Да ко Марьину здоровью.

Марья Власьевна сходит с берега.

А Марьюшка выходила,
Гребцам меду выносила,
Не прогневайся, хозяин,
Что наехали незваны.

Воевода.

Зачем ты здесь? Домой, вернись домой!
Не дам уйти. Шалишь! Не доставайся
Ты никому. Где нож? А, вот он, вот он!
Возьмет ли, нет ли, только не живую.

Гребцы.

Вы берите красну девку
Во макарьевскую лодку,

Вы сажайте-ко, робята,
К атаману на колени.

Марья Власьевна садится на колени к Бастрюкову. Видение исчезает.

Воевода *(во сне)*.
В глазах увез. Меня столкнули в Волгу.
Тону, тону! Спасите! Заливает
Меня всего, под шею подступает.
Ко дну иду. Без покаянья страшно
Мне умирать. Спасите, дайте время
Покаяться, раздать именье нищим,
Посхимиться. Никто не шевельнется,
На берегу стоят да смотрят. Любо,
Что я тону, как ключ. Вот дно, вот камни
Зеленые, зеленая трава,
Песок зеленый! Братцы, помогите!

Входят Неустройко и двое слуг. В окне утренний свет.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Старуха, Воевода, Неустройко и двое слуг.

Неустройко.
Будить аль нет?
Слуга.
Не трожь, пусть сам проснется.
Воевода *(во сне)*.
Тону! Спасите! Господи, помилуй
Раба Нечая! Умираю!
(Просыпается.)
Где я?
(Встает.)
Неустройко.
Господь с тобой! Мы здесь, в избе.
(Берет сулейку, складень и оружие Воеводы.)

Слуги собирают постель.

Воевода.
Проворней!
Коней, коней!
Неустройко.
Оседланы, боярин!

Воевода.

Скачи домой живей, чтоб к ночи быть.
Бери людей с собой надежных. Снился
Мне сон дурной; так я боюсь, здорово ль
И цело ли у нас. По обещанью,
Мне надобно дойти пешком в обитель
Молебен отслужить. Так запоздаю:
Сбираешься зайти на малый час,
А там, глядишь, и до ночи задержат.
(Одевается.)

Уходят. Гаврило слезает с печи, умывается и выходит за дверь помолиться. Клим слезает, умывается. Гаврило возвращается. Клим уходит.

Гаврило. Слава тебе, господи, до бела света про́спали.
Клим *(возвращается)*. Рассвело бело, хоть хлеб ешь.
Старуха. Рушай да кушай на здоровье.
Гаврило *(берет хлеб на столе и режет.)* Господи, благослови!

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЛИЦА:

ВОЕВОДА.

ПУСТЫННИК.

МОНАСТЫРСКИЙ СЛУЖКА.

ЩЕРБАК, КАУРЫЙ, ЗАЯЦ, ВОТРЯ, КАЛГА, ЕРГОЛЬ — разбойники.

СВИТА ВОЕВОДЫ.

ПРОХОЖИЕ БОГОМОЛЬЦЫ.

Вершина лесного оврага, круто сбегающего к Волге, на нагорной стороне. На авансцене пещера Пустынника; далее с одной стороны оврага мост на другую, через который идет дорога в монастырь; перед мостом с дороги тропинка к пещере; далее с одной стороны видно продолжение нагорного берега, на нем вдали из-за лесу видны монастырские стены; другая сторона оврага возвышается и оканчивается крутым

обрывом над Волгой; в глубине видна Волга, делающая под монастырем поворот: за Волгой — луговая сторона с кустарниками, озерками и деревеньками на холмах. При начале действия Волга, противоположный берег и вся даль покрыты туманом.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Щербак сидит на пне. Служка спускается по тропинке с ведром в руках, по мосту проходит толпа богомольцев.

Щербак.
Тебе чего тут надо?
Служка. Проходи
Своей дорогой, добрый человек!
Щербак.
Да не твое здесь место; вам обитель
Построена; живете за стенами,
Тепло и сытно вам; а глушь лесную,
Трущобную, оставьте нам, бездомным,
Обиженным, гонимым. Я хозяин
Лесных болот, оврагов, дебрей диких;
Мое тут место, я его нашел,
Облюбовал и занял.
Служка.
Ты ошибся.
Ищи другую дебрь, а эту занял
Допрежь тебя молитвенник-пустынник.
Щербак.
Да ты вглядись в меня! Чего уставил
Глаза-то в землю?
Служка.
Нам не подобает
Глядеть на вас и речи говорить
С мирянами; соблазну мы блюдемся.
Щербак.
Да ведь и мы-то разговоров длинных
Не жалуем; а голову сорвать
Со встречного — вот это наше дело.
И вы того ж с пустынником дождетесь.
Не малый ты ребенок; что же лезешь
К медведю в пасть! Не с бабою убогой,
Что с кузовком за клюквой да грибами
По лесу бродит, повстречался ты,
А с молодцом удалым.

С л у ж к а.

Бог с тобою!
До удали твоей какое дело
Смиренникам? Твои угрозы глупы:
Не смерти мы боимся, а греха.
У нас черед молитвеннику воду
И хлеб носить, то наше послушанье.
Благословил сегодня настоятель
На этот труд меня, и я пошел.
Ослушаться пославшего не смею;
Пожалуй, хоть убей. А наш пустынник
Уж заживо лежит в гробу, готов
На божий суд. Для отдыха и на ночь
Ложится в гроб молитвенник. Коль хочешь,
Поди взгляни в оконце. На молитве
Поклоны правит иль в гробу лежит.

Щ е р б а к.

Давай ведро, я сам снесу!

С л у ж к а.

Изволь!
Отказывать нельзя, коль есть усердье
Для бога послужить. Поставь у дверки!
Авось господь во что-нибудь поставит
Труды твои и за грехи зачтет.
(Отдает ведро и уходит на гору.)

Щербак ставит ведро у двери Пустынника, глядит в окно и в ужасе отступает назад. Из пещеры показывается П у с т ы н н и к и идет в гору. Щербак кланяется ему в землю и лежит, пока П у с т ы н н и к проходит и скрывается в лесу. Из оврага поднимается туман, открывается освещенная ярким солнцем даль: изгиб Волги, нагорный, покрытый лесом берег, на нем в полугоре белеют стены монастырские; на противоположном, луговом берегу окруженные кустарником озерки, вдали по лесистым холмам несколько деревень и сел. Выше тумана, на горе показывается П у с т ы н н и к и, обратясь лицом к монастырю, становится на колени; туман закрывает его. Из-под мосту, из чащи выходит Д у б р о в и н.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Щ е р б а к и Д у б р о в и н.

Щ е р б а к.

Челом тебе, Роман Петрович!

Д у б р о в и н.

Здравствуй!
Товарищи все целы, все здоровы?

Щ е р б а к.

Здоровы-то здоровы, только скучно:
Работы нет, давно без дела бродим;
Тоска взяла. Зачем ты нас покинул,
Скрываешься?

Д у б р о в и н.

Да в городе забота
Была дня на два, на три, да такая,
Что не ордой, а надо одному
Пролезть и вылезть, где ползком, где боком,
Кругом болотца, в задние воротца.

Щ е р б а к.

Дуван дуванили, тебе на долю
Бухарский лук.
(Подает кожаный налучник, в нем лук и стрелы.)

Д у б р о в и н *(принимая)*.

Давай сюда, годится.

Щ е р б а к.

Казны пришлось немного.

Д у б р о в и н.

И не надо.

Щ е р б а к.

Камки и бархаты, цветное платье...

Д у б р о в и н.

И рухляди не надо также. С низу
Привольного привезено добра,
Что не прожить. Лежит в укромном месте
Припрятано; а там себе иль людям
Достанется, вперед не угадаешь.
Далёко наши?

Щ е р б а к.

Здесь разбродом бродят,
Поразошлись: кто с кузовком на плечах
Грибов да ягод ищет по опушке,
Другой к слепым уселся у ворот
У монастырских с чашкой; кто в чаще,
В малиннике присел, туда не ходят
И бабы-то, медведей берегутся;
А кто в челнах на Волге, при запасе,
В береговом таится тальнике.
Идет большой дорогой воевода,
Как на войну собрался, сбил народу:
Затинщиков, стрельцов и пушкарей.
Уж не за нами ли? Мы мужичонка

Заворотили в лес с дрянным возишком,
С мешком муки; так наказал в опушку
Идти ему да плакать, воеводе
Челом ударить: вот, мол, животишки
Пограбили сегодня ночью воры
И поскакали по дороге в город.
Коль скажешь так, и воз назад воротим,
А нет — и самому не быть живому.
Да я вперед по деревням верст на семь
Послал молву пустить, что ночью были;
А спросят, мол, куда ушли, кажите
По Волге к верху, в город. Так и сталось:
Поворотил стрельцов назад.

Д у б р о в и н.

А много ль
Идет при нем?

Щ е р б а к.

Десятка два, не больше,
С холопями и челядью.

Д у б р о в и н.

Немного ж.

Щ е р б а к.

Теперь в версте они, не дальше. Смотрят
С деревьев наши; чуть вдали завидят,
Придут сказать.

Д у б р о в и н.

Ударить бы на них
Из-под мосту, стрельцов перевязать,
А воеводу в Волгу.

Щ е р б а к.

Ты в уме ли?
Да видано ли, слыхано ли дело,
Чтоб зайцы шли войною на собак?
С одним дубьем не сунешься на ратных,
Их голыми руками не возьмешь.
У нас дубье, у них, небось, пищали;
Пищальные орехи-то не сладки.

Д у б р о в и н.

За что же нас уда́лыми прозвали?
Ужли за то, что грабим беззащитных
Да по ночам воруем из клетей?

Щ е р б а к.

Умей уйти, как заяц, без оглядки,
От сыщиков и от погони скорой,

Умей украсть и схоронить концы!
Вот наша удаль: бегай, укрывайся
И на рожон не лезь!

Д у б р о в и н.
А если кликну
Охотников да посулю на брата
Вина по жбану да пригоршни денег
Серебряных?

Щ е р б а к.
Не затевай, оставь!
С удалыми с опаской слово молви!
Подумают, что ты подвесть их хочешь,
И не уйти тогда тебе живому,
У нас теперь другая речь пошла:
Пожива есть внизу; от беглых слышно,
Что Астрахань разграблена, и дальше,
К Саратову идет большая туча
Низовой вольницы. И мы туда же.
Струги у нас готовы, хоть сегодня
Отваливай; тебя лишь дожидались.

Д у б р о в и н.
Да мне еще не время.

Щ е р б а к.
Подождем
Денек-другой, не к спеху дело; разве
Товарищи не захотят; тогда уж
Как хочешь, сам скажи им. Кликать, что ли?

Д у б р о в и н *(садится на пень)*.
Скликай народ удалый к атаману.

Щербак кричит по-птичьему; из лесу ему откликаются.

Щ е р б а к.
Заслышали, и отклик есть,— сойдутся.

Постепенно сходятся К а у р ы й, З а я ц, В о т р я, К а л г а, Е р г о л ь; в продолжение сцены подходят еще н е с к о л ь к о.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Д у б р о в и н, Щ е р б а к, К а у р ы й, З а я ц, В о т р я, К а л г а, Е р г о л ь и д р у г и е р а з б о й н и к и.

К а у р ы й *(увидав Дубровина)*.
Товарищи, вернулся атаман.

Заяц.

Челом тебе. Долгонько загостился;
А мы совсем собрались. Едем, что ли?

Вотря.

Да что за спрос! Мы кругом порешили
Сегодня же отплыть.

Дубровин.

А вы спросите,
Поеду ль я!

Калга.

Да как же не поедешь,
Коль круг решил, ты больше всех не будешь.
По одному мы слушаем тебя,
А скажет круг, так ты его послушай.

Дубровин.

Да дело есть большое, вот что.
(Встает.)
Братцы,
Товарищи, не первый год гуляем
По Волге-матушке; добра чужого
Награблено, накрадено довольно.
Погуляно, поедено, попито
По горлышко. И век гулял бы с вами,
Не расставался, да такое дело,
Уж рад, не рад, а вас покинуть надо
Ненадолго. Щербак за атамана
Послужит вам; так и другим скажите.
В Казани подождите, догоню.
Вернусь — так ваш, уж вплоть до самой петли,
А не вернусь, не поминайте лихом!

Каурый.

Ты не бросай совсем-то!

Заяц.

Ты заводишь
Какие-то дурацкие порядки:
Сиротами без атамана плыть...

Вотря.

Нигде того не водится.

Калга.

Виниться
Не хочешь ли, дьякам в ногах валяться?
Так не помилуют.

Ерголь.

Ты не в монахи ль?

К а у р ы й.

Да что за дело у тебя? Не баба ль?
Так лучше брось, продаст ни за копейку.

Д у б р о в и н.

Галдеть? Душа не терпит. Рассердиться
Недолго мне, да как-то вы уймете!
Со мной не спорь! Что сказано, то свято,
Тому и быть. Мне надо рассчитаться
За старый долг со здешним воеводой.
Не верите, так дайте мне любого
В товарищи; посмотрит и поможет
С Шалыгиным расправиться. Коль живы
Останемся, тогда вернемся вместе.

К а у р ы й.

Да так-то так; а без тебя-то горе;
Ты голова, мы руки.

З а я ц.

Ну, как часом
Попутает нелегкая, случится,
В тюрьму влетишь?

Д у б р о в и н.

Дово́ду, что ль, боитесь?
На вора вор доказчиком не будет.
Да я живой не дамся в руки, знайте!

Щ е р б а к.

А плыть, так плыть. Покуда воевода
К монастырю дойдет, дале́ко будем,
За островом. Прощай, Роман Петрович!
Увидимся ль?

Д у б р о в и н.

Всей силой постараюсь;
А будет то, что будет.

Щ е р б а к.

В лодки живо!

Несколько р а з б о й н и к о в уходят.

К а у р ы й.

Свежеет ветер, будет непогода.

З а я ц.

Откуда дует?

К а у р ы й.

С верху.

К а л г а.

Вот и ладно.
Поставим парус, песню заиграем
Веселую, и поминай как звали.

Вдали гром.

Е р г о л ь.
Никак гроза?

К а у р ы й.
С грозою веселей.

Щ е р б а к.
Кормилец наш, зеленый лес, прощай!
Гроза-подружка, Волга-мать родная
В степной простор удалых понесут.

Уходят Щ е р б а к, К а у р ы й, З а я ц, В о т р я, К а л г а, Е р г о л ь и д р у г и е.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Д у б р о в и н, потом П у с т ы н н и к и С л у ж к а.

Д у б р о в и н.
Одним-один, ни в тех, ни в сех остался,
Лихих людей оставил, к добрым людям
Пристать нельзя. Головушке бездомной
Одно пристанище в миру — тюрьма.
А чтоб сидеть недаром, попытаюсь
Из-за куста злодея пристрелить.
Я ловок был, бывало, в мету бил
Без промаха издалека; до мосту
Близехонько. Надеюсь в правый глаз.
Рука не дрогнет, сердце не колыхнет;
Простись, Нечай Григорьич, с вольным светом,
Как тетерев, ты грянешься на землю.
Не ты ль меня пустил по-волчьи рыскать,
Гнездо мое расхитил? Уж не ты ли
И выучил меня по Волге грабить,
В лесных трущобах да в оврагах жить,
Точить ножи булатные и стрелы?
Кажись, что ты? Так сам теперь отведай,
Востра ль стрела, чиста ль моя работа.
Всему пора и время: пожил сладко,
Повластвовал,— теперь пришел конец.

П у с т ы н н и к сходит по тропинке, за ним С л у ж к а. Туча надвигается; темнеет; ветер и удары грома.

Д у б р о в и н
Какой-то странник.
(Всматривается и, с ужасом, вскрикивает.)
Батюшко!
(Падает на колени.)

П у с т ы н н и к.
Роман!

Молчание.

Ну, как живешь?

Д у б р о в и н.
Нехорошо, родимый.

П у с т ы н н и к *(строго)*.
А для́ чего?

Д у б р о в и н *(с мольбой)*.
Не проклинай! Покаюсь
Во всех грехах перед тобою.

П у с т ы н н и к.
Кайся
Не мне, а богу!

Д у б р о в и н.
Я тебе покаюсь.
До бога нам высоко; мы не смеем
И глаз поднять на небо. Окаянство
Греховое горой лежит на плечах
И вниз гнетет. Господня милосердья
Не стою я; от грешных уст молитва
Не примется.

П у с т ы н н и к.
А кто же на кресте-то
Разбойника простил?

Д у б р о в и н.
Да я-то, грешный,
Не хуже ли разбойника того.

П у с т ы н н и к.
Да хоть и хуже, все ж надежней к богу
С раскаяньем вернуться, чем бежать
И прятаться от господа, как древле
Бежал, трясясь, братоубийца Каин.
А что Олена?

Д у б р о в и н.
Отнял воевода.

П у с т ы н н и к.
А ты?

Дубровин.

А я в удалых здесь в овраге,
В сыром бору, на Волге...

Пустынник.

Проходи!

(Хочет идти в пещеру.)

Дубровин.

Постой, отец!

Пустынник.

Поди покайся богу
И брось гульбу,— тогда поговорим.

Дубровин.

Покаялся б, душа-то не готова:
Еще в миру есть счеты да приманки,
Да зло на человека мыслю; душит
Меня вражда, клещами горло давит.
У сердца моего кусок оторван.
Отдай жену по чести воевода,
Тогда смирюсь и зло свое забуду;
Не погонюсь и за обидой, брошу,
Отдам ему обиду. Пусть, собака,
Живет да беды на голову копит
До царского и божьего суда.
Тогда покину вольную потеху
И самохотную расправу. Слушай!

Служка *(Дубровину)*.

Не говори с ним много, он не любит.

Дубровин.

Пред господом творю тебе обеты:
В ваш монастырь великий вклад кладу,
Украшу храм стенным писаньем новым,
Ни денежкой, неправо нажитою,
Не покорыстуюсь. Пришло неправдой,
Пойдет на дело.

Пустынник.

Долго дожидаться.
Откладывай грешить, а добрых дел
Не отлагают. Смерть не за горами,
А за плечьми.

Гром.

Произволеньем божьим,
Из малой тучки гром большой бывает.
Взялось в овраге облачко, по ве́тру

Пошло гулять, и мечет божьи стрелы,
И роет Волгу до песку. Давно ли
Она струилась тихо ровной гладью,
А в этот час струга большие топит,
И гибнут души. Легче не родиться,
Чем умереть, не помирившись с богом.
А вдруг помрешь?

Д у б р о в и н.

Туда мне и дорога!
Своя вина, так поделом и мука.
В чем бог застанет, в том меня и судит.
Уж мне давно шатанье надоело.
Душа просила и в уме бродило
Не смертное убойство, не разбои;
Мой норов крут, душа моя не терпит,
Когда большой молодшего обидит,
Подвластного гнетет и давит властный.

П у с т ы н н и к.

У властных власть идет от бога. Кто же
Тебе позволил стать над властью?

Д у б р о в и н.

Сердце
Ретивое, что бьется — не уймется.
Неправый суд царит на белом свете;
В овечьем стаде волки пастухами;
Кто ж застоит за бедных, беззащитных?
Не мы, так кто ж? Нет власти, есть охота.
Затем-то я тюремное сиденье
Сменял на бор сырой. Про это горе
Я в темну ночь над Волгой думу думал
И с соловьями речи говорил.

П у с т ы н н и к.

Об чем тут думать? В мире тесно стало,
Так вон тебе обитель! Успокойся,
Забудь мирскую злобу и молись
За обижающих!

Д у б р о в и н.

За них молиться?
Да разве мы святые?

П у с т ы н н и к.

Проходи!

Д у б р о в и н.

Благослови, отец!

П у с т ы н н и к.

Благословляю
Покаяться; а на другое дело
Благословенья нет.
(Уходит в пещеру.)

С л у ж к а.

Ты здесь пожди!
Честной отец, быть может, что прикажет,
Так я тебе поведаю.
(Уходит в пещеру.)

Д у б р о в и н.

Дождусь.

Ветер бушует, деревья гнутся, гром чаще и сильнее, проливной дождь.

И клонится и гнется лес дремучий,
Прощается со мной. Прощай, дубрава
Зеленая! Я сам тебе челом
Ударюся до матери земли.
(Кланяется.)
Для всех в тебе есть место: для святого
Пещерника приволье — рой где хочешь,
Живи, молись, спасайся без помехи!
Для грешников овраги да мосты;
Сиди под ним да жди проезжих. Любо!
И мир, что лес; путей-дорог довольно,
Запутаться недолго: иль в чащу́
Без выхода, иль в топкое болото
Трясинное по горло забредешь.
И я бродил окольными путями,
Пока отец не вывел на прямой.

С л у ж к а возвращается.

С л у ж к а.

Молитвенник мне дал приказ такой:
«Скажи ему, чтоб он жену Олену
Взял за руку и вел к себе домой».

Д у б р о в и н.

Да как возьмешь? Назаперти она.
Замки ломать да с сторожами биться?

С л у ж к а.

Таков приказ; как хочешь, исполняй!
Я повторю тебе опять сначала
Все поряду, что велено сказать.
«Скажи ему, чтоб он жену Олену

Взял за руку и вел к себе домой;
Чтоб старостам в посаде объявился
И сел опять на царское тягло;
Когда устроит дом, чтоб шел в обитель
И полгода молитвой непрестанной,
И строгим послушаньем, и работой,
В молчании, на монастырской стройке,
Заглаживал грехи свои пред богом».

Дубровин.
Исполню всё. Теперь в посады много
К своим дворам, на царское тягло,
Приходит нашей братьи. Кто торгует
На воровские деньги, что припрятал.
Другой, гляди, не два, не три убойства
На плечах носит, да живут покойно,
Никто не трогает. Меня подавно
Посадские не выдадут; подьячих
Купить недорого. А там годочек,
Другой пройдет, доводчиков не бойся.
Живешь по тиху, так в разбое старом
Судить заказано, опричь убойства.
А я не лгу, я рук не кровянил.

Служка.
Ну, бог тебя благослови! Прощай!
Ты в город, что ль? Так нынче монастырский
Стружок бежит туда; поди, подсадят.
Садись, свезут; а за провоз отдай,
Что на душу тебе господь положит!

Дубровин.
Так я пойду на вашу пристань.

Служка. С богом!

Дубровин идет по тропинке на гору и переходит через мост; Служка идет за ним, останавливается на мосту и смотрит направо по дороге. По мосту проходит толпа богомольцев. Из-под моста выходят Щербак и Каурый с небольшими тяжелыми мешками в руках.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Служка (на мосту), Щербак, Каурый, потом Пустынник.

Щербак *(Каурому)*.
Поди сюда!
(Указывая пещеру.)

Вот здесь его я видел;
Лежал в гробу, а вышел, так светилось
Лицо его. Кажись, не из трусливых,
А как стоял, так я и пал на месте.

Каурый.
Вот чудо-то!

Щербак.
И всякий ужаснется.
Чему дивиться? Если из иконы
Святой угодник выдет на тебя,
Ведь жутко, брат; а он как есть икона.
И после что ж! Смотрю, пошел он в гору
И поднялся на облаке над Волгой.
Давай мешок, поставим под оконцем;
Найдет казну, за нас молиться будет.
Нам только то и нужно. Ставь рядком!

Ставят у окна мешки с деньгами, из пещеры выходит Пустынник. Щербак и Каурый, сняв шапки, в испуге отходят.

Уж ты возьми, не погнушайся! Просим!

Кланяются в ноги.

По обещанию.

Каурый.
Такой обет мы дали.

Щербак.
Вот, видишь ты, мы плыть собрались вниз...

Пустынник.
Да бурю бог послал.

Щербак и Каурый *(вместе)*.
Ну, вот, так точно.

Пустынник.
И начало метать по Волге вас,
И видите, одна косная тонет,
За ней другая.

Щербак.
Правда, так и было.

Пустынник.
И вспомнили вы бога.

Щербак.
Да, так точно.

К а у р ы й.

Ты знаешь все, и говорить не надо.

П у с т ы н н и к.

А на молитве как вас поминать?

Щ е р б а к.

Да поминай, как знаешь!

П у с т ы н н и к.

За гулящих,

За вольницу удалую молиться?

Щ е р б а к.

Ну вот, ну вот, за них-то и молись!

П у с т ы н н и к.

Идите с богом! Я беспрестанно
Молюсь за вас, чтоб вас господь наставил.

С л у ж к а *(на мосту)*.

Спускаются с горы, подходят к мосту.

Пустынник идет на мост.

Щ е р б а к.

Навиделись чудес. Пойдем расскажем!

К а у р ы й.

Теперь уж плыть не страшно; не потонем.

Щ е р б а к и К а у р ы й уходят под мост. В о е в о д а подходит к мосту, за ним с в и т а: с т р е л ь ц ы, х о л о п ы и р а з н ы е б о г о м о л ь ц ы.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

П у с т ы н н и к, С л у ж к а, В о е в о д а, е г о с в и т а и б о г о м о л ь ц ы.

П у с т ы н н и к *(на мосту, загораживая Воеводе дорогу)*.

Вернись назад!

В о е в о д а.

Да я по обещанью;
Не бражничать, иду молиться богу.

П у с т ы н н и к.

Вернись назад!

В о е в о д а.

Я вклад монастырю
Несу большой.

П у с т ы н н и к.

Твои дары напрасны;
Не примутся они. Приятно богу,
Когда приносят жертвы с чистым сердцем
И сокрушенным духом.

В о е в о д а.

Да почем же
Мое ты сердце знаешь, со смиреньем
Иль обуян гордыней я иду?

П у с т ы н н и к.

Вернись назад!

В о е в о д а.

Нельзя. Народу много
Идет за мной. Послушаюсь монаха,
Не воеводой, бабой назовут.

П у с т ы н н и к.

Пошлю сказать, чтоб заперли ворота.

В о е в о д а.

И запертые мне отворят живо,
Коль прикажу. Запоры не удержат.

П у с т ы н н и к.

А слышал ты, что было в лихолетье,
Когда хотели воровские люди
Ворота монастырские разбить?
Спалило всех огнем небесным. Видишь
Могилы-то в овраге? Это их.

В о е в о д а.

А силой взять нельзя, так торговаться
Давай с тобой.

П у с т ы н н и к.

Грехи-то прежде сбудь.
За деньги бог грехи не отпускает.

В о е в о д а.

Чего же ты желаешь от Нечая
Шалыгина?

П у с т ы н н и к.

Раскаянья, смиренья.

В о е в о д а.

Раскаянья? Ну, что ж, изволь; покаюсь.
Давно хочу сложить грехов обузу
На шею исповедника. Пойдем!
Веди меня, отец, в свою пещеру!

С л у ж к а.

Благословишь звонить во все?

Пустынник.

Звоните.

Служка, оборотясь к монастырю, машет рукой. Пустынник и Воевода сходят с моста и входят в пещеру; за ними сходят два стрельца с бердышами и становятся у пещеры, один близко, другой поодаль; свита располагается по горе и на мосту: кто садится, кто ложится; в монастыре начинается звон; богомольцы проходят через мост.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЛИЦА:

ВОЕВОДА.
БАСТРЮКОВ СТЕПАН.
ОБЛЕЗЛОВ.
ДУБРОВИН.
ШУТ.
МАРЬЯ ВЛАСЬЕВНА.
УЛЬЯНА.
ОЛЕНА.
СТОРОЖ.
НЕУСТРОЙКО.
НЕЖДАН.
СМИРНОЙ.
ДРУЖИНА.
ВЛАС.
НЕСМЕЯНОВ.
ПОСАДСКИЕ.
РЕЗВЫЙ.
СЛУГИ БАСТРЮКОВА.
СЛУГИ ВОЕВОДЫ.
СТРЕЛЬЦЫ.
НАРОД.
КУБАС.
ШИШИГА.
ЗОРЯ.

Задний двор: направо заднее крыльцо терема, за теремом проезд с переднего двора, далее угол людской избы; налево забор с калиткой и задними воротами; близ забора дерево, на суку которого повешена деревянная доска, в которую бьют сторожа; в глубине, за легкой изгородью, сад.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Сторож с дубиной и Резвый входят.

Сторож.
Спасибо, брат! Употчевал наславу,
Таких и надо нам. Вся дворня лоском
Теперь лежит.

Резвый.
А мы с тобой не пьяны,—
И молодцы-робята.

Садятся па скамью.

Сторож.
Ты, выходит,
На службу к нам задаться хочешь, парень,
За нашего боярина?

Резвый.
Нештó!
Сиротским делом, что дадут деньжонок,
Возьму пропью, а там навек кабальный.
Давай попьем.
(Достает сулейку и жестяную чарку.)

Сторож.
И то гораздо пьяны.

Резвый.
Ну, вот беда! Проспишься, а назавтра
Опохмелю.

Пьют.

Сторож.
Да спать-то не придется.
Терёнька спит как мертвый, не разбудишь
Ничем его. Один я настороже.

Резвый.
Да что стеречь в пустом саду? Диви бы
Поспело что! Вот яблоки поспеют,
Тогда беда.

Сторож.
Да нешто мы как люди!
Велят тебе стеречь пустое место —
И береги. А что украсть-то, парень!
Каб было что, свои б давно украли.
Ну, право так!

Р е з в ы й.

Давай свою дубину!
Ты ляг усни, а я стучать примусь;
Послушают и скажут, что исправны.
Да что не пьешь! Допей, остатки сладки.

С т о р о ж.

Осилить ли? Тут много.

Р е з в ы й.

Поневолься.
Не каждый день вино у вас.

С т о р о ж.

Вестимо.
Вон люди в праздник пьют, а мы не так:
У нас когда вино, тогда и праздник.
(Допивает.)

Р е з в ы й *(показывая на задние ворота)*.

Ворота заперты, а прикалиток?

С т о р о ж.

Гвоздем забит. Ну, парень, забирает
Меня дюжо. Пьяней вина я, парень.

Р е з в ы й.

Размок язык, так спи.
(Толкает, тот падает и хочет подняться.)
Небось, не встанешь!
Другой медведь того не выпьет, сколько
Сегодня ты. Ай, сторожá!
(Замахивается дубиной.)
Ну! смерти
Аль живота?

С т о р о ж *(в полусне)*.

Робятушки, он вор!
Робятушки!

Р е з в ы й.

Немного набормочешь.

Сторож засыпает. Резвый бьет в доску. Входит У л ь я н а.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Р е з в ы й и У л ь я н а.

У л ь я н а.

У тех ворот два сторожа сидят,
И здесь один, другой лежит, на смену
Готовится. Постукивай почаще,
Чтоб слышать мне, что вы не спите.

Резвый.

Ладно.

Ульяна.

По голосу-то словно как не наш,
Ты за себя иль за кого другого
На стороже стоишь?

Резвый.

Да за Терёнька;
Недужится ему.

Ульяна.

А ты-то кто же?

Резвый.

Да что с тобой, Ульяна Пантелевна?
Иль не признала? Конюх воеводский
С того двора.

Ульяна.

А по чьему приказу
Ты в сторожах стоишь?

Резвый.

Мне Неустройко
Приказывал и дал ярлык.

Ульяна.

Кажи!

Резвый.

Не веришь мне, давай народ разбудим,
И за меня поставь кого другого,
А я в конюшню спать. Скажу спасибо.
Другие спят, а ты гляди, как сыч.
Ты всем взяла: и ростом, и дородством,
И поступью, и уж складна, бог дал;
Опять с лица: глаза ли взять, иль брови...
Так, кажется, и днем с огнем не сыщешь;
Вот только норов...

Ульяна.

Не мели пустого!

Резвый.

Мне бог с тобой; я только, что уж очень
Красавица. Я глаз таких веселых
Не видывал, речей таких умильных
Не слыхивал. Я правду говорю.

Ульяна.

Да вижу я, что правду.

Резвый.

Не обидься!

Ульяна.
Да чем тут обижаться! Эх, мой милый,
На красоту мою никто не льстится:
Ни мужа нет, ни милого дружка.
Резвый.
Ну, мужа-то, известно, без достатков
Найдешь не скоро; милого дружка
Скорее не в пример.
Ульяна.
С оглядкой надо.
Найти найдешь, да как бы не заплакать:
Другой такой навяжется, что жизни
Не рада будешь.
Резвый.
Как не пожалеешь,
Сердечную, тебя? Ты выходи-ко
Попозже в сад; усядемся рядком,
Поговорим с тобой сиротским делом.

Выходит из терема Олена.

Ульяна.
И то придем.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Резвый, Ульяна и Олена.

Олена.
Ульяна Пантелевна,
Боярышня тебя зовет.
Ульяна.
Иду.
(Уходит в терем.)

Олена остается на крыльце. Резвый идет к забору и отмыкает калитку.

Резвый.
Ты здесь, Кубас?

Кубас входит в калитку.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Резвый, Олена, Кубас, потом Дубровин.

Кубас.

Мы тут с Шишигой бродим,
У лошадей Зоря́.

Резвый.

А где боярин?

Кубас.

Недалеко гуляет; я с Романом.

Входит Дубровин.

Резвый *(Дубровину)*.

А ты зачем?

Дубровин.

Да за женой пришел.
Пора домой; довольно погостила
В чужих людях.

Резвый *(Кубасу)*.

Коней держите ближе
Да бережней; не полошить соседей!

Кубас.

Да тут всё глушь, всё задворки выходят,
Собаки нет живой; с лица так людно.

Резвый.

Пойти взглянуть на вас.
(Уходит в калитку с Кубасом.)

Дубровин.

Застыло сердце.
Оленушка! Два года не видались,
Вот бог привел. Я чай, совсем забыла
И бросила Романа своего.
А как мы с ней любовно поживали,
Весь день с утра и до ночи всё смехи
Да радости у нас, налюбоваться
Не можем друг на друга.
Люди дивуются и говорят, бывало:
«Такой-то смех веселый у Олены,
Что слушаешь и сам смеешься с ней».
Уйдешь с двора поутру, в лавку сядешь,
А все с ума нейдет Оленин голос,
А все в ушах веселый смех звенит.
А тут сама бежит ко мне, подсядет,
Прижмется вся, полой ее закрою

По самую по шею, только щеки
Алеются, да черные сокольи
Глаза глядят из-под бровей собольих,
Огнем горят, как звезды, искры сыплют.
Идут купцы, идут бояре, смотрят,
Дивуются на нас, глядеть им любо,
Как ладно с ней сидим мы и торгуем.

В сад входит Ш у т и прячется в кустах.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Д у б р о в и н, О л е н а, Ш у т в кустах, Р е з в ы й у калитки.

О л е н а *(бежит к Дубровину)*.
Роман, Роман!
(Отвернувшись, плачет.)

Д у б р о в и н.
С чего же ты, Олена,
Заплакала? От радости иль с горя?

О л е н а.
Да господи! Да как же! Не во сне ли?
Взгляни сюда! Роман и есть! Голубчик!
(Припадает к нему на грудь.)
Ну, где ж ты был?

Д у б р о в и н.
В лесах бродил.

О л е н а.
Да как же
Без крова-то? Весна да осень — дождь,
Зима-то — снег; в лесу-то зверь рыскучий,
На чем прилечь в ночи? А в непогоду
Обсохнуть где?

Д у б р о в и н.
Да видишь, цел вернулся,
Так что ж тебе? Что было, то прошло.

О л е н а.
Забыл меня, забыл. Да ты бы кликнул
Иль весть прислал: мол, приходи, Олена,
Так разве б я к тебе не убежала,
Не бросилась, стрелой не полетела?

Д у б р о в и н.
Куда ж тебя? В лесу бродить по-волчьи?
Не приведи господь! Да я б тебя
Из рук своих зарезал, чтоб не знала,

Не ведала ты нашей вольной воли,
Ни нашей злой и неминучей доли.
Да как же мне тебя, мою голубку,
К нечистым псам вести? За что же, веку
Не доживя, тебе в аду кромешном
С злодеями кипеть и видеть-слышать
Грабеж, дележ, питье-литье хмельное,
Да хриплый крик, да пьяный воп, да драку,
Зуб за зуб брань, ножовые тычки,
Божбу, клятье, святыни обруганье,—
С чего у нас-то, окаянных, волос
Вздымает дыбом, леденеет кровь,—
Гульба гульбой, а впереди-то пытка.
Обрушит черт, наткнешься на разъезды:
Убьют тебя, так счастье, а как свяжут,
Перекуют попарно, да к расспросу
Потянут всех, и ты пойдешь с ворами
Терпеть безвинно воровскую кару...

Олена.

Кто ж мыл, кто шил тебе? Чужие руки
Такие ли, как женины? Кажи-ко
Сорочку-то.
(Плачет.)
Суровая какая.
Такие ли я шила! Ишь ты, ворот
Невышитый. А я, бывало, шелком
И рукава и ворот изошью.
Какой кафтан-то смурый! На бурлаках
Такие-то.
(Плачет.)

Дубровин.

А ты молись-ко богу,
Что сам-то цел!

Олена.

Романушко, по-божьи,
Скажи ты мне всю правду. Не видались
Два года мы. Ужли ты женской ласки
Не видывал, так сиротой и жил?
Ни девушки, ни бабы не любили
Молодчика тебя? Скажи, мой милый,
Не осержусь.

Дубровин. Всю правду говорить?

Олена.

Ну, говори!

Дубровин.

В сиротской нашей доле
До ласки ли, Олена? А взгрустнется,
Бывало, мне,—присядешь, горько всплакнешь,
Придет ко мне, бывало, пожалеет,
Приластится, лицо и руки лижет
Мой верный пес, лохматая собака,
Кобель борзой. В глаза ко мне глядит
И плачет сам со мной.

Олена *(бросается к нему на шею).*

Роман, сердечный!
(Плачет.)
Так прогони ж свою собаку, злую
Разлучницу. Возьми меня. Собакой
Служить тебе я буду, злое горе
С тобой делить, в глаза глядеть, и плакать,
И ластиться.

Дубровин *(утирая слезу).*

Уж без тебя не выйду
Отсюда я. Не для того нас доля
Свела опять, чтоб снова расставаться.

Олена *(оглядываясь).*

Увидят нас с тобой...

Дубровин.

А пусть увидят;
Мне велено прийти и взять тебя.

Олена.

А кто ж велел?

Дубровин.

Отец.

Олена.

Его ты видел?

Дубровин.

Привел господь. И ты его увидишь.

Олена.

Возьми меня скорей, Роман, возьми.
Не надоем тебе, не надокучу.
Прикажешь мне — я подойду; погонишь —
Я прочь пойду, и слова не услышишь.

Дубровин.

А у тебя и не спрошу, Олена,
Как ты жила, чтоб сердца ретивого
Не натрудить. И так уж все изныло.
Я знаю, ты меня не променяешь

Ни на кого охотой, про насильство
Не сказывай! Себя не пожалею.
Да и тебя. Таков уж мой обычай;
Как словно что внутри-то захохочет,
В глазах туман кровавый, да ножи
Мерещатся. Молчи, Олена, лучше!

Олена.

Романушко, не думай! Воевода
И плакал-то, и пыткой-то стращал,
Я напрямик ему сказала: руки,
Мол, наложу, отстань. Три дня не ела,
Голодной смертью помереть хотела —
И унялся. На черную работу
Послал меня, а я тому и рада.
Боярышню привел, так взяли в терем,
По нраву ей пришлась.

Резвый.

Веди скорее
Боярышню. Калитку вам отворим.

Олена.

Ступай, Роман, и за забором жди,
А здесь не стой! С боярышней Ульяна,
Сердитая такая: как увидит
Тебя в саду, весь дом поднимет криком.
Прощай пока.

Дубровин. Ну, с богом.

Олена. Дожидайтесь.

Уходят Дубровин и Резвый в калитку, а Олена в терем.

Шут.

Ну, дядюшка, простись с своей невестой!
Женили нас с тобой! Ты где гуляешь,
Своей беды не знаешь? Что ж мне делать?
Будить народ начать? А ну, услышит
Оленин муж, да выдадут людишки
Меня ему? Начнет меня он резать,
Пороть ножом на части по суставам.
Ой, батюшки, не буду! Вот что лучше:
Направлю я стопы свои подальше,
Покуда цел.

Входит Неустройко.

Наткнулся на кого-то.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Ш у т, Н е у с т р о й к о, потом Р е з в ы й.

Н е у с т р о й к о.
Бессудный, ты?
Ш у т.
А где Нечай Григорьич?
Н е у с т р о й к о.
В монастыре остался.
Ш у т.
Ты потише,
Не разбуди! Ты видишь, все заснули.
(Показывая на сторожа.)
Ты как прошел?
Н е у с т р о й к о.
В ворота.
Ш у т.
Кто же отпер?
Н е у с т р о й к о.
Два сторожа сидят; не спят, не дремлют,
А хуже сонных тычутся.
Ш у т.
Послушай!
Все сторожа пьянехоньки. Дубровин
И Бастрюков на задворках гуляют.
Сейчас придет боярышня; калитка,
Вот видишь, та не заперта. Промедли
Ты час еще, и поминай как звали.

Неустройко хочет подойти к калитке.

Не отходи от терема, убьют.
Ты здесь один?
Н е у с т р о й к о.
На улице оставил
Людей, стрельцов: двором прошел тихонько
И сказывать не приказал.
Ш у т.
Пошли-ко
В обход стрельцов на задворки. Без шуму
Пускай идут; а сам беги скорее
К Облезлову. Он рядом здесь пирует.
Там пир идет на весь крещеный мир;
Там всех найдешь, посадских и служилых,
И я там был, мед-пиво пил — прогнали.

Бери народ и самого проси:
Одним-то нам не справиться.

Н е у с т р о й к о.

Идем.

Н е у с т р о й к о и Ш у т уходят.
Р е з в ы й входит и садится на скамью.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Р е з в ы й *(один, поет)*.

Я на камушке сижу,
Я топор в руках держу.
Ай-ли, ай-люли,
Огород горожу!

Огород горожу,
Все капустку сажу.
Ай-ли, ай-люли,
Все кочаненькую!

У кого нету капусты,
Просим к нам в огород.
Ай-ли, ай-люли,
Во девичий хоровод.

Выходят из терема У л ь я н а, М а р ь я В л а с ь е в н а, О л е н а.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Р е з в ы й, У л ь я н а, М а р ь я В л а с ь е в н а, О л е н а.

У л ь я н а.

И крепко мы и весело живем:
Во всех углах по сторожу.

О л е н а.

Веселый,
И в доску бьет и песенки поет.

У л ь я н а.

Пришла ж тебе охота! Не слыхала,
Как соловей поет. Велико диво!
У вас в саду, чай, много.

О л е н а.

Все же любо
Послушать их весенней-то порой.

Ульяна.

Так слушала б из терема. Гулянки
Всё на уме.

Олена.

Когда ж и погулять-то.
Гуляй, пока заботы нет, а после
И не придется: в тереме запрут.

Ульяна.

Так добрые-то люди днем гуляют,
А ночью спят.

Олена.

Мы выспаться успеем.
Мы круглый год всё спим. Ночей-то много,
А соловьи поют до Петрова дня,
Перестают потом.

Ульяна.

И вам не страшно
Ночной порой в саду?

Олена.

Чего ж бояться?
Вот говорят, что будто бука ходит,
Да врут, поди. Не малые мы дети.

Ульяна.

Ну, вот пришли, развесили мы уши,
А соловей-то где ж?

Резвый.

Сейчас услышишь.
(Свищет.)

Калитка отворяется, Марья Власьевна и Олена убегают, Резвый за ними. В сад входят Неустройко, Облезлов, Неждан, Смирной, Дружина, Влас Дюжой, Брусенин, Цаплин, Тыра, другие посадские, стрельцы и народ, слуги Воеводы и сенные девушки.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Ульяна, Неустройко, Облезлов, Неждан, Смирной, Дружина, Дюжой, Брусенин, Цаплин, Тыра, посадские, стрельцы, народ, слуги Воеводы и сенные девушки.

Ульяна.

Ушли, ушли. Держите их!

Неустройко.

Держите!

Ульяна.

Ахти, беда! Никак на грех вернулся
Боярин наш?

Неустройко.

Боярин не вернулся,
Да легче вам не будет. Перевяжем
И до него рассадим по чуланам,
И сторожей приставим понадежней.

Ульяна *(наступая на Неустройку)*.

Меня в чулан, меня? Да ты в уме ли?
Тебя связать, ты сторожей-то ставил,
Воров таких же, как и сам.
(Кланяется Облезлову.)
Суди нас,
Сейчас суди! Ты вместо воеводы
Остался здесь. Да ты суди по правде,
Лихим ворам не делай понаровки!
Коль у тебя есть совесть, коли носишь
На шее крест, вели его держать,
Покуда я не выскребу когтями
Бесстыжих глаз его! Потом рассудишь,
Кто прав из нас, кто виноват.

Неустройко.

Постой!
Коль нас судить по правде, надо камень
Потяжелей надеть тебе на шею,
Да за ноги, да в Волгу; а потом уж
Судить тебя!

Вбегает Марья Власьевна, за ней Шут.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Ульяна, Неустройко, Облезлов, Неждан, Смирной, Дружина, Дюжой, Брусенин, Цаплин, Тыра, Марья Власьевна, Шут, посадские, стрельцы, народ, слуги Воеводы, сенные девушки, потом Степан Бастрюков, Воевода.

Ульяна.

Недалеко ушла.
(Берет Марью Власьевну за руку.)
Задумала хитро, да как ни бегай,

А рук моих тебе не миновать.
Держите-ко ее покрепче, девки!

Неустройко *(Шуту)*.
Ну, что ж вы там? Людишек Бастрюкова
Побрали всех?

Шут.
И всех перевязали
Одним концом; как жемчуг нанизали
На ниточку.

Неустройко.
Дубровина Романа?

Шут.
Тому почет особый. Впятером
Насилу одолели.

Стрельцы вводят связанных Резвого, Кубаса, Шишигу, Зорю, Олену и Дубровина.

Вот они!

Неустройко.
А Бастрюков Степан?

Шут.
К нему не скоро
Подступишься.

Вбегает Степан Бастрюков, отмахиваясь саблей.

Бастрюков.
Не подходи никто!
Не тронь меня холопскими руками,
По локоть отрублю.

Облезлов.
Его оставьте!
Он не уйдет и сам. Степан Семеныч,
Негоже, брат, дворянам-то служилым
С холопями да с беглыми людьми
Ночным разбоем промышлять.

Бастрюков.
Разбоем
Живете вы с Шалыгиным;
Не на разбой, мы за своим пришли.

Облезлов.
С холопями твоими суд короток:
Велю их бить нещадно батожьем,

Дубровина в тюрьму до воеводы...
А как тебя судить,—не знаю, право.

Олена *(Дубровину)*.
Убей меня!

Дубровин.
И рад бы я, да связан.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Те же и Воевода.

Слуга.
Наехал сам боярин воевода.

Входит Воевода, долго осматривается.

Воевода.
Ты здесь, Облезлов; мне тебя и надо.
В Москву гонца пошли, не медля, завтра ж,
Отписывай, что наш, мол, воевода
Нечай Шалыгин, убояся бога
И страшного суда его, поволил
От суетного мира удалиться,
Изведать труд подвижнической жизни
И дней своих остаток посвятить
Служенью богу в иноческом чине.

Облезлов.
Нечай Григорьич, что ты!

Воевода.
Слушай дальше!
Сдаю тебе печать городовую
И всякую казну, и все запасы:
Наряд и зелье, и свинец; а буде
Чего сполна не сыщется, отвечу
Казной своей; по искам, челобитьям
За прежние убытки и обиды
Обиженным уплачиваю вдвое.
Так и пиши! Ты судишь тут, я вижу.
Суди, суди!

Облезлов.
Я без тебя судья,
А при тебе — товарищ. Сам суди!

Воевода.
Никто себя не судит. Вместе с ними
В ответе я перед твоим судом.

Облезлов.

А что не так я рассужу?

Воевода.

Поправим,

Ошибка в грех не ставится.

Облезлов.

Изволь!

Степан Бастрюков.

На воеводу челобитчик я.
Вели пустить Дюжова дочку Марью;
Она моя невеста; он насильно
Увез ее.

Облезлов.

А чья она невеста —
Мне как узнать? Отца и мать мы спросим.

Степан Бастрюков.

Спроси у ней.

Облезлов.

Да нешто девка знает,
Кто ей жених? Ее ли это дело?
К кому пойдешь?

Марья Власьевна.

К Степану Бастрюкову.

Облезлов.

А всё отца и мать спросить.

Степан Бастрюков.

Мы спросим
Опосле их; а я возьму покуда
К себе ее. Пойдешь?

Марья Власьевна.

Пойду.

Степан Бастрюков.

Вот видишь,
Сама идет, так разговор короток.

Неждан.

Да вот отец! Спросить его.

Дюжой.

Да что уж!
Коль здесь украл, так нам с женой подавно
Не уберечь. Пущай берет.

Степан Бастрюков. Спасибо!

Дюжой.

А все-таки по чести, чин по чину
И с рукобитьем взять из дому лучше.

С т е п а н Б а с т р ю к о в.
На все готов. Бери ее с собой,
А завтра жди меня на рукобитье.
(Облезлову.)
Вели пустить людей моих на волю,
Меня суди, они не виноваты.
Они рабы, по моему приказу
За ней пришли, а их перевязали.

О б л е з л о в.
Пустите их!

С т е п а н Б а с т р ю к о в *(всем кланяется)*.
На свадьбу приходите!
Поклон и вон.
(Уходит, слуги за ним.)

Н е у с т р о й к о.
А ведомого вора,
Дубровина Романа, тоже пустишь?

В о е в о д а.
А ты спроси, кого Дубровин грабил!

О б л е з л о в.
Посадские! Кого Дубровин грабил?

Н е ж д а н.
Не грабил нас.

С м и р н о й.
Не знаем.

О б л е з л о в. А убойства?

Н е ж д а н.
Не ведаем, и слыхом не слыхали.

О б л е з л о в.
А воровства с поличным?

Д р у ж и н а.
Не видали.

С м и р н о й.
На воровстве не пойман. Воевода
В тюрьме его тогда держал напрасно.

О б л е з л о в *(Дубровину)*.
Ты был в бегах?

Д у б р о в и н.
Я бегать — бегал, точно,
Не буду лгать. Теперь домой пришел
И сесть хочу на старом пепелище,
На царское тягло.

О б л е з л о в.

Уж я не знаю,
Каким судом и как его судить.

В о е в о д а.

Аль ты забыл царев наказ о беглых?
Указано повсюду воеводам
Их сыскивать и на посад сажать.
Устраивать строеньем, буде надо,
И отдавать за крепкие поруки,
Чтоб им, живя в посаде, не сбежать
И подати платить царевы вместе
С посадскими, и быть во всякой службе
С посадскими ж, в ином чину не стать,
И ни за кем бы им не заложиться,
И льготы им давать.

О б л е з л о в.

А на поруки
Возьмет ли кто Дубровина?

В о е в о д а.

Да я
Беру его.

П о с а д с к и е.

Мы все, мы всем посадом
Берем его.

О б л е з л о в.

Я чаю, крепко будет
С поруками такими.
(Слугам.)
Развяжите
Дубровина.

Д у б р о в и н.

Вели пустить Олену.

О б л е з л о в.

Твоя она, так и бери.

О л е н а.

Роман,
Где голову приклоним?

Н е ж д а н.

На посаде
Дворов немало; приютим, покуда
Отстроитесь.

О б л е з л о в *(Неждану)*.

Подайте завтра запись
Поручную по нем. Теперь не время

Дела вершить; на это день, а ночью
Себе и людям надо дать покой.
Прощай, Нечай Григорьич! Расходитесь!

Воевода.

Посадские и все честные люди,
Ненадолго я к вам вернулся; вскоре
Переберусь в обитель; кто обижен,
Кто изубытчен мною, приходите:
За все воздам смиренно и с моленьем
Простить меня и отпустить обиды.

Посадские.

Господь тебя прости, а мы прощаем.

ПРИЛОЖЕНИЯ

В «Приложениях» к тому печатаются
полный сценарий волшебной сказки
«Иван-царевич» и стихотворения «З. Ф. К-ъ» и «Акростих».

Волшебная сказка в 5 действиях и 16 картинах

ИВАН-ЦАРЕВИЧ

ЛИЦА:

ЦАРЬ АГГЕЙ.

ИВАН-ЦАРЕВИЧ.

ИВАН-СТАРУХИН.

ИВАН-ДЕВКИН.

ИВАН-КОШКИН.

КАРГА-СТАРУХА
царская ключница.

МЕЛЬНИК.

КОШКА.

БАБА ЯГА.

КАЩЕЙ БЕССМЕРТНЫЙ.

ЦАРЕВНА МИЛОЛИКА.

ДВОРЕЦКИЙ КАЩЕЯ.

ДЕВКА ЧЕРНАВКА.

ЦАРЬ КАЛИН-ГИРЕЙ.

КАЛГА
министр.

ЕВНУХ.

ЦАРЬ ДОДОН.

ЦАРЕВНА ИНДЕЙСКАЯ.

КОШКИ, РАБОТНИКИ НА МЕЛЬНИЦЕ, КРЕСТЬЯНЕ, СВИТА КАЩЕЯ, СВИТА КАЛИНА-ЦАРЯ, СВИТА ДОДОНА, ТАТАРЫ, КОНЮХИ, ИНДЕЙСКИЕ ЖРЕЦЫ, БРАМИНЫ, СТРАЖА И НАРОД.

Картина первая. Мельница.
Картина вторая. Избушка на курьих ножках.
Картина третья. Кащеев дворец.
Картина четвертая. Сад Кащея.
Картина пятая. Терем Царь-девицы.
Картина шестая. Бахчисарайский дворец.
Картина седьмая. Конюшня Калин-Гирея.

Картина восьмая. Индия. Тропический лес.
Картина девятая. Индейский храм.
Картина десятая. Зала во дворце Кащея.
Картина одиннадцатая. Дикая местность, развалины старой башни.
Картина двенадцатая. Мельница.
Картина тринадцатая. Светлица во дворце царя Аггея.
Картина четырнадцатая. Столовая зала (гридница).
Картина пятнадцатая. Царство кошек.
Картина шестнадцатая. Апофеоз.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Мельница. В глубине видна верхняя часть большого наливного колеса и провод, по которому бежит вода; над ними просвет. Направо наружная дверь, над ней окно без рамы. Среди пола западня в подполье. Налево дверь в чулан.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Работники, между которыми Иван-царевич, Иван-девкин и Иван-кошкин, убирают мешки с мукой. (Хор.)

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Входит старая нищенка — Баба Яга — работники окружают ее. Она им поет (баллада.) В некотором царстве жил царь с царицей, у них не было детей. Долго они плакали. Как-то раз царица сидит у окна и плачет; подходит к окну старуха-нищенка,— вот как я,— и спрашивает ее, о чем она плачет. Та ей сказала. Старуха дала ей рыбку, велела сварить и съесть одной. Царица велела сварить рыбку, поела ее, остаточки попробовала сенная девушка и старуха Карга, мамка, косточки отдали Кошке. Вот, проходит время, сколько нужно, все четыре родили по сыну, назвали их Иванами, и были все дети похожи. Царь велел позвать старую старуху-нищенку, которая дала царице рыбку, чтобы она пожелала детям счастья, а мамка Карга позвала своего брата, Мельника-колдуна. Вот стала нищенка говорить, а колдун про себя переговаривать, а в этом деле что скажет последний, так и сбу-

дется. Говорит нищенка Царицыну сыну: «будешь ты счастлив», а Мельник говорит: «Не вовсе». Говорит нищенка: «Будешь ты умен», а Мельник: «Да задним умом». Говорит старуха Девкину сыну: «Будешь ты добрый, старательный слуга», а Мельник: «Да невпопад». Говорит нищенка Старухину сыну: «Будешь ты глуп», а Мельник: «Да богат». А Кошкину сыну ничего не сказали. Стали дети расти не по дням, а по часам; стала Каргу брать злоба, что Царицыну сыну больше почета. Вот и придумала она погубить всех ребят, кроме своего. Стала говорить царю: «Все ребята похожи злых людей много, пожалуй,— подменят царевича; надо его одного оставить, а других трех погубить; я, говорит, и своего не пожалею». Царь согласился, только не велел их убивать, а отдать кому-нибудь на воспитание, чтобы они не знали, чьи они дети. Карга подменила своего сына царице, а Царицына сына, Девкина и Кошкина велела отнести к своему брату Мельнику. И растут эти дети у мельника у колдуна в великой нужде, и всякую обиду и побои терпят,— а Каргин сын живет заместо царевича, и сокрушается царь, что он круглый дурак. Теперь все они уж выросли и приходит им время.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Входит Мельник из чулана, прислушивается, прогоняет нищенку, бранит работников за леность и заставляет их работать. Все, кроме Кошкина сына, берут по мешку и уходят. Мельник — за ними.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Кошкин сын один, в раздумье; между прочим, говорит, что ему иногда мяукать хочется; начинает мяукать. В окне появляется Кошка, его мать, и тоже мяукает, потом спрыгивает с окна, превращается в женщину (дуэт). Дает сыну платок, на котором они, как на ковре-самолете, могут улететь от Мельника: когда им надо лететь куда-нибудь, чтоб они развернули платок и сели, а как прилетят, чтобы не забыли свернуть его и спрятать за пазуху, а то он попадет к Мельнику, и он тогда везде за ними поспеет. Потом Кошка дает сыну кольцо, с которым он может принимать какой угодно вид, и говорит сыну, что пока у него будет это кольцо, то Мельник никакой власти над ним иметь не может, а если оно попадет к Мельнику, то вся сила его исчезнет и он опять попадет в работники к Мельнику. Кошка уходит.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Приходит Иван-царевич и Иван-девкин и другие работники. Иван-кошкин им рассказывает про все, что слышал от матери; они его просят попробовать талисман; он перекидывает кольцо с руки на руку — на Царевиче является царское платье, а на нем и на Девкином сыне — придворное. Заслышав шаги хозяина, все разбегаются, а братья прячутся в подполье.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Входят Мельник и Карга. Карга говорит, что царь стал сомневаться, не подменили ли Ивана-царевича, что он признает своим сыном того, кто приведет ему царевну Милолику, золотогривого коня и Жар-птицу, что она своего сына послала свататься за царевну Милолику. Мельник с Каргой уговариваются погубить соперников. Мельник спускает плотину, вода затопляет подполье. Из подполья, по колесу, в золотой раковине, выезжают на лебедях Иван-царевич, Иван-девкин и Иван-кошкин. Мельник садится с Каргой на метлу и улетают за ними вдогонку. (Перемена.)

КАРТИНА ВТОРАЯ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Избушка на курьих ножках в лесу. Колодезь с журавлем и конура с цепью. Из лесу выходят Иван-царевич, Иван-девкин и Иван-кошкин. Кошкин их спрашивает, как попали они в лес. Они отвечают, что когда Кошкин сын улетел от них, чтобы повидаться с матерью, они вышли на берег погулять.— А где ж ковер-самолет?

Ив⟨ан⟩-Ц⟨аревич⟩ (указывая на Девкина сына). Он позабыл свернуть, а я позабыл приказать; и вспомнил, да поздно: пошли к реке, да и заблудились в этом лесу и очень проголодались. Кошкин сын и велит им подождать, а сам уходит искать коврик.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Иван-царевич и Девкин сын. Комическая сцена. Иван-царевич попадает в бадью и поднимается кверху (куплеты о высоте), а Девкин сын — на цепь (куплеты о собачьей службе).

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Приходит Кошкин сын, освобождает их и говорит, что коврика не нашел, что Мельник теперь догонит их и будет преследовать всюду. Кошкин сын велит оборотиться избушке к лесу задом, а к ним передом. Все трое садятся на крылечко. По их желанию является им из избы обед.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Баба Яга едет в ступе, пестом погоняет, помелом след заметает. «Фу-фу! Прежде русского духу слыхом не слыхать, русской костки видом не видать, а теперь русский дух воочию совершается, русская костка сама во двор зашла. Здравствуйте, добрые молодцы!» — Здравствуй, бабушка.— «Поели?» — Спасибо, бабушка! — Баба Яга говорит им, что Ивану-царевичу нужно жениться на царевне Милолике; что царевна у Кащея Бессмертного в заключении; что Кащей всех обманывает, обирает у женихов деньги, а царевну не отдает; что Кащей никого не боится, а боится только своей смерти. Смерть его спрятана далёко, оттого он и не умирает. Что Иван-царевич может увезти царевну, но что если он ее поцелует, так его поймают. Что если им случится доставать золотогривого коня,— чтоб не трогали уздечки, а если Жар-птицу, так не брали бы клетки. Дает им клубок, который будет им указывать дорогу и служить вместо ковра-самолета. Слышна погоня. По знаку Бабы Яги, все трое превращаются: один — в верстовой столб, другой — в камень, третий — в нищего с кошельком на палочке.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Карга и Мельник входят, осматриваются, спрашивают у Бабы Яги, не видала ⟨ли⟩ прохожих; она отвечает, что нет, они идут дальше. Баба Яга оборачивает молодцов в прежний вид и велит им войти в хижину, потому что Карга и Мельник непременно воротятся. Они входят. Карга и Мельник возвращаются, подходят к избушке; избушка превращается в стог сена, сверху стога сваливается веревочная сетка, накрывает Мельника и Каргу. Стог превращается в карету с лошадями; в карете сидят Иван-царевич и Баба Яга, на козлах — Кошкин сын, на запятках — Девкин сын. Карета уезжает.

Конец первого действия.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Открытая галерея Кащеева дома на Кавказских горах.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Слуги Кащея (хор о взятках).

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Подъезжает карета, входят Иван-ц⟨аревич⟩, Ив⟨ан⟩-кошкин, Ив⟨ан⟩-девкин. Из дворца выходит Дворецкий Кащея. Они дают ему взятку, и он им рассказывает все порядки, указывает им место, где поместиться, и говорит, что Кащей скоро станет принимать всех женихов. Они уходят.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Выход Кащея. Выход женихов.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Иван — Старухин сын с матерью и со свитой.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Калин-Гирей татарский со свитой.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Додон-царь, в платье мага, с браминами, со свитой.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Иван-царевич с Девкиным и Кошкиным.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Выход царевны Милолики (марш). Кащей собирает с женихов деньги за показ. Открывают покрывало, которым закрыта Царевна,— делается светлее, все поражены ее красотой. Царь Калин поет татарскую песню. (Ирония. Сердится: Как он меня

обидел!) Царевна поет арию. Ее закрывают. Кащей объявляет, что он за того отдаст, кто доставит ему золотогривого коня и Жар-птицу. Калин и Додон с гневом уходят.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Входит Мельник, в богатом персидском платье, и, показывая на Ивана-царевича и его свиту, говорит, что это его работники. Кащей велит Дворецкому и слугам схватить их. Старухин сын, Дворецкий и слуги подбегают к ним — и вдруг превращаются: у Старухина сына вырастают уши, Дворецкий — в осла, а слуги — в разных животных. Иван-царевич, Девкин и Кошкин уходят. Кащей, пересчитав деньги, уходит в покои Царевны, и свита — за ним. (Перемена.)

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Сад Кащея. Ночь. У ворот — стража. Кошкин сын в виде Дворецкого Кащея отпускает стражу и впускает Ивана-царевича и Девкина сына, а сам уходит отыскивать потерянный клубок.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Иван-царевич и Девкин сын.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Выходят: Царевна и девка Чернавка. Иван-царевич и Девкин сын прячутся. Сцена между Царевной и девкой Чернавкой. Выходят Иван-царевич и Девкин сын (дуэт). Сцена между четверыми. Иван-царевич (забывшись) целует Царевну. Во всех кустах музыка.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Выходят: Кащей со всем двором, Мельник и Старуха с сыном. Ловят Ивана-царевича и Девкина сына. Является Кошкин сын. Кащей по совету Мельника и Старухи, хочет их казнить, но они обещают достать ему золотогривого коня и Жар-птицу и оставить у него одного заложником. Мельник советует

ему взять Царевича. Кошкин сын отдает клубок Ивану-царевичу, сам превращается в Царевича, его уводят, а те улетают.

КАРТИНА ПЯТАЯ

Терем царевны Милолики. (Посереди большое открытое окно с занавеской).

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Кошкин сын и девка Чернавка. Она прячет его за занавеску.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Приходит Царевна (ария). Кошкин сын с ней объясняется и просит ее выведать у Кащея, где его смерть, и говорит ей, чтоб, если он превратится в горох, она наступила на одну горошину. (Прячется опять.)

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Кащей и Царевна. Он ей объясняется в любви, она у него выведывает хитростью, где его смерть (за тридевять землями стоит дуб, на дубу сундук, в сундуке заяц, в зайце утка, в утке яйцо, в яйце смерть).

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Приходит Мельник, сходятся все придворные. Предлагает выкупить Царевича, Кащей его продает. Мельник хочет взять Царевича из-за занавески, а Царевна Милолика его защищает. Кошкин сын превращается в перстень; Мельник и его покупает. Царевна бросает перстень, он превращается в жемчуг, Мельник в петуха, клюет все жемчужины, одна жемчужина катится за занавеску, Царевна наступает на нее ногой. Мельник, склевавши все жемчужины, хлопает крыльями, поет петухом, потом кричит: «Кошкин сын, где ты?» — и взлетает. Кошкин сын, который был обращен в жемчужину, под ногой Царевны, за занавеской, превращается в ястреба и отвечает «Я здесь!» Взлетает над петухом и начинает его клевать, тот опускается на землю, прячется между слугами Кащея, те

его защищают, начинают махать платьем и чем ни попало и кричат: «Шу! шу!» Кошкин сын улетает в окно.

Конец второго действия.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Маленький внутренний дворик Бахчисарайского дворца (с натуры).

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Калга и Евнух горюют о том, что без Калина убежали два конюха и украли двух жен из гарема, и придумывают, как об этом доложить Калин-Гирею. Калга уходит.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Входит Калин. Евнух, чтоб развеселить его, вводит жен (балет).

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Калин говорит, что после той красавицы, которую он видел, ни одна жена ему не нравится, и велит прогнать их (жены уходят). Евнух докладывает, что пропали две жены и два конюха. Калин говорит, что за жен он не сердится, а если конюхов не найдут, то к вечеру Калге и всем дворцовым служителям головы отрубит.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

При последних словах входит Калга (падает со страха на землю) и говорит, что явился купец и желает продать ему двух конюхов. Калин приказывает ввести.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Входит Кошкин сын в виде пирата (турецкого), Царевич и Девкин сын в виде пленников. Калин у него покупает пленников. Все уходят. Девкин сын остается. Выбегают жены.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Комическая сцена. Показывается Евнух с бичом; все разбегаются. (Перемена.)

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Входят Калин и Мельник в виде старого грека и предлагает за невольников выкуп, тот берет и велит ему прийти за ними на следующий день.

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Конюшня Калин-Гирея.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Конюхи, Царевич, Девкин сын и Кошкин сын рассуждают о златогривом коне. Кошкин сын дает наставление своим товарищам, как украсть златогривого коня, и уходит.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Иван-царевич тоскует о Царевне (ария). Девкин сын угощает конюхов вином; они засыпают. Девкин сын хочет украсть коня, но, забывшись, берет уздечку. Шум; все просыпаются. Ивана-царевича и Девкина сына приковывают к столбу.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Входят царь Калин, Калга, Мельник и Кошкин сын. Калин и Мельник торгуются. Иван-Царевич и Девкин сын улетают на золотогривом коне, Кошкин сын превращается в златогривого коня. Калин, Калга и Мельник подходят к нему,— он превращается в черта. Все разбегаются. (Перемена.)

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

Индия. Густой тропический лес.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Выходят: Иван-царевич, Девкин сын и Кошкин сын. Кошкин сын говорит, что насилу их догнал; спрашивает, где конь. Они от-

вечают, что привязали его в кустах. Он говорит им, что возьмет коня и поедет за смертью Кащея. Учит их, как вести себя (чтобы не сходили с места; а если сойдут с места, то натерпятся много страха, потому что лес заколдованный). Говорит Ивану-царевичу, что Индейская царевна влюбится в него — чтобы он согласился жениться на ней, иначе нельзя будет достать Жар-птицу, которая повешена в клетке в главном храме. Учит, как достать ее, не велит брать клетки. Уходит.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Иван-царевич и Девкин сын, заглядевшись на обезьян, сходят с места. Комическая сцена: являются разные животные: львы, слоны, тигры, змеи. Иван-царевич и Девкин сын залезают на деревья.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Охота на зверей. Входят: Додон, дочь его и свита. Они располагаются для отдыха. Дочь Додона говорит отцу, что непременно хочет замуж как можно скорее, и непременно — за европейца. Ей привязывают койку к дереву, она ложится и видит на дереве Ивана-царевича, влюбляется и объявляет, что хочет непременно за него замуж. Иван-царевич соглашается, его снимают с дерева и с церемонией отправляются во дворец.

Конец третьего действия.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

КАРТИНА ДЕВЯТАЯ

Двор большой индейской пагоды. В глубине вход в храм. (Закат солнца.)

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Свадебная процессия. Входят: царь Додон, дочь его, Иван-царевич, Девкин сын. Жрецы, баядеры, воины. Хор жрецов, танцы баядер.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Входит Мельник в богатом платье раджи, и объявляет, что он приехал на свадьбу. Иван-царевич с Девкиным сыном удаляются в храм для молитвы. Шум, музыка.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Из храма выбегает жрец и объявляет, что Иван-царевич хотел украсть Жар-птицу. Выводят Ивана-царевича и Девкина сына. Иван-царевич упрекает Девкина сына за то, что тот взялся за клетку. Мельник объявляет, что они — самозванцы.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Входит Кошкин сын, в виде дервиша, и объявляет, что, по воле богов, преступников надо казнить слонами, подходит к Ивану-царевичу, упрекает его в забывчивости; превращается в Ивана-царевича, а его превращает в дервиша; велит ему идти в храм, унести Жар-птицу, садиться на златогривого коня, который спрятан за храмом, и лететь, а он с Девкиным сыном его догонит. Объявляет ему, что достал смерть Кащея. Иван-царевич уходит в храм. Кошкина сына связывают, кладут на землю и выпускают слона. В это время Иван-царевич улетает на златогривом коне с Жар-птицей. Сцена освещается. Кошкин сын превращается в огромного слона. Все в ужасе разбегаются. (Перемена.)

КАРТИНА ДЕСЯТАЯ

Зала во дворце Кащея.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Кащей любезничает с царевной Миloликой, прельщает ее своими сокровищами, показывает ей горы золота и драгоценных каменьев.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Входит Дворецкий и объявляет, что прибыл Иван-царевич.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Входят: Иван-царевич, Иван — Девкин сын и Иван — Кошкин сын. Иван-царевич объявляет, что привел золотогривого коня, что он стоит у крыльца, Кащей смотрит в окно и велит его поставить в свою конюшню. Девкин сын объявляет, что принес Жар-птицу. Кащей велит взять у него и объявляет им, что Царевны он им не отдаст. Спрашивает Кошкина сына, что тот ему принес, тот вынимает смерть Кащееву, перекидывает с руки на руку. Кащей начинает шататься, принимает разные виды и умирает в мучениях. Дворец разваливается. Иван-царевич, Кошкин сын и Девкин берут Царевну, девку Чернавку, златогривого коня, Жар-птицу и удаляются. (Перемена.)

КАРТИНА ОДИННАДЦАТАЯ

Дикая местность, лес, скалы, водопады, развалины старой башни. Ночь. На деревьях светляки освещают сцену, летают совы и летучие мыши.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Входит Карга с сыном и говорит, что Мельник велел им здесь дожидаться. Прячутся в башню.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Входят: Иван-царевич, Иван-девкин, Иван-кошкин, царевна Милолика, девка Чернавка. Вносят Жар-птицу. Садятся в развалинах башни ужинать; им прислуживают летучие мыши по приказанию Кошкина сына. Кошкин сын объявляет, что он полетит предупредить царя Аггея. Царевна выпрашивает у него кольцо; он отдает, но просит никому не давать и уходит. Царевна и Иван-царевич жалеют, что у Кошкина сына нет невесты. К ним подходит летучая мышь и говорит, что она принцесса, влюбленная в Кошкина сына, но обращенная Мельником в мышь; что если наденут ей на палец кольцо, то она превратится в принцессу. Царевна надевает ей кольцо,— мышь превращается в Мельника.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Мельник вызывает Кошкина сына, который со слезами упрекает Ивана-царевича и Царевну.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Выходят Карга и ее сын. Мельник отдает им Царевну, золотогривого коня и Жар-птицу. Они улетают, Иван-царевич, Кошкин и Девкин принимают, по приказанию Мельника, вид его работников и проваливаются вместе с ним.

Конец четвертого действия.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

КАРТИНА ДВЕНАДЦАТАЯ

Мельница.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Работники горюют.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Приходит девка Чернавка и рассказывает, что делается у царя: что [Царь-девица] царевна Милолика плачет и не хочет идти за Старухина сына, что Жар-птица не светит, что грива у коня полиняла, что царь Аггей сердится.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Входят Старуха и сын ее. Сын ее издевается над работниками, говорит, что ум, красота ничего не значат, а все значат деньги. Они ему отвечают, что с деньгами нельзя изменить ослиных ушей, и уходят. Приходит Мельник.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Старуха просит у Мельника кольцо, чтобы превратить своего сына в Ивана-царевича. Кошка прокрадывается и подслушивает. Мельник отдает кольцо, только не велит никому передавать. Старуха и Мельник уходят.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Выходят работники и девка Чернавка; Кошка передает им разговор Мельника и Старухи. Они учат девку Чернавку передать Царевне, чтобы она выманила кольцо у Старухина сына. Приходит Мельник и разгоняет их. (Перемена.)

КАРТИНА ТРИНАДЦАТАЯ

Светлица царевны Миролики.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Царевна (ария. Жених с ослиными ушами). Девка Чернавка (передает ей разговор работников. Та не слушает).

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Входит Старухин сын в виде Ивана-царевича. Царевна ему обрадовалась, ласкает его, снимает кольцо и уходит с ним к царю Аггею объявить, что согласна за него замуж. (Перемена.)

КАРТИНА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Столовая зала во дворце царя Аггея.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Большой выход: царь Аггей, Карга (великолепно одетая), Старухин сын, царевна Милолика, Мельник и свита. Садятся за стол.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Является Баба Яга в ступе. Старуха и Мельник велят ее гнать. Царевна Милолика заступается, перекидывает перстень с руки на руку.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Являются Иван-царевич и Девкин сын. У Старухина сына вырастают уши. Иван-царевич объясняет все дело. Царь велит старуху Каргу и Мельника выгнать из царства, а Старухина сына определить в шуты. Все замечают, что нет Кошкина сына. Баба Яга объявляет, что он с матерью у невесты, княжны Мяу, обращенной Мельником в кошку со всем своим княжеством. По ее велению, задняя занавесь раздвигается и открывается.

КАРТИНА ПЯТНАДЦАТАЯ

Царство кошек.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Кошкин сын стоит на коленях перед княжной Мяу и целует ее лапку. Мать стоит подле них. Их окружают кошки и коты. По приказанию Бабы Яги все кошки принимают человеческий образ. Всеобщая радость.

КАРТИНА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Апофеоз. Вся сцена превращается в светлый храм, Баба Яга — в молодую, блестящую волшебницу. Над ней Жар-птица, от которой разливается свет. Все преклоняются.

Конец.

З. Ф. К-ъ

Снилась мне большая зала,
Светом облита,
И толпа под звуки бала
Пол паркетный колебала,
Пляской занята.
У дверей — официанты
И хозяин сам.
И гуляют гордо франты,
И сверкают бриллианты
И глаза у дам.
Воздух ароматно-душен,
Легким тяжело.
К атмосфере равнодушен,
Женский пол совсем воздушен
И одет голо...
И отважно и небрежно
Юноши глядят.
И за дочками прилежно,
Проницательно и нежно
Маменьки глядят.
Всюду блеск, кенкеты, свечи,
Шумный разговор,
Полувзгляды, полуречи,
Беломраморные плечи
И бряцанье шпор.
Вальс в купчихах неуместно
Будит жар в крови.
Душно, весело и тесно,
Кавалеры повсеместно
Ищут визави.
Вот меж всех красавиц бала
Краше всех одна.
Вижу я, что погибало
От нее сердец немало,
Но грустна она.
Для нее толпа пирует
И сияет бал,—
А она неглижирует,
Что ее ангажирует
Чуть не генерал.
Гений дум ее объемлет,
И молчат уста.

И она так сладко дремлет,
И душой послушной внемлет,
    Что поет мечта.
Как все пусто! То ли дело,
    Как в ночной тиши
Милый друг с улыбкой смелой
Скажет в зале опустелой
    Слово от души.
Снятся ей другие речи...
    Двор покрыла мгла...
И, накинув шаль на плечи,
Для давно желанной встречи
    В сад пошла она.

⟨АКРОСТИХ⟩

Зачем мне не дан дар поэта,
Его и краски и мечты?
Нашлась нужда теперь на это.
Аврору, майские цветы
И все на свете красоты
Давно бы описал я смело,
А вас писать — иное дело.

КОММЕНТАРИЙ

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

РУКОПИСНЫЕ ИСТОЧНИКИ

АТК — авторизованная театральная писарская копия.
БА — беловой автограф.
ТПК — театральная писарская копия.
ЦПК — цензурная писарская копия.
ЧА — черновой автограф.

МЕСТА ХРАНЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина.
ГЦТМ — Государственный центральный театральный музей им. А. А. Бахрушина.
ЛГТБ — Ленинградская государственная театральная библиотека им. А. В. Луначарского.
ММТ — Библиотека музея Московского Малого театра.
ПД — Институт русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР.
ЦГИА — Центральный государственный исторический архив.

КНИГИ, ЖУРНАЛЫ, ГАЗЕТЫ

ААЭ — «Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической эспедицией имп. Академии наук», тт. 1—4, Спб., 1836.
АИ — «Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссией», тт. 2—4, Спб., 1841-1842.
БДЧ — журнал «Библиотека для чтения».
«Вест. Евр.» — журнал «Вестник Европы».
ЕИТ — Ежегодник императорских театров.
«Отеч. зап.» — журнал «Отечественные записки».
«Рус. арх.» — журнал «Русский архив».
«Рус. вест.» — журнал «Русский вестник».
«Рус. мысль» — журнал «Русская мысль».
«Рус. слово» — журнал «Русское слово».
«Сев. пчела» — газета «Северная пчела».
«Совр.» — журнал «Современник».

«Совр. летоп.» журнал «Современная летопись».
«Спб. вед.» газета «Санктпетербургские ведомости».

Бочкарев, вып. 7 — В. А. Бочкарев, Из наблюдений над хроникой А. Н. Островского «Козьма Захарьич Минин, Сухорук». — «Ученые записки Куйбышевского государственного педагогического института им. В. В. Куйбышева», вып. 7, 1943.

Бочкарев, вып. 13 — В. А. Бочкарев, А. Н. Островский и русская историческая драма.— «Ученые записки Куйбышевского государственного педагогического института им. В. В. Куйбышева», вып. 13, 1955.

Бурдин — А. Н. Островский и Ф. А. Бурдин, Неизданные письма, М. — Пг., ГИЗ, 1923.

«Восп.» — А. Н. Островский в воспоминаниях современников, М., «Художественная литература», 1966.

Даль — Вл. Даль, Толковый словарь живого великорусского языка, тт. 1—4, М., 1955.

ПСС — А. Н. Островский, Полное собрание сочинений в 16-ти томах, М., Гослитиздат, 1949—1953.

Соболевский — Великорусские народные песни. Изданы проф. А. И. Соболевским, тт. 1—7, Спб., 1895—1902.

Добролюбов — Н. А. Добролюбов, Собрание сочинений в 9-ти томах, М., Гослитиздат, 1961—1964.

Тургенев — И. С. Тургенев, Полное собрание сочинений и писем в 28-ми томах. Письма в 13-ти томах, М.—Л., «Наука», 1961—1968.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДРАМАТУРГИЯ А. Н. ОСТРОВСКОГО (1861—1865)

К началу 1860-х годов творчество Островского, казалось бы, получило окончательное и исчерпывающее определение как одно из центральных явлений русской реалистической литературы. К этому времени отгремели первые восторги ошеломленных «новым словом» национальной драматургии читателей, зрителей и критиков. Возникла и исчерпала себя оживленная полемика об отношении драматурга к современной русской жизни, к воссозданному им на сцене патриархальному миру. После нескольких лет сотрудничества Островского в «Москвитянине» и настойчивых попыток славянофильских идеологов — членов молодой редакции этого журнала — истолковать произведения драматурга в духе своей доктрины во второй половине 1850-х годов Островский перешел в «Современник» и на многие годы связал свою литературную судьбу с журналами Некрасова. Выйдя в своих наблюдениях и в творчестве за пределы купеческой среды, создав комедии «Доходное место» и «Воспитанница», Островский внес существенный вклад в художественное осмысление животрепещущих общественных проблем: крепостного права и государственного устройства. Лирические спектакли по пьесам Островского начала 50-х годов вскоре сменились постановками, возбуждавшими политические страсти. Поэтическая драма «Гроза», рисовавшая трагедию свободолюбивой личности, воспринималась читателями и зрителями уже в политическом ключе. Анализируя «Грозу», Добролюбов существенно обогатил свою концепцию творчества Островского, сформулированную в известной статье «Темное царство». В ней он определил картину русской жизни, созданную в драматургии Островского, как «мир затаенной, тихо вздыхающей скорби» *(Добролюбов, V, 30)*, задавленных самодурами и зависимых от них людей, которые принуждены «*смирить* себя, то есть отложить всякую мысль о своих правах и о человеческом достоинстве» *(там же, стр. 123)*. В 1860 году в статье «Луч света в темном царстве» критик утверждал, что от «Грозы» Островского «веет на нас новой жизнью» *(Добролюбов, VI, 334)*. Здесь показан «решительный, цельный русский характер» *(там же, стр. 339)*, творческий, свободолюбивый, бросающий «страшный вызов самодурной силе» *(там же, стр. 361)*. В «Грозе» закономерность и неодолимость «возникающего движения русской жизни» *(там же, стр.*

363), внутренняя слабость косной и казавшейся незыблемой власти самодуров были выражены через народную семейную драму, героическую решительность и бескомпромиссность простой женщины. Добролюбов отметил новизну настроений, характеров и отношений, показанных в «Грозе», и связал новые тенденции творчества Островского с переломом в самой жизни России, с возникновением революционной ситуации.

Через несколько лет после того, как эти суждения Добролюбова завоевали сочувствие широкого круга читателей, Островский неожиданно для многих приверженцев его драматургии открывает совершенно новую страницу в своем творчестве, берет на себя разработку сложных, с особой остротой вставших перед русской литературой в начале 60-х годов проблем. Речь идет об обращении его к стихотворной исторической драматургии, о создании им пьес, в которых вопрос об исторических судьбах страны трактовался на основе зрелища, непосредственно передающего массовые народные движения.

С первых шагов своего творчества Островский сделал современный быт русского общества темой своих сочинений, изображение «живых, целиком взятых из жизни типов и положений чисто русских, только нам одним принадлежащих» своей задачей *(ПСС, XII, 8)*, а живой, богатый и разнообразный разговорный язык — средством воспроизведения реальности человеческих характеров и отношений. И вдруг в начале 60-х годов он предстает перед публикой в качестве исторического писателя, который сознательно усваивает «форму Бориса Годунова» Пушкина *(ПСС, XIV, 139)*, рисует события XVII века и соответственно литературной традиции стилизует речь героев.

Поворот последователя Гоголя от картин современного быта к изображению народной жизни отдаленных эпох, от комедии нравов к поэтической патетике «Минина» был неожидан и казался необъяснимым многим современникам, а между тем в творчестве Островского с самого начала были сильны тенденции, подготовившие его обращение к истории.

Уже в «Не в свои сани не садись» и «Бедность не порок» песенно-поэтические вкрапления имеют важное структурное значение. Герои изливают свои чувства в стихах «собственного сочинения», в песнях подлинно народных и стилизованных. В комедии «Бедность не порок» стихотворения и песни органически включались в эпизоды, воспроизводящие традиционные обряды, игровую драматургию святочных увеселений. Социальные конфликты современности здесь находили свое воплощение в образах народного действа.

В «Не так живи, как хочется» драматургия народной игры, праздничных обрядов еще более органично сплетается с социальной

проблематикой. Действие пьесы отнесено в XVIII век; стилизация чувств и верований русских людей прошедшей эпохи является специальной задачей, которую решает автор. «Комнатная» комедия, рисовавшая быт семьи, именно в «Не так живи, как хочется» сменилась изображением жизни толпы, охваченной единым чувством, участвующей в коллективном праздничном действе, масленичном веселье, которое разрушает замкнутость семейных домов.

Если в «Бедность не порок» святочные обряды служат фоном действия, разыгравшегося в кругу семьи и обусловленного прочно сложившимися в ней отношениями, то в «Не так живи...» масленичное веселье «выманивает» героев из дома на улицу, настроение толпы захватывает их, побуждает рвать привычные связи и искать новых.

Изображение толпы, непосредственно и откровенно выражающей свои настроения на улицах города, переплетение народно-игровых, комедийных эпизодов с драматическими и трагическими в «Не так живи, как хочется» предвосхищало некоторые черты и мотивы исторических пьес Островского.

«Вызревание» тем, художественных образов и проблематики исторической драматургии Островского в его «бытовых» пьесах предопределялось историзмом подхода писателя к современной социальной действительности и ее явлениям.

И. А. Гончаров, тонко понимавший творчество Островского, утверждал: «...Островский писатель исторический, то есть писатель нравов и быта ⟨. . .⟩ Островский писал ⟨. . .⟩ жизнь с натуры — и у него вышел бесконечный ряд живых картин или одна бесконечная картина — от «Снегурочки», «Воеводы» — до «Поздней любви» и «Не все коту масленица» ⟨. . .⟩ Тысячу лет прожила старая Россия — и Островский воздвигнул ей тысячелетний памятник» *(И. А. Гончаров, Собр. соч. в 8-ми томах, т. 8, М., Гослитиздат, 1955, стр. 179, 180, 181)*.

Изображая типические черты современной действительности, Островский всегда видел их истоки, их корни, уходящие в глубь исторической жизни народа.

В 1857 году, став постоянным сотрудником «Современника», Островский сообщал редактору журнала Н. А. Некрасову о новом увлекшем его замысле: «Честь имею Вас уведомить, что у меня готовится целый ряд пьес под общим заглавием «Ночи на Волге» *(ПСС, XIV, 65—66)*.

С замыслом драматического цикла «Ночи на Волге» связаны многие пьесы Островского конца 50-х — начала 60-х годов. Каждая из них должна была составить звено в цепи драматического повествования об исторической жизни русского народа. Свое место должны были здесь занять и пьесы, рисующие современную жизнь, такие, как «Гроза», и исторические драмы и комедии, например хроника

«Козьма Захарьич Минин, Сухорук» и комедия в стихах «Воевода».

Острые драматичные конфликты каждого из произведений этого цикла овевались эпическим дыханием целостного замысла «Ночей на Волге», в котором современная жизнь с ее тревогами и поэзией, противоречиями и проблемами выступала как порождение коренных, веками сложившихся традиций бытия народа.

Некрасов, поэт, тяготевший к разработке крупных эпических форм, не мог не оценить замысел «Ночей на Волге». Особенно понравился он ему тем «простором», который давал творческим силам драматурга. В рамках подобного замысла могли органически соединиться драматургические принципы, берущие свое начало от «Бориса Годунова» Пушкина, и метод эпического изображения народной жизни и старины, открытый Гоголем в повествовательных циклах «Вечера на хуторе близ Диканьки» и «Миргород».

Слияние этих двух стихий в исторических пьесах Островского привело к тому, что современники связывали их с пушкинскими и с гоголевскими традициями.

Авторитетный критик П. В. Анненков утверждал, что «Минин» — «первый серьезный опыт русской исторической драмы после «Бориса Годунова» Пушкина» *(«Рус. вест.», 1862, № 9)*, а поэт Я. П. Полонский винил А. Григорьева в том, что этот критик «не заметил, что *последствие Гоголя* вовсе *не Гончаров и не Писемский*, а скорее *Островский*. Будь жив Гоголь, он пришел бы в умиление от Кузьмы Минина Островского, увидел бы в нем плоть от плоти своей» *(«Литературное наследство», т. 86, М., «Наука», 1973, стр. 401)*.

Стихотворные исторические пьесы Островского 60-х годов, прежде всего «Минин» и «Воевода», рисовали судьбы народные в критической социально-исторической ситуации. Писатель выводил на сцену «смятенную», взволнованную, обуреваемую политическими страстями толпу, народную массу. В разработке этой проблематики Островский опирался на опыт Пушкина — исторического драматурга. Насыщенность же исторических пьес Островского фольклорно-игровыми и легендарно-фантастическими элементами, их эмоциональная приподнятость, праздничность и патетичность обнаруживают их стилистическое родство с «Вечерами на хуторе близ Диканьки» и «Миргородом» Гоголя.

Однако важнее всего было непосредственное наблюдение писателем быта волжского населения, народных типов, изучение им памятников старины, искусства и языка волжан.

В своем раннем критическом опыте Островский писал: «Самая лучшая школа для художественного таланта есть изучение своей народности, а воспроизведение ее в художественных формах — самое лучшее поприще для творческой деятельности» *(ПСС, XIII, 137)*.

Поездки Островского на Волгу в 40-х годах явились для молодого драматурга введением в «изучение своей народности». Природа, поразившая его своей красотой, народ, восхитивший его значительностью и разнообразием своих типов, памятники старины и явления национальной культуры — все будило в нем «творческий дух», вызывало стремление глубже проникнуть в открывшийся его взору мир народной жизни. В 1856 году Островский принял участие в этнографической экспедиции, организованной Морским министерством. Ощутимо обогатился запас сведений, которыми писатель располагал: он стал собирать словарь живого народного языка, изучал историю края по научной литературе и архивным документам.

В дневнике конца 40-х годов Островский с глубокой симпатией отозвался о волжанах: «Народ и рослый, и красивый, и умный, и откровенный, и обязательный, и вольный ум, и душа нараспашку» *(ПСС, XIII, 180)*. Эта характеристика как будто предвосхищает образы героев «Минина» и «Воеводы». Глядя на Волгу с высокого гористого берега и наслаждаясь красотой панорамы, открывающейся его взору, Островский записывал: «Вот подходит расшива, и издали чуть слышны очаровательные звуки; все ближе и ближе, песнь растет и полилась, наконец, во весь голос, потом мало-помалу начала стихать, а между тем уж подходит другая расшива и разрастается та же песня. И так нет конца этой песне» *(ПСС, XIII, 184—185)*. Песня как воплощение характера народа, отзвук его истории, его дум и чаяний, «голос Волги» выступает впоследствии в монологе Минина во втором действии хроники «Козьма Захарьич Минин, Сухорук».

Во всех пьесах, которые по первоначальному замыслу были связаны с циклом «Ночи на Волге», природа, пейзаж и песня выступали как активные компоненты действия. В этих пьесах Островского конфликты, проявляющиеся в пределах замкнутого купеческого дома, сменялись коллизиями, охватывающими широкий круг действующих лиц, население города или даже страны в целом. В «Грозе» страдающая в душной атмосфере богатого дома Кабановых Катерина стремится на простор, ее манят высокие берега реки, ее стремнины, заволжские дали. Свои нравственные страдания она несет на площадь, в общении с людьми надеясь найти их разрешение.

В исторических хрониках Островского коллизии больших масштабов, охватывающие интересы всего народа, решительно выступают на передний план. Частные судьбы оказываются непосредственно зависимыми от них.

Волжские города, их расположение, их архитектура возбуждают в воображении писателя картины событий далекого прошлого, волнений толпы на нижегородских площадях, фигуру Минина, с высокого берега созерцающего Волгу и размышляющего о судьбах страны; старинные дома с переходами и галереями вызывают пред-

ставления о чинных обрядах и о скрытых драмах семейного быта, о мрачных тайнах старины, расправах всемогущих воевод с непокорными, вольнолюбивыми жителями волжских городов, о заговорах и бунтах.

Революционная ситуация 60-х годов, раскрывшая огромные творческие потенции народа, и переворот, начавшийся во всех сферах жизни общества, ставили перед мыслящими людьми России вопрос о путях дальнейшего развития страны. Несомненно, с этими проблемами связаны подъем исторической науки и популярность исторической тематики в русской литературе 60-х годов.

Оценивая достижения исторической и этнографической науки этих лет, замечательный русский ученый А. Н. Пыпин писал: «Особенною заслугой новейшей историографии было стремление раскрыть народную сторону истории,— роль народа, его сил и характера в создании государства,— и судьбу народа в новейшем государстве ⟨. . .⟩ Больше чем когда-нибудь историческая пытливость обращалась к тем эпохам и явлениям истории, где высказывалась деятельная роль народа...» *(А. Н. Пыпин. История русской этнографии, т. II, Спб., 1891, стр. 171)*.

Следует, однако, отметить, что современная Островскому историческая драматургия в отличие от науки и повествовательной литературы 60-х годов обращалась не столько к массовым народным движениям, сколько к изображению сильной исторической личности. Главным героем исторической драмы 60-х годов стал Иван Грозный, привлекавший внимание драматургов как «трагедийная» личность, самодержец, сосредоточивший в своих руках неограниченную власть, носитель принципа наследственного самовластья, царь, тираническое властолюбие которого ассоциировалось с характером умершего в 1855 году Николая I.

Со стремлением осмыслить историю страны как историю государства и с вопросом о влиянии личности на ход исторических событий связан был и интерес к проблемам борьбы за власть, к периоду смены династий после смерти царя Федора Иоанновича и свержения рода Годуновых, а также дворцовых переворотов XVIII века. Все эти события дали материал для многих драматических произведений 60-х годов XIX века.

Первая историческая драма Островского «Минин» была задумана не как трагедия, разыгрывающаяся под сводами царских теремов, в среде, окружающей самодержца, а как хроника жизни народа «глубинного» района России — Поволжья. Тесная связь замысла пьесы с идеей цикла «Ночи на Волге» раскрывает особенность ее концепции. Историческое бытие народных масс, накапливаемый веками опыт сопротивления социальному гнету, борьбы за национальные интересы в периоды политических кризисов и выступлений против

консервативных «устоявшихся» и отживших форм отношений в повседневном быту нашли свое отражение в пьесах этого цикла.

Изучая материалы, запечатлевшие народную память и народную точку зрения на события прошлого, Островский строил свои исторические пьесы на строгой фактической основе. Эмоциональное действие исторической драматургии он связывал с точностью, достоверностью изображения в пьесах реальной жизни ушедших эпох. Вместе с тем, становясь в период подготовительной работы ученым, исследователем, Островский строго различал задачи историка и художника. Островский считал, что подлинно художественная драматургия, рисующая современную жизнь во всей сложности и остроте ее коллизий, должна составлять основу репертуара театра, но спектаклям на темы отечественной истории он отводил особое место в культурной жизни народа. Их эмоциональное воздействие на массовые аудитории, утверждал писатель, имеет ни с чем не сравнимое общественно-воспитательное значение: «...исторические драмы и хроники ⟨. . .⟩ — писал он,— развивают народное самопознание и воспитывают сознательную любовь к отечеству. Публика жаждет знать свою историю... Историк передает, *что было*; драматический поэт показывает, *как было*, он переносит зрителя на самое место действия и делает его участником события» *(ПСС, XII, 122)*.

В хронике «Козьма Захарьич Минин, Сухорук» на сцене развертывалась эпопея организации жителями Нижнего Новгорода ополчения для освобождения Москвы от польской оккупации в 1611—1612 годах.

Это историческое событие и до Островского привлекало внимание драматургов. В памяти старшего поколения зрителей 60-х годов еще не стерлось впечатление от нашумевшей премьеры официозной драмы Н. В. Кукольника «Рука всевышнего отечество спасла» в 1834 году. Исторические события Кукольник трактовал в духе официально принятой политической концепции. Организацию ополчения в Нижнем Новгороде и освобождение Москвы он изображал как прелюдию к избранию Романовых на царство.

В качестве носителя сословно-монархической идеи в пьесе Кукольника предстает представитель народа — земский староста Козьма Минин, инициатор создания нижегородского ополчения. Автор ложно-величавой драмы, само название которой — «Рука всевышнего отечество спасла» — говорило о том, что не подвиг народа, а божье провидение освободило Москву, в уста Минина вкладывал декларации о «ничтожестве», бессилии простого человека.

Островскому не только чужда антидемократическая, тенденциозная трактовка событий и деятелей русской истории XVII столетия — он сознательно противопоставляет свою хронику литературно-театральной традиции поощрявшихся придворными кругами и Ди-

рекцией императорских театров апологетических помпезных спектаклей.

Торжественность, праздничность, эмоциональная приподнятость спектакля, который по замыслу Островского мог передать мысль его хроники «Козьма Захарьич Минин, Сухорук», должна была проистекать из значительности события, изображенного в ней, характерности и подлинности народных типов и поучительности для современного человека исторического опыта народа.

В исторических пьесах Островского народ, поставленный кризисной политической ситуацией перед необходимостью сделать выбор, принять решение и действовать в соответствии с этим решением, проявляет свою умственную самостоятельность, свои творческие силы. Подобная завязка предопределяла собой своеобразие драматического действия в его хрониках. Островский утверждал впоследствии, что в спектаклях на исторические темы главное внимание должно быть направлено на массовые сцены, что успех их зависит от умения представлять живущую и движущуюся толпу *(ПСС, XII, 282—283)*.

Убеждение, что главным героем исторической пьесы должен быть народ, воодушевленный и активно действующий, сложилось у Островского в 1860-х годах. В хронике Островского исторические события, движения народных масс естественно и органично вырастают из ежедневной, будничной жизни. Благодаря своему замечательному знанию прошлого страны и умению дать реальное изображение старинного быта, народных типов, найти конкретные проявления характеров людей XVII века, их образа мышления и стиля речи писатель добивался полной иллюзии живой реальности. От текста его пьес веет ароматом ушедших эпох, и, будучи поставлены на сцене, они передают все неповторимое своеобразие изображаемого быта, включая зрителя в круг интересов, переживаний, эмоций героев.

Конкретность исторической ситуации, изображенной в хронике «Козьма Захарьич Минин, Сухорук», состоит в том, что нижегородцы, живущие мирной жизнью отдаленного богатого торгового города, узнают из сообщений послов, «прибежавших» из Москвы, о страданиях московского населения, о «шатаниях» бояр, целующих крест польскому царевичу. Эти и другие тревожные вести волнуют нижегородцев и создают напряженную атмосферу, которая характеризует духовную жизнь населения внешне спокойного города летом 1611 года. Нижний Новгород — «ключ от Волги», и к нему начинают тянуться нити интриг, сопутствующих борьбе за власть и разложению московского боярства. Представители администрации, привыкшие смотреть на службу в отдаленных от Москвы местах как на «кормление», готовы торговать предательством, как прежде торговали своим служебным долгом, взымая с населения «посулы».

В тревожной обстановке политического кризиса резко меняется самочувствие рядовых людей, всей массы народа. Превращение покорных подданных в активных граждан и составляет главное содержание «Минина» Островского. Гражданская обязанность рядового человека, состоявшая, как ему внушали до того, в безоговорочном повиновении властям, сменяется необходимостью оценивать поведение, политическую ориентацию вышестоящих лиц и самостоятельно вырабатывать свое отношение к ним.

Основной конфликт, определяющий борьбу сил и личностей в Нижнем Новгороде, завязывается вне изображаемой среды, вдали от нее. Но целостность народной жизни, исторически сложившееся единство государства предопределяют неизбежность приобщения рядовых жителей провинциального города к трагическим испытаниям, которым подверглась Москва, а с нею и вся страна. Нравственное чувство, вовлекающее простого, рядового человека в общенациональное дело, и является толчком, способствующим началу действия хроники. Своеобразие организации действия в «Минине» и других исторических пьесах Островского определялось его открытиями в области бытовой драмы и комедии. Ведь во всех произведениях Островского жизнь человека, отдельной семьи, социальной группы, города неизменно выступала как проявление целостного быта русского общества. За частными судьбами людей, их горестями, страданиями стояли закономерности современного социального бытия.

В «Минине» общая политическая ситуация начала XVII века затрагивает частные интересы рядовых людей, хотя эта кровная связь отдельных судеб с магистральным потоком русской жизни не сразу осознается участниками событий.

Новизна хроники «Козьма Захарьич Минин, Сухорук» в творчестве Островского состояла в политическом характере ее конфликта, в том, что именно из политических, а не из социальных столкновений складывалось ее драматическое действие. Вместе с тем если в «бытовых» пьесах Островского развязка конфликта нередко осуществляется как случайность, благополучное разрешение одной, частной драматичной истории при трагедийности общего хода жизни, в хронике «Минин» оптимистическая, благополучная развязка глубоко трагического конфликта осуществляется не в частной жизни отдельного человека, а в исторической судьбе целого народа, и носит она не случайный, а строго закономерный характер. Полное имя Минина, поставленное в заглавии хроники, выражало почтительность, уважение к народному деятелю. Опираясь на научную литературу, на исследования П. И. Мельникова, разыскавшего в нижегородских архивах новые сведения о Минине и в том числе полное имя этого исторического лица, Островский как бы «восстанав-

ливает» в заглавии пьесы прозвание, которым наделили уважавшие Минина земляки, и присоединяется к их голосам.

Образ Минина в хронике дается в двух планах. Это и живой, реальный человек своего времени и эпический герой, воплощающий разум, здравый смысл и нравственные прозрения народа.

Горожанин XVII века, Минин вынужден, как и любой другой простой человек его времени, терпеть обиды, унижения, окрики. Островский показывает эту сторону жизни героя. Старый дьяк Семенов без обиняков заявляет Минину, что «всякий, кто постарше», то есть знатнее его по происхождению или выше по служебному положению, может запретить ему — мещанину — выражать свое мнение:

«Ведь ты еще не воевода! Скажут,
Чтоб говорил — так говори что хочешь;
А скажут: замолчи! — так замолчишь...»

На горячие призывы и просьбы Минина организовать помощь Москве нижегородские должностные лица отвечают грубым напоминанием о подчиненном положении «простого мужика» — земского старосты:

«Семенов.

Ты будь доволен,
Что слушали, молчать не заставляли.

Биркин.

Да из избы не выгнали тебя».

Минину приходится вступить в борьбу с администрацией города, не верящей в возможность освобождения Москвы или прямо предающей национальные интересы. Вместе с тем, органически связанный с народной массой, он является активным участником внутренних столкновений, споров, в которых народ Нижнего Новгорода приходит к важным политическим решениям. Он свой среди жителей Нижнего посада города, и от него ждут известий и советов. В начале Минин отвечает на обращенные к нему вопросы почти шутливо — он сам хочет узнать, что думает народ, каковы настроения его земляков. На вопрос прижимистого Лыткина о том, что делать в современной, тревожной обстановке, Минин отвечает:

«Надеяться на бога
Да денежку на черный день пасти!»

В этом ответе — и ирония по поводу забот Лыткина и намек на то, что смышленые нижегородцы должны думать не о спасении своих достатков, а об общем деле. Практический человек, трезвый, деловитый Минин понимает, что без денег невозможны организация ар-

мии и ее обеспечение. Вместе с тем он сознает, что материальные жертвы — первый практический шаг по пути национального освобождения, первое массовое действие, в котором выразится духовный подъем народа, готовность каждого гражданина поступиться своими личными, частными интересами ради интересов общих. За этим последует непосредственное участие нижегородцев в походе и боях за Москву.

Особенность образа народного героя Минина в хронике Островского состояла в том, что он был изображен и как простой человек, разделяющий будничные практические заботы толпы, и как политически мыслящий, прозорливый и энергичный деятель. Покорность, которую сторонники официальной политической концепции объявляли главной добродетелью народа, в хронике Островского вовсе не присуща Минину.

Мало того, утверждение, что народ должен безоговорочно подчиняться властям, Островский вкладывает в уста «скомпрометированных» в пьесе персонажей — взяточника-дьяка Семенова и предателя Биркина:

«На то мы. власти, чтобы нас боялись;
Мы черный люд, как стадо, бережем,
Как стадо, должен он повиноваться»,—

заявляют они.

Биркин пытается расправиться с Мининым, выдвинув против него обвинения:

«. . .он мятежник,—
С народом шепчет, а властей ругает...».

Семенов, признаваясь: «Уж мы с Кузьмой не первый год воюем», жалуется на «дурной нрав» Минина, который «боек на язык, упрям и дерзок, в дела мешается».

В тяжелое для страны время носители власти, подобные Семенову и Биркину, оказываются не способными возглавить народ. Они привыкли подавлять его инициативу и извлекать личные выгоды из своего положения. Поэтому они боятся активности народа и делаются антиподами Минина, который в момент исторической необходимости становится организатором «мирского дела». Его качества политического деятеля, которые администраторами Нижнего Новгорода расцениваются как крамола или строптивость, обеспечивают ему уважение и доверие сограждан и авторитет и известность за пределами родного города. Минин намечает план действий, а затем начинает готовить общественное мнение, добиваясь поддержки своего плана всем населением города.

В этот момент из расчетливого и трезвого политика он превращается в энтузиаста и оратора:

«Готов один поднять всю Русь на плечи,
Готов орлом лететь на супостата,
Забрать под крылья угнетенных братий
И грудью в бой кровавый и последний.
Час близок! Смерть злодеям! Трепещите!»

Подобные монологи героя, близкие по своему стилю к политической лирике 1860-х годов, звучали актуально, соответствовали настроениям демократического читателя и зрителя эпохи падения крепостного права.

Характерно, что в уста деятеля начала XVII века Островский вложил утверждение, что от «неустройства земли» более всего страдает «черный люд». На попытку лишить его права открыто защищать свою точку зрения Минин в хронике Островского отвечает патетическим прославлением свободного слова:

«Не замолчу. На то мне дан язык,
Чтоб говорить. И говорить я буду
По улицам, на площади, в избе,
И пробуждать, как колокол воскресный,
Уснувшие сердца.»

Этот монолог, в особенности уподобление голоса защитника интересов народа и социальной справедливости колоколу, не мог не ассоциироваться в сознании читателя начала 60-х годов с мыслью о «Колоколе» Герцена и эпиграфе этого журнала «vivos voco!» (бужу живых). Другой монолог Минина о страданиях русского народа, о трагедии его векового угнетения и о выражении этой трагедии в песне (д. II, сц. 1, явл. 3) по образной системе, стилю и по своим идеям явно перекликался со стихотворением Н. А. Некрасова «У парадного подъезда». Современники заметили это сходство. Известный своей язвительностью поэт Н. Ф. Щербина упрекнул Островского в нарушении принципа историзма, в современном звучании речей Минина. По мнению Щербины, Минин у Островского «кажет себя человеком, начитавшимся современного нам поэта Н. А. Некрасова» *(БДЧ, 1862, № 6)*.

Однако пафос хроники Островского, созвучный настроениям зрителей и отражавший гражданские чувства самого автора, не вступал в противоречие с историческими чертами изображаемого героя. Прав был другой критик — П. В. Анненков, утверждавший, что драматург «сохранил Минину его эпическую физиономию» *(«Рус. вест.», 1862, № 9)*.

Островский вкладывает поэтическое рассуждение о судьбах народа, о народном страдании, выраженном в песне, в уста исторического героя. Минин, охваченный заботами своего бурного времени, проникнут настроениями национального подъема. Человек XVII века, он верит в божественное провидение, в помощь высших сил. Вместе с тем он не сомневается в поддержке народом патриотического дела. Островский, специально занимавшийся изучением быта, этнографии и языка Поволжья, расцветил картину, предстающую в монологе Минина, фигурами народной среды. Рядом со стонущим в лямке бурлаком у него стоят сметливые и ловкие судостроители — балахнинцы, волжские рыбаки, девушка, идущая по воду в ярком национальном костюме.

Некрасов поэтически осмысляет социальную проблематику современной народной жизни, Островский размышляет о проблемах национальной истории. На этом пути «встреча» писателей была закономерна. Подтекстом монолога Минина являлись «не известные» в первом действии хроники герою, но известные читателю исторические факты: победа патриотического ополчения и вместе с тем закрепощение крестьянства в начале XVII века. Поэтическое сближение завоевания и закрепощения было присуще творческому сознанию Островского. Недаром в пьесе «Воевода», действие которой происходит также в XVII веке, Островский уподобил крепостное право татарскому завоеванию России.

Двойственность положения народа в начале XVII века — патриотический подъем и начало закрепощения крестьян — нашла свое отражение в хронике «Минин».

Историческая обстановка Смутного времени, избрание царей, смена правителей способствовали тому, что цари, а затем и все руководители земского и ратного дела стали подвергаться суду простых людей, составлявших мнение о них по их делам. Критическое положение страны требовало активности, инициативы от простых, рядовых людей, но вместе с тем народ подвергался гнету, был разорен и бесправен.

Островский дает понять, что известная свобода жизни торгового Нижнего Новгорода могла способствовать формированию деятеля из народа и что служению патриотическому делу предшествовал опыт, который Минин накопил, исполняя выборные должности:

«Я к делу земскому рожден. Я вырос
На площади, между народных сходок.
Я рано плакал о народном горе,
И, не по летам, тяжесть земской службы
Я на плечах носил своей охотой.

Соблазну власти я не поддавался;
И, как наседка бережет цыплят,
Так я берег от властных и богатых
Молодшую, обидимую братью»,—

говорит о себе герой хроники.

Цензор И. Нордстрем отмечал, что содержанием пьесы Островского является «восстание нижегородцев для очищения Русской земли от внешнего врага», и, мотивируя одобрение этого произведения, специально оговаривался, что «неизбежный в этой драматической хронике демократический элемент уступает религиозным мотивам и покрывается высокою целью этого народного движения» (цит. по ст.: *А. И. Ревякин, А. Н. Островский и цензура.— «Ученые записки Московского городского педагогического института им. В. П. Потемкина», 1955, т. 48, вып. 5, стр. 289)*.

Непосредственное и сочувственное изображение народного восстания на сцене, по мнению цензора, «искупается» патриотической целью движения, после победы которого на престол взошел Михаил Романов. Однако Островский не дает подобной трактовки в своей пьесе. Его хроника не содержала ни апологии церкви, ни прославления царствующего дома. Смело нарушая литературную традицию изображения событий 1611—1612 годов, Островский вовсе не касался темы «избрания» царя.

Религиозность Минина и других героев хроники выступала как черта исторической эпохи, а не как выражение авторского идеала. Ф. Энгельс указывал, что все общественные движения феодальной эпохи, вплоть до Французской революции 1789 года, неизменно приобретали религиозную окраску. «И это объясняется не свойствами человеческого сердца и не религиозной потребностью человека ⟨. . .⟩ но всей предыдущей историей средних веков, знавших только одну форму идеологии: религию и теологию» *(К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 21, М., 1961, стр. 294)*. «Чувства масс вскормлены были исключительно религиозной пищей; поэтому, чтобы вызвать бурное движение, необходимо было собственные интересы этих масс представлять им в религиозной одежде» *(там же, стр. 314)*. Однако если изображение освободительной борьбы народа в хронике при всей его исторической достоверности было полно современного и увлекавшего зрителя смысла, то религиозные настроения героев воспринимались людьми второй половины XIX века как дань официозному или славянофильскому истолкованию характера русского народа.

Островский серьезно отнесся к подобной критике. Вынужденный в борьбе с цензурой и интригами театральной администрации переработать свою пьесу, чтобы добиться ее постановки на сцене, он учел некоторые возражения критики, в частности упреки в

преувеличении религиозных мотивов освободительного движения 1612 года. Монологи религиозного содержания подверглись сокращению.

Пьеса оканчивалась во второй редакции не выходом ополчения из города, а освобождением Москвы и возвращением нижегородцев после победы к родным очагам. Оригинальный замысел первой редакции пьесы показать драматизм принятия народом важного политического решения был не понят многими читателями, хроника казалась лишенной действия. При более традиционном сюжетном развитии во второй редакции хроники изображение успеха предпринятого нижегородцами похода на Москву «потеснило» картины внутренней борьбы в среде нижегородцев. Изменилась вся тональность произведения. Настроение тревоги и беззаветное стремление к подвигу в финале сменились торжеством и успокоением. Освобождение Москвы, а не преодоление робости, политической инертности граждан и своекорыстия должностных лиц в новом варианте хроники явилось апофеозом Минина, иначе разрешалась при новом окончании пьесы и судьба некоторых персонажей. Патриоты, совершив свой подвиг, возвращались к мирной жизни и скрывались в толпе рядовых жителей города. Такое завершение пьесы дополняло характеристику Минина и его сподвижников важной исторически достоверной чертой.

М. Горький писал о типичности образа героя рассказа В. Г. Короленко «Река играет»: «Я же верю в национальность характера и считаю, например, Тюлина у Короленко выражением национального русского характера. Тюлин на Ветлуге — это тот же Минин в истории. Явился, сделал подвиг и — исчез, пропал, уснул» *(М. Горький, Собрание сочинений в 30-ти томах, т. 28, М., Гослитиздат, 1954, стр. 100—101)*.

Героиня хроники Марфа Борисовна во второй редакции выходит замуж за любимого человека, а не удаляется в монастырь. Это сюжетное изменение, так же как переработка некоторых монологов Минина, ослабляло религиозный элемент пьесы, что вполне соответствовало ее новому финалу. «Право» на подобные изменения давали драматургу и некоторые источники XVII века, которыми он пользовался. В XVII веке религиозное мировоззрение теряло свой строго аскетический, отвлеченный характер, все более проникаясь «мирскими» элементами, растворяясь в живых, практических, бытовых понятиях.

В образе Марфы Борисовны Островский сочетает вдумчивое проникновение в душевный мир человека отдаленной эпохи с постановкой современных вопросов. Характер Марфы Борисовны — нежной и любящей женщины, для которой счастье других дороже собственного благополучия, гордой и кроткой, самоотверженной

и жизнелюбивой, возвышенной и мечтательной, был близок к психологическому складу многих героинь Островского в пьесах, написанных как до «Минина» («Гроза»), так и после («На бойком месте», «Горячее сердце», «Последняя жертва»). Столкновение подобного характера с затхлой средой, попытка его противопоставить созидательные, светлые устремления и гуманные чувства миру самодурства и угнетения составляют одну из основных коллизий драматургии Островского.

В хронике «Козьма Захарьич Минин, Сухорук» женщина «горячего сердца» живет и действует в обстановке бурлящего, взволнованного города, ее протест направлен не против семейной тирании и несправедливости, а против угнетателей родной земли; свою доброту и самоотверженность она отдает отчизне и борцам за ее независимость. В ее доме собираются вожди «мирского дела». Таким образом, именно в исторической драматургии Островский получил возможность показать проявление сильного женского характера, выходящее за пределы семейных отношений.

Рисуя образ Марфы Борисовны, Островский стремился к тому, чтобы героиня его не только была исторически правдоподобной, но и воспринималась как типичная выразительница изображаемой эпохи. Характер Марфы Борисовны, ее религиозность и самая форма этой религиозности имеют своим источником образ Юлианы Муромской (Ульянии Осорьиной) в замечательной житийной повести XVII века *(см.: Н. П. Кашин, Этюды об Островском, т. 1, М., 1912, стр. 176—178)*.

Героиня повести об Ульянии Осорьиной — обыкновенный человек с его добротой, трудолюбием, самоотвержением. Не суровый аскетизм, истощение плоти, посты и молитвы, а гуманизм, честная трудовая жизнь «в миру», любовь к домашним, помощь бедным изображаются в повести как проявление ее «святости» *(см.: Д. С. Лихачев, Человек в литературе Древней Руси, Л., «Наука», 1970, стр. 105—106)*. Характер образа Ульянии Островский сохранил в Марфе Борисовне, передав и специфическую для феодальной эпохи религиозную форму этических исканий и особый характер религиозности XVII века.

Широкая разработка темы народных движений в исторических хрониках Островского способствовала дальнейшему развитию фольклорных мотивов в его драматургии. Сочетание исторического сюжета, лиц и эпизодов подлинно исторических с народно-поэтическими образами, стремление передать лирическое отношение народа к переживаемым им событиям обусловили своеобразие хроник Островского, которые могут быть определены как драматические баллады или драматизованные исторические песни. Эпическая тема скорби, борьбы и величия родной страны решалась в пьесах Островского,

в частности в хронике «Козьма Захарьич Минин, Сухорук», в массовых сценах, рисующих деяния народа, и в лирических излияниях центральных героев — цельных и сильных натур, устами которых народная толпа как бы выражала свои думы, сомнения и мечты.

Эти мотивы с особенной силой зазвучали в исторической стихотворной комедии «Воевода», которой был придан подзаголовок «Сон на Волге». В ней народно-поэтическая стихия, юмор, лирическое ощущение красоты и величия русской природы сплелись с социальной и исторической проблематикой, а реальное изображение типов народной среды и коллизий общественной жизни обрело свое выражение в зрелище, выдержанном в фольклорно-игровом стиле.

Как и в «Минине», в «Воеводе» люди XVII века, собирающиеся на улицах и площадях волжского города, горячо обсуждают положение дел, высказывают свои мысли и сомнения, ищут средств к улучшению общего положения народа. Но в «Воеводе» герои не связаны участием в общенациональном деле, они погружены в обычные для того времени заботы и дела.

Уже в «Минине» Островский рисовал безысходность положения волжского населения, вынуждающую крестьян и горожан сниматься с привычных мест, вооружаться чем попало и «бить волков» под предводительством своих «воевод», вроде Григория Лапши и Ивана Кувшинникова. Этими восставшими волжанами Минин пополняет части своего ополчения. В «Воеводе» тема борьбы народа с его «обидчиками» становится главной. Здесь закрепощение крестьян, социальный гнет и сопротивление народа выступают как суть отношений, царящих в обществе. Жизнь волжского города раскрывается как ежедневная война между народом и воеводой.

Такое изображение жизни России отдаленной эпохи остросовременно звучало в 60-х годах XIX века. Островский показывал глубокие исторические корни таких явлений, как крепостное право и бюрократический произвол, но вместе с тем утверждал значение национальных традиций в борьбе против этих форм социального зла.

В колыбельной песне крестьянки — прекрасной стилизации народной песни — выражалась мысль об ответственности царя за страдания народа, отданного на произвол и ограбление. Финальные слова этой песни в общем ее контексте воспринимались не как намек на «милость» царя-освободителя, а как горькая ирония:

«Нас бог забыл, царь не милует,
Люди бросили, людям отдали.
Нам во людях жить, на людей служить,

На людей людям приноравливать...
...Ты спи-усни, крестьянской сын!
Ты спи, поколь изживем беду,
Изживем беду, пронесет грозу,
Пронесет грозу, горе минется,
Поколь бог простит, царь сжалится».

Мыслью о многовековой кабале, в которой томится народ, пронизан конец пьесы, рисующий, как на смену одному насильнику и грабителю — воеводе — присылают другого. Народный «хор» разъясняет смысл этого события:

«Старые посадские.
Ну, старый плох, каков-то новый будет.
Молодые посадские.
Да, надо быть, такой же, коль не хуже».

Однако этот же финал знаменует не только начало новых насилий власти над населением, но хотя и неполную, но все же временную победу горожан, добившихся падения своего притеснителя, свидетельство силы «мира», его сопротивления угнетению.

XVII век изображен в комедии не только как время закабаления народа, но и как век упорной борьбы, беззаветной удали, героических проявлений сильных народных характеров. Балладная легендарно-героическая стихия сильна в пьесе. Образ Волги в «Воеводе» неотделим от живых фигур представителей волжской вольницы, удальцов, веселых и изобретательных в развлечениях и шутках, дерзких и находчивых в борьбе с воеводой, его приспешниками и всеми, кто разоряет и угнетает народ. Волжская вольница рисуется здесь не только в традициях легендарно-фольклорного ее изображения, но в соответствии с историческими источниками. Вообще в «Воеводе» Островскому удалось сочетать верность духу и стилю народной поэзии с историческим правдоподобием. В пьесе разбросаны намеки на разинское восстание, на массовое движение крестьян и казаков против закрепощения и беззаконий властей. Таким образом, частные, казалось бы, случаи противодействия насилию воеводы, показанные драматургом, выступают как звено большой цепи народного движения.

Островский раскрывает социальные причины возникновения бродяжничества и народных волнений. Невыносимые условия жизни, вопиющие притеснения вынуждают крестьян и посадских бросать свои хозяйства и присоединяться к беглому люду. В пьесе показано, что народ резко отделяет бунтарей от разбойников, промышляющих грабежами. Это соответствовало историческим материалам, известным Островскому. Уже в первом явлении пролога пьесы вы-

ясняется, что воевода покрывает подлинных разбойников, «татей и убойцев», беря с них «поминки», вследствие чего

«По селам, по деревням
Разбойники и днем и ночью грабят,
По пустошам становятся стана́ми...».

Вместе с тем воевода и его подьячие жестоко преследуют всех, кто сопротивляется их произволу. Представители власти заключают своеобразный союз с преступниками против населения:

«Воров берет из тюрем, научает
Поклепом нас, посадских, обносить».

Посадский Роман Дубровин, преследуемый за свое свободолюбие и непокорность, уважаем простыми людьми, готовыми спасать его, рискуя своим благополучием. Молва, рассказывающая о его подвигах и прославившая его под именем Худояра, видит в нем не разбойника, а «удалого молодца».

Островский характеризует своего героя чертами, близкими к тем, которыми рисовал народ в своих песнях Степана Разина. Роман Дубровин бесстрашен, верен товарищам, наделен «вещим» даром предвидеть будущее, не терпит подлости и несправедливости.

Сталкивая Дубровина с Пустынником, который предпочел борьбе с насилием и беззакониями пассивный протест, уход из общества, Островский раскрывает помыслы своего героя. Дубровин движим не только личной местью, как могло бы показаться в начале пьесы, но и ненавистью к угнетению и несправедливости вообще.

Явными отголосками «разинского» фольклора в пьесе является напоминающая легенду о Степане Разине и персидской княжне реплика Щербака, обращенная к атаману Дубровину:

«Да что за дело у тебя? не баба ль?
Так лучше брось. Кто с ними поведется,
Сам бабой будет.»—

и некая таинственная связь, существующая между Дубровиным и волхвом Мизгирем, и находчивость в ответах, изобретательность и дерзость в налетах, и мудрая близость к природе. Поэтическая тональность образа Дубровина возникает из органического слияния балладной, легендарной стихии и мягкого лиризма, полного грусти и силы. Это сближает лирический образ Дубровина с Мининым в первой хронике Островского.

В литературе об Островском уже неоднократно отмечалось, сколь широко и многообразно использованы народные песни в «Воеводе». (См.: *Г. Синюхаев, Островский и народная песня.*—

«Известия отделения русского языка и словесности Российской академии наук», 1924, т. 28, стр. 38; В. И. Чернышев, Русская песня у Островского.— «Известия по русскому языку и словесности», 1929, т. 2, кн. 1, стр. 296; А. И. Орлов, А. Н. Островский и фольклор Ивановской области, Иваново, 1948, стр. 8, 9, 17; А. Ф. Луконин, Песня, ее источники и значение в творчестве А. Н. Островского.— «Ученые записки Куйбышевского педагогического института», 1958, вып. 19, стр. 163—170; М. Уманская, Русская историческая драматургия 60-х годов XIX века, Вольск, 1958, стр. 204 и след.) Однако сюжет «Воеводы» в основе своей связан не только с песенной, но и с народно-игровой традицией.

В статье «Скоморохи на Руси», опубликованной в 1868 году, некто М. М-н, передавая содержание скоморошьих игрищ XVII века, между прочими сценами сообщал о следующей: «Скоморох, игравший роль воеводы, наряжался в высокую черную шапку из дубовой коры (что напоминало знатного боярина в горлатной шапке); садился на колоду, подбочинивался и распускал губы. Двое других униженно ему кланялись, поднося в лукошке кучу песку и щебня (поминки) с лежащим поверх свертком из лапушника (челобитная). Воевода начинал их бранить. Из ряда скоморохов выскакивали двое других, садились воеводе на плечи и начинали его тузить, приговаривая: «Ой, боярин, ой, воевода! Любо тебе было поминки брать, да людей безвинно обижать!.. Ну-ка, брат, вези нас на расправу с самим собой» *(«Иллюстрированная газета», 1868, 18 января)*.

Островский ввел в пьесу народное представление («Лодка»), которое было им подвергнуто весьма незначительной обработке и тем не менее слилось с бытовым фоном и действием произведения, органически вошло в его художественную ткань.

Народно-игровые элементы пронизывают комедию. Скоморошество как историческое явление непосредственно присутствует в пьесе. Скоморохи в изображении Островского — беспокойный элемент общества. Они раскрывают злоупотребления и готовы «сыграть штуку» с самим воеводой. Поэтому власти и церковь преследуют скоморохов, ненавидят и опасаются их. Например, молодому Бастрюкову ставится в равной мере в вину неподчинение приказу, укрывательство бунтаря Дубровина и покровительство скоморохам.

Скоморошество как историческая форма проявления стихии народного художественного творчества дает себя знать в речах героев, в веселых, смелых затеях, которыми изобилует пьеса, и в острословии, которым расцвечены «полифонические» «хоры» посадских, возникающие из острых, едких реплик. Сговариваясь с Бастрюковым совместно бороться против воеводы, Дубровин намекает в духе фольклорно-игровой традиции на необходимость посовето-

ваться с глазу на глаз: «Повыстудить бы избу. Лишних за дверь». Это широко распространенное в фольклоре выражение близко к словам песни, с которыми обращались народные исполнители, игравшие пьесу «Лодка», к хозяину, в доме которого они собирались расположиться:

«У тебя в дому, хозяин,
Нет ли лишнего бревна?
Если лишнее бревно,
Давай вырубим его»

(*«Русская народная драма», М., «Искусство», 1953, стр. 143).*

Слуги Бастрюкова и скоморохи выдают себя за рыбаков; разбойники притворяются слепыми, переодеваются в крестьян; крестьянин, подосланный разбойниками, разыгрывает перед воеводой целую сцену и под видом жалобы направляет стражу на ложный след; Олена, чтобы получить доступ к Марье Власьевне и сообщить ей новости о Бастрюкове, имитирует отчаяние из-за упущенной в воду фаты; Бастрюков приходит с ряжеными в дом Дюжого и называет себя купеческим сыном. В этом случае мистификация, как оказывается, вовсе не была необходимой. Марья Власьевна раскрывает обман, но отношение ее к Бастрюкову мало меняется. Да и Бастрюков ничуть не смущается, узнав, что его «инкогнито» раскрыто. Замечание рассердившейся было невесты: «И скоморохи-то твои все слуги, и сам ты скоморох» — он парирует в духе игривых песен о невесте (или жене) скомороха: «Тебе же лучше. Боярский сын,— тебе почету больше, со скоморохом веселее жить».

Фантастические сказочные элементы органически присущи пьесе Островского, передающей не только образ жизни, но и образ мыслей людей XVII века.

Тургенев, живо чувствовавший обаяние народных песен, в частности разбойничьих, на основе которых он создал балладу «Перед воеводой молча он стоит...», отмечал своеобразие и широту замысла «Воеводы». Тургенев особенно ценил поэтические достоинства этой пьесы и лирическую ее фантастику. «...Воевода» Островского меня привел в умиление,— признавался он.— Эдаким славным, вкусным, чистым русским языком никто не писал до него! 〈. . .〉 Какая местами пахучая, как наша русская роща летом, поэзия! Хоть бы в удивительной сцене «Домового». Ах, мастер, мастер этот бородач! Ему и книги в руки 〈. . .〉 Сильно он расшевелил во мне литературную жилу» (*Тургенев, Письма, V, 365).*

Островский специально размышлял над проблемой праздничного спектакля и работал над пьесами, предназначенными для исполнения в праздничные дни. В этих произведениях он стремился соединить реалистическую основу со сказочной фантастикой, серьез-

ное содержание с яркой театральностью. Такие пьесы должны были сопровождаться музыкой, пением и танцами.

Если в «Минине», как заметил П. В. Анненков, Островский пытался найти форму исторической хроники, близкой по духу народной благочестивой легенде, то в «Воеводе» он искал драматургического соответствия народной вольнолюбивой песне и фольклорному действу.

На глазах у зрителя популярные песни о Волге и волжской вольнице представали как поэтическая бытовая явь, а народная легенда о вещем, «заговоренном» разбойнике — защитнике угнетенных обретала черты реального происшествия. Легендарный Худояр идентифицировался с беглым посадским волжанином Дубровиным, мстящим воеводе за свои и чужие обиды. Совершив свое историческое дело — выразив народный протест против беззаконий и притеснений, Дубровин, подобно Минину после победы, скрывается в народной толпе, возвращается на родное пепелище и погружается в частную жизнь с ее будничными заботами. Впрочем, он сознает, что его обращение к мирной жизни, может быть, и временная передышка в борьбе против засилья неправды.

Широкое введение фантастического элемента в пьесу раздвигало рамки театрального зрелища. Традиционная замкнутость театрального пространства — комнаты-павильона — преодолевалась, открывался волжский простор. Песня, которая еще в первые посещения Островским волжских берегов была воспринята им как голос великой русской реки, звучала со сцены. В эпизоде сна воеводы — в четвертом действии пьесы — сосуществуют два театральных пространства, в которых одновременно действует один и тот же герой — Нечай Шалыгин. На переднем плане — изба, в которой спит воевода и в которой крестьянка поет над колыбелью внука о крепостной неволе, на заднем возникает то Московский Кремль, Постельное крыльцо дворца, откуда во все концы страны рассылаются «на кормление» воеводы — грабители народа, то Волга со стругами удальцов.

Зримо, в театрально-пространственной форме воплощается легенда о дерзкой удали, смекалке и неуловимости волжской вольницы, пользующейся поддержкой населения. В прологе пьесы горожане передают народную молву о бегстве схваченного властями Худояра, который начертил ладью, плеснул воды «да в Волгу и уехал». В четвертом действии участие Дубровина и Степана Бастрюкова с товарищами в народной игре — «Лодке», к удивлению воеводы, чудесно оборачивается выездом ладей Дубровина в Волгу и их набегом на подворье Шалыгина.

Традиционные народные игры и действа, вкрапленные в пьесу «Воевода», выражают дорогую писателю мысль об исконной театральной одаренности русского народа (идея эта впоследствии ста-

ла центральной в его «Комике XVII столетия»). Вместе с тем они передают особую атмосферу веселья, изобретательной смелости, духовной независимости, присущей вольнолюбивой среде молодых волжан. Стиль народного действа Островский сознательно использовал как арсенал художественных средств в своей пьесе.

Комедия «Воевода» представляет собой крупное достижение Островского на пути создания пьес для праздничного народного спектакля — глубоких по содержанию, ярких и «обстановочных» по форме, в которых бытовая комедия и историческая драма соединялись со сказкой, легендой и народным действом.

Л. Лотман

КОЗЬМА ЗАХАРЬИЧ МИНИН, СУХОРУК

Впервые опубликовано в журнале «Современник», 1862, № 1, стр. 5—130.

Вторая редакция при жизни автора не печаталась. Впервые опубликована: Полн. собр. соч. в 12-ти томах, Спб., изд-во «Просвещение», т. IV.

Рукописные источники первой редакции:

Черновой автограф *(ЧА)*. Многослойная черновая рукопись, отражающая различные стадии работы над пьесой: так, первое действие, вчерне законченное, тут же переписывается вновь. Перед вторым явлением первого действия Островский пометил: «Губанин и Темкин. Подладить и потом (Проза)». Меняются имена персонажей, записываются отдельные реплики и отрывки текста *(ГБЛ)*.

Беловой автограф *(БА)*. В левом верхнем углу первого листа дата: «15 октября 1861». На последнем листе автографа дата окончания работы: «Москва 9 декабря 1861 г.». И подпись: «А. Островский» *(ГБЛ)*.

Театральная писарская копия *(ТПК)*, отосланная в театральную цензуру, неавторизованная. На титульном листе помечено: «13 июля 1863 г. № 472. По журналу Театрально-литературного комитета 13 июля 1863, одобрено к представлению. За председателя комитета, А. Краевский». Одобрение Театрально-литературного комитета оказалось преждевременным: в октябре 1863 г. постановка «Минина» в первой редакции была запрещена начальником III отделения Потаповым. Текст *ТПК* совпадает с текстом «Современника» *(ЛГТБ)*.

Цензурная писарская копия *(ЦПК)*, представлявшаяся на VI Уваровский конкурс. На титульном листе цензурная помета: «Печатать дозволяется с тем, чтобы по отпечатании было представлено в цензурный комитет узаконенное число экземпляров. Санкт-Петербург. Декабря 30 дня 1861 года. Цензор В. Бекетов» *(Архив АН СССР, Ленинград)*.

Печатается по тексту журнала «Современник» со следующими основными исправлениями:

Стр. 9, строка 41
Восстановлена строка: «Михайло Салтыков да вор Андронов» (по *ЧА*, *БА*, *ТПК*, *ЦПК*).

Стр. 12, строка 20
«Лыткину» *вместо* «Губанину» (по *ЧА*, *БА*, *АТК*, *ТПК*, *ЦПК*).

Стр. 16, строка 8
«поидешь» *вместо* «пойдешь» (по *БА*, *ТПК*, *ЦПК*).

Стр. 18, строка 15
«подвалом» *вместо* «подвохом» (по *ЧА*, *БА*, *АТК*, *ТПК*).

Стр. 19, строка 34
«Новогородским» *вместо* «Новгородским» (по *ЧА*, *БА*, *ЦПК*).

Стр. 22, строка 23
«всходят» *вместо* «входят» (по *БА*, *ТПК*).

Стр. 61, строка 12
Восстановлена ремарка: «(Задумывается)» (по *ЧА*).

Стр. 61, строка 41
«оступают» *вместо* «обступают» (по *ЧА*, *БА*, *ТПК*).

Стр. 70, строка 2
«Вон» *вместо* «Вот» (по *БА*).

Стр. 76, строки 32—33
Восстановлена ремарка: «(Подвигаются к собору)» (по *ЧА*).

Стр. 102, строка 19
Восстановлена строка:
«Раз кланялись, поклонитесь в другой!» (по *ЧА*, *БА*, *ЦПК*).

Рукописные источники второй редакции:

Цензурная писарская копия *(ЦПК)*. На титульном листе вверху помечено: «3 окт. 1866. По реестру Н. Р. Ч. от 29 октября 1866 г. за № 1694. По журналу Т. Л. Комитета 29 октября 1866, и одобрено к представлению. Председатель комитета П. Юркевич». После заглавия пьесы резолюция цензора: «К представлению дозволено. С. Петербург октября 1866. Цензор драматических сочинений действ. ст. сов. П. Фридберг». (Повторено в конце пьесы.) Внизу заглавного листа цензорская помета красными чернилами: «с искл⟨ючениями⟩». Теми же чернилами во второй сцене третьего действия вычеркнута часть диалога Минина и Воеводы. На титульном же листе две пометы рукою Островского: 1-я — вверху: «Для Петербурга», 2-я — в конце заглавия пьесы: «Соч. А. Н. Островского». В копии нет деления действий и сцен по явлениям *(ЛГТБ)*.

Режиссерский экземпляр *(ЛГТБ)*. Текст его не отличается от *ЦПК*, но содержит разделения на акты и явления. Для установления текста пьесы использован быть не может, но для режиссера представляет определенный интерес: кроме самых различных рабочих помет в конце текста содержатся планы сценического оформления всех пяти действий пьесы.

Авторизованная писарская копия *(АПК)*. Режиссерский экземпляр пьесы с пометой: «С цензурованным экземпляром верно. 1 дек. 1866. Спб. Режиссер Воронов»; рукою Островского внесены поправки, снимающие ошибки переписчика *(ММТ)*. Суфлерский экземпляр не отличается от режиссерского.

Печатается (в «Вариантах») по *ЦПК* с устранением явных описок и с разделением на акты и явления по режиссерскому экземпляру.

Т. Орнатская

Еще в студенческие годы, в начале 40-х гг., Островский проникся интересом к историческому прошлому. Во время посещения Нижнего Новгорода в 1845 г. он записывает в своем дневнике: «Монумент Минину в жалком состоянии» *(ПСС, XIII, 177)*. Мысль о том, что память Минина должна быть увековечена в искусстве, в течение многих лет не покидала драматурга. Добиваясь постанов-

ки своей хроники, драматург писал в 1866 г. актеру В. В. Самойлову: «Мы поставим настоящий памятник Минину, гораздо лучше того, который торчит верстой среди крапивы» *(ПСС, XIV, 141)*. В 1855 г. Островский работал уже над пьесой о Минине, изучая многочисленные исторические документы и труды, делая выписки и наброски. Участие писателя в этнографической экспедиции Морского министерства в 1856 г. прервало работу над пьесой, обогатило писателя наблюдениями над бытом, языком и фольклором Поволжья и способствовало расширению его замысла.

Островский думал ознаменовать переход в число «исключительных участников» «Современника» помещением в нем крупной, значительной пьесы — «Минин». Однако работа над ней затянулась. Хроника была закончена лишь 9 декабря 1861 г., о чем свидетельствует помета в конце *БА*.

Упорная работа драматурга над «Мининым» нашла свое отражение в черновой рукописи пьесы. Драматург не сразу определил характеры своих героев и выбрал им имена. Лыткин, Темкин и Губанин в списке действующих лиц сначала звались уменьшительными именами: Павлик, Вася, Сема; Марфа Борисовна — Марфой Романовной. Поспелов, боярский сын, сначала значился как «князь Алексей Михайлович». Затем ему была дана фамилия Пригожев, замененная позже фамилией Поспелов, вместо звания «князь» он «получил» другое — «боярский сын». Очевидно, такое звание автор счел более подходящим для героя, о котором нижегородские обыватели могли сказать: «Вот душа-человек, Нужды нет, что из боярских детей, а много проще нашего брата будет». В списке действующих лиц значился также «Ивашко Худопёр, крестьянин Шереметьева», замененный Павликом, писарем Биркина.

В *ЧА* некоторым героям дается характеристика в более или менее распространенных ремарках. Так, около имени Губанина в первой сцене третьего действия (явл. 6) стояла ремарка «спорщик», а имя Романа Пахомова во второй сцене того же действия (явл. 2) сопровождалось обстоятельной характеристикой в ремарке внизу страницы: «Держит себя прямо, говорит ровным однотонным голосом, в лице постоянно одно выражение, но не угрюмое и бесстрастное, а то твердое, какое бывает у людей, закаленных в опасностях».

Эти пояснения исчезли из текста *БА*. Они стали излишними, когда характеры персонажей хроники выявились через их участие в действии.

Островский стремился усилить драматизм в изображении событий. Поэтическая картина грусти всего народа о разорении земли и его единодушного патриотического подъема, которая создавалась в *ЧА*, постепенно дополняется и обогащается новыми красками. В среде нижегородцев выявляются внутренние противоречия, борьба социальных интересов и политических симпатий становится важным конструктивным элементом пьесы.

Характерна в этом отношении эволюция образа Лыткина.

В процессе работы над пьесой Островский радикально переосмыслил характер Лыткина. В черновой редакции он выступал как один из патриотически настроенных нижегородцев. В первоначальном черновом тексте после реплики Аксенова: «За грехи за наши святой владыко муку принимает», не вошедшей в окончательный текст, Лыткин произносил слова, характеризующие его как человека, которого глубоко волнует судьба родины. Вместо: «Вот до чего дожить нам привелося ⟨. . .⟩ всё ли тихо?» — было:

«Вот до чего привел господь дожить,—
Изменники да ляхи государство
В конечную погибель привели».

В первом явлении первого действия сначала вообще не было важнейшего эпизода — разговора Аксенова с Лыткиным о замысле освободить Москву, затем на полях был вписан этот диалог, но в варианте, отличном от окончательного, Лыткин вызывает на откровенность Аксенова не из любопытства, а подлинно сочувствуя общему делу. «Ужель совсем оставили Москву?» — с горечью спрашивал он, и Аксенов проявляет к нему полное доверие, не опасаясь, как в окончательном тексте, что у него «язык некстати долог». В *ЧА* первоначально не было явления, ставшего в окончательном тексте пьесы вторым и содержащего шутки Темкина и Губанина над жадностью Лыткина.

Особенно упорно работал Островский над образом Минина. На протяжении всей работы над *ЧА* драматург постепенно освобождал образ Минина от черт пиетизма и экзальтации, все более придавая ему характер прозорливого государственного деятеля. Так, разговор Минина с Лыткиным, Аксеновым и другими нижегородцами носил иной характер, чем в окончательном тексте (см. д. I, явл. 6). Здесь Минин выступал подчас как слабый, колеблющийся мечтатель, которому мысль сограждан об ополчении кажется невыполнимой. На возглас человека из народа «Бить волков!» он отвечал:

«Легко сказать! А чем же бить? Где руки?
Где взять казны?»

На вопрос «Так как же быть?» Минин неопределенно отвечал:

«Я сам, друзья, не знаю.
Одно теперь: надеяться на бога
Да ждать со страхом и молитвой часу,
Когда, по божьему веленью, грянет
Небесный гром над вражьими полками».

Часть этой сцены вошла в сильно измененном виде в шестое явление первого действия окончательного текста. Здесь Минин впервые высказывает мысль о том, что освобождение Руси должно прийти с Волги. Другая часть разговора, приведенная выше, была перенесена в третье явление второй сцены второго действия. Здесь ему придан характер совещания будущих организаторов ополчения, а не беспорядочных выкриков толпы, «наставляющей на ум» растерявшегося Минина. Самые вопросы Минина здесь служат средством убеждения собеседников. Вопрос «Где взять казны?» в окончательном тексте Минин задает после целой серии вопросов чисто риторического характера. Показательно начало этой своеобразной беседы Минина: «Ну так начнем! Москва разорена?», «Так ей и оставаться?», «Москва нам корень, прочим городам?» и т. д. Монолог Минина, которым заканчивался в первом действии (явл. 6) его разговор с согражданами на улице Нижнего посада, совершенно изменил свой характер в окончательном тексте. Рассуждения о том, что надо дождаться «благоприятного часа» и «божьего благословения», были перенесены отчасти в третье явление второй сцены второго действия. Здесь в момент непосредственной организации ополчения они приобрели совсем другой смысл. Монолог Минина в третьем явлении первой сцены второго действия стоил Островскому большого труда. Он

неоднократно менял формулировки начала этого монолога, добиваясь наиболее точного выражения мысли о том, что борьба не может увенчаться успехом, если ее не возглавит опытный и преданный делу руководитель (см.: *М. Уманская, Русская историческая драматургия 60-х годов XIX века, Вольск, 1958, стр. 126*).

В этом направлении драматург продолжает работать вплоть до появления пьесы в журнале. Уже в корректуре в речь Минина дважды вводятся упоминания о трагических последствиях гибели Прокопа Ляпунова (д. I, явл. 6 и д. II, сц. 2, явл. 3).

Характерно и то, что в «Современнике» возникла отсутствовавшая в *ЧА* и *БА* фраза Минина, отражающая перелом в настроениях этого героя и всех нижегородцев: «Довольно слез, теперь нужна нам твердость!» (д. V, явл. 6). На первых стадиях работы драматург сосредоточил внимание на мотивах народной трагедии и сочувствия ей Минина. На полях *ЧА* он приписал слова о тяжелом положении народа, которые были затем им в измененном виде включены в монолог:

«Неволя тяжкая, труд непосильный,
Разгром войны, пожары деревень,
Жилье без кровель, ночи без ночлега».

Затем, усиливая тему борьбы среди нижегородцев, драматург нашел нужным подчеркнуть, что враги Минина связаны с кругами предателей и что масса народа не на их стороне. В связи с этим он сделал в тексте ряд исправлений. Так, оказались исключенными из монолога Биркина во втором явлении первой сцены третьего действия слова о том, что выход ополчения из Нижнего даст ему возможность захватить власть в округе:

«Тогда просторней и способней будет
За дело взяться. Привести к присяге
Царевичу весь город. Да казакам
Ворота городские распахнуть —
Сберутся мигом,— да мордву поднять,
Пройти по Волге вплоть до Ярославля;
Упрямых перевешать, остальных
Пригнать к присяге палкой, как баранов,
Потом послать к царевичу с повинной,
Чтоб нас пожаловал, вины́ нам отдал,
Что мы ему во всем прямить готовы
И над изменой промышляем крепко.
Такой послуге будет рад царевич:
Тогда и воеводой можно сесть
Здесь, в Нижнем, и попасть в бояре прямо,
Из стряпчих-то в бояре — хорошо».

Эту часть монолога, следовавшую после слов: «Пускай идут», писатель заменил признанием Биркина, что дела его в Нижнем безнадежны, что все против него. Коварство Биркина в окончательном тексте хроники выразилось не в разговорах и планах, а в демагогических попытках очернить Минина и пресечь его деятельность.

Работая над образом Марфы Борисовны, Островский стремился к тому, чтобы ярче подчеркнуть ее патриотизм и несколько приглушить первоначальную религиозную экзальтированность героини. Возможно, что именно поэтому в окончательный текст второго явления эпилога не вошли строки речи Поспелова о Марфе Борисовне:

«...Припомню все:
...Как по ночам глядел с горы кремлевской
Через овраг на твой высокий терем.
Бывало, воску ярого свеча,
Как звездочка, чуть брезжится в окошке,—
И знаю я, что на молитве строгой
Перед иконами ты молишься всю ночь».

Кроме того, эти строки противоречили в какой-то степени характеру Поспелова, склоняющего молодую вдову к земному счастью.

Песни и духовные стихи, введенные Островским в хронику, тщательно им обрабатывались. Создавая «О пустыне стих душеполезный» (д. II, сц. 2, явл. 1) на основе различных вариантов духовного стиха «Царевич Иосаф», собранных П. Бессоновым *(«Калики перехожие», вып. 1, М., 1861, стр. 205—234)*, драматург вместо слов: «Меня от грехов не спасут» — первоначально написал: «Взирать я на вас не хочу»; эта строка соответствует выражению одного из вариантов Бессонова: «Не хочу ж да я зрить на свое царство» *(там же, стр. 209)*. Вместо: «Не станут со мною на суд» — было: «Как птица в пустыню лечу». Образ летящих в пустыню птиц содержится во многих вариантах сборника Бессонова. В стихах об Иосафе-пустыннике есть мотив бегства от собственной юности, столь важный для характеристики Марфы Борисовны, которая задумала подвиг, подобный тому, который совершил царевич Иосаф. Она жертвует свою «казну золотую», покидает свои «каменны белы палаты», оставляет «верных слуг», расстается с любимым человеком. Очевидно, Островский учел все варианты Бессонова в своей стилизации этой песни. В различных вариантах ее он мог найти те или другие детали, например: «чертоги высокие» (ср. «каменные палаты» во многих вариантах народной песни), «ризы богатые» («цветное платье» у Бессонова, *стр. 219)*, разлука с любимым (у Бессонова — с княгиней молодой, *стр. 209*), мысль о тленности и суетности благ жизни («ино царствие мое временное, а царствие небесное вековое», *стр. 212);* некоторые варианты могли привлечь его особенно развитым поэтическим описанием природы или легким, гибким размером, как, например, вариант на стр. 229—230, к отдельным строкам которого весьма близка стилизация Островского:

«Любимая моя мати
Прекрасная пустыня,
Ты принимп мене, пустыня,
Яко мати свое чадо...»

Такие стихи о пустыне, как «Прими меня, мать-пустыня/От юности прелестныя» *(там же, стр. 214)*, или такое выражение отвращения царевича к его богатствам *(там же, стр. 223)*:

«Я на вороных ко́ней
Не могу на их зрети.
Словно лютые звери!» —

могли явиться поэтическим зерном песни «Юность, моя юность — молодое время», завершающей сцену. Текст этой песни был не сразу создан Островским. В черновом варианте пьесы он оставил для нее место.

Общей тенденцией в работе драматурга, продолжавшейся и при печатании пьесы в «Современнике», было сокращение и упразднение

ряда ремарок, указывавших на движения, жесты героев. Очевидно, в журнальном тексте, не рассчитанном на использование его при постановке пьесы на сцене, эти ремарки — указания актерам казались драматургу лишними. Для театра он создавал специальные «сценические» тексты пьесы, по писарским копиям.

Вскоре после опубликования хроники Островским новый министр просвещения А. В. Головнин, стремившийся прослыть либералом и расположить в свою пользу общественность, сделал попытку «обратить внимание» царя на патриотическое произведение Островского и добиться для писателя награды. Редакция «Современника», имевшая до того цензурные предупреждения и опасавшаяся новых преследований, была заинтересована в «высочайшем одобрении» произведения, напечатанного в журнале. Правительственное поощрение было важно и для драматурга, которому приходилось постоянно вести тяжелую борьбу с цензурой и Дирекцией императорских театров. С «представлением» Головнина вечно нуждавшийся Островский связывал и некоторые материальные надежды. Однако попытка Головнина завершилась пошлым, по мнению Островского, концом. Царь «пожаловал» писателю перстень, а пьеса его не была допущена на сцену. Начальник III Отделения А. Л. Потапов после «словесного объяснения» с министром двора гр. В. Ф. Адлербергом запретил пьесу. Причиной столь настороженного отношения высшей бюрократической администрации к хронике Островского является изображение в ней народного движения, самостоятельных, смелых действий простого, «черного люда», из массы своей выдвигающего вождя и ведущего борьбу со знатью и богачами, которым чужды общенародные интересы. Отказ в постановке пьесы был вызван также и тем, что содержание ее перекликалось с современными революционными событиями в Польше и Италии (восстание Гарибальди). (См. об этом: *И. Н. Кубиков, Заметки о драматической хронике Островского «Козьма Захарьич Минин, Сухорук».— Сб. «А. Н. Островский — драматург», М., «Советский писатель», 1946, стр. 172—173.)* Петербургские актеры убеждали драматурга, что здесь не обошлось без интриги со стороны дирекции театра, не желавшей ставить столь сложную по своей обстановке и режиссуре пьесу. Островский приехал 23 октября 1863 г. в Петербург, но добиться разрешения на постановку хроники не смог. Лишь в 1866 г. ему удалось провести ее в сильно переработанном виде на сцену. Подробно историю цензурных мытарств хроники см. в статье А. И. Ревякина «А. Н. Островский и цензура» *(«Ученые записки Московского городского педагогического института им. В. П. Потемкина», 1955, т. 48, вып. 5, стр. 283—297)*, а также в его книге «Искусство драматургии А. Н. Островского» *(М., «Просвещение», 1974, стр. 275—280)*.

Однако, переделывая пьесу под давлением цензуры, Островский в то же время поставил перед собой ряд новых творческих задач и создал, по сути дела, новый вариант произведения, не уступающий по своим художественным достоинствам первому. Он писал, заканчивая свою работу над второй редакцией: «Минин является совсем в новом виде, из него выйдет живая и сценичная пьеса» *(ПСС, XIV, 137)*. И следующим образом характеризовал суть изменения, которому подверглась хроника: «Эту пьесу,— писал сам Островский,— я совершенно переделал, сократил ее так, что остались только самые эффектные места, сверх того я прибавил две новые сцены: «битву под Москвой и возвращение в Нижний». В новом виде хроника обнимает всю деятельность Минина, и публика может видеть

на деле, как совершилось спасение Руси» *(ПСС, XIV, 140)*. Таким образом, не организация сил народа, сплочение его на борьбу, а освобождение Москвы стало сюжетом пьесы. Драматург сократил ряд явлений, рисующих перипетии борьбы Минина с равнодушием, инертностью и трусостью части горожан, эпизоды, демонстрирующие постепенное сплочение нижегородцев. Переделке подвергся и образ Марфы Борисовны. Писатель закончил пьесу не ее уходом в монастырь, как в первой редакции, а браком с Поспеловым. Этот финал лишал образ героини черт аскетизма, но не изменял его существа. Вместе с другими эпизодами Островский во второй редакции пьесы сократил часть своей стилизации песни о пустыне. Изменение сюжетной линии, определяющей судьбу Марфы Борисовны, диктовалось не только стремлением учесть замечания передовой критики и сделать пьесу сценичнее, но и пересмотром всего задания хроники. По чисто цензурным соображениям Островский изъял ряд мест, которые могли помешать проникновению хроники на сцену. Так, из знаменитого монолога Минина во втором действии (сц. 1, явл. 3) были исключены слова о страданиях народа и о том, что в разорении родной земли повинен не народ («Не за свои грехи, а за чужие... Народ несет, как будто ждет чего»). Писатель вынужден был отказаться от обличений предательской роли боярства, содержавшихся в речах Минина. Такие сокращения были произведены им, например, в третьем явлении второй сцены третьего действия в разговоре Минина с Воеводой. Однако, разрешая новую редакцию «Минина», цензура «вымарала» обличительные строки:

«Другой боярин-то, гляди, в Калуге
Боярство-то от вора получил...
Им хорошо везде. С царем повздорил,
Так в Тушино,— там чин дадут боярский...»

Из пятого действия хроники, ставшего четвертым во второй ее редакции, были исключены первые три явления (во втором и третьем явлениях содержались гневные речи Минина о богачах, которым «расстаться жаль с добром»). В пятом явлении этого действия автору пришлось отказаться от слов Минина, выражающих его демократизм:

«Соблазну власти я не поддавался;
И, как наседка бережет цыплят,
Так я берег от властных и богатых
Молодшую, обидимую братью».

Подробно о соотношении текстов двух редакций см.: Н. П. Кашин, К истории текста хроники А. Н. Островского «Козьма Захарьич Минин, Сухорук» *(«Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности академика А. С. Орлова», Л., Изд-во АН СССР, 1934, стр. 585—590)* и И. Н. Кубиков, Заметки о драматической хронике Островского «Козьма Захарьич Минин, Сухорук» *(сб. «А. Н. Островский — драматург», стр. 162—167)*.

При работе над хроникой Островский пользовался многочисленными историческими источниками. В *ПД* хранятся его выписки из них, послужившие подготовительным материалом к драме. В личной библиотеке Островского собраны разнообразные исторические публикации, монографии и статьи, испещренные пометками писателя и свидетельствующие о тщательной работе его над историческими материалами. О работе Островского над источниками хроники см.: Н. П. Кашин, Этюды об Островском, т. 1 *(М., 1912, стр. 153—*

184); М. Уманская, Русская историческая драматургия 60-х годов XIX века *(стр. 129—130)*; А. Н. Степанов, Островский и его библиотека (в кн.: *Библиотека Островского (Описание), Л., Изд-во АН СССР, 1963, стр. 9—11)*. В числе исторических источников, использованных драматургом при работе над текстом пьесы, были: *ААЭ*, т. 2; *АИ*, т. 2; «Летопись по Никону», т. 8, (*Спб., 1792)*; «Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича, изд. по списку кн. Оболенского» *(М., 1853)*; «Иное сказание о самозванцах» *(«Временник Московского общества истории и древностей», кн. 16, М., 1853)*; «Летопись о многих мятежах» *(Спб., 1771)*; И. Е. Забелин, Важный хронограф особого состава (Из собрания кн. М. А. Оболенского) *(«Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Н. Калачевым», кн. 1, М., 1850, отд. 6, стр. 32—42)*; «Памятники старинной русской литературы, изданные гр. Г. Кушелевым-Безбородко» *(Спб., 1860)*,— здесь были помещены «Повесть об Ульянии Муромской» *(вып. 1, стр. 61—67)* и «Притча о бражнике» *(вып. 2, стр. 475—478)*, давшие материал для построения образов Марфы Борисовны и Баима Колзакова. Писатель пользовался также работой П. И. Мельникова-Печерского «Нижний Новгород и нижегородцы в смутное время» *(«Отеч. зап.», 1843, № 7)*. Из исторических источников были почерпнуты как все основные события хроники, так и многие характеристики действующих лиц и сами их имена. В исторических документах фигурируют: Иван Биркин *(ААЭ, II, № 201* и *АИ, II, стр. 347)*, нижегородский посадский человек Петр Оксенов *(ААЭ, II, № 201)*, дьяк Василий Семенов *(там же, № 142* и *№ 194)*, «сын боярский Роман Пахомов да посадский человек Родион Мосеев» *(там же, № 176* и *№ 194)*, Васька Лыткин и Семейка Губанин *(там же, № 188)*, «писчик» Павлик *(АИ, II, стр. 234)* и стрелецкий сотник, бражник и гуляка Баим Калзаков *(ААЭ, II, № 142)*.

Из исторических источников Островский почерпнул многие эпизоды, рисующие ход формирования нижегородского ополчения. Так, например, источником для второго и третьего явлений второй сцены третьего действия, где изображен сход нижегородских старшин в воеводском доме, послужила Островскому статья П. И. Мельникова-Печерского. Рассказ о посольстве нижегородцев к Пожарскому и ответе его на предложение быть воеводой (д. V, явл. 3) основывается на подлинных исторических фактах, почерпнутых драматургом из нескольких источников (*«Новый летописец», «Летопись по Никону», «Летопись о многих мятежах»*, статья П. И. Мельникова-Печерского). В основе монолога Аксенова об удаче в организации ополчения (явл. 1 эпилога) лежит рассуждение составителя Никоновской летописи (*«Летопись по Никону», т. 8, стр. 176)* и т. д.

Л. Лотман

«Драма эта,— писал о «Минине» П. В. Анненков,—возбудила самые разноречивые толки» *(«Рус. вест.», 1862, № 9)*. Первым выразил свое одобрительное отношение к ней Н. А. Некрасов, внимательно следивший за работой Островского над хроникой. Самый факт напечатания «Минина» в «Современнике» несомненно выражал положительную оценку хроники радикальной частью русского общества. Еще до появления «Минина» в печати драматург выступил

с чтением пьесы. Характерно, что он познакомил с нею в первую очередь круг лиц, связанных с редактором «Современника» Некрасовым. 24 декабря 1861 г. Островский читал «Минина» у Некрасова. Некрасов содействовал и первому публичному чтению хроники драматургом. Оно состоялось в Петербурге 15 января 1862 г. в зале Бенардаки. Помещая на своих страницах «Минина», «Современник» хоть и в краткой форме, но достаточно определенно счел нужным выразить свое отношение к драме Островского в отзыве о публичных литературных чтениях: «Последнее чтение в пользу нуждающихся литераторов и ученых было особенно замечательно: г-н Островский прочел своего «Минина». Об этом замечательном произведении нам нечего говорить; читатель прочтет драматическую хронику г-на Островского в этой же книжке «Современника» (*«Совр.», 1862, № 1*). Таковы факты, свидетельствующие об одобрительной оценке «Минина» «Современником», о продолженной Некрасовым борьбы Добролюбова за Островского [1].

На выступление Островского с чтением «Минина» отозвался и журнал «Отечественные записки» *(1862, № 1)*. Автор анонимной статьи, отметив однообразие тона хроники, длиннноты, утверждал: «Картина показалась нам монотонною и по однообразию главного мотива всех движений — религиозного...» Все герои, по утверждению рецензента, «точно выпущены из монастыря». Не удовлетворил его и образ Минина, якобы расплывчатый и погруженный в «религиозные мечтания». Как несомненное достоинство драмы Островского рецензент «Отечественных записок» отметил ее язык: «Плавный, мягкий, звучный, не выписанный из летописей, но созданный под их влиянием, и под влиянием нынешнего народного языка, он составляет действительное приобретение». Автор этой статьи явно недооценил демократизм Островского, не увидел значительности того факта, что героем хроники стал народ. Не понял он и того, что драматург в своей исторической драме запечатлел особенности сознания людей феодальной эпохи, когда освободительные и патриотические движения народов носили религиозную окраску (об этом см. статью к тому, стр. 547).

Еще более далеким от понимания идейной направленности хроники Островского были статьи в газете «Северная пчела» и в журнале «Светоч». П. И. Мельников-Печерский утверждал, что «это не вполне удавшаяся драма» «по духу и направлению своему диаметрально противоположна духу и направлению «Современника» «и что «Минину» место рядом с «Рукою Всевышнего» г-на Кукольника». Не удовлетворила его пьеса и в художественном отношении: «Главнейший недостаток, который прямо бросается в глаза,— писал Мельников,— это отсутствие действия. В драме больше *рассказывают* о том, что делается за сценой, чем действуют. Неизбежное следствие этого то, что характеры действующих лиц обрисовываются больше речами других, чем из самого действия». Но все же он нашел, что «прекрасно обрисован характер Марфы Борисовны» (*«Сев. пчела», 1862, 10 марта*). «Северной пчеле» вторил критик «Светоча», который писал о редакции «Современника»: «Неужели

---

[1] См.: *М. Я. Блинчевская, «Козьма Захарьич Минин, Сухорук» и Некрасов (К истории первой публикации хроники).* — В кн.: *Наследие А. Н. Островского и советская культура, М., «Наука», 1974, стр. 160—172.*

она полагала, что эта пьеса не противоречит направлению журнала» (*«Светоч», 1862, № 3*).

Любопытная полемика по поводу «Минина» возникла на страницах журнала Ф. М. Достоевского «Время». Автор безымянной статьи о сочинениях К. С. Аксакова утверждал, что на события 1612 года Островский «взглянул ⟨. . .⟩ как истый славянофил», недооценив значения земской инициативы» (*1862, № 3*). С этой оценкой пьесы не согласился Ап. Григорьев. Он утверждал, что основной драматизм пьесы Островского строится именно на событиях подготовки ополчения в Нижнем и борьбы вокруг нее (*1862, № 7*).

С большой статьей о «Минине» выступил в «Библиотеке для чтения» (*1862, № 6*) поэт Н. Ф. Щербина (под псевдонимом Н. Омега), давнишний недоброжелатель Островского. К этому времени Щербина стал на позиции защиты принципа «чистого искусства», выступал как противник демократических и освободительных идей. Он повторил уже прозвучавшее в критике утверждение, что Островский выдвинул в «Минине» на первый план жизнь религиозную, в силу чего пьеса «*недостаточно верна* в историческом и народном отношении». Щербина упрекнул драматурга в излишнем увлечении летописями и другими историческими источниками. С его точки зрения, в пьесе этой «нет ничего собственно драматического ⟨. . .⟩ нет никаких пружин, обусловливающих драму; нет ни драматических *положений* и столкновений ⟨. . .⟩ ни развития характеров. . .». Совершенно искаженно был трактован Щербиной образ Минина, которого он назвал «педантическим официалом и клерикалом». С раздражением он писал, что монолог, где герой говорит о народной песне, является подражанием Некрасову. В сходстве, которое отметил Щербина, сказалась не зависимость Островского от некрасовской поэзии, на что намекал Щербина, а близость проблематики и некоторых стилистических особенностей исторической драматургии Островского и поэзии Некрасова, что также определяло некрасовскую оценку «Минина».

В том же 1862 году еще раз обратились к хронике Островского «Отечественные записки» (*1862, № 8*), поместившие в августовском номере большую статью В. К. Иванова. Не оценивший ни оригинального художественного замысла, ни эрудиции драматурга критик ошибочно заключил, что автор хроники «едва ли обращался к многостороннему изучению тогдашней эпохи, а ограничился только несколькими страницами «Истории России с древнейших времен, соч. Сергея Соловьева». В некоторых местах даже подлинный текст ее целиком перелагал в стихи». Столь же несправедливы и категоричны его суждения о художественных «просчетах» драматурга: «В пьесе нет ни типов, ни сцен, нет ничего, что представляло бы действительную борьбу — как необходимое условие драмы». Особенно не удовлетворял Иванова образ самого Минина. Он писал, что Островский «в основу действий его положил фанатическое верование в провидение», что «в этом очень неудачно сочиненном Минине представляется какой-то ритор, с широковещательною, но лишенною истинного чувства и силы речью». Резкость и категоричность суждений Иванова поставили редакцию журнала перед необходимостью ограничить свою ответственность за этот отзыв. Статья его была снабжена примечанием, в котором, в частности, говорилось: «...редакция находит нужным оговориться, что, соглашаясь во всем с г-ном Ивановым, она не разделяет его слишком строгого приговора относительно языка и стиха «драматической хроники».

Художественные достоинства поэтического языка хроники Островского были высоко оценены знатоками поэзии. И. С. Тургенев, очень много ожидавший от замысла Островского, был отчасти разочарован его исполнением. Но он неизменно подчеркивал поэтические красоты этой пьесы, критикуя драматические особенности хроники: «Минин» обманул мои ожидания,— писал он Н. В. Щербаню 26 февраля (10 марта) 1862 г.,— язык удивительный, но нет ни драмы, ни *живых* характеров. Самые лучшие — лирические места». Чуть позже, 2(14) марта, Тургенев писал Ф. М. Достоевскому: «Стихи удивительные, язык прекрасный — но где жизнь, разнообразие и движение *каждого* характера, где драма, где История наконец 〈. . .〉 Есть места чудесные — надо всем произведением веет чем-то чистым, русским, мягким — но этого мало... особенно от Островского этого мало» *(Тургенев, Письма, IV, 347—348)*.

Итог мнениям, высказанным о «Минине» в год его появления, подвела напечатанная в сентябрьском номере «Русского вестника» *(1862, № 9)* большая статья П. В. Анненкова «О «Минине» г-на Островского и его критиках». Констатируя вслед за Добролюбовым разноголосицу, существующую в суждениях о творчестве Островского, Анненков в своем объяснении этого явления и в характеристике особенностей пьесы, вызвавших споры критики, учитывал опыт Добролюбова. Разноречивость мнений о «Минине» Анненков объяснил различием в эстетических позициях критиков. «Спор о «Минине» г-на Островского,— писал Анненков,— в сущности был спор двух воззрений: одно из них ценит выше всего воспроизведение внутренней, духовной жизни эпохи, примиряясь с однообразием, тишиной и скромностью картины; другое, напротив, требует чтоб обнаружены были причины событий, ищет разнообразия личностей, и от их столкновения ждет главного интереса». В своей оценке «Минина» Анненков исходил прежде всего из того факта, что Островский «избрал предметом своего труда историческое явление, получившее в сознании народа характер, размеры и атрибуты «святого дела». По мысли Анненкова, изображая «событие, возведенное на эту степень народным представлением», искусство «обязано сохранить предание во всей его целости и воспроизвести его для народа в том же блеске, достоинстве и величии, в каком держит его сам народ». В силу этого писатель, «изображающий святыню народных воспоминаний»,— по утверждению Анненкова,— вынужден сохранять однообразие в выражении всех лиц, строить произведение на «единодушии общего настроения», а не на драматическом движении. «Драма становится раскрытием поэтической думы целой страны и выражает в одном мгновении всю ее нравственную жизнь...» — писал критик. К этому роду произведений отнес Анненков и «Минина». Он писал об Островском: «Оставив за Мининым и земским делом 1611 года все, что укреплено за ними преданием, приняв относительно к ним положение, в каком стоит к ним народ 〈. . .〉 автор оставил за собой замечательную *цельность* вдохновения, столь редкую в нашем искусстве. А это помогло ему сразу отыскать стройную речь, весьма выразительный и живописный стих, также точно как помогло выдержать произведение во всех его частях с одинаковой силой и теплотой убеждения». Анненков категорически отвел обвинение Островского в официозности, которое прозвучало в рецензиях «Северной пчелы» и «Светоча». Он одобрительно отозвался об образе Минина, которому Островский придал «эпическую физиономию, добавив ее только теми чертами, которые составляют ее же естественную

принадлежность». В статье указывалось также, что в «Минине» «народ является в разные моменты одним живым, действующим лицом, всегда верным себе, но выражающим себя тысячью голосов и мнений». Анненков отметил и некоторые недостатки в хронике: отсутствие теней, недостаточность противоборствующего элемента. Заканчивая свою статью, Анненков писал: «Новое произведение г-на Островского есть первый серьезный опыт русской *исторической* драмы после «Бориса Годунова» Пушкина».

Критические разборы его хроники не прошли мимо внимания Островского, о чем свидетельствует его письмо к Ап. Григорьеву, относящееся к концу 1862 г. Драматург не согласился с упреками в преувеличении роли религиозных мотивов: «Неуспех «Минина» я предвидел и не боялся этого: теперь озладело всеми *вечевое бешенство*, и в Минине хотят видеть демагога. Этого ничего не было, и лгать я не согласен. Подняло в то время Россию не земство, а боязнь костела, и Минин видел в земстве не цель, а средство. Он собирал деньги на великое дело, как собирают их на церковное строение» *(ПСС, XIV, 105)*. Островский стремился быть верным историческим фактам. Вместе с тем, учитывая восприятие религиозных мотивов современным ему зрителям, он притушил их во второй редакции пьесы.

В защиту «Минина» от нападок критики со своих неославянофильских позиций выступил в начале 1863 г. Аполлон Григорьев. Он одобрительно отозвался о статье Анненкова. Резко высмеял Григорьев Щербину: «Ему повидимому «смерть хочется» давно подорвать авторитет «гостинодворского Шекспира» *(«Якорь», 1863, № 2)*. «Минин» — народная, т. е. национальная драма»,— писал Григорьев. Герои ее — «живые личности ⟨. . .⟩ все эти личности говорят то, *что* они могли говорить и так, *как* они могли говорить...».

В полемических спорах 1860-х годов «Минин» фигурирует и в дальнейшем. В 1864 г. Д. И. Писарев в статье «Мотивы русской драмы» высказал отрицательное суждение о хронике, приравняв ее к «Руке всевышнего...» Кукольника *(«Рус. слово», 1864, № 3)*. Этот отзыв Писарева связан, несомненно, с остротою полемики «Русского слова» с «Современником». Сказалась в нем и реакция критика на оживление официозной исторической драматургии, которой он несправедливо уподоблял «Минина».

Г. Степанова

Когда Островский наконец добился постановки второй редакции пьесы, театральная администрация не пожелала считаться с художественным замыслом драматурга. Пьеса была поставлена небрежно и крайне бедно. Боясь изображения возбужденного, политически активного народа на сцене, театральная администрация не приняла мер к тому, чтобы выполнить главный замысел драматурга — показать на сцене живую, воодушевленную толпу. Обстановка, декорации и оформление спектакля, столь важные для данного произведения, были на петербургской и на московской сцене ниже критики. Плохо поняли пьесу Островского, ее художественное своеобразие и некоторые ведущие актеры. Ф. А. Бурдину Островский сам разъяснял роль Минина: «Оставь ты свою сентиментальность, брось бабью расплываемость, будь на сцене мужчиной твер-

дым, лучше меньше чувства и больше резонерства, но твердого. Минин не Дева Орлеанская, т. е. не энтузиаст ⟨. . .⟩ он резонер в лучшем смысле этого слова, т. е. энергический, умный и твердый» *(ПСС, XIV, 146)*. Тем не менее в роли Минина Бурдин выступил неудачно. Да и вся постановка второй редакции хроники на сцене Александринского театра в Петербурге, состоявшаяся 9 декабря 1866 г. в бенефис С. Я. Марковецкого, была неудачной. Роли исполняли: князь Пожарский — А. А. Нильский, Воевода — Л. Л. Леонидов, Минин — Ф. А. Бурдин, Биркин — П. П. Пронский, Семенов — П. И. Григорьев (Григорьев 1-й), Поспелов — П. И. Малышев, Аксенов — И. И. Сосницкий, Колзаков — П. С. Степанов, Лыткин — П. И. Зубров, Темкин — И. Ф. Горбунов, Татьяна Юрьевна — П. К. Громова, Марфа Борисовна — Е. В. Владимирова, Гриша, юродивый — Н. Ф. Сазонов, Павлик — С. Я. Марковецкий. В. В. Самойлов, на которого Островский рассчитывал как на исполнителя роли Минина, предпочел играть юродивого, но дирекция театра отказала ему в этой роли (см.: *Бурдин, стр. 57)*.

20 января 1867 г. состоялось первое представление хроники на сцене Большого театра в Москве. П. М. Садовский, в бенефис которого шла пьеса, не смог сочетать естественность и простоту с приподнятым, взволнованным тоном стихов. В. И. Живокини обеднил образ Колзакова, исполнив его в чисто комедийном плане. Остальные роли распределялись следующим образом: князь Пожарский и Аксенов — В. А. Дмитревский, Воевода — С. В. Шумский, Биркин — М. И. Лавров (Лавров 2-й), Семенов — Е. О. Петров, Поспелов — Н. Е. Вильде, Лыткин — Д. В. Живокини (Живокини 2-й), Темкин — А. Ф. Федотов, Татьяна Юрьевна — Н. В. Рыкалова, Марфа Борисовна — Г. Н. Федотова, Гриша — П. Я. Рябов, Павлик — Н. М. Никифоров. Спектакль был, как и петербургский, оформлен бедно. Полное равнодушие к замыслу драматурга отразилось в массовых сценах: «Народу поставлено на сцену очень мало, и сколько ни старались, по-видимому, стеснить сцену декорациями, на ней было слишком просторно. Как в продолжение первых актов зрителю не верилось, чтобы такая горсть очень равнодушных и спокойных людей могла и подумать идти на освобождение Москвы; так еще более в последнем акте представлялось решительно неправдоподобным, чтобы ничтожная рать в изорванных кольчугах и в сафьянных сапожках могла освободить святую Русь»,— писал критик «Русских ведомостей» *(1867, № 11)*.

При жизни Островского в Москве, на сцене Большого театра, пьеса прошла 4 раза, в Петербурге, в Александринском театре,— 6 раз (последний спектакль в Москве состоялся 19 января 1867 г., в Петербурге — последнее исполнение сцен из драматической хроники — 10 мая 1877 г.).

В 1899 г. в Новом театре А. П. Ленский осуществил удачную постановку первой редакции хроники, особое внимание уделив массовым сценам (см.: *Н. Зограф, А. П. Ленский, М., «Искусство», 1955, стр. 286—292)*. В 1888 г. в Воронежской губернии крестьянский театр, организованный известным педагогом Н. Ф. Бунаковым, начал свою деятельность с постановки сцен из «Минина» Островского *(«Театр и искусство», 1901, № 20)*. В 1890 г. постановка хроники была осуществлена Общедоступным театром «Скоморох» М. В. Лентовского. Ставилась хроника и на провинциальной сцене. Так, в 1907 г. она прошла в Верхнеудинске 43 раза.

Стр. 8
Дьяк — здесь: правитель канцелярии, важное должностное лицо.

Боярский сын — дворянин на жалованье.

Стрелецкий сотник — начальник сотни, подразделения стрелецкого войска, возникшего в XVI в. и упраздненного Петром I в начале XVIII в.

Растворы — здесь: складные двери в лавках.

Стр. 9
...Михайло Салтыков да вор Андронов...—Речь идет о М. Г. Салтыкове и Ф. Андронове, тщетно добивавшихся от патриарха Гермогена поддержки кандидатуры польского короля Сигизмунда III на престол. В агитационной грамоте — «казанской отписке» (от января 1611 г.) изложен рассказ очевидца — казанского дьяка, побывавшего в Москве: «И перед Николиным днем, в пятницу ввечеру, к патреярху на двор приходили боярин Михайло Салтыков да Федор Ондронов, а говорили о том, чтобы их и всех православных крестьян благословил крест целовати королю, а на утрее того приходили о том же боярин князь Федор Иванович Мьстиславской да они ж, Михайло да Федор... И у них-де о том с патреярхом и брань была, и патреярха хотели за то зарезати» *(ААЭ, II, № 170)*. Это место в экземпляре книги, хранящемся в библиотеке Островского, отмечено рукой писателя.

Стр. 10
...Мордва да черемиса задурила...— Речь идет о восстании мордвы на Нижней Оке, об участии мордвы и черемисов (марийцы) в крестьянской войне под предводительством И. Болотникова (1606).

Стр. 12
Рцы слово твердо...— старые названия трех смежных бук (Р, С, Т) русской азбуки; здесь употребляется в прямом смысле, как поговорка: говори слово твердо.

Стр. 13
Отписки — грамоты, содержащие политическую информацию. В начале 1611 г. разобщенность не покорившихся интервентам городов стала исчезать благодаря отпискам и устным сообщениям через послов. Рязань, Ярославль и Нижний Новгород стали центрами, распространявшими в другие города через отписки, грамоты и послов призывы московских патриотических деятелей (см.: *Н. Ф. Дробленкова, «Новая повесть о Преславном Российском царстве» и современная ей агитационная патриотическая письменность, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1960, стр. 25—27)*.

Прокоп Петрович Ляпунов — рязанский дворянин. В 1611 г. возглавил ополчение против иноземных интервентов, двинувшееся на освобождение Москвы. Так называемое «первое ополчение» вскоре стало распадаться вследствие внутренних противоречий. Добиваясь продолжения борьбы, Ляпунов поддерживал идею нового ополчения и вел переговоры с нижегородцами. Казачий атаман Заруцкий, поддерживавший претензии Марины Мнишек на престол, спровоцировал выступление казаков против Ляпунова и убийство его 22 июля 1611 г.

Стр. 14
Цалуют крест неведому кому!— Целовать крест — здесь: приносить присягу.

...латинцам да ворам...— Латинцы — здесь: католики; воры — бунтовщики, предатели.

Новгород великий/Из Швеции царевича зовет...— В 1609 г. в Новгороде было заключено соглашение между правительством В. Шуйского и Швецией о присылке в Россию шведского войска. Воспользовавшись этим, шведский король захватил Новгород, чтобы присоединить его к своим владениям.

...А сын Жигмонтов, Владислав царевич...— Речь идет об открытой интервенции, которую в сентябре 1609 г. предпринял польский король Сигизмунд III (1566—1632). В 1610 г. московские бояре вступили в соглашение с королем Сигизмундом III, пригласив на русский престол его сына, королевича Владислава.

...во Пскове новый вор,/Такой, что и сказать-то непригоже...— очевидно, имеется в виду самозванец дьякон Сидор, который тоже объявил себя царевичем Димитрием и был признан псковичами.

...Маринкин сын, Ивашко, тоже царь.— После смерти Ляпунова Марина Мнишек, жена Лжедимитрия I и Лжедимитрия II, настояла на том, чтобы Трубецкой и Заруцкий объявили ее сына Ивана наследником престола.

Князь Трубецкой Дмитрий Тимофеевич (ум. 1625)— воевода, поддерживал Лжедимитрия II. В 1611 г. отошел от тушинцев, примкнул к силам, шедшим на освобождение Москвы, и встал во главе первого патриотического ополчения. После распада ополчения оставался с частью казацких отрядов под Москвой. Ко второму (нижегородскому) ополчению отнесся сначала враждебно, но затем в ходе боев присоединился к нему.

Заруцкий Иван Мартынович (ум. 1614) — атаман донских казаков; поддерживал Лжедимитрия II, затем присоединился к первому ополчению, осадившему Москву.

Стр. 17
Дьявольская прелесть — здесь: обольщение, соблазн, совращение.

Приказ — здесь: официальное учреждение.

Стр. 18
Зане — ибо, так как.

Стр. 19
...при царе Иване...— Иван IV Грозный (1530—1584).

Тушино. — В Тушине располагался лагерь войска Лжедимитрия II, который при поддержке польских интервентов осадил Москву. В сентябре 1606 г., когда польская армия во главе с Сигизмундом III осадила Смоленск, поляки уже не считали нужным прикрывать свое вторжение именем самозванца и перестали его поддерживать. После этого войска Лжедимитрия были оттеснены, и сам он бежал в Калугу.

Посулы — взятки, приношения.

Стр. 20
Челом ударить — подать жалобу, просьбу.

Стр. 22
Адамант — бриллиант, алмаз.

...Он Златоуст второй...— Иоанн Златоуст (ок. 347—407), знаменитый деятель восточнохристианской церкви, славившийся своими красноречивыми проповедями. Имя его стало нарицательным обозначением красноречивых ораторов. Выражения: «Он твердый адамант... Он Златоуст второй» в применении к Гермогену Островский извлек из исторических документов (см., например: *ААЭ, II, № 188* и *№ 190)*.

«Нам на Волге жить...».— Первая часть этого текста — точное воспроизведение исторической песни казаков о завоевании Сибири Ермаком. Отрывок этот, скорее всего, был заимствован драматургом из статьи И. Железнова «Сказания уральских казаков» *(БДЧ, 1861, № 3)*. Вторая часть песни: «Нам идти ль, не идти ль...» — лишь частично соответствует тексту, опубликованному Железновым. Не исключено, что Островский в таком виде сам записал эту песню.

Яик — река Урал.

...Под Казань идти,/Грозен царь стоит.— В песне речь идет об осаде Казани Иваном IV (Грозным). Казань была взята русскими войсками в 1552 г.

Стр. 28
Вяземский подходил...— Вяземский Семен Юрьевич — тушинский воевода; вел борьбу с нижегородским войском, стремясь подчинить город Лжедимитрию II, в 1609 г. был захвачен в плен и казнен.

Стр. 36
...И в наше время чудо совершилось.— Тело Димитрия было торжественно перенесено по приказу Василия Шуйского в Москву, чтобы пресечь слухи о спасении царевича. Легенды о чудесах, творимых его мощами, сообщались по городам особыми грамотами (см.: *«Новый летописец, составленный по списку кн. Оболенского», М., 1853, стр. 76—77)*.

...шириночка в руке...— Шириночка — здесь: платок.

«Пустыня прекрасная...» — см. выше, стр. 562.

Стр. 41
Ты сам ходил с Алябьевым по Волге /И по Оке...— Алябьев Андрей Семенович — нижегородский воевода. В 1608—1609 гг. возглавил войско нижегородцев, действовавшее против тушинцев в районе между Окой и Волгой.

Мы с Репниным ходили и к Москве...— Репнин Александр Андреевич (ум. 1612) — князь, воевода. Возглавил нижегородское войско во время похода первого ополчения на Москву.

Стр. 42
Пожарский ранен, Ляпунов убит.— *Пожарский* Димитрий Михайлович (1578—1642), князь. Командуя передовым отрядом первого ополчения, был в марте 1611 г. тяжело ранен.

Ляпунов — см. прим. к стр. 13.

Стр. 49
«Юность, моя юность — молодое время!» — см. выше, стр. 562.

Стр. 58
Соборный ранний благовест — звон в один средний колокол, извещающий о начале службы в соборе — главной церкви города.

Стр. 59
...третью деньгу.— Решение нижегородцев жертвовать «третью деньгу» является историческим фактом. Островский почерпнул его из «Хронографа кн. Оболенского», о котором он узнал из статьи И. Е. Забелина «Важный хронограф особого состава» («*Архив историко-юридических сведений» Н. Калачева, кн. 1, М., 1850, отд. 6).*

Стр. 62
...Перед иконами явился муж /В одежде схимника...— Легенду о явлении святого Сергия спящему Минину Островский мог почерпнуть из «Сказания Симона Азарьина о чудесах преподобного Сергия» и из статьи П. И. Мельникова-Печерского «Нижний Новгород и нижегородцы в смутное время» («*Отеч. зап.», 1843, № 7).*

Гонцы от Троицы Живоначальной...— Архимандрит Дионисий и келарь (монах, ведавший светскими делами монастыря) Троице-Сергиева монастыря Авраамий Палицын принимали активное участие в подготовке второго земского ополчения, освободившего Москву от интервентов. Они составляли и рассылали по городам грамоты с призывом идти на помощь Москве. В «Сказании» Авраамия Палицына, изложившего события конца XVI — начала XVII в., сообщается, что нижегородцы начали собирать войско и деньги после получения грамоты из Троице-Сергиева монастыря.

Стр. 64
Сам великий господин патриарх...— Патриарх Гермоген в своей грамоте *(ААЭ, II, № 194)* действительно говорил о Родионе Мосееве и Романе Пахомове как «бесстрашных людях» и просил прислать их опять.

Стр. 66
«Не раз мы вам писали...».— Грамота представляет собою довольно точное воспроизведение подлинного «Воззвания архимандрита Троице-Сергиева монастыря Дионисия» *(ААЭ, II, № 190)*

Стр. 67
...князь Александр Андреич...— воевода Репнин (см. прим. к стр. 41).

Стр. 68
Со всех концов бесчисленное войско...— Часть речи воеводы представляет собой довольно точное воспроизведение «Росписи, кто из которого города пошел воевод с ратными людьми», содержащейся в *ААЭ (II, № 188).* Речь идет о первом ополчении, пытавшемся освободить Москву весной 1611 г.

...с татарами-мурзами...— *Мурза* — князь, старшина у татар.

Стольник—высокое придворное звание, смотритель царского стола.

Стр. 70
...церковь, /Что обыдёнкой сложена всем миром...— церковь, построенная в сутки всем населением города или села в ознаменование избавления от эпидемии или другого бедствия.

Стр. 72
Мекаете — здесь: рассчитываете.

Стр. 74
Оток — здесь: поток, омывающий землю.

Стр. 75
Давид и мал, да сильного свергает.— Речь идет о библейской легенде — победе Давида над великаном Голиафом.

Гедеон — один из иудейских судей в Библии, воин, с небольшим отрядом напавший ночью на врага и освободивший народ от угнетения.

Самсон — библейский герой, перебивший ослиной челюстью тысячу филистимлян.

От гласа труб валится Ерихон.— Иерихон — город в Палестине, который, по библейскому преданию, после безуспешной осады пал от звуков священных труб.

Стр. 76
Всполох — тревога, колокольный звон для сбора народа.

«Живал себе славен...» — переложение широко распространенного духовного стиха о Лазаре убогом. Возможно, что Островский сам записал вариант, который ввел в пьесу, или создал весьма близкую по духу к фольклорным образцам стилизацию. Песней о Лазаре Островский намекал на жадность богачей, не способных сочувствовать народу, страдающему от «неустройства земли». Писатель знал, что зрителям и читателям известна эта популярная песня, обличающая жестокость богатых, особенно в следующих выпущенных в хронике строках:

«Что ты мне за братец? Что ты за родной?
Этих у меня братьев в роду не было!
Есть у меня братья, каков я и сам,
Каков я и сам, князья-бо́яра;
Много у братьев именья-жития...»
— «По том я тебе братец, потому родной,
Что едина матушка нас поро́дила,
Что един сударь-батюшка вспоил, вскормил,
Не едною долею он нас наделил:
Большому-то брату богатества тьма,
Меньшому-то брату убожство и рай»

(П. Бессонов, Калики перехожие, ч. I, М., 1861, стр. 56).

Стр. 81
Поднизи — жемчужные сетки, бахрома на женских головных уборах.

Ферязь — длинная нарядная одежда с рукавами, мужская и женская.

Камка — шелковая китайская ткань.

Стр. 82
Хоботье — здесь: береженое домашнее добро.

Стр. 83
Било — здесь: колокол.

Стр. 85
Подоплёка — подкладка крестьянской рубахи.

Тельник — крест.

Стр. 87
Кбртома — аренда, оброк.

Стр. 89
Воскресенский — Воскресенский женский монастырь в Нижнем Новгороде.

Стр. 90
Алтын — монета достоинством в 3 копейки.

Деньга — полкопейки.

Стр. 94
Сельный цвет — здесь: однолетний цветок.

Стр. 99
...к князю /Димитрию Михайловичу в Пурех...— В Пурехе Суздальского уезда, в своей вотчине, князь Д. М. Пожарский находился на излечении после того, как был тяжело ранен в боях с поляками под Москвой.

Стр. 101
Уреканье — попреки.

Стр. 107
...Казаки и стрельцы, что при Василье / В Москве сидели.— То есть во время царствования Василия Шуйского (1606—1610).

Л. Лотман

ВОЕВОДА
(СОН НА ВОЛГЕ)

Впервые опубликовано в журнале «Современник», 1865, № 1, стр. 165—300.

Вторая редакция при жизни автора не печаталась. Впервые опубликована в Собрании сочинений, т. IV, М., 1890.

Рукописные источники первой редакции:

Черновой автограф *(ЧА)*. Самая первая черновая рукопись, запечатлевшая разные стадии работы над пьесой. На обороте листа 9, вдоль текста помета: «Действие происходит около половины XVII века в большом городе на Волге. Между прологом и 1 действием проходит дней 10». На следующем листе первоначальный план пьесы (см. ниже, стр. 579) *(ГБЛ)*.

Цензурная писарская копия *(ЦПК)* с карандашной пометой «суфлерская». На титульном листе сбоку помета: «Д. и. т. 17 янв. 1865 г. № 5». Вверху листа: «По реестру Н. Р. Ч. от 16 января 1865 года за № 1395 С. П. По журналу Театрально-Литературного комитета 16 января 1865 г. одобрено к представлению. С. Петербург. 25 января 1865 г. Цензор действ. стат. сов. Нордстрем». По всей пьесе ряд цензурных исключений красным карандашом и чернилами. Текст *ЦПК* совпадает с текстом «Современника». Хранящийся здесь же, в *ЛГТБ*, режиссерский экземпляр также не отличается от журнального текста.

Авторизованная писарская копия *(АТК) (ММТ)*. Текст ее, за небольшими исключениями, совпадает с текстом «Современника». Отметим два наиболее заметных разночтения:

Стр. 181, строка 6
Вместо «Я не кляну» / «Я не сужу».

Стр. 181, строка 13
После слов: «Извлекший меч» *добавлено*: «Смири свою гордыню, / Кичливость сердца укроти молитвой, / Приди ко мне».

Правка Островского в основном заключается в устранении ошибок переписчика. Между листами 42—43 в копию вклеен листок — автограф Островского, заменяющий текст *АТК* на текст, незначительно отличающийся от окончательной редакции (см. стр. 180—181, от слов: «Приветь меня, отец» до слов «Живи со мной в пещере»).

Печатается по тексту журнала «Современник» со следующими основными исправлениями:

Стр. 115, строка 42
«молке» *вместо* «молвке» (по *ЧА*, *АТК*, *ЦПК*).

Стр. 121, строка 12
«работу» *вместо* «робята» (по *ЧА*, *АТК*, *ЦПК*).

Стр. 126, строка 22
Восстановлена ремарка «(Стрельцам)» (по *ЧА*, *ЦПК*)

Стр. 128, строка 24
«то» *вместо* «ты» (по *ЧА*, *АТК*).

Стр. 130, строка 27
«нам» *вместо* «наш» (по *ЧА*).

Стр. 151, строка 37
«так» *вместо* «ты» (по *ЧА*).

Стр. 164, строка 7
«засадят» *вместо* «посадят» (по *ЧА*).

Стр. 165, строка 29
«грабит» *вместо* «грабил» (по *ЧА*).

Стр. 165, строка 30
«кровянит» *вместо* «кровянил» (по *ЧА*).

Стр. 180, строка 32
Восстановлена строка «Не закуют и на цепь не посадят?» (по *ЧА*, *АТК*).

Стр. 192, строка 9
«Невеличка» *вместо* «Не велика» (по *ЧА*).

Стр. 200, строка 36
Восстановлена ремарка «(Дремлет)» (по *ЧА*).

Стр. 201, строка 38
Восстановлена ремарка «(Смотрит)» (по *ЧА*).

Стр. 202, строка 6
Восстановлена ремарка «(Проводит рукой над ней)» (по *ЧА*).

Стр. 202, строка 25
Восстановлена ремарка: «(Вздыхает)» (по *ЧА*).

Стр. 225, строка 30
«воп» *вместо* «вопль» (по *ЧА*, *АТК*, *ЦПК*).

Стр. 232, строка 40
Восстановлена ремарка: «(Ее держат)» (по *ЧА*).

Стр. 237, строка 25
«молке» *вместо* «молвке» (по *ЧА*, *АТК*, *ЦПК*).

Рукописные источники второй редакции:

Черновой автограф *(ЧА)*. На первом листе запись: «Речь артистам: От вас, г⟨оспода⟩, не потребуется таланта больше того, что вы имеете. От вас потребуется, чтобы вы употребляли его весь и чтобы употребляли на доброе и честное дело: а доброе и честное не такие большие требования, которые было бы трудно исполнить. И тогда начнешь служить великому искусству, посвятишь ⟨*не закончено*⟩. Здесь же помета: «Позднейшая переделка «Воеводы» 1885 года» *(ГБЛ)*.

Режиссерский экземпляр *(ТПК)* с правкой Островского, состоящей в устранении ошибок переписчика. На титульном листе рукой цензора написано: «К представлению дозволено. С.-Петербург. 22-го ноября 1885 года. Цензор драматических сочинений Кейзер фон Нилькгейм» (то же в конце экземпляра). По тексту копии режиссерские пометы *(ММТ)*. Хранящийся здесь же суфлерский экземпляр не отличается от режиссерского.

Цензурная писарская копия *(ЦПК)* с пометами и вставками автора. На титульном листе вверху помета: «22 ноя⟨бря⟩ 1885». Внизу чернилами рукой цензора написано: «К представлению дозволено. 23 ноября 1885 г. Цензор др. соч. Кейзер фон Нилькгейм». Островский вписал в пролог ремарку с описанием городской площади; в конце первой ремарки в четвертое действие вписал слова: «При начале действия Волга, противоположный берег и вся даль покрыты туманом»; в пятое действие ввел первую ремарку с описанием двора и второго плана *(ЛГТБ)*.

Суфлерский экземпляр совпадает с *ЦПК* и содержит ту же помету Островского: «В С. Петербург».

Печатается (в «Вариантах») по тексту *ЦПК* со следующими основными исправлениями:

Стр. 396, строка 19
«стакался» *вместо* «стакався» (по *ТПК*).

Стр. 420, строка 40
«медвежья дрань» *вместо* «медвежья дрянь» (по *ЧА*).

Стр. 432, строка 21
«уступишь» *вместо* «упустишь» (по *ЧА*).

Стр. 449, строка 22
«Невеличка» *вместо* «Не велика» (по *ЧА*).

Стр. 458, строка 23
«разлощит» *вместо* «разгладит» (по *ЧА*).

Стр. 461, строка 36
«голодные» *вместо* «посадные» (по *ЧА*).

Стр. 497, строка 8
«воп» *вместо* «вопль» (по *ЧА*).

Т. Орнатская

Работа над «Воеводой» была начата в 1860 г. (первое упоминание о пьесе содержится в письме драматурга к И. И. Панаеву от 28 августа 1860 г.— *ПСС*, *XIV*, *86*). Автор предназначал пьесу для «Современника» и делился своими планами с членами редакции журнала, особенно с Некрасовым, которому подобный замысел был творчески близок. Писатель размышлял над замыслом «Воеводы» в течение ряда лет. В марте 1864 г. Некрасов подбадривал жаловавшегося на нездоровье Островского, призывая его интенсивнее работать над пьесой: «Вы наш богатырь, и я знаю и верю, что Вы еще нам покажете великую силу. «Сон на Волге» непременно пишите. Это гениальная вещь будет, так я думаю и прибавлю: ничто никогда мне так не нравилось, как этот план — по тому простору, какой дается в нем» *(Н. А. Некрасов, Полн. собр. соч. и писем, т. 11, М., Гослитиздат, 1952, стр. 30)*. «Поправляйтесь, отец! Надо Вам что-нибудь сработать весной»,— дружески торопил он Островского *(там же)*. Однако работа над «Воеводой» затянулась, хотя эту пьесу ждали не только в редакции «Современника», но и артисты, узнавшие об этой работе драматурга. Уже в конце марта 1864 г. артистка Александринского театра Е. М. Левкеева обратилась с письмом к Островскому с просьбой предоставить ей «Сон на Волге» для бенефиса (*«Литературное наследство», т. 88, кн. 1, М., «Наука», 1974, стр. 343*). В октябре 1864 г. Островский сообщал Ф. А. Бурдину, что «Сон на Волге» подвигается, что пьеса будет завершена в конце ноября *(ПСС, XIV, 120)*. В декабре Островский писал Некрасову, что в номере первом «Современника» за 1865 г. можно будет напечатать «Воеводу» — пьесу, которую он сам столь высоко оценивает, что предполагает представить в Академию наук на премию *(ПСС, XIV, 121)*.

В черновиках пьесы, запечатлевших разные этапы работы драматурга *(ГБЛ)*, сохранился первоначальный сценарий «Воеводы»:

«Акт 1-й

Сад. Дочери. Комната в доме боярина. (Скоморохи).

Акт 2-й

Палата воеводы. Ворожба. Охота. Сцена молчания при матери. Шут. Женщина. Приказ ей. (Разбойники).

Акт 3-й

Терем: сцена с вдовой. Сцена с служанкой, опять со вдовой. Сон.

Акт 4-й

Изба. Во сне разные виды — поют «Лодку».

Акт 5-й

Двор. Переходы».

Первоначальный замысел, отраженный в плане, предполагал бо́льшую сказочность и меньшую социальную остроту пьесы. Работая над комедией, Островский широко развил темы сопротивления «земщины» воеводе, закрепощения крестьянства и другие социальные и политические мотивы. Они-то и стали в центре произведения, не нарушая его оригинальной сказочно-поэтической формы. Поэтому такой пункт плана, как «Во сне разные виды», в окончательном тексте развертывается не в панораму волжских пейзажей, а прежде всего в сатирическую сцену на Постельном крыльце в Москве,

лишь после которой следует один «вид» Волги с бегущей по ней лодкой. В *ЧА*, правда, слова Дубровина в сцене сна Воеводы: «Струги гребные 〈. . .〉 Купецкие с товаром, / А царские с казной» — сопровождались ремаркой: «Проходят суда». Не получил развития намеченный в плане композиционный параллелизм сна Воеводы и сна девушки. Не любовная интрига (соперничество Воеводы и Степана Бастрюкова), а борьба жителей города и их выборного, бывшего губного старосты Семена Бастрюкова, совместно с вставшим во главе волжской вольницы посадским Дубровиным против Воеводы движет действие пьесы.

Островский изучил многочисленные исторические источники, черпая из них факты социальной жизни, знание быта, административных установлений и законов XVII века. В черновой рукописи, разрабатывая существенный эпизод пьесы — спор Дубровина и Пустынника — и переставляя строки таким образом, чтобы риторический вопрос Романа: «Кто ж застоит за бедных, беззащитных?» — прозвучал особенно впечатляюще, писатель рядом пометил: «Сильнее!» Здесь в последнем явлении второй сцены первого действия он более ясно, чем в окончательном тексте пьесы, показал, что волжские удальцы не только восстают против злоупотреблений администрации, но и защищают крепостных крестьян от произвола помещиков. На вопрос Дубровина о том, не боится ли Бастюков разбойника Худояра, который «не жалует 〈. . .〉 дворян поместных», в черновом тексте Бастрюков отвечал: «Я для крестьян хорош, я не обидчик» — слова, замененные затем, очевидно по цензурным соображениям, нейтральной репликой: «Мне что бояться, я живу по правде».

Работа над языком пьесы была направлена на усиление его разговорной непринужденности и исторической характерности. Однако можно отметить и случай возникшего, очевидно, при переписке, искажения, которое проникло в печатный текст и сохранилось в нем. В реплике Дружины:

«А по горовской язычной *молке*

Берет тебя без сыску и пытает» *(ЧА, Пролог, явл. 1)* слово «молка», означающее «показание, донос, наговор, поклеп при допросе» (см.: *Д а л ь, II, 341)*, в печатном тексте оказалось замененным словом «молвка», не подходящим по смыслу. Можно кстати упомянуть аналогичный случай в драме «Козьма Захарьич Минин, Сухорук», когда характерное, исторически выразительное слово в ремарке «Все *оступают* его» заменено, очевидно, при переписке, более общепринятым «обступают» (ср.: *Д а л ь, II, 623* и *708)*.

Трагическая сцена преследования Марьи Власьевны Шалыгиным по переходам дома Воеводы в какой-то мере, видимо, была подсказана автору его впечатлениями от архитектуры старинных волжских домов.

В 1885 г. Островский переработал «Воеводу», стремясь сделать пьесу сценичнее и облегчить новую ее постановку. Он хотел ознаменовать свое вступление на пост заведующего репертуарной частью московских императорских театров новой постановкой этой пьесы, которая явилась бы своеобразной «программой» его как нового заведующего репертуаром. Островский сделал все, чтобы уже первой своей постановкой доказать, сколь резко отличается работа режиссера-драматурга от постановок, которыми руководят чиновники-ремесленники. Вместе с тем, намереваясь поставить «Воеводу» и перерабатывая текст пьесы для этой постановки, писатель должен был считаться с новыми, чрезвычайно суровыми

после 1881 г. цензурными условиями. Многие эпизоды пьесы были смягчены; большее значение приобрел в ней образ Пустынника, который в новом варианте выступал в качестве мудрого наставника, усмиряющего страсти и Дубровина и Воеводы, своею проповедью уничтожающего зло и насилие. Эпизоды, рисующие победу, хотя и временную, земских сил в борьбе против Воеводы, отправку и успех челобитной, отсутствуют во второй редакции. В связи с этим оказалась изъятой и сатирическая сцена на Постельном крыльце. Однако в пьесе сохранились весьма сильные обличительные элементы. Разинская тема не только не ослабла во второй редакции, но кое-где прозвучала более определенно, чем в первой. Разбойник Щербак прямо говорит Дубровину о своем намерении присоединиться к разинскому движению (д. IV, явл. 2):

«Пожива есть внизу; от беглых слышно,
Что Астрахань разграблена, и дальше,
К Саратову идет большая туча
Низовой вольницы. И мы туда же».

В *ЧА* второй редакции «Воеводы» Дубровин говорит, что его «к Степану Тимофеичу зовут», то есть называет имя Разина.

В *ЧА* первой редакции пьесы сам Островский сослался на некоторые использованные им исторические источники. Здесь упомянуты *ААЭ*, тт. 3—4; «Акты, относящиеся до юридического быта древней России» (изданы Археографическою комиссиею, под ред. Н. В. Калачева), т. 2 *(Спб., 1864)*; *АИ*, т. 4; книга Г. Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича» *(Спб., 1859)*. Н. П. Кашин обследовал эти источники и кроме них указал на «Домострой» и труд Н. И. Костомарова «Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях» *(Спб., 1860)* как на книги, давшие Островскому материал для комедии (см.: *Н. П. Кашин, Этюды об Островском, т. I, М., 1912, стр. 203—235)*. В. А. Бочкарев дополнил список источников, использованных драматургом, работой И. Е. Забелина «Домашний быт русских царей», т. I *(М., 1862)*, книгой «Соборное Уложение царя Алексея Михайловича 1649 года» *(М., 1649)*, трудами А. П. Щапова «Древние пустыни и пустынножители на северо-востоке России» *(Спб., 1860)*; «Русский раскол старообрядства» *(Казань, 1859)* и «Земство и раскол», вып. 1 *(Спб., 1862)* (см.: *Бочкарев, вып. 13, стр. 64—65)*. В *ААЭ*, т. 3, хранящемся в библиотеке Островского, на полях отчеркнуты следующие слова царской грамоты в Муром: «Ведомо нам учинилось, что в городех воеводы и приказные люди наши всякие дела делают не по нашему указу и монастырям и служилым, и посадским, и уездным, и проезжим всяким людям чинят насильства, и убытки, и продажи великие, и посулы, и поминки, и кормы емлют многие...» *(стр. 159)*. На полях драматург отметил: «Воеводы». В т. 3 *АИ* Островский подчеркнул слова грамоты, характеризующие губных старост, среду, которая их избирала, относительный демократизм этих выборов: «и дворяном и детем боярским, и прикащиком, и старостом, и целовальником, и крестьяном, и новоторжцом посадским людем выбрати иного губного старосту, из дворян первого человека, которого б с губное дело стало, и которой бы грамоте был горазд и душею прям и животом прожиточен...» *(стр. 244)*.

Важнейшим источником «Воеводы» является фольклор. Кашин считал, что толчком к созданию пьесы послужили услышанные драматургом во время путешествия по Волге в 1856 г. истори-

ческие народные песни (Комментарии к дневникам и письмам Островского.— В кн.: *А. Н. Островский, Дневники и письма, М.— Л., «Academia», 1937, стр. 205)*. Большое влияние на замысел Островского оказали легенды и песни о Степане Разине. Под воздействием их, несомненно, был создан образ Романа Дубровина, многими своими чертами напоминающий фольклорного Степана Разина, и возникла ситуация «спора» и борьбы атамана и воеводы. Отголоски разинского фольклора рассыпаны в пьесе. В ткань ее вплелись и легенды о разбойнике Кудеяре, и многочисленные сказки, песни — исторические, героические, лирические и духовные, народные игры и представления, обряды и обычаи, загадки и пословицы.

В комедию «Воевода» драматург ввел много живых наблюдений, сделанных им во время этнографической экспедиции по Волге. Богатую лексику и фразеологию народного языка он фиксировал в специальной картотеке, послужившей материалом для языка персонажей.

Л. Лотман

Пьеса «Воевода», подобно «Минину», вызвала разноречивые суждения критиков. А. С. Суворин, занимавший в 1860-е гг. демократические позиции, одобрительно писал о «Воеводе» в «Журнальных и библиографических заметках», помещенных за подписью А. И—нъ в газете «Русский инвалид» *(1865, 27 февраля)*. Он отметил удачную обрисовку образов Воеводы и Дубровина, выделил целый ряд поэтических сцен (речь Домового над уснувшей Марьей Власьевной, песнь Старухи крестьянки над внуком). «Стих везде очень хорош,— писал он,— местами поэтичен и образен». «После «Минина»,— заключил Суворин,— новая драма Островского, во всяком случае, шаг вперед с его стороны...».

«Воеводе» посвятил специальную статью и П. В. Анненков. Статья содержала прежде всего высокую оценку сделанному Островским в области комедии: «А. Н. Островский уже известен как нововводитель в нашей комедии, значительно раздвинувший ее границы ⟨. . .⟩ Известно, что кроме эпического элемента народной поэзии, народной думы, введенного им с самого начала своей деятельности, он допустил в нее еще русский ландшафт и заставил ее выражать ту природу и местность, посреди которых она сама развивается». Как важнейшее достоинство Анненков отмечает, что «замечательно-творческий талант» Островского подчиняет эту высокопоэтическую сторону своих произведений главной идее. Все это, по утверждению критика, свойственно и сценам «Воеводы». Анненков не согласен, правда, с тем, что драматург назвал эту пьесу комедией. Он пишет: «...мы с своей стороны, считаем его «Воеводу» драматической хроникой, только не историко-политического содержания, а бытового и историко-юридического». Обращение к актам археографической комиссии и другим документальным материалам придало убедительность вырисовывающейся в пьесе картине жизни XVII века: «поразительно и ярко представлен г-ном Островским гражданский быт ⟨. . .⟩ с ябедою и униженною мольбой перед властью, насылающей им египетское испытание в виде администраторов, с отчаянным удальством пытающимся создать вокруг себя вольный беспечальный мир ⟨. . .⟩ наконец с разбойничеством, которое становится единственным средством

обрести равноправную жизнь и спастись от насилия». По мнению критика, особенно удалась фигура Воеводы: «Тяжелое впечатление производят на зрителя меняющиеся краски этого страшного лица...» Свою статью Анненков заключает мыслью о том, что художественное совершенство пьесы достигнуто драматургом благодаря сплаву исторической, документальной правды с поэтическим вымыслом и фантазией: «Поэзия и изобретение укрепили здесь археологические данные, спасли и защитили факты, добытые формальным изучением» *(«Спб. вед», 1865, 2 мая)*.

Д. И. Писарев коснулся пьесы «Воевода» в полемической статье «Прогулка по садам российской словесности», в которой вел спор с «Современником» о критическом наследии Н. А. Добролюбова, в первую очередь о статьях об Островском. Писарев заявил, что как изобразитель «темного царства» драматург давно произнес последнее слово, критик даже писал о его «увядшем таланте». «Воевода» представляется ему лишь «волшебной опереткой». Писарев не приемлет художественный стиль пьесы, в широком использовании фольклора и народной фантастики готов видеть «потакание» суевериям. В пылу спора он готов был усматривать в пьесе славянофильство, которое «недопустимо» в демократическом журнале: «Если г-н Островский, не веря в чертовщину, считает своей обязанностью подделываться под народное миросозерцание и *смиряться перед народной правдой* до признания домовых и пророческих снов включительно ⟨...⟩ чего же смотрит редакция «Современника»?» *(«Рус. слово», 1865, № 3)*.

Реакционная критика, напротив, порицала пьесу Островского за ее демократическую направленность. В «Современной летописи» (воскресное приложение к «Московским ведомостям», издававшимся М. Н. Катковым), за подписью Н. Н. была напечатана злобная статья Н. С. Назарова. Он объявил «Воеводу» тенденциозной карикатурой на старый быт и общественные отношения Руси и утверждал, что в этой пьесе «видна не русская история, а рецепты новейших журналов» *(1865, № 35)*.

Г. Степанова

Первое представление «Воеводы» (в первой редакции) состоялось 28 апреля 1865 г. на сцене Мариинского театра в Петербурге в бенефис Е. В. Владимировой (Владимировой 1-й) при следующем составе исполнителей: Шалыгин — В. В. Самойлов, Семен Бастрюков — Л. Л. Леонидов, Степан Бастрюков — А. А. Нильский, Роман Дубровин — Ф. А. Бурдин, Бессудный — П. И. Зубров, Неустройко — А. А. Алексеев, Неждан — В. Я. Полтавцев, Облезлов — П. П. Пронский, Дюжой — П. И. Григорьев (Григорьев 1-й), Настасья — Ю. Н. Линская, Несмеянов — П. А. Петровский, Брусенин — И. И. Николаев, Цаплин — Г. Н. Жулев, Тыра — И. Ф. Горбунов, Гришка Жилка — В. Р. Шемаев. Резвый — В. И. Васильев, Прасковья — М. А. Александрова (Александрова 1-я), Марья — Е. В. Владимирова (Владимирова 1-я), Недвига — П. К. Громова, Буров — П. Бубнов, Зоря — Н. О. Петров, Ульяна — Е. М. Левкеева, Мизгирь — П. С. Степанов, Олена — Е. И. Подобедова (Подобедова 2-я), Домовой — Н. Р. Надеждин, Старуха — Н. П. Воронова.

В Москве первая постановка «Воеводы» состоялась 9 сентября 1865 г. на сцене Большого театра. Роли исполняли: Шалыгин — П. М. Садовский, Семен Бастрюков — С. В. Шумский, Степан Ба-

стрюков — Н. Е. Вильде, Дубровин — К. Н. Полтавцев, Бессудный — В. И. Живокини, Неустройко — Н. Никитин, Неждан — Е. О. Петров, Облезлов — К. П. Колосов, Дюжой — В. А. Дмитревский, Настасья — С. П. Акимова, Дружина — Д. В. Живокини (Живокини 2-й), Несмеянов и Гаврило — А. Ф. Федотов, Брусенин — Кремнев, Цаплин — А. М. Пономарев, Тыра — М. И. Лавров (Лавров 2-й), Гришка — Н. М. Никифоров, Резвый — А. А. Рассказов, Прасковья — А. П. Савина, Марья — А. И. Колосова, Ульяна — В. В. Бороздина. Недвига — Е. Н. Васильева, Олена — М. В. Васильева (Васильева 2-я), Мизгирь — П. Г. Степанов, Домовой — М. Н. Владыкин, Старуха — Л. П. Никулина-Косицкая. Спектакль был только пять раз повторен. Театральная администрация не была расположена к этой пьесе, да и театр еще не нашел художественных средств для воссоздания на сцене широкой картины исторической жизни народа (см.: *Н. Г. Зограф, Малый театр, М., Изд-во АН СССР, 1960, стр. 177)*.

Однако в «Воеводе» Островского перед актерами были поставлены задачи, важные и актуальные для искусства второй половины XIX в. Пьеса быстро приобрела популярность и вошла в репертуар провинциальных театров. В 1875 г. интерес публики к постановке «Воеводы» на сцене Казанского театра так напугал губернатора Скарятина, усмотревшего в пьесе намеки на беззакония властей и «опасный революционный элемент», что он запретил ее исполнение после второго спектакля *(ЕИТ, вып. 15, сезон 1904/05 г.)*.

Осуществляя в 1886 г. постановку второй редакции «Воеводы» под своим личным наблюдением, Островский стремился сделать этот спектакль образцовым. С самого начала работы над ней он объявил о новом порядке подготовки спектаклей: «Я, господа, ввожу для постановки всех новых пьес такое правило: кроме этой читки, еще будет три. Поставим на сцене столы, засядем все, и каждый будет читать свою роль, давая по возможности тон и характер лица. Это важно потому, что все участвующие будут вслушиваться в общий строй и таким образом все сольется в единый хор ⟨. . .⟩ И вы увидите это на деле, когда мы начнем репетицию после этих трех считок. Дальше считаю необходимыми генеральные репетиции в костюмах: это также хорошая проверка того, что сделано» *(П. Рябов, Записки старого актера.— «Русская старина», 1905, № 3)*. Островский работал с каждым актером, обсуждал с ним общий смысл образа, который предстоит создать на сцене, и все детали исполнения. А. П. Ленский вспоминал позже: «Когда покойный Александр Николаевич Островский назначил мне роль Воеводы в своей пьесе того же названия, я спросил его, чего он желал бы от меня по части грима. Островский сказал: «Что хотите, то и делайте — дело ваше. Только не гримируйтесь свирепым. Я себе его представляю,— продолжал он,— весьма благообразным стариком. Нечай Шалыгин — такой же, как и все бояре того времени, не лучше, не хуже; и до него были такие же воеводы, были такие же и после него. Запарывать насмерть своих холопей, грабить посадских, забирать у них жен — дело обычное; найдись такой, что не делал бы этого,— он был бы исключением» *(А. П. Ленский, Статьи. Письма. Записки, изд. 2, М., «Искусство», 1950, стр. 84)*. Тщательная подготовка спектакля принесла плоды. Уже на генеральной репетиции, проводившейся в соответствии с новыми, введенными им правилами, Островский с удовлетворением отметил: «Генеральная репети-

ция «Воеводы». Выдаются Рыбаков, Садовский, Южин. Садовская очаровательна. Декорации художественны» *(ПСС, XIII, 287)*.

Первое представление состоялось 19 января 1886 г. на сцене Малого театра в бенефис К. Н. Рыбакова. Роли исполняли: Шалыгин — А. П. Ленский, Семен Бастрюков — М. П. Садовский, Степан Бастрюков — А. И. Южин, Дубровин — К. Н. Рыбаков, Олена — М. Н. Ермолова, О. О. Садовская играла две роли: Недвиги и Старухи крестьянки. Остальные роли были распределены следующим образом: Неустройко — В. А. Макшеев, Бессудный — Н. И. Музиль, Неждан — Н. М. Никифоров, Дюжой — И. Н. Греков, Настасья — С. П. Акимова, Несмеянов — К. П. Колосов, Брусенин — Н. Д. Папков, Цаплин — А. М. Невский, Тыра — М. И. Лавров, Баим — В. Ф. Дубровин, Гришка Жилка — П. Я. Рябов, Резвый — Д. В. Живокини (Живокини 2-й), Прасковья — О. П. Владимирова, Марья — И. П. Уманец-Райская, Домовой — А. П. Щепкина. Спектакль произвел большое впечатление на зрителей. 23 января Островский записал в своем дневнике, что успех «Воеводы» «идет кресчендо» *(ПСС, XIII, 288)*. Благодаря продуманной постановке пьесы и замечательному исполнению роли Старухи крестьянки Садовской как центральный эпизод произведения воспринималась песня о страданиях закабаленного народа. Роль крестьянки в «Воеводе» оценивалась современниками как высшее достижение замечательной актрисы. С. Дурылин отмечает своеобразие ролей, которые по настоянию драматурга были даны Садовской: «Во втором действии — нянюшка Недвига — она сказывала сумеречную сказку в тереме, сама засыпая под свое сказывание, в четвертом действии она, старуха-крестьянка, пела над люлькой внука. В этом только и заключались ее роли: в сказке и в песне. Но что это были за сказка и песня! ⟨. . .⟩ Из слова восставал исторический образ русской няни, вынянчившей все большое и малое в старой Руси и России от стрелецкого сынка до Александра Сергеевича Пушкина,— более того, восставал образ русской сказки, сумеречной и длинной-длинной. Но тем поразительнее было превращение, которое ждало зрителя в следующем акте, в крестьянской курной избе на Волге ⟨. . .⟩ В этой песне, в ее потрясающих звуках, Садовская являлась великой трагической артисткой,— артисткой давно сыгранной трагедии русской истории» *(С. Дурылин, Ольга Осиповна Садовская.— Сб. «Семья Садовских», М.— Л., изд. ВТО, 1939, стр. 207—208)*. Постановка «Воеводы» во второй редакции, осуществленная Малым театром под непосредственным руководством драматурга, была воспринята с большим удовлетворением демократической публикой именно потому, что рассматривалась ею как программное произведение Островского (см.: *Н. А. Кропачев, А. Н. Островский на службе при императорских театрах, М., 1901, стр. 17—20*). Это отмечала печать в своих отзывах о спектакле: «Можно успокоиться, судя по представлению «Воеводы», что знаменитый наш Малый театр в умных, честных и надежных руках» (*«Вестник литературный, политический, научный и художественный», 1886, 23 января*).

Островский был настолько заинтересован постановкой «Воеводы», что, несмотря на тяжелое недомогание, незадолго до смерти ознакомился с фотографиями М. М. Панова, запечатлевшего отдельные сцены спектакля и составившего из них альбом (см.: *Н. А. Кропачев, А. Н. Островский на службе при императорских театрах, стр. 67*).

При жизни Островского первая редакция «Воеводы» в Москве, на сцене Большого театра, прошла 5 раз, в Петербурге, в Александринском театре,— 7 раз. Вторая редакция пьесы, поставленная самим драматургом за несколько месяцев до его смерти, прошла в Москве, на сцене Малого театра, 12 раз.

В последующие годы «Воевода» ставился на сцене Малого театра 56 раз (до 1900 г.), неизменно во второй редакции. После смерти Островского театральная администрация не заботилась о том, чтобы сохранить или достойно обновить этот замечательный спектакль. Однако комедия «Воевода» пользовалась вниманием зрителя и актеров. Она часто исполнялась на провинциальной сцене (Пенза, Нижний Новгород, Воронеж, Казань, Уфа, Юзовка, Рига, Владивосток, Херсон, Пермь, Оренбург, Тобольск и т. д.).

Комедия «Воевода» привлекла к себе внимание композиторов. М. П. Мусоргский написал сразу после появления комедии музыку к четвертому действию пьесы и к «Колыбельной» крестьянки. Несколько вокальных номеров для «Воеводы» написал композитор П. И. Бларамберг. Островский написал часть либретто для П. И. Чайковского (первое действие и начало второго), который решил создать оперу на сюжет «Воеводы». Окончил либретто сам Чайковский. 30 января 1869 г. опера Чайковского «Воевода» была поставлена на сцене Большого театра в Москве. А. С. Аренскому, задумавшему писать оперу на тот же сюжет, Чайковский, оставшийся не удовлетворенным своей оперой, советовал использовать ту часть либретто, которую написал Островский. Первое представление оперы Аренского состоялось 21 декабря 1890 г. на той же сцене.

Стр. 113

Бирюч — глашатай, объявляющий народу официальные постановления и распоряжения.

Стр. 114

Приказная изба — изба, в которой помещались официальные учреждения (приказы).

Слушайте, послушайте, государевы люди...— Речь бирюча представляет собою почти дословное воспроизведение отрывков из царской грамоты 1667 г. о содействии государеву сыщику в поимке и искоренении разбойников, помещенной в 4-м т. *ААЭ* (*№ 159*). Факт многократного оглашения ее содержания бирючом исторически обоснован, так как в грамоте есть распоряжение: «вычитать по многие дни» ее перед населением.

...сотские, и пятидесятские, и десятские...— выборные лица от сотни (административная единица населения в некоторых старинных русских городах) и частей сотни, следящие за порядком в городе.

Ведун — колдун.

Стр. 115

Поминки — взятки.

...по воровской язычной молке...— по ложному показанию преступника на допросе.

Стр. 116

Сберем голов, таможенных, кабацких — лиц, возглавляющих профессиональные объединения жителей города. Таможенниками называли служащих, ставивших клеймо на товары и взимавших налоги и пошлины.

Примёт — здесь: придирки.

Опять бы нам губных.— В комедии изображен момент перехода от выборной администрации (губных старост) к назначаемым из Москвы воеводам. Б. Н. Чичерин — представитель государственной школы историков — утверждал, что эта мера в целом была прогрессивной, так как выражала историческую тенденцию централизации власти (см.: *Б. Н. Чичерин, Областные учреждения России в XVII веке, М., 1856)*. Н. Г. Чернышевский в рецензии на диссертацию Чичерина, полемизируя с автором ее по этому вопросу, напротив, считал, что воеводское управление не соответствовало интересам государства и что злоупотребления воевод определялись тем, какие инструкции они получали в Москве, как рассматривались задачи и права воевод в центре. «Воеводы избирались из числа просителей, хлопотавших о получении воеводского места; в челобитных они писали: «прошу отпустить покормиться...» В приказах, от которых назначались воеводы, было приведено в систему, какую взятку должен дать проситель, чтобы получить воеводство в известном городе. Кто платил взятку, тот и получал место. Продавцы мест не давали в обиду определенных ими воевод, и потому воеводы не боялись никаких жалоб»,— писал Чернышевский *(Полн. собр. соч., т. 3, М., Гослитиздат, 1947, стр. 574—575)*. Чернышевский отмечал, что «выборные люди» пытались противостоять самоуправству воевод, но что их «власть ⟨. . .⟩ была ⟨. . .⟩ слишком слаба, чтобы служить действительною преградою произволу» *(там же, стр. 573)*. В трактовке этого вопроса Островский близок к Чернышевскому. Рисуя самоуправство Воеводы, драматург показывает, что уже сама выборность губных старост была положительным явлением, так как давала возможность населению в каких-то формах защищать свои интересы. Злоупотребления воевод он рассматривал как следствие отношения высшей правительственной администрации к правам и обязанностям воевод на местах.

Стр. 117

Отымалка — тряпка, которой горшок снимают с огня.

Стр. 118

Ежа — еда.

Стр. 120

Каин — персонаж библейского предания, совершивший братоубийство и проклятый за это; имя «Каин» стало нарицательным для обозначения преступника, лишившегося покоя.

Стр. 121

Скаредные речи — здесь: оскорбительные, порочащие.

Доказчик — доносчик.

Стр. 122

Зачураться — произнести слова заговора против нечистой силы («чур меня»).

Стр. 123

...Дворовые и скоморохи ⟨...⟩ И картами, и зернью промышляют...— Церковь и правительственная администрация преследовали в равной степени азартные игры и народное искусство скоморохов, а также песни, народные «действа» и прочие увеселения как языческие обычаи. Сведения об этом Островский мог почерпнуть из моно-

графии Н. И. Костомарова «Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях» *(Спб., 1860).*

Зернь — здесь: игра в кости.

...в харях ходят...— в масках.

Стр. 124
Алтынник — корыстолюбец (алтын — монета достоинством в 3 копейки).

Посульщик — взяточник.

Стр. 125
Сторожня — здесь: арестантская.

Стр. 126
Всполох — см. прим. к стр. 76.

Стр. 127
Страдник, смерд — холоп, раб.

Доправь на нем бесчестье!— взыщи по суду за оскорбление.

Стр. 128
...А ты не лай разбойником напрасно,/А называй удалым молодцом.— Перефразировка строк песни о разинской дружине: «Мы не воры, не разбойнички, Стеньки Разина мы работнички» *(А. Н. Лозанова, Народные песни о Степане Разине, Саратов, 1928, стр. 221* и *211.* Ср.: *«Волжские песни», Куйбышев, Облгиз, 1938, стр. 58).*

А говорят, что в Нижнем был поиман,/ Сидел в тюрьме...— О чудесном бегстве из тюрьмы Разина, наделенного силой чародейства, повествуют многие легенды о Степане Разине. «Сказание о Разине», приведенное в книге Н. И. Костомарова «Бунт Стеньки Разина» *(Спб., 1859, стр. 234)*, заключает этот мотив. А. Н. Лозанова указывает, что мотив чудесного бегства атамана из тюрьмы — один из распространенных мотивов разинского фольклора (см.: *«Песни и сказания о Разине и Пугачеве», М.— Л., «Academia», 1935, стр. 74).*

Стр. 129
От дела ты лытаешь или дела/Пытаешь? — Вопрос, представляющий общее место народных сказок: бегаешь от дела или ищешь его.

Стр. 130
На белом свете много /Привольных мест — и Дон, и Волга-мать.— Намек на причастность Дубровина к разинскому движению (см.: *М. Уманская, Русская историческая драматургия 60-х годов XIX века, Вольск, 1958, стр. 205—207).*

Стр. 131
Послухи — свидетели.

Стр. 134
Безлепичное дело — некрасивое дело.

Стр. 135
Грабеж и бой — юридическое выражение, означающее донос, обвинение в разбое.

Кружечные дворы — здесь: кабаки.

Стр. 137
Кружала — здесь: кабаки.

Стр. 139
«На море утушка купалася...» — народная свадебная девичья песня. П. И. Чайковский указывал, что «Утушка» была известна Островскому с детства (см.: *«Островский и русские композиторы», М.— Л., «Искусство», 1937, стр. 147)*. Текст «Утушки» встречается в «Собрании разных песен» М. Д. Чулкова *(Спб., 1770—1773, ч. III. Прибавления, № 32)*, в «Собрании народных русских песен с их голосами» Н. А. Львова — Прача *(Спб., 1790)* и в сб. «Новейший всеобщий песенник», ч. 3 *(М., 1810, стр. 16)*.

Петровки — пост перед днем святых Петра и Павла — летним церковным праздником 29 июня ст. стиля.

Стр. 141
Волосник — шапочка, которую женщины надевали под платок.

Кика — головной убор замужних женщин.

Стр. 142
Досказывай Никиту Кожемяку! — Рассказ о юном киевском богатыре, победившем печенежского силача и спасшем родной город, содержится в летописи (см.: *«Полное собрание русских летописей», т. I, Спб., 1846, стр. 52—53)*. Этот сюжет также получил развитие в сказке о Никите Кожемяке, широко распространившейся в народе. Герой народной сказки побеждает дракона и спасает девушку. Таким образом, самый рассказ Недвиги намекает на дальнейшую судьбу Марьи Власьевны. Островский воспроизводит и поэтически обрабатывает в духе народного речитатива сказку (см.: *А. Н. Афанасьев, Народные русские сказки, изд. 5, т. I, М., Гослитиздат, 1957, стр. 327—328)*.

Ты расскажи, как в тереме высоком... — «Соромская сказка», которую просят рассказать девушки, имеет ряд аналогий в русском фольклоре, но ближе всего — к былине «Дунай-сват» («О женитьбе князя Владимира»).

Стр. 143
«Боялися девки да серого волка...» — разбойничья, «удалая» песня. Очевидно, запись самого Островского. Варианты этой песни есть у А. И. Соболевского *(т. IV, Спб., 1898, № 707; по песеннику 1810 г.)* и у П. В. Киреевского *(«Песни в 2-х частях», ч. 2, вып. II, М., 1929, стр. 117)*.

Стр. 144
Мехоноша — ряженый, несущий мешок с угощениями и подарками до их дележа между участниками святочного колядования.

Стр. 147
«В тереме девушка умывалася...» — см. выше примечание к песне «На море утушка купалася...».

Стр. 150
Сулейка — бутылка, фляга.

Стр. 151
Закону нет глядеть невест до свадьбы... — Сведения об обычае не смотреть невест и нарушении этого обычая ради знатных и влиятельных лиц Островский мог получить из книг Н. И. Костомарова «Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях» *(Спб., 1860, стр. 159)* и Гр. Котошихина «О России

в царствование Алексея Михайловича» *(Спб., 1859, стр. 5, 124—125, 130)*. Ссылка на второе издание ее *(Спб., 1859)* дана в черновой рукописи «Воеводы».

Стр. 157
За неделю русальной...— Русальная неделя, следующая за праздником троицы, сопровождалась обрядами. По поверьям, в эту неделю в лесу «гуляют русалки» (см.: *Д а л ь, IV, 114)*.

Стр. 158
«*Уж и что же вы, робята, приуныли?..*» — вариант этой разбойничьей, «удалой» песни есть у Соболевского *(т. VI, № 458)*.

Стр. 164
Шестокрыл и Рафли — гадательные книги, которые относились к числу так называемых «отреченных», запрещенных православной церковью книг.

Стр. 166
«*Уж и полно нам, робята, чужо пиво пити...*».— Вариант песни помещен в «Сборнике песен Самарского края» В. Г. Варенцова *(Спб., 1862, стр. 50—51)* в более полной записи. Есть вариант ее у Соболевского *(т. IV, 1898, № 151)*.

Стр. 171
На море, на океяне...— Приворотный заговор Мизгиря заимствован, очевидно, из «Сказаний русского народа» И. П. Сахарова *(изд. 3, т. I, кн. 2, Спб., 1841, № 36)*.

Стр. 178
«*Ах ты, бедный еж...*».— Эта игровая песня есть в «Сказаниях русского народа» И. П. Сахарова *(там же, кн. 3, № 17)*. Островский изменил композицию, сократил песню, сохранив лишь ее начало и конец.

Стр. 179
«*Отчего начался у нас белый свет?..*» — отрывок из духовного стиха «О Голубиной книге», получившего широкое распространение и часто исполнявшегося нищими. Текст Островского наиболее близок к варианту в сб. П. Бессонова «Калики перехожие» *(вып. 2, М., 1861, № 76—83, 86—88)*.

Стр. 180
Синодик — памятная книжка, куда вписывались имена умерших для церковного поминания в молитвах.

Таванить — «грести веслами обратно, то есть от себя, и иногда одним веслом, чтобы удобнее было приставать к берегу» (пояснение А. Н. Островского в его картотеке словаря, составленного во время этнографической экспедиции по Волге; см.: *ПСС, XIII, 357)*.

Тальник — мелкие кусты ивы, растущие в низких местах.

Стр. 181
Мы оба беглецы.— Островскому, очевидно, были известны труды историка А. П. Щапова, который рассматривал пустынножителей как выразителей пассивного протеста против произвола властей (см.: *А. П. Щ а п о в, Древние пустыни и пустонножители на северо-востоке России.— «Православный собеседник», ч. 3, 1860, стр. 196—221; «Русский раскол старообрядчества», Казань, 1859* и *«Земство и раскол», вып. 1, Спб., 1862)*.

Стр. 183
Доводчик — доносчик; довóд — донос.

Затинщик — стрелок у затинного (находящегося внутри крепостной стены или вала) огнестрельного оружия.

Бердыш — топор на длинном древке.

Ослоп — жердь, дубина.

Стр. 184
Казну дуванить — делить добычу на сходке.

Стр. 185
К казакам, там целее будем; /Туда и след, там что-то гаварилось...— Намек на восстание Степана Разина.

В яру гарыта.— Формулы, употребленные здесь, воспроизводят обычный для старинных межевых и других грамот способ обозначения места. Подобные обозначения есть, например, в документах, помещенных в книге «Акты юридические, или Собрание форм старинного делопроизводства» *(Спб., 1838, стр. 173* и *183)*. Вместе с тем эти формулы и весь разговор о кладе отражают эпизод легенд о Кудеяре (Худояре), использованных драматургом при создании образа Дубровина. Предания о Кудеяре Островский, вероятно, слышал сам, так как они были чрезвычайно широко распространены в народе. Из многих легенд о Кудеяре он мог почерпнуть и образ Пустынника.

Всё нá полдень...— на юг.

Стр. 187
«*Я на камушке сижу...*».— Песня, очевидно, была записана самим Островским. Варианты этой песни, которые есть у Соболевского *(т. III, 1897, № 340)* и П. В. Шейна *(«Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п.», Спб., 1898, т. I, вып. 1, № 546)*, далеки от текста пьесы.

Сходилася правда со кривдою...— отрывок из стиха «О Голубиной книге».

Стр. 189
Была царёва дочка / На выданье, царевна Несмеяна...— Недвига коротко пересказывает волшебную сказку «Несмеяна-царевна». Текст ее есть в сб. А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки» *(вып. 6, М., 1861, стр. 283—285)*.

Стр. 191
Шугай — кофта с круглым воротом.

Стр. 192
Государыня боярышня...— Источником для причитания Олены послужила народная песня, варианты которой напечатаны у Соболевского *(т. IV, 1898, № 638—643)*.

Стр. 195
Летник — женская летняя одежда с длинными рукавами.

Стр. 196
Выпушка — обшивка, кант.

Стр. 197
Вóшвы — вставки, прошивки.

«Я по терему хожу...» — стилизация плясовой песни, созданная Островским.

Стр. 199
«А у нас в саду...».— Варианты этой песни см. у Соболевского *(т. IV, 1898, № 848, 849, 850).*

Стр. 200
Начинается сказка, починается сказка.— После традиционного зачина Недвига рассказывает народную сатирическую сказку о неправедном Шемякином суде, прерывая свое повествование мотивами других сказок и прибаутками, которые путаются в ее сонном сознании. Следуя обычному для себя приему, Островский дает небольшой отрывок широко известного произведения фольклора, полный текст которого соотносится с событиями, изображенными в пьесе. В сказке о Шемякином суде, так же как и в отрывке «Сходилася правда со кривдою», запечатлен народный протест против беззаконий и произвола властей.

Стр. 202
Шлык — чепец, колпак.

Стр. 203
Бортники — пчеловоды.

Стр. 204
Вы, тетка, чьи? — В разговорах крестьян и приезжих бортников отразились реальные факты, зафиксированные историческим документом *(см.: ААЭ, III, 248—253).* На этот материал Островский сослался в рукописи.

Струга — речные суда, гребные или парусные.

Стр. 205
Лубье — лубяной товар, изделия из тонких слоев дерева.

Мы в целовальниках идем в насадах...— в сборщиках налогов, перевозящих в речных судах (насадах) казну и охраняющих ее.

А мерны? — В беседе Ивана с Курчаем драматург воспользовался наблюдениями, сделанными во время экспедиции, когда он специально изучал быт и промысел рыбаков Поволжья.

Вы держите аль нет? — Курить вино было строго запрещено. В Указе о корчмах объявлялось: «У кого корчму вымут впервые, или кто на продажу вино курит: и на тех впервые заповеди правити по пяти рублев, а на питухах по полуполтине на человеке» *(«Соборное Уложение царя Алексея Михайловича 1649 года», М., изд. историко-филологического факультета Московского университета, 1907, стр. 188).*

Стр. 207
Клеть — здесь: чулан, кладовая.

Стр. 209
Вспомнила Егорья? — Егорий — здесь: Юрьев день, «Егорий холодный» — 26 ноября. В этот день крепостным крестьянам разрешался переход от одного господина к другому ввиду окончания полевых работ. Борис Годунов отменил это право.

Складень — здесь: складная икона.

«Баю-баю, мил внучоночек!..».— Текст песни принадлежит Островскому. Н. А. Кропачев в своих воспоминаниях писал об этой колыбельной песне: «Мотив песни подслушан Александром Николаевичем в Костромской губернии. Он с голоса сообщил его композитору В. Н. Кашперову, и тот переложил его на ноты» *(А. Н. Островский на службе при императорских театрах, М., 1901, стр. 19).*

Стр. 211

Постельное крыльцо — крыльцо дворца, на которое был прямой ход из царских покоев, имело значение приемной; здесь выслушивались просители, принимались челобитные.

Попал в Москву? Вот царские палаты...— Сцена на Постельном крыльце по своему стилю близка к сатирическим народным «действам» (см., например, статью М. М-на «Скоморохи на Руси», где сообщается о «действе», изображающем воеводу.— *«Иллюстрированная газета», 1868, 18 января)* и к сатирическим повестям XVII века, таким, как «Повесть о Ерше Ершовиче», «Повесть о Шемякином суде» и др.

Стр. 215

Повалуша — общая спальня.

Стр. 216

Любимая моя игра.— Н. С. Тихонравов, к которому Островский обращался за консультациями при работе над историческими пьесами, указал, что в «Воеводе» драматург использовал рукопись народной драмы «Лодка», в некоторых вариантах имеющую название «Степан Разин» (см.: *В. Ю. Крупянская, Народная драма «Лодка», ее генезис и литературная история.—«Краткие сообщения Института этнографии Академии наук СССР», т. 3, М.—Л., 1947, стр. 71).* Островский лишь немного обработал «Лодку», вставив часть этого народного «действа» в текст «Воеводы» (см.: *П. Н. Берков, Русская народная драма, М., «Искусство», 1953, стр. 24).*

Стр. 217

Братина — здесь: ковш.

«Вниз по матушке, по Волге...» — популярная народная песня (см.: *Соболевский, т. IV, № 550—553.* Наиболее близки к варианту, использованному Островским, № 550 и 551).

Стр. 218

Чёрни — плоские низкие берега.

Лодочка косная — легкая лодка для быстрых переездов.

Макарьевская — сделанная в Макарьеве Нижегородской губернии.

Сарынь на кичку! — клич волжских удальцов при захвате судна. Буквально означает: «Ватага, на нос корабля!»

Стр. 222

Полчетвёрта рубля — 3 рубля 50 копеек.

Стр. 223

Прикалиток — калитка.

Стр. 226

...кафтан-то смурый! — Смурое сукно — из некрашеной темной шерсти.

Стр. 236
...ни за кем бы вам не заложиться — не искать защиты.

Стр. 237
В прошлом т`ком-то году...— Грамота, которую читает Облезлов, основана на подлинном документе — царской грамоте енисейскому таможенному голове Звягину «о поручении ему в управу посадских людей, с изъятием их из-под ведомства воеводы Голохвастова, за разные его обиды и притеснения» *(АИ, IV, № 182)*. Грамота могла дать материал для характеристики Шалыгина и отношения к нему населения города.

Тягло — здесь: налог, оброк.

Стр. 238
...ехать ∽ к Москве и, приехав, явиться в костромском приказе нашему боярину...— Данное место грамоты дает основание думать, что, создавая обобщенный образ волжского города XVII века, Островский имел в виду прежде всего Кострому.

Л. Лотман

ИВАН-ЦАРЕВИЧ

При жизни автора не печаталось. Впервые опубликовано (с рядом неточных прочтений) К. Н. Державиным в сб. «Литературный архив. Материалы по истории литературы и общественного движения», вып. 3 *(М.— Л., Изд-во АН СССР, 1951, стр. 259—334)*.

Рукописные источники:

Черновой автограф *(ЧА)* — первоначальный план двух картин первого действия сказки, озаглавленный «Осиновый дух. Сказка в пяти действиях. В стихах» *(ПД)*.

Черновой автограф *($ЧА_1$)* — последующий план всех пяти действий сказки под тем же названием *(ПД)*.

Черновой автограф *($ЧА_2$)* — последующий подробный план сказки, озаглавленный «Иван-царевич. Волшебная сказка в 5-ти действиях и 16 картинах» *(ПД)*.

Черновой автограф *($ЧА_3$)* — незавершенная черновая рукопись сказки под тем же заглавием *(ПД)*.

Перебеленная рукопись (с *$ЧА_3$*) первых трех и половины четвертой картины, начатая Островским и продолженная переписчиком *(ПД)*.

Куплеты к сказке, занесенные Островским в Записную книжку *(ГЦТМ)*. Опубликованы в сб. «А. Н. Островский. Дневники и письма» *(М.— Л., «Academia», 1937, стр. 257)*. Куплеты неопубликованные *(ПД)*.

Печатается по последнему слою чернового автографа *($ЧА_3$)* с последовательной унификацией имен и прозвищ.

Замысел «волшебной сказки» (так определил ее жанр сам Островский) «Иван-царевич» относится, по-видимому, ко второй половине 1867 г. Первое упоминание о ней содержится в письме к Ф. А. Бурдину из Москвы от начала сентября этого же года. «Пьесу, о которой мы говорили,— писал драматург,— я начал и ⟨. . .⟩ скоро кончу, но прежде я найду случай повидаться с директором и спрошу

у него, можно ли мне надеяться на приличную постановку» *(ПСС, XIV, 158)*. Эти слова, по всей вероятности, свидетельствуют о том, что идея создания сказки была подсказана Островскому через посредничество Бурдина Дирекцией императорских театров (см. слова, обращенные к С. А. Гедеонову: «...я пишу ее, нисколько не думая о славе, а единственно для того, чтобы сделать вам угодное и доставить дирекции возможно большие сборы» *(«Рус. арх.», 1915, кн. 1)*. Во всяком случае, последующие слова цитированного выше письма к Бурдину говорят о том, что Островский с самого начала не придавал этому замыслу серьезного значения и готов был бросить его и заняться «трудом, который бы имел более литературного достоинства» *(ПСС, XIV, 158)*. В конце сентября 1867 г. в Петербурге состоялось личное знакомство писателя с Гедеоновым, следствием которого явилась пьеса «Василиса Мелентьева», а затем хлопоты, связанные с ее постановкой. В связи с этим до конца ноября Островский находился в Петербурге. В это же время продолжалась работа над сказкой: для Гедеонова здесь же, в Петербурге был «наскоро составлен» сценарий, озаглавленный «Осиновый дух. Сказка в 5-ти действиях. В стихах» (см. об этом *«Рус. арх.», 1915, кн. 1)*. В нем уже намечены основные элементы будущего представления и названы все персонажи. К тому же сценарий представляет несомненный интерес как пример начальной стадии работы драматурга над очередным замыслом. Помещаем его ниже полностью.

ДЕЙСТВИЕ 1-ОЕ

1-АЯ КАРТИНА.

№ 1-ый. *Мельница.* Хор работников. № 2. Старуха нищая поет балладу.— Мельник прогоняет ее и заставляет работников работать.— Расходятся с хором (повтор. № 1). Остается Кошкин сын (один).— № 3. Является Кошка (маленький дуэт). Приходят двое: Царицын сын и Девкин сын.— Кошка рассказывает, какие были заклинания волшебницы — и дает им платок (прибавляя, что его нужно свернуть и спрятать). Уходит.— Сцена троих работников. (Уходят). Является старуха и мельник. Разговор о том, чтобы погубить работников. Мельник кличет их и посылает в подполье. Пускает воду. № 4. Работники выезжают на лебедях.— Старуха садится на метлу, берет мельника и улетает за ними.

2-АЯ КАРТИНА.

Избушка на курьих ножках в лесу. Выходят работники. Кошкин сын упрекает, что они забыли платок, видит избушку.— Избушка поворачивается, они садятся на крыльцо. По их желанию является из избы обед.—Слышен стук (музыка № 5-й и речитатив). Въезжает Баба Яга. Говорит о Кащее и Царь-девице.— Он составил себе богатство взятками. Сцена между ними.— Дает им талисманы. Особый для Царицына пояс. Кольцо.— Слышна погоня.— Превращение избушки в стог сена. № 6. Старуха и Мельник. Подходят к стогу, их накрывает веревочная сеть, работники уезжают в карете. Баба Яга в ступе со смехом.

Конец 1-го акта.

ДЕЙСТВИЕ II-ОЕ

КАРТ⟨ИНА⟩ 3.

Приемные сени у Кащея. Вводят Ивана-царевича. Девкин сын, Кошкин сын, различные чиновники берут с них взятки. Они уходят. Выход Кащея. Поодиночке разговоры с женихами.— Выход придворных. Выход всех царевичей.— Выход Царь-девицы. № 7. Марш.— Сцена комическая. Заявление Кащея. Калин и Додон уходят с гневом.

КАРТ⟨ИНА⟩ 4[1].

Сад Кащея. Ночь. Объяснение царь-девицы с нянькой. Является Иван-царицын. (№ 8. Большой дуэт).— Пояс.— Уходит за талисманом.— Является Калин ц⟨арь⟩.— Прячется, потом Старуха с сыном.— Калин и Старухин сын. (Дуэт комический). Выходит Царь-девица.— Калин похищает. Девкин сын Жар-птицу. № 9. Шум. Музыка. Сходится весь двор. Хватают воров. Царь Кащей обещает отдать тому Жар-птицу, кто возвратит ему дочь.

КАРТ⟨ИНА⟩ 4

[Дворец в Бахчисарае] *Сад Кащея.* Ночь. Кошкин сын отправляется за ковром-самолетом. Иван Царицын и Девкин сын (прячутся.)— Потом Ц⟨арь⟩-д⟨евица⟩ и девка Чернавка. Поют все вместе. (Музыка). Ловят.— Кащей с ⟨*нрзб.*⟩ у ворот. Старуха и Царевич обещают достать ему златогривого коня и Жар-птицу. Оставляют ему заложника. Кошкин сын превращается в царевича.

КАРТ⟨ИНА⟩ 5

Царь-дев⟨ица⟩ и Кошкин сын в виде царевича. Сцена любовная. Пот⟨ом⟩ приход⟨ит⟩ Кащей. Она выведывает у Кащея, где его смерть. Приходит Колдун. Превращение Кошкина сына в колдуна.

ДЕЙСТВИЕ III.

КАРТ⟨ИНА⟩ 6

Бахчисарай. Калин. Евнух. Калга. Потом жены. Балет. Купцы с Калином. Жены приходят.

———————————

Ночь. Конюшня. Сцена с конюхами. Воруют и попадаются. Собираются все и Кошкин сын. Привязывают к стойлу. Коня держат. Кошкин сын превращается в коня, они улетают. Учит поймать Жар-птицу.
Приходит царь. Кошкин сын превращается в черта. Является Кошкин сын. Старуха с сыном уводят Царь-д⟨евицу⟩. Колдун угоняет работников.

КАРТ⟨ИНА⟩ 7

Индия. Лес тропический. Комическая сцена с девкиным сыном. Влезает на деревья. Выход княжны на охоту. Влюбляется в Ивана-царевича. Уводят его во дворец.

———

[1] Этот вариант картины 4-ой отброшен (см. ниже).

ДЕЙСТВИЕ IV.

КАРТ⟨ИНА⟩ 8

Храмы. Жрецы. Баядеры. Свадебная процессия. Ив⟨ан⟩-царев⟨ич⟩ ворует жар-птицу. Шум. Его ловят. Хотят варить слонам. Кошкин сын превращается в Царевича. Царевич в жреца. Уносит Жар-птицу и улетают с Девкиным сыном. Кошкин сын в слона.— Драка слонов.

9 КАРТ⟨ИНА⟩

У *Кащея.*— Приезжают, показывают ему Жар-птицу и коня. Он их обманывает. Кошкин сын вынимает смерть Кащея. Разваливается дворец [1].

10 КАРТ⟨ИНА⟩

Дикая местность, лес, скалы, ночь. Развалины. Приезжают Ив⟨ан⟩-Ц⟨аревич⟩, И⟨ван⟩ Девкин, И⟨ван⟩ К⟨ошкин⟩. Царь-девица. Девка Чернавка. Вносят Жар-птицу.— Ужинают. Старуха прислуживает. Кошкин сын собирается. Ц⟨арь⟩-д⟨евица⟩ просит у него перстень. Кошкин сын отдает. Разговор о том, что у К⟨ошкина⟩ с⟨ына⟩ нет невесты. Надевают старухе кольцо.

Д⟨ЕЙСТВИЕ⟩ V.

12 КАРТ⟨ИНА⟩

Опять мельница. Работники. К ним приходит девка Чер⟨навка⟩ и рассказывает про царя и про свадьбу. Царевич фальшивый издевается над ними. Мать его просит кольцо у колдуна.— Кошкин слышит и передает им. Они учат девку Чернавку.

13 КАРТИНА

Иван-Цар⟨евич⟩ и Царь-Девица — выманивают кольцо.
14. Свадебный пир.—
15. Кошечье царство.
16. Апотеоз.

Кроме этого сценария существовали и отдельные наброски сказки (ср. свидетельство самого Островского, писавшего Гедеонову о ходе работы: «Я пишу довольно эскизно (для того, чтобы записать все мысли, которые приходят мне в голову) и потом уже отделываю и даю произведению общий тон».— *«Рус. арх.», 1915, кн. 1).* Так, на одном из черновых листков сценария содержатся наброски диалогов, варианты хоров, отдельные реплики. Например, жалоба Кошкина сына на жизнь у Мельника первоначально выглядела иначе:

«— Вот что! А вот мы, бедные приемыши, такую муку терпим, что и сказать нельзя. Мы здесь живем с малолетства» (ср. выше, стр. 243, строки 25—28). Реплики, произносимые в окончательном тексте Девкиным и Царицыным сыном и сопровождаемые хором, первоначально предназначались одному персонажу:

«— Да еще понукает! Поталкивает в шею да подстегивает:

[1] *Далее следуют наброски к диалогам: 1.* Лети скорей. Я попался. *2.* Едва ли достанешь. Разве я помогу. *3.* (с дрожью)— Здравствуй, бабушка.

Одна у мельника забота
Спорится ль чертова мука?
И тяжела его работа
и тяжела его рука.

Да еще не кормит» (ср. стр. 244, строки 1—10). Иначе был построен хор работников:

«Дрожит плотина, стонет плёсо,
И день и ночь шумят колеса,
Волчком вертятся жернова
И ходит кругом голова» (ср. стр. 243, строки 40—43).

К таким эскизам принадлежат пять куплетов для будущей 2-й картины *(ПД)*:

1

Даст он службу нам велику
Искать царевну Милолику,
А где Кащей живет, черт знает,
Туда и ворон не летает,
Макар телят не загоняет.
К Кащею царь нас посылает.

2

Кто ж хочет быть себе злодеем?
Идти сражаться с чародеем
И торговаться с кулаком —
Быть надо полным дураком.

3

Поверь, что буду не вотще я
Искать бессмертного Кащея.

4

Клянусь, что в исполненьи долга
Как сталь крепка моя рука,
Его бессмертье ненадолго
И смерть его недалека.

5

На службу мудрого Аггея
Иду я, жизни не жалея.

Возможно, что содержащиеся в Записной книжке Островского следующие пять куплетов относятся также к ранней стадии работы над сказкой:

1

Испол⟨нит⟩ он свою угрозу,
Недаром зуд меня берет.
Вздерет, как сидорову козу,
Вздерет Иванушку, вздерет.

Ох, не уйти мне этой порки,
Недаром страх меня берет.
Вздерет злодей на обе корки,
Вздерет Ив⟨анушку⟩, вздерет.

2

Калин-Гирей, богатый хан Востока,
Ни в чем себе отказа не дает.
Он то творит по милости пророка,
Что только в голову ему придет.

Всего дороже для него забавы.
Никто не смей препятствовать ему.
Чудить, кутить лишь он имеет право
И безобразничать в своем Крыму.

Скупает он и запирает строго
В Бахчисарае сотни жен своих,
В его гареме этой дряни много,
Но хочет он, чтоб было больше их.

3

Песня

Вижу я, что без причины
Убегала я людей.
Мне казалось, без мужчины
Жить на свете веселей.

Отчего же я тоскую
В одиночестве моем?
Нет, теперь я сердцем чую,
Что приятней жить вдвоем.

Не услышит друг далекий,
Как тоскую я ⟨о⟩нем,
Как мне скучно, одинокой,
И как сладко жить вдвоем.

4

Демон

Вот.

J'ai perdu mon Euridice,
Rien n'égale mon malheur.
(Air de l'opéra «Orphée» Gluck)[1].
Потерял я Милолику,
Злу тому сравненья нет.

---

[1] Я потерял мою Эвридику,
Нет ничего равного моему несчастью.
(Ария из оперы «Орфей» Глюка).

Опостыл мне белый свет.
Злу тому сравненья нет.
Я умру от стольких бед.

Милолика, Милолика!
Не слышишь ты клика,
Страданья велика.
Я твой жених, твой любовник верный.
Ах, я в тоске беспримерной,
В тоске беспримерной.

Милолика! Милолика!
В ответ ни звука.
Тяжка разлука,
Ах, что за мука,
Мне ни в чем утешенья нет.

5

Ля иллям иль аллах.
Стряхну я в ад твою душу!
Ай, вай, иля!

Не случайно в двадцатых числах декабря этого же 1867 г. Островский пообещал комитету Литературного фонда выступить в Петербурге на вечере памяти Крылова с чтением «еще не напечатанного фантастического представления «Царь Додон» *(Л. Р. Коган, Летопись жизни и творчества А. Н. Островского, М., Госкультпросветиздат, 1953, стр. 164)*.

Разумеется, Островский не собирался читать целую вещь; по всей вероятности, речь идет об отрывке из писавшейся сказки: в помещенном выше сценарии «Осиновый дух» царь Додон — один из персонажей.

Скорее всего, именно этот сценарий и посылался Гедеонову в начале 1868 г., а уже в апреле речь шла о том, чтобы сказкой Островского открывался осенний сезон не только в Петербурге, но и в Московском Большом театре. В письме от 12 апреля 1868 г. чиновник конторы императорских театров Н. С. Назаров по поручению Гедеонова торопил драматурга «окончанием и присылкою текста, так как необходимо теперь же подумать о ее (сказки.— *Т. О.*) постановке» *(«Вест. Евр.», 1916, кн. 10)*.

В ответ на это письмо Островский просил Назарова заверить Гедеонова, что он закончит сказку к «половине мая» и что А. И. Дюбюк (приятель Островского, композитор.— *Т. О.*) согласился «набрать музыку и некоторые номера написать вновь» *(ПСС, XIV, 164—165)*. В этом же письме Островский предлагал Назарову в Московской постановке отдать роль царя Аггея М. П. Владиславлеву, а роль Ивана-царевича — актрисе Ивановой *(ПСС, XIV, 164)*.

Несмотря на заверения Островского в скором завершении сказки, Гедеонов (через Назарова) продолжал торопить драматурга и просил представить ему «хотя одно ее начало», выражая в то же время пожелание, чтобы в сказке по сравнению со сценарием был усилен «фантастический элемент» для того, «чтобы декорации и превращения больше действовали на воображение» (*«Вест. Евр.», 1916, кн. 10*). Отвечая на это пожелание, Островский писал самому Геде-

онову, обещая вскоре выслать «сцены две-три»: «Теперь я работаю, не стесняясь прежним планом и ⟨. . .⟩ употребляю все свои силы, чтобы сделать что-нибудь порядочное» *(«Рус. арх.», 1915, кн. 1)*. Вероятно, на этой стадии работы уже был готов и более пространный сценарий *($ЧА_2$)*, в котором действительно прибавилось количество «фантастических превращений», но общий тон остался прежним.

В начале мая Гедеонову была выслана первая картина пьесы; в это же время Островский отправился в Щелыково, надеясь там ее закончить.

Были написаны три действия к тому времени, как стало известно, что сказка ставиться не будет. Островский объяснял это Бурдину двумя причинами: «во-первых, потому, что я опоздал, а во-вторых, если бы я и не опоздал, так нет денег, все деньги, какие есть в дирекции, употреблены на балет, сочиненный директором. «Царь Кандавл», так что для постановки других пьес не остается ровно ни копейки» *(ПСС, XIV, 166)*.

В художественной практике Островского драматическая сказка «Иван-царевич» выглядит явлением довольно неожиданным, едва ли даже не парадоксальным. В самом деле, блестящий знаток фольклора, превосходно чувствовавший стиль и внутренние эстетические границы каждого сказочного мотива, писатель вдруг идет на явное смешение совершенно разнородных сюжетов (см.: *Н. П. Андреев, Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне, Л., изд. Государственного Русского географического общества, 1929, № 567, 667, 705, 314, 325, 442 и др.)*, вполне произвольно, по-видимому, сочетая волшебную сказку с бытовой и в изобилии «начиняя» сказочную сюжетную канву жанровыми, водевильными, опереточными — одним словом, откровенно несказочными ситуациями. Весьма неожиданным в поэтике Островского в данном случае кажется и само внимание его к этим «легким» жанрам — оперетте, феерии, ревю, к которым он всегда относился с некоторым презрением («Вот мелодрама с невозможными событиями и с нечеловеческими страстями, вот оперетка, где языческие боги и жрецы, короли и министры, войско и народ с горя и радости пляшут канкан; вот феерия, где 24 раза переменяются декорации, где в продолжение вечера зритель успеет побывать во всех частях света и, кроме того, на луне и в подземном царстве, и где во всех 24 картинах все одни и те же обнаженные женщины» — *ПСС, XII, 124—125)*. Общее влияние этих жанров на русский театр конца 60-х годов отрицать, конечно, нельзя, но в применении к Островскому такое объяснение вряд ли может быть принято.

И, наконец, еще одно. Во всем, что написал Островский, вряд ли можно найти хотя бы один пример столь явного пренебрежения основными законами драматургии, законами, которыми основатель русского театра владел в совершенстве. В сказке же «Иван-царевич», как легко обнаружить, действие невероятно осложнено, загромождено множеством «прикладных», вставных сцен, всякого рода дивертисментов и т. п.; в ней несколько самостоятельных сюжетов, весьма отдаленно между собой соотносящихся,— одним словом, драматургия здесь настолько рассредоточена и осложнена, что как таковая уже и не ощущается.

Все эти парадоксы, совершенно необъяснимые с точки зрения обычных представлений о творческой манере Островского, могут быть объяснены лишь одним — экспериментальным характером сказки «Иван-царевич».

Одной из любимейших идей драматурга была, как известно, мысль создать в Москве Русский национальный театр. «Русский театр в Москве,— писал он,— дело важное, патриотическое» *(ПСС, XII, 121)*. Главной особенностью этого театра, в представлении Островского, должна была стать его массовость, его ориентированность на широкого демократического зрителя. Рассчитывая удовлетворить потребности этого зрителя, Островский ставит перед драматическими писателями новые задачи. По его мнению, свежей публике требуются «сильный драматизм, крупный комизм, вызывающий, откровенный, громкий смех, горячие, искренние чувства, живые и сильные характеры...» *(ПСС, XII, 123)*. Одним из важных способов достижения этих качеств, и прежде всего «крупного комизма», Островский и считал сценическое обращение к комической стихии русского фольклора. «Как отказать народу в драматической и тем более в комической производительности, когда на каждом шагу мы видим опровержение этому и в сатирическом складе русского ума и в богатом, метком языке; когда нет почти ни одного явления в народной жизни, которое бы не было схвачено народным сознанием и очерчено бойким, живым словом...» — писал он *(ПСС, XII, 14)*. И в сказке «Иван-царевич» драматург попытался воспроизвести этот комизм в тех самых формах, в каких он существовал в фольклоре, искусно подчеркивая (то путем стилизации, то путем гротеска) его характерные стороны. Многое в «Иване-царевиче» идет от народной драмы — характер типизации («маски»), композиционная непринужденность, постоянная готовность к импровизации и т. д. Но вместе с тем композиционные принципы Островского здесь и гораздо шире — спектакль с самого начала замышлялся им как веселое карнавальное представление, не предполагающее вообще никаких сюжетных или комических ограничений, представление, в котором одинаково занимательны и приключения героев, и острые жанровые сценки, и злободневные куплеты, и феерические картины и т. д. и т. п.

Феерии были неотъемлемой принадлежностью театрального репертуара 60—80-х годов. Используя модный жанр, Островский стремился дать русский народный его вариант, в привычные формы вместить новое содержание, заключавшее и «крупный комизм» и «сильный драматизм» — одним словом, все то, что так необходимо было новому зрителю. И хотя сказку он так и не закончил и в дальнейшем к этому жанру более не обращался (он был для него все-таки «прикладным»), мысль о сценической обработке фольклора он настойчиво пропагандировал до конца жизни (см. письма к А. Д. Мысовской.— *«Рус. мысль», 1890, кн. XII*).

Стр. 251

Поднимают западню...— Западня — подъемная крышка над лазом в подполье.

Стр. 252

Ближний боярин.— В Московском государстве — высший чин служилого боярства, советник князя, член боярской думы.

Стр. 254

...обыгрывают и Боско и Германа.— Боско (Бартоломео) (1793—

1863)— знаменитый итальянский фокусник; пользовался известностью и громадным успехом во всех европейских столицах.

Герман—знаменитый немецкий фокусник, в 30—40-х годах выступавший в России в великосветских салонах и даже в Зимнем дворце. Современник писал о нем: «Это был поистине гений в своем искусстве и отличался еще от прочих своих собратий тем, что его не сопровождали ни лаборатория, ни помощники» *(П. П. Степанов, Воспоминания.— «Исторический вестник», 1910, № 8).*

Стр. 257

Заведет гульбу∽Вылетит в трубу.— В этих словах содержится намек на громкие купеческие кутежи и следующие за ними разорения. Материалы этого рода в 1860-е годы попадали на страницы газет и журналов. Так, в книге А. П. Милюкова «Доброе старое время. Очерки былого» *(Спб., 1872)* рассказывалось о фабриканте К..., вдруг оказавшемся после смерти отца «хозяином двенадцати или тринадцати миллионов. Разумеется, вышло то, чего и следовало ожидать: он закружился в толпе импровизированных приятелей, цыганок и танцовщиц; полилось шампанское, загремели песельники, явились тройки и рысаки — и через три года москвичи прочли в «Ведомостях», что купец К... за неплатеж гильдейского капитала выписывается в мещане» *(стр. 98—99).*

Податные люди...— При Петре I все население России было разделено на податное и неподатное. К податным сословиям принадлежали все сельские жители, а также до 1863 г. мещане, цеховые и рабочие в городах.

Стр. 258

...запишитесь лучше в гильдию.— Лицо, купившее гильдейское свидетельство, приобретало не только право торговли или промысла, но и преимущества купеческого сословия. Дворяне же, взявшие такое свидетельство, не освобождались от обязанностей и повинностей по своему дворянскому званию.

Стр. 259

«Во лесах было, во дремучих» ∽ *«Скучно, матушка, весною жить одной...».*— Варианты этих песен помещены у Соболевского (см.: *т. I, № 221* и *т. IV, № 450, 451).*

Стр. 261

Дела пытаете аль от дела лытаете?— см. прим. к стр. 129.

Стр. 262

Науки юношей питают...— Строка из «Оды на восшествие на престол Елизаветы Петровны» М. В. Ломоносова (1747).

Трюфели — род сумчатых подземных грибов.

Стр. 266

Магометовский рай.—Магомет (Мухаммед; ок. 570—632)—основатель ислама. Как известно, Магомета, страдавшего эпилепсией, во время припадков посещали видения. Так, согласно легенде, Магомет, разбуженный однажды ночью архангелом Гавриилом, совершил чудесное путешествие на небо, где беседовал с богом, ангелами, пророками (см.: *В. Ирвинг, Жизнь Магомета, Спб., 1858, стр. 89).*

Стр. 267

Кальян — трубка для курения табака через воду.

Стр. 283
Чихирь — горское вино, красное, крепкое, еще не перебродившее, идущее в переделку.

Стр. 284
Визирь (или везирь) — первый министр в арабском халифате.

Гяур — от испорченного арабского «kiafir» (язычник). Гяурами турки презрительно именуют всех немусульман.

Стр. 285
Франки. — Франками арабы называли обитателей Европы.

Стр. 286
Эфенди — господин.

Стр. 288
Азраил — ангел смерти у мусульман.

Аман — сдаюсь, помилуй, пощади *(тюркск.)*.

Стр. 289
Ханым — здесь: обращение к женщине знатного происхождения.

Т. Орнатская

КОЗЬМА ЗАХАРЬИЧ МИНИН, СУХОРУК

<Вторая редакция>

Стр. 332
...здесь не тяга...— здесь власти не захватишь; «брать тягу» — забирать власть.

Стр. 366
Климентовский острог — временное укрепление, огражденное частоколом. Климентовский острог получил свое название по церкви святого Климента, вблизи которой на Пятницкой улице (в районе нынешнего Климентовского переулка) он находился.

Таборы — здесь: лагерь, расположение войск.

Кричите: «Сергиев!» — воинский клич в честь Троице-Сергиева монастыря, монахи которого принимали участие в подготовке нижегородского ополчения.

Стр. 367
...у Яузских ворот.— Все ворота Белого города — посада, расположенного вокруг Китай-города и обнесенного каменными стенами,— были осаждены войсками ополчения, в том числе Яузские ворота, расположенные в районе улиц Солянка и Яузская. Солянка заканчивалась Яузскими воротами. Стратегический план Пожарского состоял в том, чтобы не допустить подвоза оружия и припасов осажденным в Москве полякам. Минин и Пожарский стремились добиться дисциплины войск, в том числе казаков, и их сознательного участия в военных действиях.

...у Ильи...— в церкви Ильи Обыденного на левом берегу Москвы-реки. Здесь располагались обозы Пожарского. Сам Пожарский с большей частью войска переправился в Замоскворечье, чтобы

отбивать попытки литовского гетмана Яна Карла Ходкевича прорваться к осажденным полякам и оказать им помощь.

Стр. 369
...От Крымского двора...— двор на правом берегу Москвы-реки. Назван так потому, что в нем останавливались послы и другие представители крымского хана.
...В свой старый стан, к монастырю Донскому...— Двигаясь к Москве от Вязьмы, гетман Ходкевич 21 августа остановился со своими войсками на Поклонной горе. После неудачных попыток прорваться к Москве гетман повернул свои отряды назад и передвинул их 23 августа к Донскому монастырю (построен в 1592 г.), чтобы пробиться к городу через Замоскворечье по улицам Ордынской и Пятницкой.

Стр. 370
...гетман вас погнал с Девичья поля? — 22 августа Ходкевич перешел Москву-реку у Ново-Девичьего монастыря, напал на отряды Пожарского, расположенные на Девичьем поле — равнине перед монастырем — и оттеснил их к Чертольским воротам Белого города, однако прорваться в ворота не смог и затем вынужден был отступить. Во время тяжелых боев отрядов Пожарского с конницей Ходкевича Д. Т. Трубецкой, командовавший казаками, не оказал помощи Пожарскому. Лишь отдельные отряды казаков, не дожидаясь приказа, пришли на помощь нижегородскому ополчению.

Стр. 372
Ходкевич ∽ Екатерининский свой стан покинул...— Минин с отрядом в 500 человек переправился через Москву-реку и бросился на две польские роты, стоявшие у Крымского моста. Подвиг Минина воодушевил все остальные отряды, и началось общее наступление русских войск, осаждавших Москву. Ходкевич был вынужден оставить свой укрепленный лагерь южнее Климентовского острога около церкви великомученицы Екатерины на улице Ордынке и затем ушел от Москвы.

ВОЕВОДА
(СОН НА ВОЛГЕ)
〈Вторая редакция〉

Стр. 402
...в наших палестинах...— в наших краях.

Стр. 430
Крестами поменяюсь...— то есть побратаюсь. Обмен крестами — обряд, сопровождавший братание.

Стр. 444
...с плетями /С ордынскими...— татарские плети, употреблявшиеся в Орде.

Стр. 458
Замстилось — здесь: забылось.

Стр. 493
...дал ярлык — здесь: бумага за подписью ключника, ведающего охраной, удостоверение.

Стр. 503
Поноровка — потачка, поблажка.

Стр. 508
...И ни за кем бы им не заложиться... — не уклоняться от уплаты налогов и исправления повинностей.

...запись /Поручную по нем — документ о взятии на поруки.

Л. Лотман

ИВАН-ЦАРЕВИЧ

Стр. 518
Брамин — жрец, представитель первенствующей религиозной касты в Индии.

Стр. 523
Индейская пагода — от индийского слова bhagvati (святой дом) — храм, выстроенный на открытом воздухе.

Стр. 524
Дервиш — нищий; слово употребляется мусульманами для обозначения человека набожного, который ищет спасения души в отшельнической жизни.

Т. Орнатская

З. Ф. К-Ъ

Печатается по тексту, сообщенному С. В. Максимовым в его воспоминаниях «А. Н. Островский» (см.: *«Драматические сочинения А. Н. Островского, Н. Я. Соловьева и П. М. Невежина», т. 1, Спб., «Просвещение», 1904)*.

Рукопись неизвестна.

Стихотворение написано предположительно в начале второй половины 1840-х гг. и посвящено Зинаиде Федоровне Корш. Молодой Островский посещал дом вдовы врача Московской синодальной типографии и сената Ф. А. Корша — С. Г. Корш, дочери которой были замужем за деятелями литературы: Лидия Федоровна — за А. А. Григорьевым, ведущим критиком «Москвитянина», другом Островского, а Антонина Федоровна — за К. Д. Кавелиным. Зинаида Федоровна — младшая дочь С. Г. Корш — была незамужем. С. В. Максимов утверждает, что обстоятельствами жизни Зинаиды Корш, окруженной молодыми людьми и вынужденной считаться со стесненным материальным положением семьи, навеяны Островскому некоторые сюжетные мотивы «Бедной невесты» (см.: *«Восп.», стр. 107)*. В доме Коршей были приняты литературные игры, музицирование, пение романсов.

Свою лепту в развлечения салона Коршей, очевидно, внес Островский данным стихотворением и акростихом «Зачем мне не дан дар поэта».

По воспоминаниям современников, Островский в молодости охотно принимал участие в танцах (см., например: В. З. Головина (Воронина) «Мое знакомство с А. Н. Островским» (*«Восп.», стр. 33)*. По своему стилю стихотворение Островского местами близко к поэзии Бенедиктова. См., например, начало стихотворения «Вальс» Бенедиктова:

«Все блестит — цветы, кенкеты,
И алмаз и бирюза,
Люстры, звезды, эполеты,
Серьги, перстни и браслеты,
Кудри, фразы и глаза.
Все в движеньи: воздух, люди,
Блонды, локоны и груди...»

(В. Г. Бенедиктов, Стихотворения, Библиотека поэта, Л., «Советский писатель», 1939, стр. 174).

Однако, в отличие от Бенедиктова, придающего картине бала средней руки нарочитую романтическую значительность, Островский в своем полушутливом стихотворении проявляет себя как проницательный, иронически настроенный наблюдатель. Недаром комическим чертам бала, описанного Островским в стихотворении, соответствуют некоторые эпизоды картины клубного бала в его поздней пьесе «Последняя жертва».

В конце 40-х или в начале 50-х гг. Островский прочел «Снилась мне большая зала...» на дружеском вечере («субботнике») у К. А. Булгакова — известного московского остроумца, которого посещали писатели и артисты. В его альбом Островский вписал это стихотворение. О чтении Островским стихотворения у К. А. Булгакова пишет в своих воспоминаниях С. В. Максимов *(«Восп.», стр. 104—106)*. П. Вейнберг приводит это стихотворение (без стихов 11—15) в очерке «А. Н. Островский» (в кн.: *А. Н. Островский, Полное собрание сочинений, т. X, 1909, стр. XIII—XVI)*.

Стр. 529
Кенкеты — комнатные лампы особого устройства (горелка находится ниже, чем резервуар с маслом).

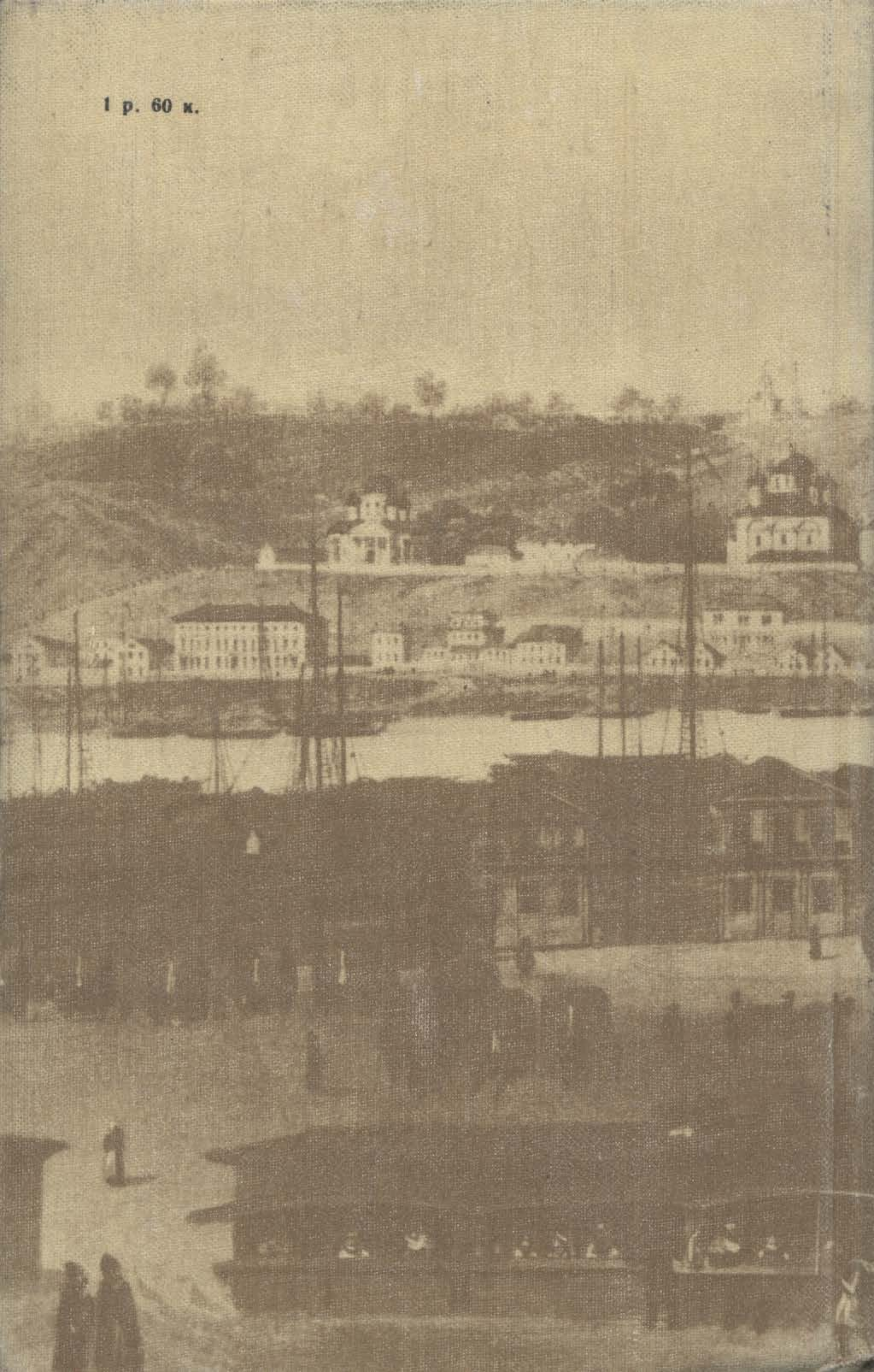
<АКРОСТИХ>

Печатается по тексту, сообщенному С. В. Максимовым в его воспоминаниях «А. Н. Островский» *(«Драматические сочинения А. Н. Островского, Н. Я. Соловьева и П. М. Невежина», т. 1)*. Рукопись стихотворения неизвестна. Написано, предположительно в начале второй половины 1840-х гг. Акростих — «Зена́ида». В тексте, приведенном П. Вейнбергом, второй стих дается в другом варианте: «И его краски и мечты?», то есть в редакции, отражающей стремление изменить в акростихе начертание имени героини «Зинаида» (см.: *А. Н. Островский, Полное собрание сочинений, т. X, 1909)*. Очевидно, посвящено З. Ф. Корш.

Стр. 530
Аврора — здесь: заря.

Л. Лотман

СОДЕРЖАНИЕ

1 р. 60 к.